

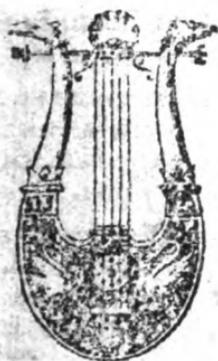
СОРЕВНОВАТЕЛЬ

ПРОСВѢЩЕНІЯ

И

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

1 8 2 5.



№ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго
Воспитательнаго Дома.

Ж У Р Н А Л Ъ

СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВѢЩЕНІЯ и БЛАГОТВОРЕНІЯ, издаешся съ 18:8 г. Санктпетербургскимъ Вольнымъ Общешвомъ Любителей Россійской Словесности.

Въ составъ сего журнала входятя слѣдующія чешыре ошдѣленія:

I. ЛИТЕРАТУРА. — Сіе ошдѣленіе будущъ составляеть:

А. Проза. — Любопытныя историческіе ошрывки; записки путешественниковъ; каршинныя описанія разныхъ предметовъ; біографія знаменитыхъ людей; нравственныя повѣсти, и всѣ сочиненія, относящіяся къ изящной прозѣ.

В. Поэзія. — Всѣ небольшія произведенія поэзіи также ошрывки изъ поэмъ, и проч.

II. НАУКИ. — Занимательнѣйшія изслѣдованія по части нравственно-политическихъ и физическихъ наукъ; разысканія древностей, особенно касающіяся до опечества нашего, и проч.

III. КРИТИКА. — Сіе ошдѣленіе предназначается для разбора всего, что можетъ бытъ предметомъ вкуса, какъ по: *лучшимъ* сочиненіямъ въ стихахъ и прозѣ, произведеніямъ опличныхъ художниковъ и п. п.

IV. СМѢСЬ. — Въ семъ ошдѣленіи будущъ помещаемы: краткія извѣстія объ опкрытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ; о вновь выходящихъ книгахъ, кошорыя должны обратитъ на себя особенное вниманіе; льпописи общества — и вообще все, что не могло войши въ прежнія ошдѣленія.

Въ печеніе года выйдеть двѣнадцать книжекъ журнала, изъ кошорыхъ каждую г. подписавшіеся

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum, miserisque succurrere disco.

1825 ГОДЪ.

Ч А С Т Ь ХХІХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
тательнаго Дома.**

№ 9783/23-3



1825
№ 1 а 2
№ 1-2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы, по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлено было въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги для препровожденія, куда слѣдуешь, на основаніи узаконеній. Генваря 1 дня, 1825 г.

*Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ
Александръ Вируковъ.*

31204/1-3

ЛИТЕРАТУРА.

ПОЭЗИЯ.

ПОСЛАНИЕ КЪ Ж.

Внушишь помысловъ прекрасныхъ и
высокихъ,
О ты, чей дивный даръ плѣняетъ умъ и вкусъ,
Наперсникъ счастливый не баснословныхъ
музъ,
Но истины святой и пайнъ ея глубокихъ!
Къ тебѣ я наконецъ въ сомнѣннѣ прихожу.
Давно я съ грустию на жребій нашъ гляжу:
Но силъ недостаешь рѣшительнымъ отвѣ-
помъ,
Всю правду высказать передъ неправымъ
свѣтомъ.

Въ младенческіе дни, когда ни взоръ, ни
 слухъ
 За тѣсный нашъ предѣлъ съ заботой не
 спремятся,
 Когда намъ рѣзвыя забавы только снятся,
 И пламени спрасстей не знаешь крошкѣй духъ,
 Зачѣмъ уроками возвышенныхъ дѣяній
 Съ душой роднишь полпу чарующихъ мечтаній?
 Смощри на юношу, какъ жадно ловишь онъ
 Движенье, взглядъ, иль звукъ, гдѣ чувство
 промелькнуло!
 Счастливецъ молодой, онъ видишь милый сонъ:
 Еще его надеждъ ничто не обмануло.
 Душа напоена и шѣмъ, что свято есть,
 Чло за предѣлъ земной всѣ мысли увлекаетъ,
 И шѣмъ, что изрекла въ законахъ вѣчныхъ
 чещь,
 И шѣмъ, что нѣжный вкусъ, что спрогой
 умъ питаешь;
 Свобода, слава, долгъ на поприще зовущъ;
 И выбранъ жизни пушь: пришла пора же-
 ланій;
 Тамъ дружба и любовь въ объятія насъ ждущъ
 Съ богатствомъ пылкихъ чувствъ, сихъ ми-
 лыхъ намъ спяжаній.
 Мечты прелестныя, чистѣйшій огонь души,
 Не изходише вы изъ спѣнъ, гдѣ освящали
 Упѣхи крошкѣя и крошкѣя печали!
 Останьшеса навѣкъ въ невѣдомой пищи!

На жизненномъ пиру, въ веселыхъ сонмахъ
 свѣша,
 Не ждите вы себѣ ни мѣша, ни привѣша!
 Бездушные рабы смѣшныхъ уму забавъ
 Не знаютъ нужды въ васъ: они свой санъ
 презрѣли,
 И, посмѣяніемъ все лучшее поправъ,
 Идутъ своимъ путемъ безъ мыслей и безъ
 цѣли.

Какое чувство шамъ удался раздѣлитьъ,
 Гдѣ встрѣшился съ шобой или шупъ, или не-
 вѣжда,
 Гдѣ жребій швой рѣшишь поклонъ, или оде-
 жда,
 И гдѣ позволено лишь глупость говорить?
 Оспрадно ли душѣ, желаньемъ увлеченной
 Возвышенной любви и милыхъ сердцу узъ,
 Любовію старать къ красавицѣ надменной,
 Для коей швой нарядъ есть разумъ швой и
 вкусъ?
 Я съ горемъ оцѣнилъ сей пышный цвѣтъ
 природы,
 Сихъ похищительницъ веселья, сна, свободы,
 Ихъ сладость голоса, искусство ногъ и рукъ:
 Наружностью одной глаза онѣ плѣняютъ.
 Такъ вазы чистыя предъ зеркаломъ сіяютъ; і
 Но загляни, что въ нихъ: огарокъ, или паукъ.

Одинъ несчастный былъ: онъ, голодомъ
 изнуренный,
 Въ ужасной нищетѣ добыча мрачныхъ думъ,
 Непризнанный никѣмъ и дружбою забвенный,
 Судьбы не побѣдилъ, и свой ушрашилъ умъ.
 Но въ памяти его оспалоса желанье
 Онъ глаза лютого себя предохранять:
 Онъ камни счелъ за хлѣбъ, и счалъ ихъ сбе-
 регать,
 И съ благодарностью онъ бралъ ихъ въ по-
 даенье,
 Когда безъ умысла игривою толпой
 Съ симъ даромъ вкругъ него дѣшей, собрался
 рой.
 И что же наконецъ? Онъ, бременемъ помимой,
 Упалъ, и подавленъ былъ нашею любимой.
 Вошь спрашныи жребій нашъ! Ослѣплены ме-
 чтой,
 Мы съ наслажденіемъ спѣшимъ въ свой вѣгъ
 молодой
 Обогащивъ себя высокимъ и прекраснымъ;
 Но, можешъ бышь, какъ онъ, съ сокровищемъ
 опаснымъ,
 Погибель только мы найдемъ въ пуши своемъ,
 И преждевременно для счастья съ нимъ умремъ:
 Оно къ земнымъ бѣдамъ свои бѣды прибавишь,
 Разсудокъ омрачишь и сердце въ насъ разда-
 вишь.



АНДРОМАХА.

Быспро флотъ Агамемнона,
На развишыхъ парусахъ,
Ушекаль опъ Иліона,
Обращеннаго во прахъ.
На закапъ свѣшъ румяный
Мраку ночи усшупаль;
Рогъ серебряный Діаны
Въ спящемъ морѣ шрепешаль.

Воннъ, бранью упомленной,
Опочивши по шрудахъ,
Край олчизны ошдаленной
Видълъ въ сладостныхъ мечшахъ.
Только легкіе порывы
Въшровъ, спутниковъ судамъ,
Только кормчаго ошзывы
Разносились по водамъ.

Андромаха, въ грусти слезной,
 Сквозь синѣющій шуманъ,
 Взоръ вперя на брегъ любезной,
 Брегъ фригійскихъ злчныхъ спранъ,
 Гдѣ безмолвною могилой
 Взяшь ея супруга прахъ,
 Къ нимъ неслае душой унылой
 И сненала шакъ въ слезахъ:

„Ахъ, померкнулъ пронъ Пріама,
 Ахъ, померкнулъ онъ навѣкъ,
 И паденіе Пергама
 Торжествуетъ люшый Грекъ!
 Пали мощные герои,
 Какъ подъ градомъ цвѣшь луговъ,
 И величье гордой Трои
 Будешъ баснею вѣковъ.

„Тщешно Зевсъ-громодержитель
 Рать Данаевъ отражалъ;
 Тщешно, брани возбудилъ,
 Марсь пвердыни защищаль:
 Чась, назначенный судьбою,
 Съ бурнымъ мщеніемъ пришекъ,
 И священною главою
 Иліонъ на прахъ легъ.

„Вижу, вижу ужась боя;
 Вижу смерти мрачный пирь:
 Брань неисповая, воя;
 Гонишь прочь веселый мирь;
 Съ адской радоспью когцами
 Крошккую оливу рвешь,
 И надъ грозными полками
 Смрадный пламенникъ прясешь.

„Гекторь, Гекторь мой любезной!
 Ахъ, куда себя спремилъ
 Сила груди дерзновенной!
 Храбросилъ спрѣлъ не опшрашилъ:
 Тамъ Пелопса горды внуки,
 Тамъ коварный Одиссей,
 Тамъ Аяксы жаждушь руки.
 Омочишь въ крови швоей.

„Горе, горе мнѣ несчастной!
 Тамъ Пелея сынъ молодой,
 Мышцей, взорами ужасной,
 Мчяпся гибельной грозой:
 Передъ нимъ бѣгушь дружины,
 Какъ предъ вихремъ роковымъ;
 Ахъ, супругъ мой, шы ль единый,
 Ты ль посмѣешь бишься съ нимъ!

„Щипь печальнаго Пергама,
 Тронься горесшью моею,
 Тронься воплями Приама
 И младенца пожалѣй!
 Ты не внемлешь: ахъ, жестокий,
 Кто жь несчастнымъ будешь щипь,
 Кто ихъ слезные попоки
 И спраданье ушолить!

„Разлученная съ шобою,
 Гдѣ покоемъ наслаждусь?
 Гдѣ безсчастной головою
 Безопасно я склонюсь?
 Ахъ, смягчишь ли видъ мой блѣдной
 Чуждыхъ хладныя сердца!
 Нѣтъ ни машери убѣдной,
 Нѣтъ ни добраго ошца!

Въ Плакѣ, вѣнчанномъ лѣсами,
 Обладатель Гешеонъ
 Правиль сильными мужами:
 Но, увы, погибнулъ онъ
 Подъ десницею Ахилла!
 Машерь, плѣнница врага,
 Въ рабствѣ шагостномъ изныла:
 Гробъ ей чуждые брега.

„Ты бѣжишь: но, ахъ, ужь поздно!
 Прилетѣлъ ужасный мигъ;
 Злобный врагъ несется грозно:
 Свѣшь, бѣги отъ глазъ моихъ!
 Смерти хладная обитель,
 Дай спушить на швой мнѣ прагъ!
 Стой, суровый побѣдитель,
 И почши холодный прахъ!

* .

„Закапились очи ясны;
 Блѣдны алыя уста;
 Спрашенъ прежде видъ прекрасный
 И завяла красота;
 Борзый конь кипитъ и мчишь,
 И кровавою струей
 Поле бранное багришь:
 Видъ ужасный для очей!

* .

„Скоро ль, скоро ль часъ кончины
 Мнѣ пошлетъ всеильный рокъ;
 Я избуду злой кручины;
 Слезь изсякнешъ горкій покъ;
 Тамъ, въ жилищѣ безмяшежномъ,
 Вновь я сына обрѣшу,
 И опять въ супругъ нѣжномъ
 Счасье прежнее найду?“

* .

Жертва горести и страха,
Въ сонмѣ плачущихъ подругъ,
Такъ снела Андромаха:
Все безмолвно было вокругъ;
Рогъ серебряный Діаны,
Погружаясь, померкаль,
И денницы свѣтъ румяный
На восшокъ возрасаль.

Загорскій.



Р О М А Н С Ъ.

„Посмотри: закашъ румяный
Весь пылаешъ ошъ огней;
Дымомъ шелюпся шуманы
Вдоль пущѣющихъ полей,
И, подъ сѣнію дубравной
Разливая голосъ плавной,
Восхищашъ соловей.

„Море пихо; вѣшеръ свѣжій
Чуть стекло его рябишь,
И рыбаць, разкинувъ мрежи,
Безопасно въ лодкѣ спишь.
Сядемъ въ челнѣ: пускай за нами
Море пѣнными клубами
Руль шумящій избраздитъ!“

И садится съ Ниной милой
Дафнисъ въ легкій челночекъ:
Бѣлый парусъ легкокрылой
Надуваетъ въперокъ;
Шашкѣй челнъ лешитъ стрѣлою;
Руль шумитъ, и за кормою
Пѣнный слѣдъ буграми лѣгъ.



КЪ ЮНОШЬ.

О другъ, ты посѣпилъ мой кровь уединенной:

Ты нуженъ былъ душѣ моей.

Несчастенъ я: одинъ ты дѣлишь съ ней
Мучительную спрасъ любви нераздѣленной;

Печаленъ пушь моихъ унылыхъ дней.

Ты счастливъ: на твоихъ щекахъ алѣютъ
розы;

Я вяну: грустенъ мой, веселый прежде, духъ;
Въ глазахъ пылающихъ оспановились слѣ-
зы:

Дай выплакать печаль, моей печали другъ!

Не обольщай меня несбыточной мечшою,

Картиной счастья не мучь!

Пусть сердце, полное губительной тоскою,

Разшарываешь грусть! Исчезнь, надеждамъ
лучь

Онъ скрываетъ въ душѣ, сей лучъ безумныхъ на-
дежды:

Ахъ, счастье, другъ, и ягадывашь дер-
заль!

Разочаруй меня, разрушь мой идеаль!

И съ нимъ пусть смерть моя закроетъ
вѣжды:

Я живу безъ счастья уснать.



С Т И Х И,

написанные на стѣнѣ подѣ строгкою зна-
комой руки.

Конечно ангель красота
Госпиль въ сей хижинѣ безвѣспной:
Я вижу милья черпы
Руки знакомой и прелеспной.
Не знаю, долго ль на спѣнахъ
Онѣ здѣсь могутъ сохраниться;
Но, пишешъ что она въ сердцахъ,
То никогда не исшрещишъ.

А. Кр. . .

П Р О З А.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА КАТЕРЬ.

(Отрывокъ изъ записокъ N. N.)

Задумчивый, онъ часто по кладбищу
При склонѣ дня ходилъ среди крестовъ:
Его поскѣ давало пицу
Спокойствіе гробовъ.
Знашь, гробъ ему предчувствіе сулило!
Уже ланипъ румяный цвѣпъ пропаль;
Ихъ горе блѣдностью покрыло...
Несчастный увядалъ.

Жуковскій.

Ослѣпительные огни Пешергофскаго праздника начинали погасать; пора было думатьъ объ отправленіи по домамъ: и наше общество начало къ тому распорядиться. Софья Л. была приглашена къ родственницѣ своей въ Кронштадтъ; нѣкоторыя изъ общества, въ томъ числѣ и я, также съ нею: и потому Пешербургская половина повѣхала въ нашихъ эки-

пажахъ въ городъ, а мы всё опдались попеченію Аркадія Брасова, молодаго флотскаго лейшенанта, на кашеръ котораго должны были ошправиться. Общество наше соспояло изъ Софьи, Черниговскаго помѣщика Дрибницкаго, который назвался съ нами, Брасова, меня съ двоими маленькими братьями, и сестры Софьи съ мужемъ, шяжело раненымъ въ ногу артиллериспомъ. Они оба пріѣхали недавно въ Пешербургъ и присоединились къ намъ уже на гуляньѣ.

Мы шли къ кашеру попихоньку, какъ по собственной усалосши, такъ и по сообществу нашего инвалида. Чувствованія, занятыя шумомъ и блескомъ, и впечатлѣніе, которое вообще остаешся послѣ эшаго праздника, сдѣлали насъ молчаливыми. Одинъ только Дрибницкій смѣялся; перебѣгадъ отъ одного къ другому, думая смѣшить насъ своими остроуми и замѣчаніями. И въ самомъ дѣлѣ мы улыбались; Софья иногда даже смѣялась изъ состраданія: одинъ только безпришворный артиллеристъ морщился отъ любезностей Дрибницкаго.

Не знаю, почему люблю я особенно Пешергофскій праздникъ. Можешь бышь, шоржешво само по себѣ имѣешь еще новую для меня прелесть, гдѣ волненіе множества людей разныхъ лицъ, націй и соспояній, непринужденность и великолѣпіе, очарованіе огней, смѣшенный шумъ народа, воды, музыки; гдѣ песпроша одежда, влеченіе толпы, забвеніе самага себя; даже самые шолчки въ шѣсношѣ мнѣ нравящся. Можешь бышь, посѣщая каждогодно Пешергофъ съ самой юности, я приучился съ каждымъ праздникомъ припоминая многія эпохи жизни моей. Я не забылъ перваго восхищенія; помню шоржешво первой моей свободы; помню чувствованіе дружбы, впервые меня шамъ проникшее; какъ шеперь вижу подлѣ себя на эшомъ праздникѣ шу, которую впервые избрало мое сердце. Всѣ пріянные и забавные случаи живо представляются моему воображенію. Не могу безъ удовольствія вспомнить прошлогдняго пупешествія, какъ въ обществѣ наняли мы маленькой домикъ и, расположась по всѣмъ угламъ, сараамъ и черда-

камъ ночевашь, не оставили ни одного свободного мѣста для туалета одной со- рокалѣшной дѣвицы, съ нами бывшей; переночевавъ, она скрылась на чердакъ; шамъ ее пошревожили извоцики, шедшіе съ пѣснями завтракашъ; опшуда спря- тавшись въ карешу, она думала кончипь свои наряды, но, лишь только спокойно разположилась съ баночками и пузырька- ми, пѣже извоцики, ничего не зная, пришли мазашь колеса: и лишь шолько спряхнули вагою карешу, она, качнувшись набокъ, ошворилась, и бѣдная дѣвушка, съ одною шолько бровью, съ одною нарумя- ненной щекою, въ спальномъ неглиже, вы- прокинулась вонъ при глазахъ всего об- щешва, давно ее ожидавшаго къ чаю.

Вспоминая сіи произшестввія, думалъ я, чѣмъ кончипься нынѣшняя наша повѣд- ка, и не замѣпилъ, какъ, прошедь каналъ, мы приблизились къ кашеру. Вѣшерь, ка- залось, былъ шихъ; но Брасовъ обрапилъ наше вниманіе на начало занимавшейся зари, обѣщавшей, по его словамъ, крѣпкой вѣшерь: и въ самоиъ дѣлѣ на горизонтѣ показался родъ зарева, кошорое, освѣщая

красноватымъ свѣтомъ края облаковъ, бросало нѣсколько кровавыхъ полосъ по остальной части неба, закрытой густыми тучами, видимо двигавшимися надъ головою. Было время рассеѣта, но темнота увеличивалась; и хотя вѣтеръ не волновалъ моря за берегомъ, но верхушки деревь шумѣли и качались примѣпно.

Аркадій обратился къ дамамъ: „моя обязанность, говорилъ онъ, предупредить васъ, что, выѣхавъ изъ - за берега, мы встрѣшимъ свѣжій вѣтеръ, который усилился еще болѣе, какъ я замѣчаю. Не вижу опасности, какъ морской человѣкъ; но обязанъ сказать, что проѣдемъ долго и покачаемся крѣпко, покуда доберемся до Кронштадта. И такъ, ежели вы боитесь, я велю разбить палашку, и мы остановимся здѣсь, покуда погода спихнетъ: но если рѣшаесть ѣхать; я готовъ исполнить ваше желаніе и, не взирая на препятствія, употребить всѣ усилія доставить васъ до мѣста. }

Дамы начали колебаться; мушкетеры, не разумѣя опасности, были того мнѣнія,

чтобы скорѣе убраться до бури. Дрибницкой, всегда находившей удовольствіе прошиворѣчь и особливо Аркадію, съ насмѣшкою сказала: „не забудьте, г. Брасовъ, что съ нами есть дѣши, копорыхъ можно испугашь. Если вамъ не угодно ѣхашь самимъ, ошдайше намъ кашерь, мы шакже сбережемъ дамъ; что же касается до общей безопасности, то насъ повезушъ шѣже мапрозы.“

Дрибницкій цѣлый вечеръ спарался досаждать Брасову; но Брасовъ, копорый хладнокровно ошражалъ всѣ его колкости, съ прежнимъ равнодушіемъ ошвѣчалъ: „я въ повелѣніяхъ Софьи Алексѣевны, копорая если и поѣдепъ, то вѣрится конечно мнѣ, а не вамъ и не мапрозамъ. Ваша бодрость сомнишельна, г. Дрибницкой! Я увѣренъ, что на морѣ вы заговорите другое.“

Въ женщинахъ есть особенная какая-то рѣшительность, копорая произходитъ иногда не столько отъ твердости души, сколько отъ мягкосердія. Софья уже наскучилъ Дрибницкій своими нѣжностями; ей непріятно было видѣть, что

онъ безпрестанно задиралъ Аркадія, и по-
тому она превозмогла свой страхъ, и, по
внушреннему убѣжденію, которое заеща-
вляло рѣшиться на повѣзку, чѣмъ оп-
равдать слова Аркадія, а можешь бышь,
чѣмъ имѣшь случай наказашъ Дриб-
ницкаго, объявила, чѣмъ не боишься вѣдшъ,
вѣряясь Брасову. Казалось, Дрибницкому
надобно было радовашься, чѣмъ рѣшеніемъ
Софьи побѣда осшалась на его сторонѣ;
однако же духъ прошиворѣчія и въ семъ
случаѣ видимо сдѣлалъ его недовольнымъ;
онъ замолчалъ, но скорая рѣшительность
Софьи ему замѣтно не нравилась; онъ
угадывалъ ея мысли.

Вошли въ кашеръ; поставили мачшы;
опшвалили опъ берега; подняли паруса;
пошли. Вътеръ дулъ почпи въ лицо, такъ
чѣмъ паруса нашнянушы были вдоль каше-
ра, кошорый, наклонившись на бокъ, съ
шумомъ рѣзалъ воду.

Мы всѣ молчали; каждый заняшъ
былъ своими мыслями и разсмапривалъ
своихъ шоварицей. Брасовъ, завернув-
шись въ шинель, спокойно сшопрѣлъ впе-
редъ; Дрибницкій, усшремивъ нѣжной

взглядъ на Софью, ожидалъ, кажешся, что бѣ и она на него взглянула; инвалидъ, наклонившись за бордъ, смотрѣлъ на пѣну; жена его дремала; Софья съ недовольною усмѣшкою смотрѣла въ сторону, избѣгая взглядовъ Дрибницкаго; маленькіе братья мои спокойно ужинали, сидя на палубѣ. Машинальное равнодушіе маэпрозовъ, пошхоньку разговаривавшихъ между собою, и легкое колебаніе капера, располагало душу къ нѣкопторой безпечности.

Я люблю такіа путешесствія съ людьми, кошорые мнѣ нравятся: но въ эту минупу казалось, что даже Дрибницкій для меня не лишній, пошому что онъ живѣе ошпѣнялъ удовольствіе своимъ привязчивымъ и безпокойнымъ характеромъ, и тѣмъ болѣе, что спараніе по-нрависься Софьѣ удерживало его въ должныхъ предѣлахъ. Не удивительно, что она нравилась Дрибницкому: не будучи красавицей, она была хороша шолько, что бѣ назвашься милою, какъ шолько женщина мила бышъ можешъ; оригинальность характера, черные, блестящіе внутреннимъ огнемъ глаза, непринужденность въ об-

ращеніи и особенная женская прелесть, состоящая изъ смѣшенія гордости и любезности, своенравія и разсудительности, давали привлекательность всѣмъ ея посшупкамъ и словамъ, часто спраннымъ, но всегда оправданнымъ какимъ то совершенствомъ ихъ послѣдствій. Мужъ ея, съ копорымъ она недавно возвратилась изъ одного опдаленнаго порта Россіи, былъ человекъ съ отличными качествами по службѣ; дѣла, занимавшія его въ Петербургѣ, помѣшали ему изъ Петергофа ѣхать съ нами.

Сестра Софьи, полная и даже полноватая блондинка, была весьма пріятной наружности и веселаго нрава; она цѣлый вечеръ занимала все наше общество. Полковникъ Пронскій былъ ея вполнымъ мужемъ; прекрасныя качества обоихъ составляли ихъ взаимное счастье: флегма мужа ни сколько не мѣшала живости жены, и Пронской первой радовался всѣмъ ея замысловатымъ проказамъ.

Мнѣ казалось но я не хочу говорить, можешь бышь, несправедливыхъ догадокъ скажу только, что Бра

совъ заслуживалъ бытъ любимъ всѣми. Я познакомился съ нимъ недавно въ домѣ Софьи Л., и хопя слышалъ о немъ прежде, какъ о чловѣкѣ живомъ, веселомъ и особенно любезномъ, но проспоша въ обращеніи и молчаливость съ перваго взгляда не показывали въ немъ ничего необыкновеннаго; онъ говорилъ немного, однако жъ мало по малу какой то душевный жаръ, впрочемъ примѣпно имъ умѣряемый, разливалъ во время рѣчи краску по блѣдному его лицу; глаза блиспали, черныя оживлялись, и сила выраженій давала особенную пріятность немногимъ словамъ, съ чувствомъ имъ произносимымъ. Оптѣнокъ меланхоліи на лицѣ давалъ ему видъ задумчивый: и хопя веселыя слова другихъ не оставались безъ опѣшна улыбки; но чаще выраженіе фізіономіи спановилось важнѣе при мысляхъ печальныхъ. Еспь въ наружности чловѣка нѣчто изображающее его внутренность; можно по малѣйшимъ движеніямъ, взору, поступи, выраженію голоса видѣть и распознавать чловѣка; я зналъ Аркадія мало: онъ говорилъ очень немного; но все

обнаруживало предо мною его душу; все показывало, что онъ испыталъ какое нибудь несчастіе, которое изображалось во всѣхъ его чертахъ и словахъ и привязывало къ нему вниманіе. Такой человекъ хотя и не заботился о впечатлѣніи, имъ производимомъ; но воспоминаніе о немъ долго преслѣдуетъ каждого прошивъ воли; такъ было и со мною: я полюбилъ Аркадія.

Въ противоположность сему характеру былъ Дрибницкій: онъ былъ недурень собой; но фізіономія его имѣла что то непріятное: бѣгающіе глаза безпрестанно съ лукавствомъ успремлялись на шего, или на другаго, и не могли вынести ничьего взгляда; всѣ ухватки и слова показывали въ немъ фальшиваго и злаго человека. Онъ видѣлъ, что поѣхали въ Кронштадтъ совсѣмъ не по его убѣжденію и не могъ скрыть неудовольствія; однако же, расчешши, сколько онъ могъ бытъ смѣшенъ въ этомъ случаѣ, рѣшился пришвориться, что принимаетъ за наличныя деньги согласіе съ его мнѣніемъ. „Не колдуете ли вы на море, чтобы оправдать свои пророчества, ска-

заль онъ Аркадію шушлывымъ пономъ, и не хотите смолрѣшь на насъ, конечно съ досады, что сдѣлалось по моему, а не по вашему предложенію? Правѣ, г-да морскіе очень спранны, продолжалъ онъ, обращаюсь къ намъ; чуѣаки въ общеспвѣ; они хѣтятъ по крайней мѣрѣ взялъ въ немъ перевѣсь на счепъ своей искренности и справедливости; я не видалъ ни одного изъ моряковъ, копорый не говорилъ бы увѣришельнымъ пономъ.“

„Чудаки, повшорилъ хладнокровно Аркадій, не обращая вниманія на прочія слова Дрибницкаго: это правда. Въ общеспвѣ шакъ привыкли почишашъ насъ чуѣаками, что надобно слишкомъ превосходишь другихъ, слишкомъ бышь умнымъ, чтообы въ мнѣніи общемъ спашъ шолько въ рядъ съ обыкновенными людьми.“

„Не надобно шого приписывашъ уму, что можешъ посшавишь васъ моряковъ наравнѣ со свѣшскими людьми, сказалъ Дрибницкій: недоспашокъ обращенія, вѣчная жизнь по маленькимъ городкамъ, суровая служба дѣлаюшь васъ очень спранными въ кругу большаго свѣца. Я знаю,

что эпошъ-шо недоспашокъ хошите вы замѣнишь вашею разсудительностію, вашимъ ко всему хладнокровіемъ, очень похожимъ на безчувственность.“

„Безчувственность наша, возразилъ Аркадій съ улыбкою, есть не что иное, какъ презрѣніе къ дурному, или нежелаіе гнашся вмѣстѣ съ толпою за шѣмъ, что ей кажешся хорошимъ. Что же касается до нашего провинціализма, смѣю васъ увѣрить, что ежели наши характеры шероховатѣе, ежели у обтерпныхъ свѣпскихъ людей; ежели вамъ не нравися наша искренность, которая заставляешъ насъ говорить то, что думаемъ: за то и слова и чувствованія наши надежнѣе. Дерево, посаженное въ городѣ, подрѣзывается со всѣхъ сторонъ: снизу, чтобы не задѣвалъ мимохожихъ сучьями; сверху, чтобы не заслоняшъ свѣпу, сплавившся красивѣе: но оно не развѣвается величественно при вѣтаніи вѣтра, не прошивоспанешъ само-собою бурѣ, поддерживаемое до старости чужими подпорками; никакъ не найдешъ подъ нимъ шѣни, никакъ не укроелся ошъ непогоды.“...

Какая мудреная и замысловатая метафора! Я не понимаю этого высокаго дерева, перехватилъ Дрибницкій, сдѣлавъ удареніе на словѣ дерево: ежели смотрѣшь по его вершину, то надобно такъ загибашь шею, что свалился шляпа.“

„Такъ скидывайте же ее добровольно передъ такими деревьями, возразила Софья.“— „Нѣтъ, отвѣчалъ прежнимъ тономъ Брасовъ, я бы лучше не совѣщовалъ на нихъ смотрѣшь: у кого шея привыкла гнуться къ низу, тому опасно давать ей другое направленіе.“

Всѣ улыбнулись. Дрибницкій поблѣднѣлъ съ досады и гошовилъ отвѣчашь Аркадію, но Пронская прервала разговоръ. „Господа, сказала она, вы всѣ хвалились своими чувствованіями: этому надобны примѣры. Я предлагаю для сокращенія пуши каждому расказаць испорію своего сердца, и тогда мы сами разсудимъ, кому надобно ошдать преимущество. Г. Дрибницкій, вы упрекаете другихъ въ холодности: значитъ, вы не подвержены этому упреку; значитъ, вы любили. Начиште же расказомъ вашей люб-

ви; такой разговор пріятнѣе займешь насъ женщинъ, шѣмъ болѣе, что мы слышали спорною нѣкоторыя ваши пріключенія.“ Всѣ въ одинъ голосъ приступили къ Дрибницкому, и онъ, ободренный такимъ вниманіемъ общества, а болѣе извѣстностію его подвиговъ въ свѣтѣ, принялъ на себя довольный видъ, снялъ шляпу и началъ повѣствованіе такимъ тономъ, который показывалъ его доброе о самомъ себѣ мнѣніе. „Посмотри, сказалъ мнѣ по шихоньку аршиллеристъ; онъ такъ много почищаетъ себя, что не иначе говоришь о своей особѣ, какъ съ открытою головою.“

„Я не могу хвалиться, говорилъ Дрибницкій: надобно, чтобы другіе оцѣнили мое сердце; но если по награжденіямъ можно судить о заслугахъ человека, то я могу представить многія доказательствъ, которыя буду свидѣтельствовать въ мою пользу; я хочу быть скромнымъ, а расскажу только одинъ примѣръ, до какой степени я постояненъ и переплывъ въ моихъ наклонностяхъ. Чашы-

ре года тому назадъ, въ бытность мою въ Москвѣ, я узналъ одну молодую вдову, которая только два мѣсяца схоронила своего мужа. Съ изряднымъ состояніемъ, съ очень недурнымъ лицомъ, она была веселаго нрава, шушлива до шалости, оспра до лзвительности: и хопя я видѣлъ лучшихъ красавицъ въ Москвѣ; но она умѣла привлечь меня своею ловкостію: сполько, что я сдѣлался совершенно ея плѣнникомъ. Своенравіе моей вдовы не имѣло предѣловъ: нешерпѣливостъ моей спрасши спребовала признанія. Она опдалала даже о шомъ разговоры. Я швердиль о любви, она смѣялась ей; я предлагалъ руку свою, она не хопѣла и слышашь о шомъ прежде окончанія шраура по шакомъ мужѣ, кошораго вовсе не любила выданная по неволѣ. Словомъ, эшо была женщина съ добрымъ сердцемъ, романическою головою и самымъ причудливымъ характеромъ: но эшо мнѣ и нравилось. При всей ея вѣспренности, она пезволила мнѣ надѣяшьяся; что годъ шраура будетъ срокомъ испышанія. И въ самомъ дѣлѣ эшомъ годъ былъ моею пыш-

кою. Она заставляла меня дѣлать невѣроятныя шалости: я давалъ по ея заказу праздники, на которыхъ она никогда не бывала, не смотря на свои обѣщанія; ѣздилъ, ходилъ, бѣгалъ, мерзъ и мокнулъ по ея порученіямъ, не слыхавъ ошъ нея ни когда благодарнаго слова. И тогда, какъ всякой другой давно бы бросилъ искапельства, я, подкрѣпляемый любовью и поспоянствомъ, непоколебимо преслѣдовалъ вдову, и наконецъ началъ думать, что вижу нѣкоторыя признаки надежды, которыми она меня польстила. Срокъ, назначенныймо ему искусу, былъ еще далеко: я просилъ по крайней мѣрѣ ея поршреша; она обѣщала, но съ условіемъ, которое хотѣла объявить отдавая. Настало время; мнѣ показали поршрешъ, превосходно написанный и чрезвычайно похожій, всмалвленный въ глухомъ медальонѣ. „Даю вамъ это изображение, говорила вдова, съ тѣмъ только, чтобы вы не открывали медальона во время моего отсутствія: это будетъ послѣдняя моя прихоть и послѣднее ваше испытаніе. Теперь позвольте запереть извѣстнымъ мнѣ образомъ“. Она

вышла и возвратилась вскорѣ съ медальономъ, запертымъ шакъ плотно, что не видно было ни пепли, ни пружинки. Эта вещь, сказала она съ лукавымъ видомъ, заключаешь въ себѣ мою и вашу участь и служишь вамъ изъясненіемъ моихъ сокровеннѣйшихъ мыслей. Вручая ее вамъ, подтверждаю условіе открывъ не прежде будущаго свиданія. Я былъ вѣнъ себя, и распался съ нею въ полномъ удовольствіи, удивляясь только безразсудности пребыванія. Получишь поршпрешъ, и вмѣсто того, чтобы въ минуты разлуки утѣшашься любезными чертами, мнѣ вѣрно было на нихъ смотрѣть тогда, какъ я могъ глядѣть съ большимъ удовольствіемъ на оригиналь: но я привыкъ къ спраннымъ, покорился необходимости, и что же вы думаете? На другой день я не нашелъ уже въ Москвѣ моей вдовы она уѣхала куда? . . . никому неизвѣстно. Всѣ мои спранія, всѣ поиски остались безплодны. Сначала я думалъ, что это было также испытаніе своенравной вдовушки; но оно слишкомъ было жесто-

●

ко и слишкомъ продолжительно. Я развѣдывалъ, узнавалъ, спрашивалъ знакомыхъ и незнакомыхъ: она какъ будто исчезла съ земли. Съ тѣхъ поръ не знаю о ней ничего, но порешить всегда со мною. Часто приходило мнѣ въ голову открыть его; но я всегда удерживался надеждою встрѣпиться съ любезною, и если не напомнишь ей объ обязательсвахъ, по крайней мѣрѣ упрекнуть мимъ посюансшвомъ. Пришомъ же, признаюсь, упрямый медальонъ, кошорый пропивился моимъ покушеніямъ, а болѣе странность исторіи, заставили меня сохранишь его до сихъ поръ неоткрытымъ въ знакъ моего шериѳнія и посюансшва. Вошь онъ, продолжалъ Дрибницкій, вынимая изъ бумажника медальонъ. Теперь судише, заслуживаешь ли вдова бышь забышою, а я лучшей награды, если въ сосюаніи буду плѣнишься новымъ досшойнѣшимъ предметомъ? Съ симъ словомъ Дрибницкій бросилъ иѣжно-влюбленный взглядъ на Софью и хопѣлъ продолжашь, но Пронская прервала его: „могу-ли полюбопышшсшвовашь, сказала она

съ насмѣшливымъ видомъ, и посмошрѣшь вещь, такъ долго служащую памяшникомъ неизмѣнности вашихъ чувствованій? “ Дрибницкій съ видомъ удовольствія вручилъ ей медальонъ, который вдругъ къ удивленію нашему открылся въ рукахъ Пронской. Софья ахнула; Дрибницкій бросился къ портрету; Пронская, захохотавъ, вытащила ошшуда бумажку и ошдала ему пусшой медальонъ назадъ. „Какой же эшо портретъ, сказала она: здѣсь кромѣ записки нѣтъ ничего. Bravo, продолжала Пронская, поднимая полу капернаго зоншика, чшобъ лучше прочиташъ записку: эшо ваше изображеніе, г. Дрибницкій, а не вдовы . . . послушайше, господа, чшо здѣсь написано.“

„Г. Дрибницкій очень миль, нѣженъ, въ любви, имѣешъ всѣ достоинства, и ошдинъ шолько недосшадокъ, чшо не умѣешъ лучше притворяться и не достигъ совершенства въ наукѣ обманывать. Женщины любящъ, чшобъ ихъ проводили икуснѣ: и пошому вдова, на которой г. Дрибницкій хочешъ женишся, не можешъ простишь ему, чшо не умѣлъ, да-

„же въ то время, какъ сватался за ея де-
 „ревни, скрываетъ своихъ волокитшствъ
 „за княжною Прыжковой, полковницею
 „Увядиной и испальянкою Корналини. По
 „сему самому, она, давъ эптошь первый
 „урокъ въ шакой полезной наукѣ, жела-
 „еть ему счаспiя и добраго здоровья...
 „Подписано: Вѣрова. . . “

Какъ! . . . Вскричали мы всѣ въ одинъ
 голосъ, устремя глаза на Пронскую . . .
 Эпо вы, Надежда Алексѣевна? . . .
 „Да, опвѣчала она, точно я. Не серди-
 шесь, г. Дрибницкiй! Вы видите предъ со-
 бою несчастную женщину, копорую судь-
 ба и горесь слишкомъ наказали за эптошь
 посшупокъ, давъ ей эшу немного шяже-
 ловашую дородность, причину того, что
 вы меня не узнали, выдавъ прежде спрой-
 ной красавицей, и въ шраурѣ, закрывав-
 шемъ половину моего лица.“ . . .

Присшпыженный Дрибницкiй, опкрывъ
 ропъ и успавивъ неподвижно глаза, ис-
 каль словъ къ своей зашщѣ и въ недоу-
 мѣнii силился улыбнуться опъ смѣха.
 Эшо объясненiе какъ элекприческимъ у-
 даромъ разорвало всѣ связи присшойно

спя и взбунтовало общество. Вскорѣ жъ Дрибницкій, ободренный общемою веселостию, вмѣсто того, чѣмъ со снѣда ки-нувшись въ воду, вступилъ въ нашъ концертъ, копорый кончился тѣмъ, что герой, насмѣявшись досыпа надъ собою и пробормосавъ какія то невнятные оправданія, принялъ опять свой надежный видъ, какъ будто съ нимъ ничего не бывало.

„За исторіи, г-да, за исторіи, начала вершопрашная Пронская. Г-нъ Дрибницкій разскалъ лучшее свое похождение, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшую часть моего романа. Теперь долженъ разсказывать муж мой; его исторія пояснитъ нѣкоторое наше недоразумѣніе. Извольте начинать, г. инвалидъ!“

„Мой разсказъ недологъ, опвѣчалъ полковникъ. Я любилъ Надежду Алексѣевну еще въ дѣвцахъ; но насъ разлучили: ее выдали прошивъ воли; я ушелъ въ походъ. Возвращаясь раненный изъ кампаніи, узналъ я, что она овдовѣла; писалъ къ ней, и, получивъ въ отвѣтъ, что она не была меня и не пренебрежешь хворымъ

солданомъ, прїѣхаль въ Москву, увезъ ее оштуда къ себѣ и женился. Вопшь все.“

„Настоящая Цезарева реляція, сказала Пронская. Теперь, г. задумчивый мореходецъ, ваша очередь ; а за вами и черноглазая Софья конечно не ошкажешся опшь исновѣди.“

„Я не могу разсказать ничего сполько забавнаго, какъ г. Дрибницкій, ни споль корошкаго, какъ супругъ вашъ; а шеперь нашу дорогу надобно сокращашъ чѣмъ нибудь веселымъ.“

„Ничего, продолжала сестра Софьи, повѣрьте, что мущинамъ это будетъ все равно; а я и Софья, за которую могу ручашься, мы обѣ шакже ошошно можемъ плакать, какъ и смѣяшьяся.“

Всѣ начали упрашивашъ Брасова, кромѣ Софьи, которая одна не говорила ни слова; даже флегматической полковникъ убѣждалъ его; мнѣ хотѣлось шакже покороче узнать Аркадія.

„Ежели я буду разсказывашъ что нибудь изъ своей жизни, ошвѣчалъ Брасовъ, шо для шного шолько, чтобы показашъ, до какихъ несчастій можете доводитъ насъ

безразсудная любовь и неоспорожная молодость, кошорой пылкія спрасши не обузданы спрогими правилами добродѣшли. Но это сдѣлаешъ мало чесши мнѣ, а другимъ вѣрояшно не доспавишь удовольствія.“ Онъ окинулъ глазами общеспво . . . взглядъ его оспановился на Софѣ.

„Почему же, сказала она, вышедъ изъ своего забвенія и какъ бы шоропясь ошвѣчашъ на его безмолвный вопросъ. Вѣрная испорія челошвческаго сердца можешъ бышь занимашпельна для каждаго. Говорише, Брасовъ, я повшорю съ сеспрою: мушцинамъ все равно, а женщинамъ пріашно слышашъ о томъ, чему бываюшъ онѣ причиною. Раздѣляя сердце свое со счастливымъ и сожалѣя о несчастномъ, въ томъ и другомъ случаѣ онѣ равно гордяшся чувспшованіями, ими внушенными.“

Всѣ подтвердили мнѣніе Софьи. Аркадій приготошвился говоришь, но прежде всшалъ, осмошрѣлъ кругомъ горизоншъ: и хошя волненіе спановилось больше и кашерь качался замѣшнѣе, по мѣрѣ того, какъ мы выходили изъ-за берега; но спокойный видъ Брасова заспавлялъ

насъ думатьъ, что собственное его предсказаніе о бурѣ не сбудется. Онъ сказалъ пошхоньку нѣсколько словъ унперъ-офицеру, сидѣвшему на рукѣ, и началъ слѣдующее:

Въ двадцать два года я уже любилъ. Милая дѣвица гошовилась ондашь мнѣ руку; но, по воззванію опечесивенной войны, я долженъ былъ распашься съ нею и отправиться на флотъ въ Англію. Разлука усилила спрасшь, и я чрезъ два года лепѣлъ на родину, воображая прижашь милую къ сердцу: но вѣсть о ея смерти встрѣшила меня на порогѣ опечесива. Не спану говоришь, что я почувствовалъ: шолько Петербургъ сдѣлался мнѣ прошивенъ. Я перемѣнилъ мѣсто службы; уѣхалъ въ одинъ отдаленный поршь; искалъ шамъ спокойствія сердцу, и изнемогалъ подь бременемъ скорби.

Къ счастію, или къ несчастію, шамъ познакомился я въ домѣ одного чиновника, кошораго жена, милая, умная женщина, принимая участіе въ горести моей, слушая мои рассказы, мой любовный бредъ, раздѣляя печаль мою, непримѣшно

возвратила спокойствіе душъ огорченной. Я пріучился понемногу къ ушѣшеніямъ, копорыхъ сначала не хотѣлъ слушать; привыкъ считать потребноспію души дружбу той особы, копорая съ такимъ снисхожденіемъ принимала участіе въ печали моей. Я ожилъ; но новая жизнь, принадлежала милой изцѣлительницѣ. Сперва необходимость, потомъ привычка, за нею дружба, открывшая мнѣ всѣ прекрасныя качества новаго моего друга, молодость наша, заразительный ядъ часпыхъ свиданій въ продолженіе полугода, возродили въ сердцѣ моемъ новыя чувствованія, копорыя шѣмъ сильнѣе пуспили корни, что сѣмена ихъ заронились шуда непримѣшно, росли и усиливались: а я думалъ, что люблю только друга, благодѣлительницу, за ея участіе, за мое изцѣленіе, за мою невѣспу; не примѣчалъ ничего за собою, и образъ ея носился безпреспанно въ моемъ воображеніи, въ самыхъ свѣжихъ и блестящихъ краскахъ, подлѣ образа, моей невѣспы. Но краски послѣдней были слабы въ сравненіи съ первыми; вскорѣ

блѣдность ихъ предсказала мнѣ одну только тѣнь, одну мечту, воздушное существо, которое временно показывалось и вскорѣ исчезало при появленіи милого мнѣ образа. Самое имя друга моего не выходило у меня изъ головы: даже на шапкѣ, который завели въ помѣ городѣ охотники и гдѣ я былъ актеромъ и декорашоромъ, имя ея появлялось на всѣхъ кулисахъ и декораціяхъ, мною рисованныхъ: деревья, гирлянды, шrankи, развѣлины въ каменьяхъ переплешаясь изображали ея вензель. Воображеніе, въ задумчивости и развѣяніи, водило рукою моею, и я радовался, что непримѣннымъ для другихъ образомъ это любезное имя встрѣчалось со мною повсюду.

Но вскорѣ порывы пылкихъ чувствованій и томленіе души открыли мнѣ состояніе сердца. Я ужаснулся; разсудокъ возмутился; все заговорило пропавъ, но было поздно: я уже любилъ страстно. Долго я боролся съ самимъ собою, употребляя двойныя напряженія, пошому что чувствованія мои усиливались замѣтною привязанностію милой особы.

Любви скрыть нельзя: самое стараніе избѣгать другъ друга, наша задумчивость, исчезнувшая веселость, разрывъ искренности, все вразумляло меня о положеніи нашихъ сердець. Шестъ мѣсяцевъ провелъ я въ мучительной борьбѣ, гнушаясь страстію своею и увеличивая ее безпрестанными усиліями. Наконецъ (не осуждайте меня: въ этомъ пламени швердось добродѣтели расплавляется и жало совѣсти шупѣеть) наконецъ всѣ убѣжденія благоразумія не могли меня оснавливать болѣе; въ бѣшенствѣ изступленія открылся я въ любви. Слова мои, какъ искры пылающаго сердца, испугали скромную подругу моего несчастія. Я не зналъ самъ, чего шребовалъ; хотѣлъ шолько любви, одного сосшраданія; хотѣлъ шолько, чшобъ она знала мои мученія: но женщина имѣла болѣе меня швердоссти, и я сталъ жертвою своихъ желаній. Мрачное уныніе заступило мѣсто веселости: шшраданія раздирали сердце; блѣдность покрывала лице; преждевременныя морщины прошнянулись на впалыхъ щекахъ; глаза угасли; внутренній огонь изсушилъ чле-

ны. Мое положеніе было ужасно; спрада-
 нія велики; они опзывались въ сердцѣ мо-
 ей любезной: но добродѣтель все еще
 споржествовала. Наконецъ мое опчаяніе
 заспуило мѣсто силы; я рѣшилъ прео-
 долѣть себя; думалъ, что, переспавъ
 швердишь о спраспи, испреблю о ней
 и воспоминаніе: бросился между по-
 варищей, хопѣлъ бышь веселымъ, но
 веселость моя была бѣшена и сердце
 разрывалось. Всѣ изумлялись; никто не
 зналъ причины моего изступленія. Ча-
 сто, исчезая изъ шумныхъ обществъ, ла-
 зилъ я по крушымъ утесамъ крѣпости;
 дикія скалы черныхъ камней, угрюмыя
 спѣны бастіоновъ, доспавляли мнѣ ка-
 кое по неисповое спокойствіе. Иногда,
 сидя на берегу моря, по нѣскольку часовъ
 смопрѣлъ на волненіе, съ жадностію слу-
 шалъ ревъ прибоя на камняхъ; иногда,
 какъ безумный, бросаюсь въ небольшой
 лликъ, выѣжалъ одинъ въ опкрышое
 море и не хопѣлъ никого сдѣлать уча-
 стникомъ моего свирѣлаго удовольствія
 боронься съ бурями и гибелью.

Вскорѣ силы мои исшощились. Без-

сонница овладѣла мною; утрюмость моя возрасла до такой степени, что я сдѣлался даже несносенъ съ шѣми, которые ко мнѣ приближались; искалъ уединенія и ненавидѣлъ всѣхъ, нарочно, или нечаянно желавшихъ меня разсѣять. Не могу описать мученія безсонницы: я спарался упомишь себя движеніемъ, чтобы призвать покой и сонъ, меня бѣжавшій; но упомленіе увеличивало волненіе крови, и шесть недѣль я не могъ сомкнуть глазъ. Ночи были совершенною мукою: дикія мысли, ужасныя чувствованія преслѣдовали меня неопшшупно; кровь кипѣла, сердце билось, въ ушахъ начинался шумъ, волосы подымались дыбомъ, въ глазахъ спановилось свѣшло такъ, что я могъ видѣть около себя всѣ предметы въ какомъ-то красноватомъ свѣтѣ; въ это время мнѣ чудилась по полу и по спѣнамъ кровь, шпажной слукъ, выспрѣлы; даже, во время сильнѣйшихъ припадковъ безсонницы, казалось мнѣ, что изъ глазъ моихъ сыпались искры и освѣщали носившійся предо мною образъ любезной и ужасной мнѣ особы. Послѣ того волнующійся свѣшъ

исчезалъ, глаза пошемнялись; на грудь на-
 легала несносная пягосшь; дыханіе зами-
 рало; я не могъ пошевелишь ни однимъ
 членомъ, не могъ вздохнушь, и впадалъ въ
 нѣкошорой родъ безчувствія, продолжав-
 шагося по нѣскольку минушь. Это былъ
 не сонъ, не забывчивосшь, пошому что я
 помнилъ себя въ сіи минушы: эшо была
 полько невозможносшь ослабѣвшаго со-
 спава повиновашься усиліямъ чувствво-
 ваній. Мгновенный опдыхъ, придавая не-
 многія силы тѣлу моему, возобновлялъ съ
 ними и мученія.

Такое положеніе не могло бышь про-
 должишельно. Товарищи, не зная причины
 болѣзни моей, заключили, что я лишился
 разсудка, и начали преслѣдовашь меня
 мѣрами къ моему излѣченію. Въ самомъ
 дѣлѣ я былъ близокъ къ безумству: свѣшъ
 спалъ мнѣ прѣшивень; люди несосны;
 самъ себѣ я сдѣлался ненависшенъ; даже
 мысль о любимой мною женщицнѣ зажигала
 весь адъ въ душѣ моей; вѣра оспавила
 меня; мысль о самоубійствѣ предспавилась
 душѣ непримѣшно. Сперва я ужаснулся;
 пошомъ она, возобновляясь чаще, приучи-

да наконецъ считашь ее оправдою. Я поспѣшилъ исполненіемъ и рѣшился кончить несносныя спраданія, которыя увеличились еще несноснѣйшими преслѣдованіями шоварицей.

Въ сей рѣшимости разсудокъ мой, казалось, возвратился, но за шѣмъ только, чтобы мнѣ распорядиться послѣдними минушами. Я жилъ съ шоварицемъ, который давно примѣчалъ за мною. Мои приговоренія, письма, писшолешы не скрылись опгь бдишельныхъ взоровъ друга: онъ не зналъ, чему приписать мою перемѣну и рѣшился ближе наблюдать за мною.

Наспалъ день рѣшишельный. Я вышелъ рано, и помышленіе о спрашномъ шагѣ, долженшвовавшемъ перевести меня въ вѣчностъ, вызвало заглушенныя чувствованія о Богѣ. Я молился со слезами, впервые облегчившими мое сердце; но ни самая вѣра, ни шеплая молишва не могли пробудить мысли о пресшупленія, къ кошорому гошовился. Я забылъ, или не хошѣлъ помнить, что смершное забвеніе назначено не для души, и ежели она без-

смершна, шо разрушеніе брэннаго состава не можеть излѣчить ея въ вѣчности. Совѣсть моя давно уже представляла спрасть мою, устройшую несчасіе двухъ существъ, ужаснѣе всякаго преступленія, на какое я могъ опважись; и такъ я просиль небо только о швердоспи въ исполненіи намѣренія.

Вышедъ изъ дома, я взялъ пистолеты, и оставиль въ незапершой шкапулкѣ письмо къ виновницѣ моей смерши съ приложенною запискою къ другу о доставленіи по надписи. Моя мерзвенная оцѣпенѣлость сего утра, ранній выходъ, незапершая шкапулка, въ кошорой, вмѣсто лежавшихъ пистолетовъ, другъ мой нашель письмо, объяснили ему шайну. Онъ бросился за мною за городъ, зная, что любимое мѣсто моихъ прогулокъ было между развалинами взорваннаго пороховаго магазина на берегу моря: в дѣйствительность онъ нашель меня тамъ, гдѣ печальное зрѣлище обломковъ и разрушенія шакъ прилично было моему положенію и намѣренію.

Я пришель туда съ совершеннымъ

спокойствіемъ духа, обратился еще разъ къ городу; припомнилъ все, что оставлялъ на этомъ свѣшѣ; спалъ на колыни еще разъ помолиться Богу и приспавилъ пистолешъ къ сердцу. . . здѣсь у меня пошемило въ глазахъ. . . рука дрогнула. . . выстрѣлъ раздался, и я упала безъ чувствъ. . .

Опамятовавшись, я была на рукахъ друга. Онъ предупредилъ самоубійство. Въ самую ту мину, когда я готовъ былъ спустить курокъ, онъ успѣлъ ударить меня по рукѣ: пистолешъ выстрѣлилъ, но пуля взяла другое направленіе. . . миновавъ груди и оставивъ на ней легкую рану, она пробила мнѣ мякоть лѣвой руки выше локтя и вылетѣла насквозь.

Но эшто выстрѣлъ сдѣлалъ мое. . . Армадій останоуился. Внимательные взоры его успремились на горизонтъ; онъ сдѣлалъ знакъ уншеръ-офицеру, и, обращясь къ намъ, сказалъ: „не испугайтесь: погода скоро зашумитъ; но эшто ничего.“ Въ самомъ дѣлѣ мы, заняшыя разговоромъ, не примѣшили, что погода разы-

гывалась сильнѣе, а съ лѣваго бока неслась черная туча шакъ скоро и низко, что казалось, будшо она капишся съ неба въ море. Въ ту же минушу порывъ вѣтра дунуль съ шакою силою, что катеръ положило бокомъ. Испуганный Дрибницкій вскочилъ и ухватился за противный бордъ; обѣ дамы закричали; встревоженныя дѣши смотрѣли на всѣхъ съ безпокойствомъ; я, признаюсь, хотя наружно и хотѣлъ казаться бодрымъ, но внутреннее движеніе страха измѣняло моимъ словамъ, которыми ободрялъ своихъ спутниковъ. Арпиллеристъ молчалъ; одинъ Аркадій равнодушно просилъ насъ успокоиться и приказалъ сначала убавить задняго паруса, или, какъ онъ говорилъ, *взять рифъ*, потомъ у передняго. Машрозы спокойно отправляли свое дѣло: одни держали веревки, другіе управлялись съ парусамъ; казалось, что страхъ нашъ кончился первымъ испугомъ; мы начали привыкать къ наклоненію катера, но вдругъ насъ качнуло такъ сильно, что катеръ, не успѣвшій подняться носомъ отъ набѣжавшаго вала, вмигъ залеснуло

водою Брызги полетѣли къ намъ; и всѣ повскакали съ мѣспъ въ страхъ и безпорядкѣ. Дрибницкій замеръ, держась за кашерный зоншикъ. Аркадію удалось снова успокоить насъ; онъ самъ взялъ руль, послалъ унтеръ-офицера на носъ для успѣшнѣйшаго исполненія его приказаній, и намъ казалось уже при сихъ распоряженіяхъ гораздо безопаснѣе.

Однако же погода усиливалась; наспушила новая ночь; волны ходили горами; можно было думать, что съ каждымъ наклоненіемъ опрокинемся. Дрибницкій, дрожаль всѣмъ шѣломъ; при каждомъ разѣ когда волны обливали насъ, или флюгеръ на большомъ парусѣ наклонялся съ кашеромъ до воды, Софья вскрикивала, но успокаивалась доводами Брасова, которой говорилъ, что теперь, прошедши за половину дороги, возвратимся споль же безпокойно и сполько же займетъ времени, какъ итши впередъ, попому что вѣтеръ, при оборотѣ назадъ, все равно будетъ съ бока, и что вѣшать въ Кроншпадѣ гораздо лучше, нежели къ берегу, окруженному мѣлами и усѣянному ка-

нями, къ кошорымъ опасно приближашь-
 ся за темнопою. Бѣдная сеспра Софья
 лежала на палубѣ почти безчувственна
 ошъ сираха и морскаго припадка шош-
 ношы; я сирадалъ шѣмъ же, но сирахъ
 былъ сильнѣе болѣзни, и я изъ совершен-
 ной прусосши хошѣлъ казашься бодрымъ.
 Всѣхъ спокойнѣе сидѣли инвалидъ, зани-
 маясь временно женою, и мои брашья, ко-
 шорые, ободрясь видомъ Аркадія, довшрчи-
 во разговаривали съ мапрозами, лежа на
 лавочкахъ кашера. Наконецъ заревѣла на-
 стоящая буря; насъ бросало какъ щепку;
 каждая волна или поддавала въ кашеръ, или
 шакъ его наклоняла, что онъ гошовъ
 былъ захвапншъ краемъ воды, кошорую
 и безъ того ошливали безпрешанно. И-
 иногда кашеръ какъ будшо выскакивалъ
 на воздухъ, или бросался къ низу шакъ
 спремишельно, что у меня занимался
 духъ. Дрожащіе гребни волнь возносились
 выше нашей мачты; мракъ удвоился;
 ревъ бури, свистъ веревокъ и спенанія
 женцинь сосшавляли совершенную кар-
 шину бѣдствія. Вдругъ качнуло сильно:
 Дрибницкій схвашился за руку Брасова,

копорою онъ держаль руль, и въ шу минушу кашерь черпнулъ бордомъ . . . вода съ шумомъ бросилась подъ ноги наши . . . два всура, кошорыми вычерпывали изъ кашера, были вырваны изъ рукъ гребцовъ: всѣ вскочили . . . даже мапрозы . . . наши крики заглушали бурю. Брасовъ општолкнулъ Дрибницкаго, кошорый надѣлалъ эшу превогу: но Софья потеряла всю бодросшь; сила характера ее оставила; первое движеніе было бросишься къ Аркадію и просишь его воропишься. Теперь поздно, я не могу, я не долженъ этаго дѣлать: корощко опшвѣчалъ онъ, не сводя глазъ съ парусовъ. Она замолчала: но чрезъ нѣсколько минушь, когда съ силою качнуло вновь . . . вскричавъ: „мы утонемъ; выпущишьпеше меня! . . .“ съ сими словами, въ заблужденіи ужаса, сдѣлала движеніе бросишься черезъ бордъ кашера . . . мы вскрикнули . . . Аркадій, подлѣ копораго она сидѣла, схватилъ ее лѣвою рукою, не выпуская изъ правой руля. . . . „Ваше благородіе, вскричалъ унперъ-офицеръ: полкатера воды, а намъ нечѣмъ опливать.“ . . . „Какъ не спыдно говоришь о

такой бездѣлицѣ, ошвѣчалъ хладнокровно Аркадій; развѣ нѣшь у васъ фуражекъ?“ И вмигъ мапозы принялись за работу. Лежавшая на палубѣ Пронская должна была поднѣшья; разслабленная, со стеманіями умоляла она Аркадія ворошиться; Софья плакала, потеряла все присушствіе духа и при каждомъ размахѣ, будшо лишенная разсудка, бросалась за бордъ, какъ бы ища спасенія внѣ капера, на которомъ была въ опасности. Успокойтесь, говорилъ Брасовъ, ее поддерживая: вы видите обыкновенныя явленія бури; послѣдній же случай еснъ только слѣдствіе шрусоспи Дрибницкаго, который чущь не вырвалъ у меня руля; я бы охотно, возвратился; но шѣже ужасы встрѣшашъ насъ и гораздо больше займутъ времени, чтобъ приближить насъ къ опасному берегу. Но опчаянныя женщины, не внимая ничему, плакали; мы съ Пронскимъ уговаривали ихъ, какъ могли; дѣши же, усшавъ отъ ходьбы, спали посреди всеобщаго смяпенія. Изспупленіе развязало языкъ Дрибницкому: онъ придвинулся къ Аркадію; но шощъ очень сурово

сказаль ему, что велишь своимъ гребцамъ держашь его за руки, если онъ шронеть его шеперь пальцомъ. „Смотри, продолжалъ Аркадій, дѣши, за кошорыхъ шы боялся, спяшь, и не знаюшь спраха, а шы? . . . “ Я боюсь не за себя, прерваль Дрибницкій, миѣ жалко другихъ, вѣдь одинъ шы безчувшвенный, съ желѣзною душою, можешь бышь спокоень, когда каждая волна гошова погложишь насъ; не уже ли шы не сжалишься надъ женщинами, не шронеться ихъ просьбами, не пощадишь дѣшей и захочешь погубишь всѣхъ насъ? Видишь ли ужась Софьи Алексѣвны, несчастное сосшоянїе ея сесшры? За нихъ, а не за себя прошу шебя“ . . . Новая волна прервала его слова . . . Ай, ай, шону . . . я шону, говорю шебѣ, злодѣй, вскрикнуль Дрибницкій, закрывая глаза. Софья вскрикнула также, но при всемъ спрахѣ не могла удержашься ошъ смѣха; Аркадій улыбнолся; женщинамъ сродно боялься, сказаль онъ, но швол прусоспѣ, Дрибницкой, заслуживаетъ большее наказанїе; впрочемъ, повѣрь миѣ, что я также не хочу шонущь, какъ и шы. „Неправда,

варваръ, возразилъ Дриблицкій, котораго слова, перерываемыя дрожью, полились рѣкой, неправда, вы изверги человеческого рода, моряки, заклались противу всѣхъ чувствованій; вамъ ничто жизнь другихъ, ничто своя гибель; изъ упрямства только хочешь попишь насъ; жалю, что выспрѣль, о которомъ ты говорилъ, не проспрѣлялъ твоей глупой головы; твоей нелѣпой, жалкой разсказъ, въ которомъ не кспани разхвастался своими чувствованіями, свелъ тебя опять съ ума; не думаешь ли, что мы съ тобою въ томъ негодномъ городишкѣ, участники твоего сумасшества и выѣхали капапья на лодчонкѣ, чтобъ вмѣстѣ упонуть? Ай, ай . . . знаю, что ты поклялся моею гибелью . . . но ты будешь опивчашъ за то Богу и правительству, тѣмъ болѣе, что мнѣ нельзя сего дня понуть . . . имѣя при себѣ важныя должностныя бумаги . . . При всемъ страхѣ нашемъ, слова сіи прерваны были общимъ смѣхомъ; даже полумертвая Пронская хохотала; Дриблицкій закрылъ лице руками и въ

испощеніи силъ опустился ко мнѣ на плечо, ничего не замѣчая.

Но буря не переставала, вѣсперь дулъ съ жестокостию; машпозы опливались безпрестанно; Софья скрыла лице свое на груди Аркадія, чпобы не видѣшь качки, и плакала; сеспра ея лежала головою на колѣняхъ мужа; Дрибницкій поднялся и началъ опять, но уже въ новомъ шонѣ: „Аркадій, любезный Аркадій, пощади насъ, умоляю шебя! . . Не уже ли шебѣ несродна жалость, не уже ли шы не можешъ предспавишь горести родныхъ о нашей потерѣ? Тебѣ конечно нежалъ своей машери, потому чпо у ней оспанешся еще машеро, но вспомни, чпо я одинъ въ семействѣ; вы всѣ ѣдетѣ для удовольствія, по надобности, одинъ я жершва своей глупости. Зачѣмъ я повкалъ! Сжался надъ нами, сжался надо мною, Аркадій! Видишь ли слезы мои?“ „Не мѣшай мнѣ приспашь къ берегу, любезный Дрибницкій, сказалъ Аркадій, тогда я буду плакать съ тобою, ежели угодно; шеперь извини, мнѣ нѣкогда.“

Равнодушіе Аркадія внушало довѣренность; видъ его между нами совершенно противорѣчилъ общему безпокойству. Выше всѣхъ на кормѣ, сидѣлъ онъ спокойно, упершись ногою въ бордъ, и правая рука на руль, а лѣвой поддерживая Софью. Шинель, сваливаясь съ плечъ, развѣвалась повѣшрру. Глаза всѣхъ усшрремлены были на него: и хошя невольныя движенія сшраха извлекали мгновенныя крики у женщинъ, но и у нихъ не было опчальнiя; я побѣждалъ свой ужась, не былъ безнадеженъ и налицѣ Брасова почерпалъ новыя силы къ борьбѣ съ самимъ собою. Такова сила духа надъ слабостію: я былъ даже въ сосшоянiи уговаривашъ жалкаго Дрибницкаго, но онъ совершенно пошрерялся. Были даже минуты, въ которыя наблюдалъ я каршину бури, дѣйсшвія ужасовъ на наши чувствва и прекрасное выраженіе спокойствiя во всей фигурѣ Аркадія. Мнѣ казалось, что человекъ возноштся выше естешства, когда онъ силою духа своего похищашъ торжештво надъ эшою погибельной сшпидіей.

Еще съ четверть часа повспорились между нами сцены ужаса и смѣха. Горизонтъ нѣсколько прочистился; Кроншпадтъ едва былъ видѣнъ въ мрачности; мы двигались медленно; вдругъ порывъ вѣтра дунуль съ такою жестокостію, что брызги съ верхушекъ волнъ, подобно дождю, скрыли ошь насъ окрестности; они неслись тамъ быстро, что ударъ каждой капли по лицу рвалъ его. Опять разнеслась мрачность, и мы увидѣли, что порывъ сей, перемѣнивъ направленіе вѣтра, перемѣнилъ направленіе пуши и согналъ насъ ниже Кроншпадта. Аркадій обратился къ намъ: поздравляю васъ, сказалъ онъ, хотя вѣтеръ усиллся и перемѣнился такъ, что нельзя поспѣть въ Кроншпадтъ, куда безразсудно шеперь съ моей стороны будетъ добиваться, но перемѣна позволяешъ воропиться въ Петергофъ. Угодно ли? Въ одно мгновеніе слова сія ободрили перенуганныхъ женщинъ; Дрибницкій будпо ожиль, и я, признаюсь, отдохнуль отъ ужаснаго насилія, которое дѣлалъ себѣ, чтобы не походить на Дрибницкаго.

Долой гротъ, свалите мачту, убирайтесь скорѣе: закричалъ Брасовъ. Парусы захопалъ, кашерь запряся и подъ однимъ переднимъ парусомъ покашился носомъ вправо. Позвольте предостеречь васъ, продолжалъ Аркадій, можешь бышь, при поворотѣ качнешь сильнѣе, еще обольешь водою, но это будетъ мгновенно, въ послѣдній разъ и шѣмъ кончашся наши страхи. Въ самомъ дѣлѣ, когда кашерь спалъ поперегъ въпра, жестокой ударъ волны далъ ему такой шолокъ, что мы едва усидѣли на своихъ мѣстахъ, но никто не вскрикнулъ, всѣ смотрѣли на Аркадія. Кашерь оборотился и съ ревомъ понесся ошъ набѣгающихъ валовъ. Аркадій съ шрудомъ могъ править рулемъ обѣими руками. Софья была ошдана мнѣ на попеченіе.

Два часа слишкомъ бились мы до мѣста нашего поворота, и въ двадцать минушь долешѣли до Пенергофа: сшоль жестоко гналъ насъ въшеръ. Въ гавани спустили парусъ и вышли на берегъ. Дамы ободрились; одинъ Дрибницкій вы-

шелъ качаясь на ногахъ и не говоря ни слова.

Что дѣлашь? былъ вопросъ. Наняты экипажи и ѣхашъ въ Ораніенбаумъ, а шамъ дожидашъ, пока буря стихнетъ, ошвѣчалъ Брасовъ, а я между тѣмъ велю ошдохнуть людямъ и пріѣхашъ на каше-рѣ шуда же за нами.

Нѣшъ, сказала Софья, ежели эшотъ день пошелъ на приключенія, то я предлагаю ишши въ Ораніенбаумъ пѣшкомъ; я слишкомъ была встревожена, чшобы вдругъ перейши къ покою. Мы согласились всѣ, кромѣ инвалида и Дрибницкаго. Они ошпались искашь каласки, а мы пошли. Софья подала руку Аркадію. Вино-ваша предъ вами, сказала она, шеперь знаю, чшо такое море, вижу, чшо значить мореходецъ. Сеспру ея съ первымъ шагомъ на берегъ морская болѣзнь ошпавила. Я пошелъ съ нею. Любезный Аркадій Пешровичъ, сказала она Брасову, вы ободряли насъ на морѣ, шеперь должны со-арашить наше сухопушье: будеше ли вы продолжашъ вашу исторію?

Ежели угодно Софья Алексеевна? . . .
Софья покраснѣлась, пошупила глаза,
движеніемъ головы дала знакъ согла-
сія. и онъ продолжалъ

(Продолженіе впереди...)



ЗРЪЛИЩА БЕЗЪ ПЛАТЫ.

(Изъ Антенскаго Пустынника, Жци).

Le peuple lui même est un spectacle.

Что бы ни говорили поэты, копорыхъ пріяшныя заблужденія шакъ часпо скрываютъ ошь насъ суровыя испины, а воспоминанія, по большой части, возбуждають въ насъ одно только сожалѣніе. Должно бытъ слишкомъ большимъ философомъ для того, чтобы находить наслажденіе въ исчисленіи своихъ потерь и утѣшать себя въ лишеніи благъ мыслію, что они уже невозвратимы. Мнѣ кажешся гораздо болѣе сообразнымъ съ уставами природы и разсудка, чтобы люди, достигшіе преклонныхъ лѣтъ, раз-

мышляли о вѣшнихъ предметахъ. Имъ не предстоитъ болѣе ни выгоды, ни удовольствія заниматься самими собою; но они могутъ еще забавляться, глядя на другихъ. Дѣянiя ихъ не имѣютъ уже болѣе никакого вѣса; но опытность ихъ можетъ еще быть полезною: это успавшiе вишязи, копорые, сидя вѣ поприща, шѣмъ правильнѣе судятъ объ ударахъ, что они сами уже не въ состоянiи наносить ихъ.

Признаюсь къ стыду моему, или къ похвалѣ, какъ кому угодно, что я люблю выходить изъ моей кельи, пускаюсь на удачу и бродить безъ цѣли: я гляжу, слушаю, наблюдаю, словомъ стараюсь убивать время въ разсматриванiи другихъ для того, чтобы не думать о самомъ себѣ. Предпочтительнѣе бываю я въ ихъ мѣстахъ, гдѣ собирается много людей: мнѣ кажется, будто я въ театръ, копорый шѣмъ болѣе меня занимаетъ, что я обыкновенно самъ назначаю пiесу по своему произволу. Изъ толпы выбираю я нѣсколько человекъ, копорымъ, безъ вѣдома ихъ, даю главные роли: этою изо-

бражаешь мнѣ собою порокъ, шопъ какую нибудь странность; одну сцену беру я на площади, другую на улицѣ: и такимъ образомъ изъ всего эпаго составляю себѣ небольшія зрѣлища, которыхъ дѣйствующія лица имѣютъ шо достоинство, что они совершенно входяшь въ характеры, ими представляемые, чего весьма часто недоспаетъ у наспоющихъ нашихъ акшеровъ:

Сспрашь къ зрѣлищамъ во Франціи, можетъ быть, еще сильнѣе въ народѣ, нежели между людьми высшихъ сословій: шо почти единственная забава, въ наслажденіи кошорою бѣдныи завидуетъ богачу; и потому изъ всѣхъ удовольствій, представляемыхъ народу въ дни публичныхъ шоржествъ, съ наибольшою радосію и благодарносшію прмнимаешь онъ *Зрѣлища безъ платы.*

Не буду останавливаться въ изысканія причинъ эпой, споль спаринной и споль общей, склонности; не спану повпорять разсужденій, сполько же основательныхъ, какъ и бесплодныхъ, о неравенствѣ денежныхъ — наградъ, представляе-

емых во всё времена тѣмъ, копорыѣ
 служащъ своему опечесиву, въ сравненіи
 съ получаемыми шѣчи, копорые его за-
 бавляютъ. Званіе *актѣра* въ Аѣинахъ и
 въ Римѣ, *пѣвца* въ нынѣшней Шпаліи,
торреадора въ Испаніи, *кулачнаго бойца*
 въ Англіи и *танцовщика* во Франціи, все-
 гда было самое прѣзрительное. Микробіа го-
 воритъ о безчисленномъ богатствѣ ко-
 медіанта Эзопа, оставившаго пять ми-
 ліоновъ въ наследствѣ сыну, копорый
 (если вѣрить Горацию), разпусивъ въ ук-
 сусѣ огромную жемчужну, хошѣлъ до-
 ставить своей возлюбленной, сиправное
 наслажденіе проглотить разомъ семде-
 сять пять тысячъ франковъ. Всякой со-
 гласился въ шомъ, что нынѣшніе актѣ-
 ры не столь щедры, и что красавицы
 наши не столь прихотливы.

Россій, сверхъ значительной суммы,
 кошорую ему платили за каждое пред-
 ставленіе, получалъ изъ общественной
 казны ежедневнаго содержанія болѣе какъ
 на 900 франковъ. Жалованье первѣйшихъ
 нашихъ танцовщицъ не дошло еще до
 такихъ цѣвъ. И бы могъ привести на

счесть этого предмета множество старинных и новых анекдотовъ; но я наѣрнѣ занялся теперь публикою, а не акшѣрами.

Картина театральныхъ праздниковъ, на которые народъ допускается безъ платы, кажется мнѣ весьма занимательною: я люблю разбратъ впечатлѣнія, производимыя представлениемъ на эпохъ разрядъ зрителей, совершенно чуждыхъ всякаго рода опасней, предубѣжденій и козней, обыкновенно испытываемыхъ въ ложахъ и за кулисами. Они понимаютъ только то, что имъ говорятъ; видятъ только то, что имъ показываютъ. Ихъ собственный здравый смыслъ и врожденная способность съ такою правильностію опредѣляютъ заключенія. Въ прошедшую субботу я доставилъ себѣ это удовольствіе.

Обычай *Зрѣлищъ безъ платы* введенъ не слишкомъ давно: первое, сколько я могу припомнить, было дано въ 1660 году, по случаю *Пиринейскаго* мира. Это важное событіе, окончившее войну бракомъ *Лудовика XIV*, произвело сильную

радость, которую кардиналъ Мазаринъ довелъ до восторга, открывъ народу безденежно входъ въ *Бургонскій* шеапръ. По особенной, безпримѣрной благосклонности въ это бесплатное предспавленіе давали въ первый разъ *Стиликона*, новую комедію Корнеля. Лоре, журналистъ-поэпъ, въ *исторической мцѣ* своей 1661 года описалъ зшошъ день въ забавныхъ стихахъ, которые, не смотря на шо, что весьма дурны, сохранились еще до сихъ поръ, опъ шого, что весьма живо изображаютъ это торжешво.

Съ тѣхъ поръ *Зрѣлища безъ платы* были включены въ число народныхъ увеселеній. Въ эти дни, съ самаго ранняго утра, народъ толпился около афишекъ; площадные орапоры громогласно читающъ оныя, коверкая весьма забавнымъ образомъ названія піесъ. Всякой шеапръ имѣетъ своихъ любителей; но въ особенности на рынкахъ и по набережнымъ любобышно слушать сужденія о достоинствѣ піесъ, о талантѣ актѣровъ и о шомъ, который шеапръ предпочпительнѣе прочихъ.

Рыночныя торговки (les Dames de la Halle), копорыя не забыли еще того, что имъ нѣкогда предоспавлено было преимущество сидѣть въ первыхъ лавкахъ, къ огорченію ведутъ теперь, что ихъ равняютъ съ чернью; но удовольствіе превозмогаетъ оскорбленное ихъ самолюбіе. Въ полдень зашворяютъ онѣ свои лавочки, и, не расчиная того, что время и деньги, шеряемая чрезъ то, что онѣ шакъ рано покидаютъ работу, составляютъ существенную издержку этого *Зрѣлища безъ платы*, спѣшатъ за два часа ранѣ занять мѣсто у дверей избраннаго театра. Достойно замѣчанія, что спремленіе, съ копорымъ толпа бросается въ разные театры, для нея опворенные, находится въ обратномъ содержаніи удовольствія, копорое она можеть надѣяться сыскаать тамъ. Возможностъ имѣть даромъ забаву, за копорую свѣшскіе люди платятъ восемь, или десятъ франковъ, есть главная причина предпочтенія, отдаваемого въ этомъ обстоятельствѣ большимъ театрамъ предъ прочими: шумъ также участву-

ещь желаніе показашь превосходство своего вкуса, сужденій, которыми всякой хочеш похвасповашь передь своими сосѣдами. Это замѣчаніе вѣрно сдѣлаеть всякой, кто возьмеш на себя трудъ, или лучше сказашь, доставившъ себѣ удовольствіе остановиться на нѣсколько минушъ въ день *Представленія безъ платы* у входа одного изъ вѣпороспешенныхъ шеатровъ и послушашь, о чемъ толкуюшъ въ народѣ: шамъ услышишъ онъ вѣрный отголосокъ, хошя и въ другихъ выраженіяхъ, того, что наканунѣ говорили въ ложахъ хорошаго общества. „Ты удивляешься, видя меня здѣсь: не правда ли? Эшо опъ того, что къ *Оперѣ* и къ *Французскому театру* нѣшъ присшуну. Если бы шолько была возможность, шо я вѣрно не пошла бы ни въ какое другое мѣсто; кума моя Маннепа любишъ музыку, но миѣ надобны трагедіи. Знаю, что увижу здѣсь одни шолько дурачества; но все равно: если мы уже здѣсь, шо будемъ смѣляшъ вмѣстѣ съ прочими.“

Должно избирашъ: опправляюсь во *Французскій театръ* окончивъ мои на-

блюденія: толпа безчисленна, она движется, волнуется, какъ море. . . . Наконецъ отворяющъ двери. Океанъ не съ такимъ спремленіемъ влился въ *Шербургскій* бассейнъ, съ какимъ народная громада въ одну минушу наводнила крыльцо, лѣспницы, коридоры, партеръ и ложи; видъ залы совершенно измѣнился. Эпи ложи перваго яруса, въ кошорыхъ накануне блиспали прелеспивѣйшія парижскія женщины; эпошъ балконъ, на котормъ являлись молодые наши щеголи; эпошъ партеръ, гдѣ составлялись заговоры; эпи рѣшешчашья верхнія ложи, въ кошорыхъ производили любовныя свиданія: все наполнено одинаковымъ образомъ, безъ различія пола, возраста и званія, шорговками въ огромныхъ чепцахъ, дрягиллами въ сѣрыхъ шляпахъ, угольниками, парикмахерами и мушниками въ пыльномъ ихъ нарядѣ.

Съ величайшимъ шумомъ наконецъ помѣщающся, шо есть, громоздящся кучами, одинъ на другомъ, шакъ, что зашпавляющъ опасаться въ партерѣ обрушенія верхнихъ зрипелей. Тогда шо во всѣхъ углахъ начинающся на проспона-

родномъ нарѣчїи разговоры и сужденїя, копорыя нипомцы *В. де* (*) нщашельно собирають для *Брюнетова* театра.

Для препровожденїя времени всѣ кричатъ, вопяють, по свиспять, попають ногами; наконецъ поднимается занавѣсъ, и съ этой минуны глубокое молчанїе царствуетъ въ этомъ собранїи, до сихъ поръ сплошь спокойномъ. Малѣйшїй шумъ въ продолженїе представленїя наказываенся мгновеннымъ изгнанїемъ причинившаго оный. Тамъ нѣтъ уже модницъ, прїѣзжающихъ въ восемь часовъ, копорыя, входя посреди самой занимательной сцены, со слукомъ заповоряють за собою двери, чтобы нѣтъ обратишь на себя вниманїе; тамъ нѣтъ подкупленныхъ хлопальщиковъ, копорымъ заблаговременно назначены въ пїесѣ мѣста, гдѣ они должны бышь впадоши; тамъ нѣтъ заговоровъ прошивъ шакой по актрисы, или прошивъ шакаго по сочинителя; тамъ нѣтъ влїянїя журналовъ и сплетней изъ

(*) Писатель, извѣстный по стихотворенїямъ своимъ въ просцонародномъ вкусѣ.

госпиныхъ. Публика эсихъ *безплатежныхъ* дней, опъ того, чпо она рѣдко бываетъ въ театрѣ, опличаешся вниманіемъ, котораго ничпо не можетъ развлечь; сужденіями, которыхъ ничѣмъ нельзя подкупить: каждый зритель, составляющій оную, взявши опдѣльно, не понялъ бы, можетъ бытъ, ни одного стиха изъ *Заира*; но это сборище людей, равно лишенныхъ познаній, внезапно приобрѣтаеш пламенныя чувства, разборчивость вкуса, которыя даюшъ ему способность понимать всѣ красоны сочиненія, оцѣниватъ всѣ усилія актёровъ.

Заира, эпа образцовая трагедія, дѣлающая честь французской сценѣ, есть одна изъ небольшого числа піесъ, которыя нравятся равно всѣмъ родамъ зрителей. Не думаю, чпобы она когда нибудь заставляла проливать болѣе слезъ, какъ въ такой день *Зрѣлища безъ платы*.

Выходъ изъ театра *безъ платы* не споль уже поспѣшенъ, какъ входъ: едва опущенъ занавѣсъ, какъ снова начинается шумъ; толпы разходящся медленно и, кажепся, съ сожалѣніемъ оставляютъ мѣсто, въ

которое нескоро имѣюшь надежду возвращишься. Но люстра и лампы угасаютъ: надобно уснулупь необходимости и, оспаива чертоги *Орозмана*, возвращишь-ся на свой чердакъ.

Даже самое возвращеніе есть праздникъ: все семейство не могло бытъ въ театрѣ: х-зайка оспаивалась дома съ малолѣтними своими дѣтьми; ей хопашъ дасть поняшіе о шомъ, что видѣли; и старшая дочь, кошорая масперича говоришь, начинаешъ повѣспованіе: и несчастья Лузиньянова семейства, рассказанья нѣсколко помѣщански, за ужиномъ башмашника, имѣюшь однако же довольно занимательности для того, чтобы возбудишь въ женѣ его желаніе: испи въ другой разъ посмотришь это несравненное произведеніе Вольпера.

С. де Шоплетъ.



О ПРЯТНОСТЯХЪ ВОСПОМИНАНІЯ.

„Мнѣ часто приходило на мысль, для чего мнѣмлогія къ Надеждѣ, ославившейся въ ящикѣ Пандоры, не присовокупили и Воспоминанія? Древніе, какъ-то, думали, что небо, желая уладить судьбу чловѣка, только *будущее* предсказало ему въ очаровашельномъ видѣ; а не постигли, что оно украсило для него и *прошедшее*, вдохнувъ ему вмѣстѣ съ чувствомъ надежды и способности воспоминанія. Какъ не размыслили они, что, въ такомъ предположеніи, мнимыя божества ихъ не имѣли бы уже полной благодати и не въ царствѣ бы тѣней прошекала Лина!

Можетъ быть, счастье, отрада, утѣшеніе, или назови что, какъ хочешь, надеждою и воспоминаніемъ на людей изли-

ваемыя, неравномѣрны; пусть такъ: но
 если воинъ презираетъ опасности и шру-
 ды военные по тому, что *надеется* избѣ-
 гнуть смерти и снискасть славное имя
 героя; если мореплаватель смѣло проше-
 каетъ неизмѣримые океаны для того,
 что посреди свирѣпствующихъ волнъ
воображаетъ найши приспанище, гдѣ
ожидаютъ его сокровища обихъ Ин-
 дій; если злополучный мужественно пе-
 реноситъ удары рока по тому, что спра-
 данія свои *думаетъ* видѣть нѣкогда пре-
 кращенными; или, словомъ, всѣ они въ
 самыхъ бѣдствіяхъ счастливы *надеждою*;
 то не уже ли менѣе счастливы старикъ,
воспоминающій лѣта своего дѣтства, дни
 юности, мѣсяца, которыхъ были свидѣте-
 лями невинныхъ забавъ его, первыхъ во-
 спорговъ любви, изліяній дружбы? Не уже
 ли менѣе счастливы добродѣтельный, *при-
 водящій на память* благородный послу-
 покъ свой, или сынъ опечесства, подвиговъ,
 на пользу онаго предпріяшый? Мнѣ ска-
 жутъ: справедливо; однако жъ старикъ сей
 знаетъ, что молодость его прошла не
 возвращимо; добродѣтельный и сынъ о-

печесства, что, можетъ быть, жало неблагодарности уязвило сердца ихъ, пылавшія спрасвнїю ко всему доброму и великому: свидсвенно, воспоминаніе, въ семь случаевъ, должно бытъ не столько прїятнымъ, сколько гореспнымъ. Съ одной стороны, я согласенъ; но съ другой, когда подумаю, что, одаренные силою воображенія и способноснїю приводить на память прошедшее, мы живо представляемъ себѣ тѣ предметы, которыя погда окружали насъ, и самыя чувствоспвованія, которыя ощущали мы; но я во убѣждаюсь, что мысль объ уиравшѣ ихъ исчезаетъ; намъ кажется, что мы еще *въ томъ* времени: спаркъ збываетъ съдые волосы, добрый человекъ, разорившійся ошъ своихъ благодарнїй, что онъ обманушъ и въ нищсшѣ, пашрїотъ, что онъ въ изгнанїи. Положимъ, однако, что гореспно приводить на память *дѣи прошедшаго благополугїя*; но каковъ же спрахъ *будущаго зла*? И сколько прїятно, напрочпивъ, воспоминаніе о бѣдсспвіяхъ, *уже претерпѣнныхъ* нами? . . . Основаніе сего удовольсшвія заключаешся въ увѣренности,

что они миновались. И воинъ, избѣгшій опасности, мореплавателъ попопленія, злополучный преслѣдованія раздраженнаго рока, съ воспоргомъ разсказываютъ свои приключенія; попому что время испытаній *уже прошло*.

Если воспоминаніе прошекшаго счастья можно сравнить съ яснымъ днемъ осеннимъ; то воспоминаніе минувшихъ злоключеній подобно румяной зарѣ, привѣтствующей пущника по окончаніи бурной ночи.“

„*Воспоминаніе и Надежда* суть дѣиши *Воображенія* и раздѣлили между собою его обласпъ. Первое получило въ удѣлъ *прошедшее*, вѣпорая *будущее*. Откинувъ удовольствія чувствъ, принадлежащія *настоящему*, я нахожу, что дѣйствительныя наслажденія души происпекають почти исключительно отъ сихъ двухъ ея способностей: *воспоминать* и *надѣяться*, и, ни мало не колеблясь, отдаю преимущество первой. Вошь почему:

Надежда, прилѣплясь къ человѣку съ шѣхъ поръ, какъ онъ переспашь жизнь

только въ настоящемъ, дѣйствуетъ на него всего сильнѣе въ юношескомъ возрастѣ: разсыпаетъ на него всѣ дары свои, очаровываетъ самыми пріятнѣйшими мечтами; но съ каждымъ днемъ поступленія его на дальнѣйшее поприще жизни она ослабѣваетъ: уже онъ привыкаетъ неполагаться на ея обольщенія; уже онъ испыталъ, что, ввѣрясь слишкомъ ея обѣщаніямъ, потерялъ онъ въ настоящемъ дѣйствительныя блага, взаимно которыхъ сулила она ему вдали тысячекрашныя награды, и жестокая предала его въ жернову столькихъ же горестей. Но не такъ воспоминаніе. По мѣрѣ того, какъ надежда, сей обманчивый другъ нашъ, оставляетъ насъ нерѣдко на краю пропасти, оно является для нашего утѣшенія, услаждаетъ наши горести, или придаетъ еще болѣе пріятности нашимъ радостямъ. Возрасая съ каждымъ днемъ, оно безоплочно сопутствуетъ намъ до гроба и при закатѣ дней нашихъ составляетъ единственную нашу опраду. Позвольте, въ подкрѣпленіе словъ моихъ, повѣрить здѣсь то,

что сказала Делиль о человекѣ въ послѣдней эпохѣ его жизни.

Si la raison encor lui permet de prévoir,
C'est des yeux de la crainte et non plus de l'espoir.

Alors n'attendant rien ni du tems ni d'autrui,
Il revient au présent, se ramène sur lui.
Il se rejette donc vers le passé qu' il aime;
Il cherche à consoler, par un doux souvenir,
Et la douleur presente et les maux à venir;
Et même, lorsqu' il touche à l'extrême vieillesse,
Quelque ombre de bonheur chaine encore sa faible.
blesse.

Ce qu' il fit autrefois, il le voit aujourd'hui,
Et le present lui même est le passé pour lui.
Но не въ одной старости надежда оспавляешъ человека. Она покидаешъ насъ и тогда, когда общанія ея исполняшся; посѣщая хижину несчастнаго, она бѣжитъ палатъ счастливаго: для сего послѣдняго уже нѣтъ надежды; мѣсто ея заступаешъ боязнь. Такъ ли же поступаешъ воспоминаніе? Нѣтъ; оно разсыпашъ дары свои на всѣхъ смертныхъ. И въ бѣдствіи и въ благополучіи оно служишъ намъ одинакою опрадою. Въ первомъ случаѣ, предсавляя намъ пропек-

шія радости, оно снова даритъ насъ ими; въ послѣднемъ, приводя на память претерпѣнныя горести, оно заспаиваетъ насъ вдвойнѣ чувствованіемъ всю пріятность настоящаго положенія.

Не могу умолчать еще объ одномъ преимуществѣ воспоминанія. Надежда питаетъ насъ мечтами обманчивыми, иногда несбыточными, весьма рѣдко сбывающимися; но дары воспоминанія существенны: мы уже испытали ихъ нѣкогда на самомъ дѣлѣ; еще и теперь мы продолжаемъ чувствовать въ себѣ опьявленіе удовольствій, которыя тогда составляли наше блаженство. Если же мы посвящаемъ иногда слезы воспоминаніямъ горестнымъ, то и самыя сіи слезы пріятны.

Qui n'a vers le passé détreiné quelques larmes?

говоришь Делиль:

L'homme ingrat au passé, goûte peu l'avenir.

Non, l'ésespoir ne vit guère où meurt le souvenir.

Dans le même foyer tous deux ont pris naissance,

Et le coeur sans regret languit sans jouissance.

Скажу еще болѣе: воспоминаніе служитъ даже нѣкопорымъ основаніемъ надеждъ. Избавившись однажды ошъ бѣдъ

спвія, мы, въ подобномъ случаѣ, болѣе уже гвримъ обѣщаніямъ надежды; ибо *помнилъ* и прежнія наши несчастія и послѣдовавшее за шѣмъ освобожденіе ошъ нихъ.“

* * *

Къ симъ основаніемъ, споль краснорѣчиво изложеннымъ, мыслямъ о надеждѣ и воспоминаніи (*), прѣсовокуплю шолько, что сіи два *генія-цвѣтущителя* наши на шрудномъ поприщѣ жизни, кажутся, всего болѣе побуждающія къ улаженію нашему прелесивымъ *мелтаніемъ*. Игривое, свѣтлозарное, оно руководствуетъ ихъ, указываетъ и усынаетъ предъ ними цвѣтами крайчайшіи пушь къ нашему сердцу. Въ шри вмѣстѣ представляющія онѣ мнѣ шремями граціями души нашей:

Всегда лубезное, живое *цпованье*,
 Цвѣтущее, прекрасное *мелтанье*,
 И милое *воспоминанье*.

У.

*) Два предыдущіе опрывка написаны извѣстными литераторами нашими В. И. П. и А. М. К., и нигдѣ еще не были напечатаны.

К Р И Т И К А.

СЪВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ. (*)

Издание альманаховъ сколько пріятно для публики, сколько и полезно. Обыкновенно для *каждаго года* надобны бывающъ подарки. Безъ сомнѣнія лучше всего подарить кому нибудь книжку. Она долѣе займетъ вниманіе, больше принесетъ пользы, никогда не пошеряешь своей цѣны и

(*) Объявленіе о сей книгѣ было уже помѣщено въ N XII Соревновашели П. и Б. 1824 г., стран. 322. Экземпляръ прод. по 10 р., а съ пересылкою по 11 руб. въ книжномъ магазинѣ книгопродавца И. В. Стѣнина, у котораго принимается подписка и на всѣ журналы, въ Россіи выходящія. †

не выйдешь изъ моды, подобно другому подарку. Съ другой стороны каждый альманахъ сполько же занимашеленъ въ литературномъ отношеніи, какъ выспавка художническихъ работъ въ отношеніи къ изящнымъ искусствамъ. Каждогодно предлагаешя публикѣ нѣсколько образцовъ, по которымъ она можешь судить о направленіи вкуса и ума современныхъ писателей. Скажемъ болѣе: чрезъ нѣсколько лѣтъ альманахи будутъ составлять часть матеріаловъ для исторіи словесности. Если ученый антикварій, смотря на развалины древняго храма, опредѣляетъ достоинство архитектуръ тогдашняго времени: по чему жъ внимательный критикъ не воспользуется сими оспашками словесности, чипобы изобразить поспешенный ходъ ея усовершенствованія?

Конечно не могутъ бытъ всѣ альманахи равнаго достоинства, издаваемые даже въ одно и тоже время. У всякаго издателя свой вкусъ, а слѣдовательно и свой литературный кругъ. Если бы кто нибудь наполнилъ альманахъ своими

только сочиненіями; но книжка не имѣла бы того пріятнаго разнообразія предметовъ, слога, мыслей, картинъ, которое въ ней больше всего должно плѣнять читателя. Что жь обыкновенно дѣлаютъ издаватели альманаховъ? Они обращаются къ тѣмъ сочинителямъ, которые, по ихъ понятію, ближе къ совершенству въ своихъ произведеніяхъ, собираютъ ихъ новости, предоставляя себѣ одно право свободнаго изъ нихъ выбора, и предлагая публикѣ подарокъ, который мы справедливо можемъ считать образцомъ собственнаго вкуса ихъ и участниковъ въ ихъ трудѣ.

Судя по этому замѣчанію, несправедливо было бы каждый альманахъ считать равно полезнымъ для опредѣленія степени, которой достигнула словесность въ извѣстное время. Критикъ имѣетъ право поступать съ ними такъ, какъ историкъ съ лѣтописями, который иногда только пользуется ими, когда онъ не противорѣчитъ другимъ памятникамъ своего времени.

Мы для разсмотрѣнія выбрали изъ

числа альманаховъ, изданныхъ у насъ на нынѣшній годъ, *Сѣверные Цвѣты*; пошому чню эта книга ближе подходитъ къ пому понятію, какое мы сославили себѣ о лучшемъ альманахѣ. Предлагаемъ читателямъ свои замѣчанія.

Сѣверные Цвѣты состоятъ изъ двухъ особенныхъ отдѣленій: въ первомъ проза, во второмъ поэзія.

Вошъ прозаическія сочиненія:

I. *Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ.* 2—80 стран.

II. *Прогулка въ селѣ Куцковѣ*, соч. г. *Войкова.* 81—108 стран. Описательный родъ прозы вообще очень пріятенъ: но описанія примѣчательныхъ мѣстъ въ опечесствѣ еще большую придаюшъ цѣну подобнымъ сочиненіямъ. Село Куцково въ 7 верстахъ ошъ Москвы. Тамъ жилъ графъ Пепръ Борисовичъ Шеремешевъ, гдѣ ЕКАТЕРИНА II и римскій императоръ Иосифъ II удостоили его своимъ посѣщеніемъ. Сочинитель быспроводитъ читателя ошъ одного предмета къ другому: домъ, внутреннее убранство его, библиотека, оружейная, каршинная галерея, памяшники, садъ,

церковь, все передъ вами. Кипо не пожелаешь, чпобы современемъ явилось у насъ полное описаніе всѣхъ мѣспъ, сиполько же достопамятныхъ, какъ село Кусково?

III. *Исторія Кокетства*, соч. Е. Баратынскаго. 109—118 стран. Сочинитель предсшавляетъ Кокетство въ видѣ миеологическаго лица. Онъ слѣдуетъ за нимъ съ Олимпа на землю; изображаетъ его положеніе въ Греціи, послѣ въ Римѣ; переходитъ къ среднимъ вѣкамъ и наконецъ оспавляетъ его на берегахъ Сены. Игривость ума, слогъ легкій и блестящій, свѣшская философія и прелестъ аллегоріи сообщаютъ особенную занимательность этому счастливому произведенію веселаго остроумія.

IV. *Аеонская Гора: отрывокъ изъ путешествія по Греціи въ 1820 году*, соч. (безъ подписи имени автора). 119—161 стран. Большая часпъ путешественниковъ обыкновенно восхищается прекрасными видами горъ, долинъ, извивающихся рѣкъ, вдали синѣющаго моря и яснаго небосклона. Но чаще путешественники любятъ говорить шолько о себѣ.

что они на пути думали, о чемъ воспоминали и что желали. Помѣщенный въ Сѣверныхъ Цѣшахъ опривокъ изъ путешествія по Греціи совѣмъ въ другомъ родѣ. Онъ представляетъ основательное, подробное и прекрасно-изложенное описаніе шакаго мѣста, къ которому ни одинъ христіанинъ не можетъ быть равнодушнымъ. Сочинитель переноситъ чашагелъ въ духовную республику, долго сохранявшую свои права и независимость посреди враговъ христіанскаго племени. Онъ сначала исчисляеть поимянно всѣ монастыри, находящіеся на Аѳонской горѣ, показываеть способы ихъ управленія, говоритъ о водахъ, о чашныхъ внутреннихъ распоряженіяхъ и образѣ жизни иконовъ. Посѣщая обители, одну послѣ другой, онъ не оставляетъ безъ вниманія ни одного примѣчательнаго предмета. Самыя любопытныя историческія подробности показывають въ немъ ученѣйшаго человѣка. Но болѣе всего мы поражены были въ этомъ сочиненіи удивительными совершенствами слога. Мысли автора шагъ вѣрно, свободно и ясно раз-

риваюся, что цѣлое сочиненіе обнимаешь съ перваго раза и видишь въ немъ откры- шый рядъ самыхъ отдѣльныхъ картинъ. Словопеченіе легко, правильно и благозвуч- но. Языкъ почтенъ, мужесшвенъ и сжашъ. У насъ испинно-прекрасныя сочиненія въ прозѣ очень рѣдки; пошому что насшоя- шихъ знашоковъ языка и прозаическаго ис- кусшва гораздо меньше, нежели многіе изъ нашихъ лишерашоровъ думашош. Конечно есть очень пріятныя писашели; но, спро- го слѣдуя за ними, примѣчаешь, что они пишущъ, шакъ сказышъ, *на-сшастъе*. Ошъ эшаго иное удаешся имъ, а другое совсѣмъ нѣшъ. Чшобы ушвердишъ свой слошъ и умѣшъ всегда сохраняшъ его: для эшаго надобно гораздо больше дорожишъ своимъ искусшвомъ, нежели обыкновенно у насъ дѣлаешся. Если бы Муравьевъ и Карам- зинъ писали шолько *по-навыку*; шо ихъ проза не плѣняла бы насъ неизмѣннымъ единшвомъ собшвенныхъ красокъ и все- гдашнею ровностію своего хода. Вошъ, что особенно ошпановило наше вниманіе на описаніи Аеонской горы. Оно сдѣлано, въ шочномъ смыслѣ, прозаическимъ ма-

сперомъ. Для повѣрки сихъ замѣчаній позволяемъ себѣ взять изъ него нѣсколь-ко периодовъ: „Ввечеру, 3 июля, мы оста-„вили островъ *Скопело* и поворотили къ „западной сторонѣ *Святой горы*. Всю „ночь сильно дулъ попушный вѣтеръ; но „къ разсвѣту спало штише, и корабль „медленно подвигался къ приспани. Гу-„спой шуманъ скрывалъ опть насъ пре-„красные виды окресныхъ береговъ и „море, усѣянное вдали островами. Около „полудня поднялся легкій *илбатъ* (вѣ-„теръ съ моря) и въ нѣсколько минуць „очистилъ воздухъ. Гигантъ *Аѳонскій* „явился намъ во всемя величїа: мы вдругъ, „какъ бы по мановенїю волшебнаго жез-„ла, увидѣли обнаженную его вершину; „упесистые бока, одѣтые зеленымъ лѣ-„сомъ; главы церквей и большїе мона-„шпыри, построеныя на крупомъ бере-„гу, высоко надъ пѣнящимися волнами. „Мы бросили якорь въ открытомъ зали-„вѣ, среди подводныхъ камней: убѣжище „опасное для судовъ въ осеннїя и зимнїя „бури! - - - Монастырей общежительныхъ „семь. Они меньше и бѣднѣе прочихъ, но

„да што ближе къ древнимъ образцамъ и-
 „ноческой жизни. Тамъ больше порядка,
 „больше истиннаго благочеснiя; нѣтъ оп-
 „личiй, нѣтъ частной собствениости.
 „Игумены уважаемы; монахи кормятся
 „трудоу рукъ своихъ и прилѣживе къ
 „земледѣлю. Довольствуясь небольшими
 „доходами, они принимаютъ съ благодар-
 „ностию приносимую къ нимъ поклонни-
 „ками милоспiину: сами же нигуда не хо-
 „дятъ собарать ее. - - - Соборный храмъ
 (свѣ *Лавр*'), основанный въ имя Благовъ-
 „щенiя преп. Аѳанасiемъ Аѳонскимъ, а
 „нынѣ ему самому посвященный, укра-
 „шенъ 37-ю мраморными столбами и до-
 „рогимъ помосномъ; но шемъ, какъ и
 „всѣ почти Святогорскiя церкви, оштѣ
 „многихъ прищворъ въ и малосни иконъ.
 „У входа, на дворѣ, большая водосвятиль-
 „ница, сипраннаго вкуса, но хорошѣ оштѣ
 „дѣланная, съ разными изваянiями. Не-
 „подалеку оштѣуда намъ и казали комна-
 „ты, гдѣ жилъ добродѣшельный и несча-
 „сливый патрiархъ Григорiи, во время
 „двукрапной ссылки. Возходя въ прешiй
 „разъ на прешель первосвятишельскiй,

„онъ зналъ, что мѣняетъ мирную келлію
 „на новыя гоненія: но не предвидѣлъ, увы,
 „мученической смерти, его ожидавшей
 „въ Апрѣль 1891 года; не предвидѣлъ, что
 „прутъ его, поруганный людьми, но про-
 „славленный небомъ, лишенный въ оп-
 „чизнѣ могилы, найдетъ послѣднее убѣ-
 „жище въ нѣдрахъ земли единовѣрой!“
 Привѣденныя нами при мѣста совершенно
 въ разныхъ родахъ. Между шѣмъ со-
 чинителемъ вездѣ одинъ и шопъ же. Онъ
 перемѣняетъ однѣ формы періодовъ для
 различнаго ихъ движенія, смощря по мы-
 слямъ и чувствованіямъ, въ нихъ заклю-
 щимся. Но исправность и опдѣлка слога,
 бережливость въ словахъ, неизмѣняемое
 благозвучіе словопеченія и полнопа ума
 въ каждомъ періодѣ: вотъ, что состав-
 ляетъ единство ихъ и существенное до-
 стоинство.

*V. Извѣстіе о греческихъ и латин-
 скихъ рукописяхъ въ Серальской бібліоте-
 кѣ; сочинителя предыдущей списашки. 162—
 165 стран. Въ немъ опровергается мнѣ-
 ніе многихъ ученыхъ; будшо въ Сераль-*

ской библиотекъ хранятся нѣкоторыя рукописи Древнихъ.

VI. *Древнiе записки. Письмо VI изъ приготовляемаго новаго изданiя Писемъ Рускаго Офицера*. 166—171 стран. Сочинишель, *Ө. Н. Глинка*, извѣстенъ уже публикѣ по прежнему изданiю своихъ писемъ, которое принято было со всеобщей похвалою. Но онъ рѣшился пересмотрѣть его, исправивъ то, что считалось неопредѣленнымъ въ слогѣ и прибавивъ нѣсколько новыхъ любопытныхъ замѣчанiй. Въ письмѣ о древнихъ замкахъ заключается взглядъ на состоянiе гражданственности въ среднихъ вѣкахъ. Онъ быстръ, но даетъ ясное понятiе о томъ времени. Въ слогѣ сочинителя много смѣлой оригинальности, живости и краткости. Въ мысляхъ, кромѣ истины, есть другое достоинство: сердечное одушевленiе и убѣдительность.

VII. *Отрывки писемъ изъ Италiи*, соч. П. . . аго. 172—244 стран. Въ примѣчанiи къ нимъ сказано: „Письма сiи писаны не для публики, безъ всякаго спаранiя, плана, и шаковымъ человекомъ, кошо

„рый не только никогда не думалъ бытъ
 „русскимъ авторомъ, но болѣе привыкъ
 „писать по-французски, нежели по-руски:
 „Но они написаны такъ умно и такимъ
 „приятнымъ слогомъ, что мы рѣшились
 „напечатать нѣкоторыя ихъ ошривки,
 „и увѣрены, что читатели наши побла-
 „годарятъ насъ за доставленное имъ у-
 „довольствіе.“ Въ самомъ дѣлѣ: хотя
 сочинитель сихъ писемъ не думалъ
 бытъ русскимъ авторомъ; но у него го-
 раздо больше запасовъ для авторства,
 нежели у многихъ записныхъ сочини-
 телей. Путешественнику писать объ
 Италіи всего легче и всего труднѣе.
 Тамъ все говоришь и чувствую и уму
 и воображенію. Но о чемъ уже не было
 сказано нѣсколько разъ и учеными и ху-
 дожниками и поэтами? Авторъ- путеше-
 ственникъ невольно сбивается на друга-
 го; потому что онъ говорилъ прежде
 своего путешествія издавъ путешест-
 віе. У сочинителя разсматриваемыхъ на-
 ми писемъ въ запасъ были познанія, об-
 щія каждому образованному человѣку, ду-
 ша, глубоко принимающая прекрасныя

впечатлѣнія, и вѣрный вкусъ. Но особенная прелесть его писемъ зависитъ отъ того, что онъ, увлекаясь разсмащиваемыми предметами, говоритъ отъ избытка чувствованій, съ пою искренностію, которой никакое прищворство подражашъ не можетъ. Его замѣчанія блистаютъ свѣжестію. Въ объемахъ, въ изложеніи его описаній удивительная полнота и ясность. Разказы его, кромѣ любопытства, возбуждаютъ участіе; потому что сильно дѣйствуютъ на самое воображеніе своею вѣрностію и живостію. Хошя въ языкѣ встрѣчающся изрѣдка неисправности (общественство, понятное по двумъ особенно причинамъ; письма посылаемы были къ одному лицу, не для публики, и человекомъ, не выдававшимъ себя за автора); но легкость слога, выборъ приличныхъ выраженій, искусство въ образованіи періодовъ и какаѣ то быстрота въ словотеченіи невольно увлекаютъ читателя. Въ одномъ письмѣ изъ Флоренціи сочинитель хочеть дать понятіе о тамошнемъ благопріятельномъ обществѣ *братъевъ милосердія*. Если бы онъ ограничился проснымъ

изложеніемъ ихъ обязанностей; но чиншатель не почувствовалъ бы сердечнаго влеченія къ этому сословію благодѣшелей. И пакъ онъ оживляетъ свое описаніе разсказомъ. „Съ XIV стол. существоешь во Флоренціи богоугодное, челоувѣчеству полезное сословіе, безъ кляшвъ и безъ обѣщаній свято хранящее свои постановленія. Почешивѣйшіе граждане и сами герцоги توسканскіе всегда поспавляли себѣ за честь принадлежать сему обществу. Убогій, страдающій болѣзнію, никогда не прибѣгалъ вошще къ братьямъ милосердія. Сословіе ихъ не есть духовное; они не собираются ни днемъ, ни ночью въ условенные часы для молитвы: но днемъ и ночью, какъ испитые братья, помогаютъ бѣдному и больному деньгами и лѣкарствами; умершему безъ призрѣнія, безъ ближнихъ, безъ родныхъ, отдають послѣдній долгъ. Свѣшскій юноша и свѣшскій старецъ, принадлежа обществу братьевъ милосердія, не пренебрегають нести до кладбища шѣло нищаго на плечахъ своихъ. Широкое плашье изъ грубаго, чернаго хол-

еша, шляпа съ висячими полями, черное на лицѣ покрывало, въ кошоромъ шолько для глазъ прорѣзаны отвершія, скрывающъ ихъ совершенно отъ взора любопытныхъ. Они дѣлають добро, не будучи извѣсны: и спасенный ими отъ смерти обязанъ всему обществу, а не одному члену въ особенноти. — Среди ночи ударилъ дважды колоколь на башнѣ древней маленькой церкви близъ соборной площади: и на звонъ колокола сбѣжалось не медля нѣсколько жишелей. Иные изъ нихъ оставили мягкую постель, другіе веселую бесѣду: и каждый, прибѣжавъ въ церковь, зажегъ по факелу, облекся въ черную одежду; четверо взяли носилки, и всѣ поспѣшно пошли въ слѣдъ за проводникомъ, пришедшимъ искашь помощи. Слезы не позволяли говорить ему: но никакъ не дѣлалъ ему нусныхъ вопросовъ. Бѣдный, несчастнымъ случаемъ раненый, умирающій, умершій, равное имѣющъ право на участіе братель милосердія. Въ глубокомъ молчаніи скорыми шагами вышли они за городъ на большую дорогу, ведущую въ Римъ. Миѣ слу-

шлся въ это время проходитьъ по площа-
 дахъ: и я изъ любопытства послѣдовалъ
 за ними. — При свѣтѣ факеловъ увидѣлъ
 я на дорогѣ лежащаго безъ движенія че-
 ловѣка. Судя по плащю, былъ онъ креще-
 нинъ. Тяжелый возъ проѣхалъ по его
 нѣлу. Искавцій помощи былъ его сынъ.
 Братъ милосердія, осмошрѣвъ несчаст-
 наго и удосповѣрся, что въ немъ ещѣ
 еще остатки жизни, положили его на
 носилки и понесли въ городскую богадѣль-
 ню, гдѣ всегда безопговорочно принима-
 ютъ приносимыхъ ими больныхъ. Я слѣ-
 довалъ опяшь за ними; слышалъ, какъ они
 поручали спасеннаго имъ крестьянину
 начальнику больницы; какъ общались
 пришедшему въ себя больному пещись о
 его совершенномъ выздоровленіи. Потомъ
 я проводилъ ихъ до дверей церкви, въ
 которой оставили они носилки, факелы
 и черную одежду, и, изъ которой вышед-
 ши, разошлись спокойно по домамъ. Ли-
 ца нѣкоторыхъ изъ нихъ были мнѣ из-
 вѣсны: я видалъ ихъ на балахъ, на
 шумныхъ вечерахъ; но щегольскіе фраки,
 пестрые жилеты не возбуждали во мнѣ

никакаго вниманія: черная, грубая хол-
 спинная рубаха внушила во мнѣ къ нимъ
 особенное почтеніе.“ Здѣсь соединяются
 все, чего можно претребовать отъ лучшаго
 писателя: порядокъ и занимательность
 изложенія, выборъ подробностей и оп-
 дѣлка всякой части. Возьмемъ еще одно
 мѣсто, чтобы лучше видѣть, какъ со-
 чинитель умѣетъ владѣть своимъ иску-
 сствомъ при перемѣнѣ предметовъ. „Я не
 берусь описаніемъ познакомить шебд съ
 водопадомъ Терни (Cascade delle margone).
 Самое выраженіе водопадъ даетъ слиш-
 комъ слабое понятіе объ этомъ свирѣ-
 номъ стремленіи и низверженіи воды.
 Покажешь, по кошорой капишься р. Вел-
 лино, еще далеко отъ паденія придаешь
 ему непонятную скоросць, и вдругъ
 вся рѣка, лишенная дна, лешитъ съ ужас-
 ной высоты, съ ревомъ ударяется о ска-
 лы, такъ сильно, что большая часть
 воды превращается въ пары, и бѣлыми
 влажными облаками возносится выше
 самаго паденія. Солнечные лучи образу-
 ютъ надъ ними яркую радугоу. Первый
 скачекъ Веллино въ 600 фупт. На него

нельзя смотрѣшь иначе, какъ съ нѣкошораго отдаленія: и никакая человѣческая нога не проложила еще смѣлой пропннки, по которой бы можно было подойти ближе къ сему чуду природы. Но какъ выразишь красу и ужасъ шакаго явленія, непрерывное удареніе вѣчно возобновляющихся водъ и спокойное противоборствование мшистыхъ вѣковыхъ скалъ! Надъ самой пучиной, куда и взора не опускаешь безъ шрепеша, спокойно вьпешся мопылекъ, и малиновка порхаетъ по камнямъ, съ веселой пѣснію садясь на гибкіе сшебли висячихъ расптннй.“ Разнообразіе въ размашриваемыхъ нами письмахъ удивительно. Но всего любопытнѣе, подробнѣе и занимательнѣе описание Геркулана и Помпеи. Пребываніе сочинителя на вершинѣ Везувія также принадлежишь къ числу совершеннѣйшихъ мѣстъ въ его письмахъ.

VIII. *Неузнаннал*, соч. Ѳ. Глинки. 245—250 стран. Подъ симъ названіемъ предшавлена прекрасная аллегорія. Сочинитель изобразилъ совѣсть. Въ этомъ сочиненіи совершенства прозы соедине-

ны съ совершенствами поэзіи. Счастли-
вое сочетаніе исторической истины съ
прелестнымъ вымысломъ довершаетъ
очарованіе читателя. Пальмира, столица
роскоши и вкуса, средопочіе восточной
красоты и порока, служилъ мѣстомъ
дѣйствія. Читателямъ нашимъ извѣ-
стенъ уже эшопъ родъ сочиненій того
же автора. Мы должны только приба-
вить, что сочинитель безпрестанно и-
детъ далѣе въ усовершенствованіи сво-
ихъ созданій.

Заключимъ: прозаическая часть Сѣ-
верныхъ Цвѣтовъ достойна особеннаго
вниманія любителей словесности. Она
могла бы украшать не только альманахъ,
но и каждую книгу, какъ плодъ трудовъ
ума зрѣлаго и усовершенствованнаго и-
стинами вкуса и просвѣщенія.

Поэзія Северныхъ Цвѣтовъ равняет-
ся прозѣ, если, судя по разнымъ часямъ,
нельзя сказать, что превосходитъ ее.
Лучшіе поэты, извѣстные каждому за-
нимающемуся словесностію, всѣ учас-
вовали въ Северныхъ Цвѣтахъ. Ихъ
произведенія болѣе, или менѣе, озна-

менованы печатію совершенства. Для знака искусства гений всегда явилъ достойное удивленія, при всемъ разнообразіи своихъ произведеній. Такимъ образомъ мы не имѣемъ надобности входить въ излишнія подробности о разныхъ стихотвореніяхъ. Мы сообщимъ только, что помѣщено въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ изъ новыхъ произведеній сихъ поэтовъ.

Новыя басни Крылова: 1. Муха и Пчела, 2. Богачъ и Поэтъ, 3. Прихожанинъ, 4. Соспарѣвшійся Левъ, 5. Лисица и Осель. Въ нихъ сочинитель сохранилъ всю оригинальность, остроуміе и просердечіе прежнихъ своихъ басень. Но читатели вспрѣпятъ здѣсь его произведеніе совершенно въ новомъ для него родѣ, ш. е. анакреонтическую оду, подъ названіемъ: Три Поцѣлуга. Она исполнена той простоты, естественности, прелести и непринужденности, которыми отличались оды самаго Анакреона.

Жуковскаго стихотвореній чепыре: 1. Привидѣніе, 2. Таинственный Посѣщитель, 3. Ночь и 4. Цвѣты и Мошнылекъ.

Два первыя изъ сихъ стихотвореній удивительно плѣняющъ воображеніе картинами, можно сказать, недоконченными для чувства, но ясными и понятными для души. Третье стихотвореніе есть образецъ антологической красоты. Въ немъ какая то греческая простота, ясность и ясность изображенія соединяюща съ очаровательнымъ блескомъ поэзіи романтической. Цвѣтны и Молылекъ есть такое стихотвореніе, которое всегда останется выше всякаго критическаго опчета. Поэтъ, взглянувъ на простую и слишкомъ обыкновенную, по видимому, картину, извлекъ изъ нея такія истины, открылъ такія чувствованія, которыя сообщаютъ душѣ самое возвышенное направленіе.

Изъ стихотвореній *А. Пушкина*, которыхъ четыре: 1. Пѣснь о Вѣщѣхъ Олегѣ, 2. Демонъ, 3. Отрывки изъ поэмы: Евгенийъ Онегинъ, 4. Прозерпина, и которыя всѣ отличаются высочайшими поэтическими достоинствами, Пѣснь о Вѣщѣхъ Олегѣ должна обратитъ на себя особенное вниманіе критики. У насъ мно-

гіе справедливо жалуются на малое число стихотвореній, кошорыя бы можно было назвать національными. Поэты наши, увлекаясь красотою общими, какъ бы избѣгаютъ ошечешвенныхъ. По нашему мнѣнію, это происходитъ отъ того, что мы не успѣли еще ошкрыть всѣхъ поэтическихъ сторонъ своего ошечешва, его испорити, и особенно того способа, какъ ими надобно пользоваться въ поэзіи. Истинный геній пѣмъ и оплачивается ошъ просшаго дарованія, что онъ съ перваго раза чувствуетъ поэзію своего новаго предмета, поэзію его изложенія, не опнимая у него красоту времени и мѣста. Это можно ясно видѣть, читая разсматриваемое нами новое произведеніе Пушкина. Оно должно быть образцемъ для всѣхъ, покушавшихся писать въ этомъ родѣ. Имена лицъ, вѣрность происшествій, мѣсто дѣйствія, упоминаемыя въ стихотвореніи, прозаически только дѣлаютъ его національнымъ. Поэзія требуетъ рѣзкихъ красокъ, душевной полношы, быстраго одушевленія. Како въ сосшолніи соединишь все это и ожи-

вишь цѣлую картину необходимыми для поэзіи подробностями избраннаго имъ времени и мѣста; поэтъ не напрасно будетъ воскрешать давноминувшія событія: они сдѣлаются священными для современниковъ и потомковъ. Таково стихотвореніе Пушкина.

Стихотворенія, подъ копорыми вмѣсто имени автора поставлены буквы: *Е. Б.*, исполнены поэтической живописи, силы чувствованій и прекраснаго, гармоническаго слога. Ихъ четыре: 1. Оправданіе, 2. Сонетъ, 3. Черепъ и 4. Звѣздочка. Мы невольно остановились на прелъемъ. Подобный предметъ есть въ стихотвореніяхъ знаменитаго Байрона. Мы изъ любопытства сравнивали сіи два произведенія. Рускій стихотворецъ въ этомъ случаѣ гораздо выше англійскаго. Байронъ, сильный, глубокій и мрачный, почти шепотомъ говорилъ о Черепѣ умершаго человѣка. Нашъ поэтъ извлекъ изъ этого предмета поразительныя истины.

Въ Сѣверныхъ Цѣвняхъ помещено нѣсколько проstonародныхъ пѣсень: однѣ

ергескія, другія сербскія, а третьи по-
 дражанія рускииъ. Переводомъ проспона-
 родныхъ новогергескихъ пѣсень публика
 наша обязана Н. И. Гнѣдигу. Разбирая
 ихъ поэтическія красоты, можно чув-
 ствовашь, что вдохновеніе не покинуло
 еще этой нѣкогда цвѣтущей и счастливѣйшей
 страны, а нынѣ искупающей
 послѣдними своими силами долговремен-
 ное и позорное невольничество. Перевод-
 чикъ сохранилъ въ нихъ всю прошлую,
 игривость и естественность выраженій,
 копорыми обыкновенно оплечаются сіи
 произведенія народнаго ума. Сербскія пѣ-
 сни, переводъ г. Востокова, взяты изъ
 собранія сербскихъ пѣсень Вука Стефа-
 новича. Въ нихъ много красоты ориги-
 нальной, особенно, если смотрѣшь на изо-
 брѣшеніе мыслей. Въ разсужденіи выра-
 женій и размѣра переводчикъ ни сколько
 не ощутилъ ошъ лучшихъ нашихъ пѣ-
 сень. Подражанія проспонароднымъ ру-
 скииъ пѣснямъ сочинены Барноиъ Дель-
 вигомъ. Они шакъ удачны, шакъ близки
 къ своимъ оригиналамъ, что современемъ
 могутъ замѣнить ихъ. Пѣсня, изъ рода

новѣйшихъ, и Романсъ того же сочинителя принадлежатъ къ лучшимъ спихошвореніямъ въ Сѣверныхъ Цѣвшахъ. Но примѣчательнѣйшее произведеніе Барона Дельвига, есть идиллія: *Купальницы*, написанная размѣромъ древняго экзаметра. Ея сославъ, ходъ, краски невольно переносятъ чипашеля въ древнюю Грецію, гдѣ видишь памъ совершающееся предъ нимъ дѣйствіе. Въ ней такая полнота поэтическихъ мыслей, картинъ и описаній, что, по видимому, авторъ жилъ во времена, имъ изображаемыя.

Къ числу вриятнѣйшихъ и особенно любопытнѣйшихъ спихошвореній надобно отнести: *Цѣвты, выбранныя изъ греческой анѳологіи*. Это надписи, переведенныя съ греческаго языка. Имени переводчика подъ ними не означено. Ихъ число, пятнадцать. Переводчикъ сохранилъ въ нихъ размѣръ оригиналовъ: по большей части древніе экзаметры съ цѣцшаметрами, какъ сочинялись у древнихъ всѣ эпиграмматическія спихошворенія. Въ нихъ заключающіяся разительнопредкрасныя мысли. Языкъ перевода у-

дивншельно силенъ, чистшъ, правилень
и прїяшенъ. Вотъ для образца одна: *Къ
смерти (Асавій)*.

Смерши ль спрашишься, о други! Она спокой-
спвія машерь;

Въ горь опрада; бѣдамъ, шяжкимъ боль-
знямъ конецъ.

Разъ къ человѣкамъ приходишь, не боль—и день
разрушенья

Намъ обречень лишь одинъ: дважды не
гибнулъ никшо.

Скорби жь съ недугами жизнь на земль о-
справляюшь всечасно;

Туча минуешъ—за ней новая буря грозишь.

Спихотворенія *И. И. Козлова*, опли-
чающіяся прелестію поэшическихъ дви-
женій и благозвучнаго языка; *Князя Вл-
земскаго*, въ которыхъ сила слога всегда
равняется игривости мыслей; *Ө. Н. Глин-
ки*, исполненныя высокихъ и чистыхъ
порывовъ души, равнымъ образомъ укра-
шающъ этомъ альманахъ. Подробный
разборъ произведеній приведенныхъ нами
поэшовъ и многихъ другихъ увлекъ бы
насъ слишкомъ далеко. Мы предположи-
ли здѣсь ограничиться нѣкошорыми об-
щими шолько замѣчаніями. Впрочемъ и

они могутъ дать понятіе читателямъ нашимъ, сколько разнообразія и красоты находится въ поэтической части Сѣверныхъ Цвѣтовъ.

Мы думаемъ, что подобный альманахъ совершенно оправдываетъ свое назначеніе, представляя публикѣ прекрасные образцы ума, вкуса и языка нынѣшнихъ лучшихъ нашихъ писателей.

Плетневъ.



ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

I.

Н. И. Гнѣдигъ, извѣстный любительямъ русской словесности своимъ счастливымъ поэтическимъ талантомъ, литературнымъ свѣдѣніями и вкусомъ издалъ книгу, подъ названіемъ: *Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, съ стихахъ, съ приближеніемъ сведений, сравненій ихъ съ простонародными пѣснями рускими и примѣтаній*. Изданіе украшено картишкою изображающею нынѣшняго война греческаго. С. п. б. 1825. Цѣна на люб. бум. въ красивой оберткѣ 6 руб., на велен. въ папкѣ 8 руб. Продается на Невскомъ просп., въ домѣ, принадл. **ИМПЕРАТОРС.** публ. Библіотекѣ, въ квартирѣ **Николая Ивановича Гнѣдига**, и въ домѣ **Кусовникова**, у Казан. моста, въ книжномъ магаз. **Ивана Васильевича Слѣнина**. Иногородные, относясь на имя послѣдняго, не плашась за пересылку.

II.

Къ числу пріятнѣйшихъ литературныхъ новостей нынѣшняго года относятся слѣдующія двѣ книги: 1. *Руская Старина. Карманная книжка для любителей отечественнаго*, изданная **А. Корниловителѣмъ**. Продается въ книжныхъ магазинахъ **Слѣнина** и **Смирдина** по 10 руб. экз. въ папкѣ. 2. *Руская Талія*, подарокъ любителямъ и любительницамъ отечественнаго театра. Издалъ **Фаддей Булгаринъ**. Съ пятью портретами и виньешомъ. Продается въ переплетѣ у входа въ театръ и во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 12 руб. Иногородные не прилагаютъ денегъ за пересылку, адресуясь на имя издашеля **Ф. В. Булгарина**.



олучать непременно въ первыхъ числахъ мѣсяца.
ри книжки будутъ составлять часишь сего изданія.

Вырученныя деньги изданіемъ *Соревнователю
Грѣшницъ и Благотворенія*, Общество, по Уставу
воему, назначаетъ на постоянныя и временныя по-
обія неимущимъ членамъ и членамъ, о чемъ по-
робно извѣщаетъ Публику къ списанью журнала, подъ
азваніемъ: *Автописи Общества*; по сему желающіе
одѣйствовать сей благотворной цѣли могутъ вно-
ить за экземпляръ годоваго изданія и болѣе подпис-
ой цѣны, копорая для здѣшнихъ гг. подписчиковъ,
езъ доставки журнала на домъ, назначается *двад-
цать пять рублей*, а съ доставкой и также пере-
ылкою въ другіе города, *тридцать рублей*.

Имена особъ, доставившихъ за журналъ нѣко-
рое количество денегъ сверхъ подписной цѣны, и
обоимъ всѣхъ *Благотворителей* припечатываются
въ *Автописяхъ Общества*.

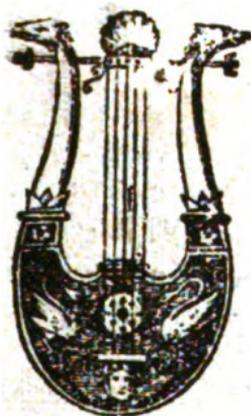
Подписка принимается въ Санктпетербургѣ —
въ домъ Собраній Общества на Вознесенскомъ про-
пектѣ, 3 Адмиралтейской часши, 4 кваріала, подъ
н. 254; также въ книжномъ магазинѣ Коммиссіонера
Общества И. В. Слѣнина у Казанскаго моста и въ
библіотекѣ для чтенія покойнаго В. А. Плавильщи-
ова у Синяго моста, что нынѣ А. Ф. Смирдина.

Иногородныя особы, желающія получить сей
журналъ, могутъ относиться въ Газетную Экспеди-
цію С. Петербургскаго Почтамта.



СОРЕВНОВАТЕЛЬ
ПРОСВѢЩЕНІЯ
И
БЛАГОТВОРЕНІЯ.

1 8 2 5.



№ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**Въ Типографіи Императорскаго
Воспитательнаго Дома.**

Ж У Р Н А Л Ъ

СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВѢЩЕНІЯ и ВЛАГОТВОРЕНІЯ; издается съ 1848 г. Санктпетербургским Вольнымъ Обществомъ Любителей Россійской Славы и просвѣщенія.

Въ составъ сего журнала входятъ слѣдующія четыре отдѣленія:

I. ЛИТЕРАТУРА. — Сіе отдѣленіе будутъ составлять:

А. Проза — Любопытныя историческія описанія; записки путешественниковъ; картинныя описанія разныхъ предметовъ; біографіи знаменитыхъ людей; нравственныя повѣсти, и всѣ сочиненія, относящіяся къ изящной прозѣ.

Б. Поэзія. — Всѣ небольшія произведенія поэзіи, также ошрывки изъ поэмъ, и проч.

II. НАУКИ. — Занимательнѣйшія изслѣдованія по части нравственно-политическихъ и физическихъ наукъ; разысканія древностей, особенно касающихся до опечетства нашего, и проч.

III. КРИТИКА. — Сіе отдѣленіе предназначается для разбора всего, что можетъ быть предметомъ вкуса, какъ то: *лучшихъ* сочиненій въ стихахъ и прозѣ, произведеній оплитныхъ художниковъ и п. п.

IV. СМѢСЬ. — Въ семь отдѣленій будутъ помещаемы: крашкія извѣстія объ открытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ; о вновь выходящихъ книгахъ, которыя должны обратитъ на себя особенное вниманіе; мѣшописи общества — и вообще все, что не могло войти въ прежнія отдѣленія.

Въ теченіе года выйдеть двѣнадцать книжекъ журнала, изъ которыхъ каждую гг. подписавшіеся

К Р И Т И К А.

ОСОБЕННОЕ ДОСТОИНСТВО РЪЧЕЙ,

ГОВОРЯЩИХЪ

ГРЕКАМИ И РИМЛЯНАМИ.

(Съ Англійскаго издѣнія Блеквола).

Чтеніе историческихъ классиковъ, полезное для каждаго, въ особенності необходимо для тѣхъ людей, которые по званію и сословію своему могутъ быть призваны на высшія степени въ государствѣ. Рѣчи великихъ людей въ Греціи и Римѣ, какъ мастерскія произведенія, исполненныя основательными разсужденіями и истиннымъ краснорѣчіемъ, заслуживаютъ тщательнаго изученія и подражанія. Ораторы классическіе излагаютъ мысли свои обстоятельно и сильными доводами подкрѣпляютъ ихъ. За-

Часть XXIX. Кн. II.

8

мѣчанія ихъ умѣстны и возбуждаютъ удивленіе; возраженія остроумны; поученія ясны и занимательны. Они смѣлы безъ дерзости, спрости съ приличіемъ. Они швердо шесивуютъ къ цѣли своей, и искусно постигаютъ свойство предметовъ и характеръ людей, къ коимъ относятся ихъ рѣчи. Здравая нравственность и пылкость генія замѣчаются во всѣхъ ихъ выраженіяхъ. Однимъ словомъ: ни одна часть сочиненій древнихъ споль совершенно не обработана и не заключаетъ въ себѣ споль много занимательнаго и вмѣстѣ поучительнаго, какъ ихъ рѣчи. Кажется, что они на украшеніе ихъ испостили всю силу своего искусства. Истории древнихъ могутъ бытъ сравниваемы съ прелестною спраною, лежащею подъ открытымъ и вѣчно улыбающимся небомъ, украшенною всѣми пріятностями мѣстоположенія и неисчерпаемымъ изобиліемъ. Избранныя же ихъ сочиненія и рѣчи суть мѣста, особенно счастливыя и обильныя, разбросанныя по сей землѣ, на которыя природа щедрою рукою излила блага свои, а искусство сдѣлало изъ нихъ

приличное и благороднѣйшее употребленіе. Древніе писатели съ такимъ тщаніемъ, съ такою строгою разборчивостію прудились надъ орапорскими своими произведеніями, что, чѣмъ болѣе они приносятъ удовольствія читателю, тѣмъ болѣе подвергаются критическимъ замѣчаніямъ. Рѣчи ихъ весьма высоки и изящны; и лица, коимъ онѣ приписываются, не могли въ тѣ времена объяснять мыслей своихъ языкомъ, столь правильнымъ. Я разумѣю подъ симъ, что они не могли излагать съ такимъ строгимъ порядкомъ всѣхъ словъ своихъ, какъ намъ передаютъ испорики. Но шакъ какъ нельзя опровергнуть, чтобы великіе люди, упоминаемые въ испоріи, не имѣли частыхъ случаевъ говорить всенародно; по нѣшъ сомнѣнія, что во многихъ отношеніяхъ рѣчи ихъ были точно описываемаго содержанія. Фабій Максимъ и Сципіонъ, Цезарь и Капонъ могли шакже искусно сочинять, какъ и самые Ливій и Саллюстій; а Перикль былъ орапоромъ, не уступавшимъ ни въ чемъ Фукидиду. И шакъ, если, судя по обыкновенному порядку, мѣстные обстоя-

пельства могутъ возбуждать мысли высокія; но нельзя не признавать, что многіе изъ сихъ знаменитыхъ людей говорили почто такъ, какъ предспавляютъ намъ искусные и краснорѣчивые писатели. Правда, что испорички, украшая отъ себя рѣчи героевъ всѣми правилами вишійства, погрѣшаютъ противъ вѣрояшія и строгихъ правилъ испорического повѣствованія: но великіе умы часно позволяли себѣ уклоняться отъ обыкновенныхъ школьныхъ ограниченій. Великіе классики были также подвержены человѣческимъ слабостямъ и заблужденіямъ; но пусть ихъ крипики впадутъ въ подобныя погрѣшности, сохранивъ припомъ и всѣ красоты сихъ несравненныхъ писателей: ученый свѣтъ не только проститъ имъ ихъ ошибки, но еще осыплетъ ихъ досподолжными похвалами. Мы скажемъ на счетъ извѣстной знаменитой рѣчи Марія у Саллюстія и прочихъ, кои наиболѣе въ семъ отношеніи подвержены крипическимъ замѣчаніямъ, но же, что друзья Виргилія сказали, когда упрекали его въ несоблюденіи хронологическаго порядка

въ его повѣствованіи объ Энеѣ и Дидонѣ: что если бы шаковыя мѣлочи могли удержашь перо сихъ великихъ мужей; по свѣпшь лишился бы однихъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ и занимательнѣйшихъ произведеній ума человѣческаго. Впрочемъ кшо бы ни соспавиль сіи славныя рѣчи и пренія: онѣ шакъ приличествуюшъ положенію дѣлъ и времени, описываемыхъ авторами, и шакъ благоразумны и убѣдительны, что чашель, вмѣстѣ съ удовольствіемъ, почерпаетъ для себя и поученія. Полное разсужденіе о красотахъ главныхъ рѣчей въ историческихъ классикахъ было бы сочиненіемъ, достойнымъ пера знаменитѣйшаго писателя. Я постараюсь описать въ краткихъ чертахъ двѣ рѣчи, взяшыя изъ Фукидида и изъ Тацита.

О надгробной рѣчи, говоренной Перикломъ

Надгробная рѣчь, говоренная Перикломъ въ честь храбрыхъ его соотчичей, падшихъ на полѣ бившвы, исполнена здоровыми разсужденіями и мужественнымъ

краснорѣчіемъ. Она украшена мудрыми замѣчаніями и выраженіями, показывающими рвеніе его къ чести своего опечеснва. Онъ не распочаетъ воище похвалъ своихъ; но возвышаетъ должности государственныхныя, поешавляя на видъ безпристрастіе и разсмотришельность, съ которыми онъ всегда распредѣляющся. Онъ превозноситъ умершихъ, чіобы тѣмъ побудить оставшихся въ живыхъ послѣдовать ихъ примѣру, и сильными убѣжденіями пошрясаешъ души своихъ слушателей. Онъ указываетъ на безсмертныя почести, воздаваемые памяти умершихъ и на великодушное призрѣніе, оказываемое правишельствомъ вдовамъ и сиротамъ, оставшимся послѣ храбрыхъ воиновъ, положившихъ за опчизну главы своя на полѣ чести. Онъ приписываетъ подвиги, свершенные падшими героями, частію превосходному устройству Аѣинскаго правленія, копорое, продолжаетъ онъ, поддерживаетъ между гражданами споль опличный порядокъ и обеспечиваетъ ихъ и потомковъ ихъ преимущества, споль драгоценныя, чіо каждый сынъ опчества и добрый

гражданинъ считаешъ за счастье жертвовашъ жизнью для сохраненія правъ сихъ, если уже не для себя, но для позднѣйшаго потомства своего. Знаменитый ораторъ искуснымъ образомъ описываетъ характеръ Афинянъ, своихъ соотечественниковъ. Онъ представляешъ ихъ храбрыми безъ опромѣчивости, привѣтливыми, любезными, но съ духомъ швердымъ и неизмѣненнымъ. Афиняне, говоришъ онъ, обходительны съ своими гражданами, и ласковы съ чужеземцами. Они любяшъ упражняшся въ наукахъ и наслаждашся всѣми удовольствіями во время мира. Но гласъ войны не успрашаешъ ихъ, и предстоящіе труды не ослабляюшъ ихъ мужества. Съ друзьями они великодушны, съ врагами грозны и не умолимы. Они пользуются совершенною свободою, не употребляя во зло благодѣтельнаго ея вліянія. Одна только боязнь нарушишъ законъ извѣсна ихъ благородному сердцу.

О рѣчи Муція у Тацита.

Муціева рѣчь у Тацита заключаетъ въ маломъ пространствѣ весьма много прекраснаго. Всѣ степені убѣжденія изложены въ ней краткимъ, но яснымъ и сильнымъ образомъ. Онъ заклинаетъ Веспасіана, именемъ его отечества, обогрѣннаго кровію, любовію, копорую онъ пишаетъ къ достойнымъ сынамъ своимъ, не уступашъ имперіи Випеллію; обѣщаетъ ему непремѣнный успѣхъ, если онъ съ приличнымъ мужествомъ опважился на сіе славное предпріятіе; исчисляетъ ему все зло, могущее произойти, если онъ не воспользуется симъ благопріятнымъ случаемъ. Онъ ободряетъ сего государя, указуя на число и успройство войскъ его, на преданность къ нему друзей его, на пороки его соперника и собственныя его добродѣтели. Великій мужъ сей, отдавая честь Веспасіану, старается уменьшить свою собственную славу: но если онъ уступаетъ первое мѣсто въ достоинствѣ Веспасіану; то второе несомѣнно принадлежитъ ему самому. Никогда смѣлая

мысли не сочешались споль удачно съ выраженіями снисходительными. Онъ проситъ и вмѣстѣ убѣждаетъ; говоритъ вольно и привѣжливо. Однимъ словомъ: онъ изъясняешся отважно, какъ воинъ, и свободно, какъ другъ. Привѣщствія его отличаются ловкостію искуснаго царедворца, совѣсны благоразуміемъ и осмощельностію опышнаго мужа государственнаго.

А. Замѣтки.



Л И Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

О Т Р Ы В О К Ъ
ИЗЪ РИМСКИХЪ ПИСЕМЪ (*).

П И С Ь М О XI.

Поимклетъ къ сеспрѣ своей
Родоуѣ.

*Римлянки. — Ихъ одежда. — Уборы. —
Весталки.*

Пишу къ тебѣ, любезная Родопа!
Предметъ сего письма особенно до тебя
касается: потому что когда дѣло идеть
о добродѣтели, красотѣ и любезности; то

(*) Изъ книги: Voyage de Polyclète, ou Lettres romaines, par le Baron Alexandre de Théis. — Эти письма, состоящія въ двухъ большихъ томахъ, заключають въ себѣ все, что исторія и наука древнейшей ос-

все эшо должно опносисья къ милой моей сеспрѣ. Между шѣмъ, какъ, запершись въ гинцефъ, шы съ подругами своими вышиваешь имена героевъ на вѣсприлѣ корабля, копорый въ наши празднесшва разѣзжаешъ по площадямъ Аѣинскимъ, я здѣсь освѣдомляюсь объ учасши шого пола; коему шы служишь украшеніемъ, и вижу, чшо люди вездѣ любяшъ воздавашъ честь богамъ въ прекраснѣйшемъ ихъ швореніи.

Тяжко мнѣ сознашъся, а болѣе всего сказашъ шебѣ, чшо женщины первыхъ Римлянъ превзошли женцинь всѣхъ народовъ героическою привязанносцію къ родинѣ и нѣжносцію къ своимъ семействамъ. Наши Аѣинянки одарены качествами, копорыя, можешъ бышь, болѣе блистательны, нежели прочны; Лакедемонян-

шавила намъ о Римлянахъ: ихъ нравы, обычаи, часшную жизнь, карпину города Рима, изображеніе силы и могущества древней Римской монархіи и пр. Переводчикъ надѣешся со временемъ издашь полный переводъ сей любопышной книги.

ки отличаются такимъ мужествомъ, котораго природа не одобряетъ: но въ Римѣ женщины соединяютъ съ просвѣщенной любовію къ опечеснѣннѣ добродѣтели нѣжной мапери и приверженность супруги. Сабинянки, Люкреція, Веспурія, Корнелія всегда будутъ славою и примѣромъ своего пола. Имена ихъ пройдутъ до позднѣйшаго потомства. Женщины, изъ какаго бы ни было народа, вспомнутъ ихъ съ гордостью, а мужчины съ уваженіемъ; но вѣки, обильнѣйшіе дѣлами великодушными, не шѣ, въ которые онѣ болѣе всего блистаютъ. Тогда ихъ едва примѣчали, между шѣмъ какъ сіи женщины, кои теперь о нихъ шакъ благосклонно вспоминаютъ, можешъ бышъ, неспособны имъ подрашашъ. Но осмѣляшся ли мужа за шо ихъ упрекашъ, когда сами они споль удалились отъ своихъ предковъ? Гдѣ нынѣ шѣ, кои опрекаютъ онѣ почестей, или пріемлютъ ихъ только по долгу и оставляютъ безъ сожалѣннѣ? Добродѣтели должны всегда ишши рядомъ въ обоихъ полахъ, а шопѣ кшо явно ихъ

опровергнулъ, неправъ требовашъ ихъ
ошъ другаго.

Давно уже замѣчено, что участь жен-
щинъ шѣмъ доспойнѣе сожалѣнія, чѣмъ
ближе народы къ соспоянію есшесшвенно-
му. Здѣсь ша же причина произвела про-
шивное дѣйспвіе. Полудикой жизни перво-
бышнихъ Римлянъ обязаны ихъ женщины
шѣми преимущесшвами, кои онѣ умѣли со-
хранить. Основатели Рима, сборъ людей,
копорымъ негдѣ было приклонить голо-
вы, не иначе могли найши себѣ женъ, какъ
похищеніемъ дочерей у своихъ сосѣдей
среди народнаго празднества. Нѣжностію
и угожденіями они склонили ихъ къ со-
жипельсшву съ собою: и скоро любовь
забыла вины хищенія. Но Сабиняне го-
швились опмспишъ за оскорбленіе. Уже
оружіе было занесено; кровь гошова была
пролишьяся: когда юныя супруги броси-
лись посреди воиновъ, громко увѣряя, что
онѣ довольны своимъ соспояніемъ. Гнѣвъ
успунилъ крошкимъ ихъ мольбамъ: и два
народа навѣки соединились. Благодарность
сочешалась съ любовью Римлянъ къ ихъ су-
пругамъ, и оба сіи чувсшва, одно другимъ

подкрѣпляемыя, дали женщинамъ по вліяніе, которое безпрестанно возраспало.

Въ Греціи владычество ихъ ограничено домашними заботами. Но здѣсь онѣ участвуютъ во всѣхъ увеселеніяхъ. Онѣ показываются въ театрѣ, на играхъ народныхъ; украшаютъ собою всѣ празднества. Онѣ вольны посѣщать родственниковъ и друзей своихъ; однако жъ обыкновеніе шребуешь, чпобъ за ними шли невольники, и чпобъ онѣ носили на головѣ покрывало. Одинъ Римлянинъ, по имени Сульпицій Галлъ, развелся съ женою за то только, что она показалась въ народѣ безъ покрывала. Но сей обычай съ каждымъ днемъ шперяешь свою силу: и скоро невольникъ спанешъ судить о красотѣ лица шой, которую онъ никогда не долженъ бы видѣть. Сія свобода, дарованная женщинамъ въ справедливой соразмѣрности, предопвратила безпорядки, споль у насъ частые, чшо они сдѣлались неизбѣжнымъ слѣдствіемъ излишней строгости. Пылкія наши Аеинянки, будучи лишены шого блага, на которое по чувству и убѣжденію имѣють онѣ право, не

боялись иногда покупать его цѣною добродѣтели, и, бывъ по уму и дарованіямъ соперницами мушницъ, онѣ возвысились надъ своимъ поломъ. Аспазія показала бы здѣсь существомъ неесшвеннымъ; а другія женщины, коихъ и самыя имена шебѣ неизвѣстны, хошя и звучали по всей Греціи, никогда бы въ Римѣ не приобрѣли посшдыной своей славы.

Пока Римская республика не познакомила съ богатшвами, жены, по примѣру мужей своихъ, вели жизнь суровую и прудолюбивую. Запершись въ домахъ своихъ, онѣ забошались о дѣшяхъ, прями шерсть и шкали просшыя шкани для одеждъ своего семейшва. Мало по малу, онѣ просшили съ эпою проспошою, Уже наряжались онѣ въ богатшйшія убраншва, когда законъ *Опнійскій* (*lex Opria*), изданный въ 540 году, въ годину опасносшей, копорыя республика многокращно шерпѣла, напомнилъ Римлянкамъ о суровыхъ нравахъ первобышнихъ временъ Рима. Онѣ спрого запрещалъ имъ носить въ уборахъ своихъ болѣе полу-

цій золоша, одѣвашся въ разноцвѣшныя плашья и ѣздишь въ колесницѣ по горѣду. Съ благопріятною перемѣною обшпелельсшвъ, законъ сей нечувспвишельно позабывался, и наконецъ былъ ошмѣненъ въ 558 году. Съ шѣхъ поръ роскошь безпреспанно возраспала у жѣнщинъ. Но когда Римляне вшорглись въ обласпи Азійскія; шогда не было уже ей предѣловъ.

Жѣнщина високаго званія не смѣешь показашся въ народъ, если перлы, золошо и драгоцѣнныя камни не блеспяшь на всѣхъ ея нарядахъ. Убрансшво головы самый изъ нихъ важнѣйшій и шребуешь попеченій болѣе прочаго. Волосы знаншой Римлянки вымышы нарочно для шого пригошвляемою водою, кошорая придаешь имъ цвѣшь и лоскъ. Ихъ намазываютъ драгоцѣнными благовошіями, покрываютъ золошою сѣлцою, или, искусно собравъ, связываютъ пурпуровыми повязками, масперски сдѣланными цѣпочками, или прешо длинною золошою булавкою. Иногда, желая напомнишь супругу своему всегда пріятныя для него предмешы, Римлянка стараешся дашь головному сво-

ему убору видъ шлема. Если природа лишила чело ея лучшей его красы; и тогда она умѣетъ сокрыть измѣну времени, и, обманывая глаза любопытства и зависти, часто слоною костью Индіи возвращаетъ уснамъ своимъ прежнюю ихъ свѣжесть. Словомъ: Римлянки спаряются возвысивъ красоту природную, исправляютъ недоспашки, замѣняютъ убылое: и желаніе нравишься, сія первѣйшая нужда существа, созданнаго любить, заставляешь извинять средства.

Послѣ головного убора, слѣдуетъ обувь, о кошорой почти столько же прилагаютъ спараній; она похожа на мужскую, но красивѣе и легче. Римлянки хощаютъ, чшобъ ноги ихъ охватывалъ башмачокъ, обыкновенно почти бѣлый, а иногда пурпуровый, коего носокъ слегка согнутъ. Онъ усаженъ перлами, или золотыми блесками.

Одежда Римлянки, называемая *столею* (stole), соткана изъ шонкой шерсти, окрашенной въ багряный цвѣтъ; снизу она обшита широкою бахромою, и по большей части золотою, спускающеюся по-

уши до пяты. Подъ симъ плашьемъ Римлянки носятъ *тунуку*, похожую покроемъ на мужскую, но длиннѣе и съ доходящими до ручной кисти рукавами. Когда Римлянка выходитъ изъ дому; то надѣваетъ сверхъ сихъ разныхъ плашьевъ широкую одежду, называющуюся *палла* (*palla*), или *пеллѣ* (*perlus*), по сходству ея съ покрываломъ.

Но какъ рѣшишься описывать тебѣ ожерелья, серги, румяны, припиранья, мушки, запястья, перстни и множество другихъ блестящихъ бездѣлокъ, которыхъ самыя имена уходятъ у меня изъ памяти, когда я хочу ихъ перечесать? Могу ли съ точностію опредѣлить тебѣ завивальныя щипцы, щипчики, зеркала изъ полированной стали, или мѣди, ножницы и пр. и пр.? Римляне весьма удачно выражаютъ сія неисчислимыя предметы на своемъ языкѣ, называя ихъ *женскимъ міромъ* (*mundus muliebris*). Женщины плашаютъ за шушку шушкою, говоря, что женщина безъ перловъ все равно, что консуль безъ ликпоровъ; и когда мужья укоряютъ ихъ за неумѣренную спросать

къ нарядамъ, онѣ отвѣчаютъ, что это дѣло благочестія: жертва Граціямъ. Наконецъ, чтобы ни говорилъ, чтобы ни дѣлалъ мужъ, но принужденъ замолчать; и когда онъ прилѣжно всмопрится во все, что вокругъ него происходитъ, то можешь увѣришься, что онъ еще не самый несчастный изъ мужей.

Одѣяніе просвѣтыхъ гражданокъ гораздо скромнѣе: оно состоитъ изъ шуники, общаго плашья обоехъ половъ, и шюга, кошорая длиннѣе мужской и застегиваеця подъ грудью широкимъ поясомъ; сія шюга укрѣплена спереди и окушываеця все шюло. Правая рука выходитъ сверху, а лѣвая, приподнявъ полы одежды, образуетъ изъ нихъ красивый, волнующійся сгибъ, называемый *zipus*.

Женщины, какаго бы ни было званія, по смерти мужей, или ближнихъ родствениковъ, не носятъ ни золоша, ни багряницы въ своемъ уборѣ. Онѣ одѣваются тогда въ черное, весьма широкое плашье, называемое *gisinium*. Въ день погребенія надѣваютъ онѣ по нѣскольку шапкихъ плашьевъ, и бросаютъ одно за

другимъ на косперь своего мужа, или отца. Это весьма древній обычай; о немъ упоминается въ законѣ Двѣнадцати Скрижалей, кошорый не позволяешъ сжигашъ болѣ шрехъ шакихъ одеждъ при семъ случаѣ.

(Окончаніе впрѣдъ).



Н Ы Н Ъ Ш Н І Я Ж Е Н Щ И Н Ы .

. . . . Nosce ingenium mulierum.

Теген.

Любезный другъ! Въ послѣднюю нашу прогулку ты сказалъ, что недоволенъ мною, зачѣмъ я не упоминалъ о женщинахъ и забылъ ихъ въ сочиненіи, посвященномъ описанію нравовъ нашего времени. Изъ уваженія шолько къ такому замѣчанію я рѣшаюсь говорить о чемъ либо другомъ, кромѣ скупки векселей и сбавки проценшвъ. Знай, что леперь всѣ исключишельно эшимъ занимающся: мы опяшь возвратились къ счастливымъ временамъ *системы*. Впрочемъ я думаю, что изъ двухъ случайныхъ предметшвъ: денегъ и женщинъ, могу предпочесть безъ особенныхъ неудобшвъ шощъ, кошоры

больше себя нравишься. Какъ бы ни шли дѣла, мы все еще успѣемъ поговорить о кошелькѣ прежде, нежели онъ опустѣеетъ.

Если бы вопросъ, *гдѣмъ занимаются въ Парижѣ женщины*, ты сдѣлалъ мнѣ шогда, когда я бываю невдухъ; я опшвѣчалъ бы эпиграммой Панара на его жену: *онѣ издѣваются, одѣваются и раздѣваются*. Но знаю, что не удовлетворю себя этимъ спарымъ краснымъ словцомъ, и, вмѣсто одного вопроса, ты сдѣлаешь мнѣ три: *надѣ гдѣмъ онѣ издѣваются? какѣ одѣваются? въ которомѣ часѣ и сколько разѣ раздѣваются?* И шакъ не лучше ли опшвѣчать на вопросъ швой въ проешомъ его значеніи?

Г-жа С-нъ Ламберъ удивляется, что о женщинахъ не можешь говорить справедливо и умѣренно. Я, кажешся, нашель штому причину: ихъ судашь по образцу, кошорый въ сердцѣ, или предѣ глазами. Поняшя о женщинахъ рѣдко бывають общими: даже и въ наши почтенныя съ шобою лѣша, мой другъ, когда бы должно было смотрѣшь на нихъ безприспращнымъ окомъ, насъ преслѣдуютъ часп-

ныя воспоминанія, копорыя могуць, если не оспережешься, ввеси насъ въ заблужденіе. Благодаря Бога, я долженъ предохранить себя отъ одного только къ нимъ приспращія: и слѣдовательно мнѣ легче другихъ бышь къ нимъ справедливымъ.

Прежде говорили, что въ женщинѣ три стихіи: власполюбіе, удовольствіе и щеславіе. Первое, вѣроятно, очень уменьшилось. Я примѣчаю, что женщины опускаютъ съ каждымъ днемъ отъ одного какаго нибудь права, и отказывающа отъ власти для лучшаго утвержденія независимости своей. Сіе новое направленіе женскихъ умовъ произвело въ нравахъ ихъ перемѣны, о кошорыхъ я буду съ шобою говорить.

Прежде женщины или отвращали взоръ отъ любимаго мужчины, или только на него одного и глядѣли: теперь онѣ на всѣхъ смотрятъ одинаково. Другъ нашъ Вольсанжъ, справедливо названный шобою Анпи-Томасомъ, говоритъ, что изъ эшаго нельзя еще заключать, будто женщины равнодушны ко всѣмъ му-

щинамъ, но что всѣ мужчины для нихъ равны.

Я долженъ замѣшить, хотя это ослабишь всю колкость нашей переписки и не понравится тебѣ, что у женщинъ нѣтъ больше любовниковъ . . . Нѣтъ любовниковъ? Удивляйся, сколько тебѣ угодно! Порядочной женщинѣ не только неприлично имѣть любовника, но и смѣшно. Я помню время, когда женщинъ хорошаго общества больше знали по именамъ ихъ любовниковъ, нежели мужей: время это прошло, и повѣрь мнѣ, соблазнъ сей, который прежде гордились, теперь въ величайшемъ презрѣннiи.

Вольсанжъ, соглашаясь въ справедливости и точности сего замѣчанiя, утверждаетъ, что это не даетъ права думать, будто супружеская вѣрность въ Парижѣ менѣе подвержена опасностямъ теперь, нежели была прежде. Онъ говоритъ, что въ семъ случаѣ, для точнѣйшаго понятiя разсмашиваемого нами предмета, надобно знать истинное значенiе слова *капризъ*, которое вѣроятно замѣнило слово привязанность. Я согла-

сень съ шобою, говорилъ онъ съ свойственною ему ѣдкостію, что въ хорошемъ обществѣ всего рѣже встрѣчающся теперь прежнія связи, которыми посполнство, сходство вкуса и нравовъ придавали наконецъ соблазнительную извѣстность. Дочери такихъ женщинъ, кажется, узнали изъ примѣра матерей своихъ, что въ рѣкѣ *чувствительности* много подводныхъ камней, и что гораздо безопаснѣе десять разъ переѣхать чрезъ нее, нежели плыть вдоль по ея теченію. Послѣ эпюга, прибавилъ онъ, неподдавай поводъ къ подозрѣнію есть лучшее средство избавишься отъ него.

Мнѣ не нужно воспоминашь прошивъ сей дерзости. Я не изыскиваю причины, но смотрю на дѣйствіе. Ошъ правилъ ли, расчешливости, или ошъ духа независимости, овладѣвшаго женщинами, но должно признашья, что между ними мудрость теперь рѣшишельно въ модѣ. Я говорю тебѣ, что она есть, а не руючюсь, долго ли продолжишя.

Всѣ жалуются въ Парижѣ на упадокъ литературы, въ чемъ особенно виноваты

женщины. Онѣ не только не любящъ, не покровительствуютъ наукѣ, но смотрятъ на нихъ съ совершеннымъ презрѣніемъ. Въ замѣнъ того музыка и живопись у нихъ въ большой чести. Въ сихъ двухъ искусствахъ у нихъ не только вкусъ самый очищенный, но и большіе успѣхи. Если бъ я хотѣлъ упомянуть о многихъ первыхъ художникахъ; но былъ бы принужденъ выбрать ихъ изъ числа женщинъ высшаго общества.

Природы своей переменчивыя нельзя: и вѣрно кокетство не совершенно исчезло въ сердца дамъ нашихъ; но замѣчу (какъ одну изъ страннѣйшихъ переменъ ихъ нравовъ), что онѣ скрываютъ его съ большимъ щепаніемъ. Въ Парижѣ одинъ глупая женщины оспались кокетками: жаль, но долженъ назвать эшимъ именемъ двухъ молодыхъ своихъ пріятельницъ.

За недоспадкою политическихъ нравовъ Англичанъ, мы, кажется, заняли ихъ общественные нравы (согласись, что мы могли бы сдѣлать лучшей выборъ). У насъ много собраній, которыхъ называемъ уже *roués*, но очень мало дружескихъ круговъ.

Не думаю, чтобы теперь нашлось в Парижѣ десять домовъ, гдѣ бы принимали больше одного раза въ недѣлю, и гдѣ бы въ эшотъ разъ не собиралось болѣе сша человекъ.

Женщины высшаго общества раздѣляются на три весьма различные класса: на женщинъ нынѣшняго двора, на женщинъ прежняго двора, и на женщинъ дворовъ всѣхъ временъ, но ешъ, женщинъ очень богашыхъ. Съ небольшою опытносшю въ свѣшѣ можно узнать и шѣхъ и другихъ по первому взгляду.

Съ 1796 г., прославившагося въ льшописяхъ шанцовъ балами Ришельё и особенно балами жертвъ, гдѣ принимались шолько лишившіеся на эшафотѣ ужаса по крайней мѣрѣ ближняго родшвенника, никогда шолько не шанцовали въ Парижѣ, какъ нынѣшней зимой.

Если эша спрасшъ къ ригоданамъ можешъ сосшавляшъ всеобщее сшасшю; шо минисшры справедливо ушверждающъ, что Парижане никогда не бывали сшасшливѣе. Трудно опнесши къ другому началу спрасшъ къ баламъ въ шо время, когда

искусство Терпсихоры совершенно пренебрежено.

Я помню время, когда всѣ полпились, становились на скамьи, чѣмъ лучше видѣшь конпредансы, въ копорыхъ участвовали г-жи Х . . . I . . . , Т . . . , С . . . съ гг. Тре . . . , Шаш . . . , Б—Ф., Дец. Теперь на балахъ сшараюшся, сколько можно, удаляшся отъ заль, гдѣ 30, или 40 паръ танцуюшъ, п. е., мнушся въ мѣру, смѣшиваюшся довольно искусно въ сей блестящей толпѣ и сходяшся въ условленномъ мѣстѣ.

Я могу дать тебѣ ошчелъ о всѣхъ балахъ, на копорыхъ я былъ нынѣшней зимой, почти шакже, какъ г-жа Лафайетъ, и сказаъ вмѣстѣ съ нею: мнѣ было очень весело; шамъ не шанцовали; зала была шакъ полна, что непременно надобно было дышашъ одному послѣ другаго; учредилели праздниковъ отдали приказъ, чѣмъ никого непускашъ безъ билета, а сами роздали ихъ всѣмъ.

Хотя и признаюшъ, что нынѣ танцуюшъ хуже прежняго; но долженъ ошдать справедливостъ усовершенствована-

нію бальной музыки. Я гошовъ признашь неоспоримое превосходство дома Колинеповъ надъ Галуа и Жюліенами, ихъ предшественниками, въ дѣланіи скрипокъ, флейшъ и басовъ, изъ кошорыхъ состоипть оркестръ нынѣшнихъ баловъ. Лучшія мѣспа Россини передѣланы на концертдансы. Ты видишь изъ эшаго, что у насъ большіе балы не что иное, какъ дурные концершы. Дворы въ шопъ день покрышы коврами; аѣспница и передніа комнашы превращены въ цвѣшную роцу. Женцины, прельцающія свѣжестію лица, пріапносноію и одеждою, шѣсняшы и ешалкиваюшы въ обширныхъ залахъ, освѣщеныхъ шысыаами свѣчь. Муцины сидяшь за сполами экарше, усыпанными золопомъ, а попеченіе о дамахъ предосшавляюпть нѣсколькимъ молодымъ людямъ, посвяшившимъ себя шанцамъ по просьбѣ хозяйки. Въ сихъ общесшвахъ всѣ, кажется, заняшы рѣшеніемъ сей славной задачи Беркелея: сколько сущесшвъ въ перпендикулярномъ положеніи могушь умѣстипшыся на нѣсколькихъ квадранныхъ саженьяхъ?

Но, чтобы лучше изъяснишь тебѣ тѣ при класса, на кошорые женщины раздѣляются въ большомъ свѣшѣ, называемомъ Англичанами *high life*, я долженъ перенесись съ тобою на одинъ изъ блиспашельнѣйшихъ зимнихъ вечеровъ нашихъ, бывшій за при недѣли передъ симъ.

Мнѣ достался одинъ изъ 1500 билетовъ, розданныхъ на балъ Барона Делинго. Десять часовъ: мы садимся въ карешу; но попадаемъ въ рядъ, шлянуційся на полчешверпи мили, и приѣзжаемъ въ 12 часовъ.

Ты удивляешься успѣхамъ роскоши, проходя по богатымъ коврамъ сквозь колоннаду и сѣни, и рѣшился шерпѣливо сносишь непріятность (кошорою я угрожалъ тебѣ), долго пробывъ на лѣсшницѣ, пока не взойдешь по ней подъ навѣсомъ ясиновъ и лилей.

Прежде нашего входа въ госпинья, камердинеръ провель насъ въ кладовую, гдѣ храняшся мѣха, шали и плащи. Оспановимся на минушу въ семь мѣспѣ, украшенномъ двумя огромными Психеями. Ни одна изъ женщинъ, шамъ бывающихъ, не

выйдешь вонъ, не удосповѣрившись, не помядись ли накладки опъ верхняго ея плашья, не легъ ли какой локонь въ неправильномъ положеніи, а особливо, не подернувъ назадъ складокъ плашья, чшобы лучше обнаружись нѣжныя округлосшия ноги, придающія столько пріятности шали.

Вопъ мы и во вшорой изъ переднихъ комнашъ, преобразившейся въ первую госпинуую посредствомъ нѣсколькихъ драпировокъ, подобранныхъ розетками. Въ слѣдующей комнашѣ мы задержаны множествомъ муцинъ, кошорые еще не успѣли пробраться впередъ и разбились на группы. Подхожу опъ одной къ другой, и вижу, чшо въ каждой, даже и въ тѣхъ, кошорыя по знакамъ опличія всѣхъ земель можно бы почестъ сборищемъ дипломатовъ и военныхъ, рѣчь идетъ шолько о покупкѣ непрерывнаго дохода: и мнѣ все еще кажешся, чшо я на биржѣ.

Наконецъ, съ большимъ трудомъ прошѣснясь сквозь великолѣпныя госпиныя, гдѣ какъ будто бы шанцуюшъ, мы достигаемъ большой залы, въ кошорой, ме-

жду двухъ рядовъ сидящихъ женщинъ, прохаживается блестящая толпа шанцовщиковъ и шанцовщицъ, ожидающихъ, или пропускающихъ свою очередь.

Не прислушая еще къ описаніямъ, составимъ понятіе о совокупности каршины. Здѣсь ты можешь повѣришь истину наблюдений, копорыхъ объясненія не беру на себя. Изъ двухъ поколѣній женщинъ, населяющихъ балъ, лучшая вѣрно не всѣхъ моложе: изъ пожилыхъ дамъ одна только усупаешь дочери своей въ красотѣ. Кажется, будто время только проскользнуло по симъ прекраснымъそろкопѣшнымъ лицамъ и боялось оставишь на нихъ малѣйшіе слѣды.

Никогда въ женскихъ уборахъ не была столько вкуса, пріятности и легкости. Въ нихъ нѣтъ ничего принужденнаго, или подражательнаго; плашья, кажется, сошворены для украшенія тѣла и даже *отчасти* для прикрыванія его. Талію, копорую женщины наши, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, носили почти у плечъ, между тѣмъ, какъ Англичанки опускали ее ниже поясицы, теперь соразмѣряющъ

природѣ, которую искусство всегда должно брать за образецъ.

Во множествѣ причесокъ, почти столько же разнообразныхъ, какъ и черты лицъ, одну только отвергаетъ здравый разумъ, а именно: шокъ, названный, не знаю почему, *трокадеро*, и дающій женской головѣ видъ того, что не хочу называть настоящимъ именемъ, чтобы не испугать мужей.

И другое общее замѣчаніе не уйдетъ отъ тебя, т. е., видъ безпокойства и разсѣянности, замѣчаемый на всѣхъ лицахъ и выглядывающій изъ-подъ желанія нравиться, одушевляющаго всѣхъ женщинъ.

Единообразіе ласковыхъ взоровъ, ловкіе приемы не позволяющъ тебѣ разобрать съ перваго взгляда нѣ различные классы женщинъ, о которыхъ я говорилъ тебѣ. Подойдемъ и взглянемъ ближе.

Видишь ли даму, сидящую въ спортивѣ, на большихъ креслахъ, въ концѣ залы? Поменьше бы румянъ, и нарядъ ея весьма простой можно бы считать за неглиже. Въ ея непринужденной наружности столько естественности, ловкости, по-

чши, можно сказаць, сполько вкуса, чшо никшо не назоветь этаго смѣло-спію. Тебя равно обманываець ея обращеніе съ молодой женщиной, кошорую она посадила подлѣ себя. Наклоненіе ея головы, улыбка, миганіе глазъ (чшо всякой другой, кромѣ меня, почель бы за доброжелательствю), голосъ, поперемиѣнно ошпрывисшый и помный, не осшавляющъ мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, чшобъ дама сія не принадлежала къ нынѣшнему двору: молодая, ею обласканная, особа совершенно ослѣплена учшивоспію, кошорая со шпороны ея естъ одно объявленіе превосходшва.

Мы шолпимся, какъ и многіе другіе, около нѣсколькихъ прелесшныхъ женщинъ, и зашрудняемся болѣе Париса: кошорой изъ чешырехъ богинь ошдашь яблоко? Ты понимаешь меня: каждая имѣеть своихъ зашщитниковъ. Одни предпочишающъ женщину високаго роста, очарованные ея стройною шалією и выразишельностпію взора, поперемиѣнно самаго живаго и шомнаго. Другіе берутъ шпорону прелесшнаго личика, украшеннаго улыбкой, ис-

полнейшей пріятности. Третьи не могутъ свести глазъ съ совершенной красоты, которая бы могла служить образцемъ Праксипелю. Одни усипремяютъ художнической вѣзрѣ на прелестную голову, угаданную Рафаэлемъ въ его Мадоннѣ.

Не принимая званія судьи въ щекошливомъ вопросѣ: которая лучше, я возвращаюсь къ должности наблюдателя и заключаю по какимъ-то неизъяснимымъ прелестямъ, по какому-то виду шоржешва, смѣшаннаго съ горестію, что сіи женщины были украшеніемъ прежняго двора.

Замѣшь хорошенько другой кругъ женщинъ. Блескъ ихъ одежды менѣе поражаетъ тебя, нежели независимость ихъ мнѣнія отъ образа мыслей прочихъ женщинъ. Онѣ пользуются преимуществами прошедшаго и наступающаго времени. Самонадѣяность ихъ происходитъ отъ убѣжденія, что никто не можетъ лишишь ихъ преимуществъ, которыми онѣ

обладающъ подъ покровишельствомъ ош-
цевъ, или супруговъ: онѣ держатъ скиптръ
дѣяшельности, и могущество ихъ безпре-
дѣльно.

Изъ Жци Б. И — вѣ.



П О Э З И Я.

ГНѢВЪ ГОСПОДА НА НЕЧЕСТИВЫХЪ.

(Изъ Пророка Іезекіиля).

Господь покрылъ меня рукою,
И спалъ я духомъ восхищенъ:
И мнѣ опверзлись шайны неба
И шайна вѣчноспи нѣмой . . .
Я близко видѣлъ Херувимовъ
Въ беззнойномъ пламени свяшомъ;
И, преломаясь съ небесъ надзвѣздныхъ,
Господь вѣщаль моей душѣ:
„И ты, мой рабъ, съ другими вмѣшѣ,
Такъ сладко дремлешь *подъ бѣдой!*
Заснули очи ихъ и уши;
Не слышатъ гласа и не зрятъ
Моей грозы явленій страшныхъ;
Ослѣпли въ буйствѣ ихъ сердца:
Среди крамоль и пылкихъ преній,
Упавшися злобой и грѣхомъ,

Не видяпть истинноиѣ видѣній.
 Но горе имъ: ихъ сонъ имъ смерть!
 Напрасно, нѣжась, разсуждаюпть:
 „Еще нескоро придетъ часъ
 Словесъ Господнихъ исполненья;
 Еще успѣемъ осушить
 Злашую чашу наслажденья.“
 Неправда, грѣшники! Не вамъ
 Плоды земнаго счастья зрѣюпть:
 Скажи имъ голосомъ Моимъ,
 Чшо времена и дни и лѣта
 Держу въ десницѣ я Моей!
 Скажи, что вся сія вселенна,
 Въ своей безбрежной широтѣ,
 Течетъ, съ покорностью младенца,
 По манію Моихъ очесъ;
 Чшо неисчелпныя громады
 Киплящихъ жизнию міровъ,
 Съ бездоннымъ океаномъ неба,
 И вашу землю и моря,
 И воздухъ, гдѣ бунтуютъ бури,
 И область вышней пишины,
 Опколъ лююпся въ вѣчносп вѣки,
 И все швореніе Мое
 Я обуздаль Моею силой
 И все веду Моимъ перспомъ. . .
 И Я пришекъ на спонъ народа
 Воззрѣшь на вашъ пресступный градъ:
 И горе граду! Онъ ушрашилъ

И память о Моихъ словахъ:
 Вездѣ поруганы законы;
 Нигдѣ не вижу я любви,
 Ни сладкой дружбы, ни пріязни.
 И вы мечтаете, что казни
 Опъ васъ бышь могутъ далеки;
 Въ чаду своей нечиспой славы
 Вы жадно ловите забавы
 И смерть снѣдаете въ пирахъ:
 О заблужденъе! Нечесливцы,
 Вамъ приговоръ произнесенъ!
 Но Мнѣ ихъ жалко и пресупныхъ . . .
 Смирись! . . . Въ васъ смиренъя нѣшь:
 Такъ допѣвайте жъ пѣсни нѣги,
 Доколь внезапно съ высоты,
 Какъ коршунъ, налешипъ къ вамъ гибель . . .
 Тогда узнаюшь, кто ихъ Богъ!

* * *

А вы, слѣпые прозорливцы,
 Зачѣмъ прельщали Мой народъ,
 Вы, нечесливые пророки?
 Зачѣмъ вы гладили пороки,
 Тая грѣхи Моихъ людей?
 Почто имъ радости сулили?
 Кипѣла лещъ у васъ въ ушахъ.
 Почто ихъ нѣжили въ мечсахъ,
 Какъ будшо дѣпищъ въ колыбели?
 Вы пѣсни сладкія имъ пѣли
 И восклицали: „миръ и миръ!“

Не миръ, но гибель имъ гошова
 За ихъ лукавство и грѣхи.
 Зачѣмъ пакъ суешливо спросятъ
 Громады *новихъ* грозныхъ спѣвъ?
 Ничто не скроешь ихъ отъ Бога:
 Я ихъ увижу съ высоты . . .
 Я проведу надъ ними бурю,
 И камни съ прескомъ полешатъ,
 Какъ прахъ передъ пуспыннымъ вихремъ . . .
 Тогда узнаютъ, кто ихъ Богъ!

* * *

Они сердцами охладѣли;
 Они живутъ однимъ умомъ,
 И бьются на землѣ, какъ рыбы,
 Когда влечешь ихъ съшь изъ воды.
 Спуй въ ихъ кедровы черпоги:
 Гдѣ радость чистую найдешь?
 Спроси у ихъ роскошныхъ ложей:
 Какіе видятся имъ сны?
 Они смѣются спонамъ ближнихъ,
 И правду гонятъ отъ себя.
 За то, какъ листь осенній шлѣютъ
 И согниваютъ во грѣхахъ . . .
 Гдѣ чистота свярыхъ союзовъ?
 Гдѣ ясность неповинныхъ душъ?
 Гдѣ ненадломанъ персень брака?
 Гдѣ ложе чисто отъ грѣха?
 Къ связямъ влечеть одно богатство,
 Къ родству сердцецъ одна корысть.

Въ женахъ спыдѣнія неспало:
 Невѣста идешь къ олшарю,
 Смѣясь, какъ будшо дочь развраща,
 Съ огнемъ неистовымъ въ очахъ . . .
 Лукаво смошришь брагъ на браша,
 И къ дѣшамъ нѣшь любви въ опцахъ.
 И долго жись шакъ не усшанушь;
 Другъ друга долго злобись спанушь,
 Какъ хлѣбъ другъ друга поядяшь.
 О родъ несчастный, шы пошонешъ
 Въ болотѣ гибельномъ грѣховъ! . . .
 Мнѣ жалко васъ . . . Но судъ и казни
 Уже готовы для себя:
 Я обличу швои пороки,
 Сорву злапую пелену,
 И хипро-шканная одежды,
 Раздравъ, *сдери* съ швоихъ рамень,
 И обнажу себя предъ свѣломъ,
 Какъ обожженный громомъ кедръ.
 Тогда возплачушь, погибая;
 Тогда узнаюшь, кто ихъ Богъ!

* * *

Уже Мои готовы спрѣлы,
 И звѣри жадные давно
 Въ глуши пусшынь ко Мнѣ рыкаюшь
 И просятъ крови и костей;
 Уже ихъ *тайный гласъ* сзываетъ
 На небывалый спрашный пиръ:
 И будушь въ яспву ваши трупы,

И въ пишіе имъ ваша кровь.
 И всѣ, насышась, опочіюпть
 Межь васъ, безгробныхъ мершвецовъ . . .
 Тогда на Бога не пѣняйте!
 Онъ ясно извѣщаешъ васъ:
 Въ тѣ дни не мыслишь о защитѣ;
 Ея для *осужденныхъ* нѣсть!
 Главы надменные и руки
 До плечъ я громомъ опобью:
 Тогда смиришся умъ кичливый;
 Тогда узнаюшь, кто ихъ Богъ!

* * *

Уже надходитъ онъ незримый,
 Великій, спрашный *Божій день*.
 Не услаждайшеса прибыткомъ,
 И не скорбише опъ поперъ:
 На все равно отверзша гибель . . .
 И скоро *ратная труба*,
 При близкомъ шумѣ спрашныхъ браней,
 Звѣня одна, какъ сирота,
 Пустымъ полямъ, пустымъ долинамъ,
 Уже полковъ не созовешъ.
 Ничто не двигнется на вызовъ
 Къ раздраннымъ бурей знаменамъ:
 Я пригвозжу къ землѣ ихъ ноги,
 И закую мечи въ ножнахъ:
 Тогда увидятъ, кто *Властитель*,
 Тогда узнаюшь, кто ихъ Богъ!

* * *

Уже съкнра погубленья
 Лежишь при корени древесъ;
 Уже опчислены удары;
 Уже грѣхи изочшены,
 И установленъ вѣсь и мѣра . . .
 И Ангеламъ своимъ Господь
 Вѣщаль: „идите, испребляйте,
 Текише, горніе жнецы,
 И пожинайте нечеспивыхъ,
 Какъ класы спѣлые въ поляхъ!
 Никто да не речеть: „пощада!“
 Но, испребляя грѣшный градъ,
 Не прикасайшесь *освященноиѣ*:
Они Мои! . . . Ни мечь, ни гладь,
 Ни бури пламенныхъ пожаровъ
 Не смѣюшь пронушь ихъ чела:
 Я ихъ покрылъ Моей рукою,
 И далъ имъ спражей и вожей,
 И сохраню ихъ плоть и кости
 И каждый волосъ ихъ главы:
 Пускай на нихъ увидяшь чудо;
 Тогда узнаюшь, кшо ихъ Богъ!

* * *

Такъ, близки дни къ вамъ погубленья,
 И скоро сбудушся видѣнья.
 Я посрамлю слова волхвовъ,
 И самъ глаголашь къ людямъ буду,
 И оправдаю мой глаголь.
 Но, казнями казня прешупныхъ,

Я пожалѣю наконецъ
 О дѣшяхъ гибели несчастныхъ,
 И руку въ бездну имъ подамъ,
 И гласъ раскаянья услышу,
 И обновлю Я Мой завѣтъ:
 Я сердце каменное вырву,
 И сердце новое имъ дамъ;
 И дамъ имъ дѣшскую невинностьъ,
 И ослабленіе лицу;
 Пролью къ нимъ свыше воду жизни,
 Пошлю спасенія млеко;
 И угоджу ихъ землю тукомѣ
 И дамъ имъ росу отъ небесѣ;
 Я самъ благословлю ихъ нивы
 И каждый опъ земныхъ плодовъ:
 И снидуть годы имъ счастливы;
 Воскреснетъ чистая любовь,
 И духъ Мой изцѣлитъ незримо
 Сшрастными изрытыми сердца,
 И узрятъ всѣ во Мнѣ отца:
 И Мною Мой народъ хранимый
 Созидаетъ новый Мнѣ олтарь,
 И буду Я единый Царь! . . . “

Феодоръ Глинка.



ГРЕЧАНКА.

Зачѣмъ въ рукѣ швоей кинжалъ,
Дочь вдохновеннаго воспоба,
Младья перси панцырь сжалъ,
И кудри дѣвы черноокой
Шеломъ безжалосшно измялъ?

•

Тебѣ ли свой воздушный спанъ
Обременяшь шакимъ нарядомъ?
Тебѣ удѣлъ природой данъ:
Влечь юношей волшебнымъ взглядомъ,
Ихъ жизни проясняшь шуманъ.

•

Скажи: не родшвенная ль месшь
Тебѣ кинжалъ вложила въ длани?
Или швоя спрадаешъ чешшь?
Или шы мыслишь въ буряхъ брани
Любви измѣну перенесшь?

•

„Не измѣняла мнѣ любовь:
 Ахъ, тяжелѣй судьбы удары!
 Чѣмъ я жила, не придется вновь:
 Тамъ надъ обломками Ипсары
 Дымишся греческая кровь.

„Не спрашивай: гдѣ мой опецъ,
 Гдѣ въ мукахъ родшая изныла,
 Гдѣ сердца вѣрный первенецъ?
 Тамъ, шамъ надеждъ моихъ могила:
 Ипсара . . . шерновый вѣнецъ!

„Но не упалъ въ бѣдахъ мой духъ:
 Я слышу сонъ моей опчизны;
 Онъ въ полночь мой шревожитъ слухъ
 Сквозь крапкѣй сонъ печальной жизни,
 Какъ при послѣднемъ часѣ другъ.

„Хладъ сѣверный не леденишь
 Ушесь срывающія воды;
 Такъ цѣпи звукъ не заглушишь
 Неспящій въ сердцѣ гласъ свободы:
 Месъ варварамъ мой швердый щипъ!

„Просни!“ . . — Зачѣмъ слеза въ очахъ?
 Тяжка кровавая обида?

Не унывай : на небесахъ
Не гаснешь солнце Леонида ,
И не ошмыль Элады прахъ.

•

Пусть нѣжатся среди пировъ
Похвалъ изысканныхъ кумиры ;
Леснь ляжешь съ ними въ мракъ гробовъ :
Но шы — шы доспоянне лиры ,
Живой посредницы вѣковъ !

В. Григорьевъ.



КЪ КВИНКТУ.

Изъ Горація, книга II, ода II.

„*Quid bellicosus, etc.*“

(Посвящено Графу А. П. Толстому).

Почто намъ замысль познавать
Каншабра храбраго и Скивовъ дерзновенныхъ,
Опъ насъ морями отдѣленныхъ?
Почто о жизни прешепать,
Для коей шакъ потребно мало?
Бѣжишь она: возвраша нѣшь;
Бѣжишь краса, и юносшь лѣшь,
И все, что сердце въ насъ увеселяло;
Сухая сѣдина
Спокойный гонишь сонъ, амуровъ легкокры-
лыхъ;
Не вѣчно для цвѣшовъ весна;
Не равной красошой красуешся луна.
Зачѣмъ ничтожный духъ шерзашъ въ меч-
пахъ унылыхъ?
Высокій яворъ здѣсь, вѣшвистая сосна:
Не лучше ли, доколь свобода намъ дана,

Безпечно лечь подъ шѣнь, рвашь розу молодую
 И бѣлые власы вѣнчать,
 Нардъ Ассирійскій разливать?
 Гони заболу, Эвій, злую!

Кто, кто скорѣй изъ васъ, о юные друзья,
 Покаль сей прохладитъ, съ пылающимъ Фа-
 лерномъ

Спруей студеной здѣсь журчащаго ручья?:

И кто, въ заградѣ опдаленномъ,
 Прелестной Лиды сыщешь домъ?

Кто выманитъ ее? Спартакскимъ пусть уз-
 ломъ

Власы небрежно заплетаетъ

И съ лирой костяной на пирь нашу постѣ-
 шаетъ!

В. Филимоновъ.



НАУКИ.

О

ВОЕННОМЪ КРАСНОРЪЧИИ.

Я писалъ отрывокъ о военныхъ реляціяхъ; а теперь намѣренъ присоединить къ оному нѣчто о военномъ краснорѣчии. Краснорѣчіе сіе есть искусство вдыхать въ сердца чувство соревнованія и храбрости, возбуждать къ чести и славѣ, и названо по справедливости въ обширномъ своемъ значеніи г-мъ Ронья метафизикою войны. Древнѣйшіе народы, пріавшіе едва оружіе въ руки, познали, что одного вооруженія и шѣлесной подвижности для успѣха въ войнѣ недостаточно; что для сего попребна еще особенная нравственная пружина, которая приводила бы въ

движеніе и души воиновъ. Съ симъ вмѣстѣ возникло военное краснорѣчіе, которое въ отношеніи къ древности своей первенствуетъ надъ всѣми другими родами витійства. Военная исторія, съ самаго младенчества полипического существованія народовъ до нашихъ дней, сохранила множество примѣровъ, сколько дѣйствовали на умы воиновъ герои-вишіи. И въ области поэзіи видимъ мы, какъ въ Илиадѣ изъ устъ Ахиллеса, а въ Энеидѣ изъ устъ Энея и Турна сыплются искры сего божественнаго огня. Александръ подвизаетъ своихъ Македонянъ могуществомъ слова къ побѣдамъ. Святославъ сильнымъ славянскимъ краснорѣчіемъ возжигаетъ сердца рускія: ляжемъ шу костями; мертви бо срама не вмушь.

По истинѣ должно удивляться, какъ чудеса, произведенныя во всѣхъ вѣкахъ военнымъ витійствомъ, не обратили на себя шакъ долго особеннаго вниманія писателей. Недавно лишь во Франціи начали заниматья симъ столь важнымъ предметомъ. Изданныя на французскомъ

*

языкъ разсужденія о сей мешафизикъ войны (*) возбудили во мнѣ желаніе представить здѣсь одну шолько ея отрасль, военное краснорѣчіе. Счастливымъ себя почну, если оно произведешъ рускаго Квинтилиана, который въ просираинномъ классическомъ сочиненіи покажетъ правилами и примѣрами, какъ военное краснорѣчіе воспалало воиновъ во дни сраженій своимъ вдохновеніемъ и сошворило геросъ.

Не имѣя намѣренія преподавать здѣсь правилъ краснорѣчія, я ограничиваюсь однимъ взглядомъ на военное. Всякое краснорѣчіе есть способность выражать свои мысли шакъ, какъ должно для достиженія своей цѣли. Она двойкая: или по-

(*) Французскіе писатели суть слѣдующіе: Montaigne: Observations sur les moyens de faire la guerre de Jules César. Rogniat, Général: Considérations sur l'art de la guerre. Mr. Marbot: Remarques critiques sur l'ouvrage de Mr. le Général Rogniat. Eloquence militaire, ou l'art d'emouvoir le soldat par une société de militaires et d'hommes de lettres.

учать, или убѣждашь. Отсюда возникли у насъ, новѣйшихъ народовъ, краснорѣчія церковное и судебное. Извѣстно, что главные достоинства рѣчи суть: ясность для слушанія, округленные періоды, счастливый выборъ метафоръ и фигуръ, чистота, полнота и благозвучіе. Но должно признаваться, что краснорѣчіе военное отличаетъ весьма ошъ духовнаго и гражданскаго. Въ сихъ наблюдается тщательна спрогая правильность въ разположеніи всѣхъ частей рѣчи, чтобы дѣйствовашъ на умъ ученостію; военное же дѣйствуетъ на сердце и воображеніе. Военный ораторъ предстоитъ своему воинству, въ виду котораго побѣда, или смерть. Его рѣчь кратка и быстра, подобно пудямъ и ядрамъ, которые нерѣдко прекращаютъ періодъ въ самомъ его началѣ. Тутъ краснорѣчіе и дѣйствіе вмѣстѣ. Онъ говоритъ и поражаетъ. Минуты драгоцѣнны. Рѣчь его одушевляетъ временемъ, мѣспомъ и нечаянностію обстоятельствъ. Ненужна тутъ чистота слога академика. Иногда самая оригинальная неправильность въ

выраженіи, оппечатывающая смяшеніе войны, бываетъ полезна. Тамъ одно слово: Богъ, опечество, слава, или честь, собираешъ всѣхъ подъ одно знамя и сливаешъ въ одну душу. Нужно вообще, чтобы мысли, выборъ выраженій были совершенно военные. Солдатамъ надобно говорить азыкомъ внятнымъ, солдатскимъ. Война зависитъ отъ силъ физическихъ и нравственныхъ. Первые подчинены искусному образованію военнаго начальства, но нравственные требуютъ совсѣмъ инаго вліянія. Солдатъ, чтобы сражаться съ мужествомъ, не можетъ руководимъ быть одною дисциплиною. Его должна подспрекать спрасъ; и если ея въ немъ нѣтъ, то должно умѣть ее въ немъ возродить. Разуму предлежитъ приводить въ движеніе всѣ силы арміи, сей воинственной машины. Волкъ пайны Александровъ и всѣхъ великихъ полководцевъ!

Но никакой предводитель никогда не достигнетъ своего намѣренія краснорѣчіемъ, если самъ онъ не украшается личными, войску извѣстными, качествами. Необходимо, чтобы онъ имѣлъ любовь и

довѣренность къ себѣ войска, копорыя
 приобрѣшающся благочеспіемъ, нравствен-
 ностію, долговременною, съ нижнихъ чи-
 новъ уже лаврами увѣнчанною, службою,
 опытностію, безспрашіемъ, храбростію,
 безкорыспіемъ, безприспастіемъ въ на-
 градахъ, правосудіемъ, присуществіемъ ду-
 ха, проспотою солдапской жизни и дру-
 гими воинскими добродѣтелями. Тогда
 войны живутъ лишь для своего началь-
 ника. Они чшущъ его опцемъ своего се-
 мейства; каждое его слово врѣзывается
 въ ихъ сердца и дѣлается пословицею.
 Какъ воспламеняющся умы ихъ, когда онъ
 имъ напоминаетъ о любви къ Богу, къ
 родинѣ, о чести, славѣ, присягѣ, о преж-
 нихъ ихъ подвигахъ, называетъ мѣся и
 дни, гдѣ и когда они побѣждали. Таковой
 ораторъ-герой посреди душевно предан-
 ныхъ ему воиновъ не считаесть уже вра-
 говъ, а покоишся на груди своей спражи.
 Все войско одно шѣло. Вмѣсто всѣхъ даль-
 нѣйшихъ разсужденій о качестввахъ воен-
 ныхъ ораторовъ предсавлены будутъ
 въ послѣдствіи сего сочиненія образцы
 рѣчей ихъ, копорыя покажутъ намъ го-

раздо лучше степень изящности каждаго.

Но прежде, нежели мы къ сему приступимъ, почишаю нужнымъ и для предмета нашего важнымъ предложимъ здѣсь на разрѣшеніе вопросъ: почно ли говорили древніе полководцы пѣрѣчи, копорыя передали намъ ихъ испорки? И не вложили ли они въ уста ихъ свои мысли и слова? Сіе попребуемъ нѣсколько подробнаго оспутленія.

Рѣчи славныхъ древнихъ полководцевъ были лучшимъ украшеніемъ испоріи. Дѣписатели погдашніе, по примѣру Фукидида, копорый первый въ описаніи Пелопониской войны помѣстилъ рѣчи предводителей, высказали дѣйствовавшихъ великихъ мужей своихъ взору читателя почно такими, какими они были, съ ихъ мыслями, словами и характеромъ. Не довольствовались они однимъ повествованіемъ, что происходило, но какъ оно происходило, и какъ бы должноствовало происходить. Изящество сихъ рѣчей, сила высказанія, возвышенность чувствъ и вдохновеніе слова изображаютъ намъ лучше всякаго пера бышопи-

сущаго героя въ испинномъ его видѣ. Мы любимъ его; мы удивляемся ему не по однимъ разсказамъ о его подвигахъ; мы любуемся имъ, видя его какъ будто предъ нами; мы съ нимъ живемъ вмѣстѣ. Здѣсь историкъ исчезаетъ; только дѣйствующія лица оспаюцца на сценѣ. Это драматическое зеркало, въ которомъ изображаемся мы сами; это вѣрный списокъ страстей человѣческихъ. Но самое сіе изящество, правильность въ изложеніи, гармонія словъ и блистательность воображенія породили сомнѣнія: дѣйствительно ли рѣчи сіи говорены были точно такъ, какъ мы ихъ читаемъ? Многіе изъ извѣстныхъ ученыхъ, а болѣе въ Германіи, просперли скептицизмъ свой даже до того, что отвергали существованіе сихъ рѣчей и признавали ихъ единою игрою воображенія. Другіе же сомнѣвались: говорилъ ли Александръ точно тѣ рѣчи, которія передалъ намъ Квинтъ-Курцій? Вѣрно ли списалъ Фукидидъ рѣчи Перикла? Дѣйствительно ли такъ говорили Аннибалъ и Сципіонъ, какъ мы читаемъ въ Полибій? Камиллъ и Манлій въ Титъ-Ли-

виі? И наконецъ собралъ ли Тацитъ подлинныя рѣчи Германика?

Для разрѣшенія сихъ вопросовъ нужно намъ обратиться къ древности, и мы увидимъ, что сомнѣнія шаковыя произошли отъ невѣдѣнія преимуществъ, какія имѣли древніе писатели предъ нашими. Безъ всякаго предубѣжденія должно признаться, что самая сила древнихъ есть именно наша слабость. У Грековъ и Римлянъ народное воспишаніе, умоначерпаніе и образъ правленія способствовали ораторству. Въ Греціи ашлическое краснорѣчіе давало законы, владычествовало надъ народомъ своевольнымъ и предписывало миръ и войну. Демосѣенъ спасаетъ вишійствомъ опечество отъ оковъ Филиппа. Побѣда его на поприщѣ состязанія надъ знаменитымъ ораторомъ Эхиномъ пріобрѣшаетъ ему вѣнецъ отъ всей сшекшейся, по словамъ Цицерона, въ Аѣны Греціи. Краснорѣчіе Перикла провозглашается, по свидѣтельству Плутарха, олимпійскимъ, потому что оно уподоблялось грому Юпитера, а правленіе его вѣкомъ Перикла. Гордая, доблествен-

ная Спарта учить сыновъ своихъ воин-
 сшвенному краснорѣчію: дорожишь слова-
 ми, но не мыслями и не дѣлами. Погиба-
 ющій опть несмѣшнаго ополченія Ксерк-
 са Леонидъ въ Термопилахъ не опдаешъ
 перебуемаго у него непріятелемъ оружія.
 Слова его: „приди и возми самъ!“ Когда
 его спрашають, что стрѣлы Персовъ
 затмятъ солнце; отвѣтъ Спартанца:
 „шѣмъ лучше; мы будемъ сражаться въ
 шѣми.“ Образецъ подобнаго лаконическа-
 го краснорѣчія видимъ мы въ Римѣ. Ка-
 милль изъ започенія лешитъ спасать не
 благодарное опечество къ Капитолію, о-
 сажденному Бренномъ, гдѣ взвѣшивается
 уже злашо на искупленіе мира. Онъ раз-
 биваетъ Галловъ и восклицаетъ: „не зла-
 шомъ, а желѣзомъ должны Римляне об-
 рѣпашъ свое опечество. Они вступаютъ
 въ переговоры только съ побѣжденными,
 а не съ побѣдителями.“

Въ наши времена, когда публичное
 краснорѣчіе ограничивается однѣми про-
 повѣдями, и государсшвенный человекъ ни
 когда не имѣетъ случая говорить много-
 численному народу, или военоначальникъ

войску, чшобы живымъ словомъ наклондшь и одушевляшь къ извъспной цѣли, въ наши времена краснорѣчіе сіе не существуетъ въ помъ видѣ. Мы имѣемъ, а особливо со времени изобрѣшенія книгопечата- нія, много писателей, но не орашоровъ. Мы имѣемъ способносшь написать шо, чшо думаемъ, но не сказать. Мы спремимся за подлинниками древнихъ; но еще не рѣшено, достигли ли мы ихъ един- ственности.

Гдѣ, когда, и какой народъ имѣлъ Цицерона, Саллюстія, Ливія, Тацитша? Кшо вообще повѣришь, чшобы мужественные древніе историки, шѣ, кошорые благород- ную простоту и сильную крашкость по- сшавляли первымъ закономъ въ истори- ческомъ изложеніи, кошорые по плану и съ цѣлію мыслили, дѣйствовали и писали для вѣчности, кошорые и самыя малѣй- шія чершы обрашывали съ недосшжи- мымъ искусствомъ, опыскивали въ сихъ мѣлкихъ, ничшожными кажушшихся, об- шшояшельствахъ, первоначальную причи- ну государшвенныхъ переворотовъ, и пи- сали не въ минушы нашия поэшическа-

То вдохновенія, но по долгомъ и глубокомъ размышленіи, въ такихъ лѣпахъ, когда огонь фанпазіи угасаетъ, а опытнось и мудрость возжигаютъ свои свѣшильникъ, и пошому-шо въ выраженіяхъ ихъ нѣтъ ничего, если смѣю сказать, празднаго, въ картинахъ ничего излишняго, краски разбросаны съ мудрою бережливостію, свѣтъ и тѣнь въ истинномъ искусствѣ, кпо, послѣ сего спрошу, повѣришь, чшобы ихъ рѣчи были вымышлены только для блеска?

Взглянемъ на древній Римъ, и мы удосповѣримся еще болѣе, что сужденія нашихъ писателей произошли часпію опъ того, что они увлекались сравненіями сей столицы міра съ нынѣ существующими государствами: Римъ не можетъ бытъ сравниваемъ ни съ какимъ народомъ, а Римлянинъ ни съ какимъ обитателемъ изъ всѣхъ пяти часшей нашего свѣта. Въ лонѣ свободы, окруженный оповсюду памятниками собщвенной доблести и греческаго искусства, Римъ былъ паншеномъ чрезвычайныхъ мужей, а Римлянинъ пламенѣлъ любовію къ свободѣ въ

Римъ, внѣ же онаго спррастїю ко всеобладанїю. Латинская муза пѣла ему его величіе :

Tu regere imperio populos, Romane, memento!

Virgil ()*.

Мифологія была сплешена съ полиптикою; оракулы, жрецы, предвѣщатели изъ небесныхъ явленій, изъ полета пшницъ, изъ клеванія куръ, изъ употребъ живописныхъ, изъ человѣческой главы (сарут), найденной въ основѣ Капитолія, пророчествовали по произволу своему народу, порабощенному ихъ жезлу, будущую судьбу Рима. Торжественные шріумфы, даваемые Фабіямъ, Камилламъ, Павламъ-Эмилиямъ, Сципіонамъ, Цезарямъ и прочимъ раздували пламенные порывы народнаго любочестїя. Спашун оживляли память великихъ мужей: три тысячи украшали римскій форумъ, тысяча двѣсти Капитолій. Цирки, амфитеатры, колizei, арены укрѣпляли римскія мышцы къ рашоборству. При шаковыхъ памяшникахъ и пор-

(*) Помни, Римлянинъ, что ты владыка всѣхъ народовъ.

жествахъ храмъ Януса почти не закрывался. Непрерывающіяся войны, народныя волненія, междоусобныя брани, набѣги враждующихъ войскъ на самый Римъ, борьба республиканскаго духа съ монархическимъ: всѣ сіи поприсенія вызывали на поприще спасенія опечества мужей необыкновенныхъ и отверзали обширное поле военному и гражданскому ихъ краснорѣчію.

Оно было шамъ нѣчто священное; потому что глубокая древность любила приписывать каждую открывающуюся способность души нѣкому божественному вдохновенію, а потому Египтяне и поэты приписывали изобрѣшеніе краснорѣчія богамъ Таушу и Гермесу, или Меркурію. Ему посвященъ былъ языкъ, какъ первая пружина краснорѣчія. Оно было шамъ лѣспницею ко славѣ, по которой воздымался палантъ cadaго: и кто не стремился на высшую степень? Всѣ государственныя дѣла производились предъ лицемъ всѣхъ гражданъ. На сихъ-по поприцахъ сражались съ сильнѣйшими оружіями убѣжденія и слова шрибуны за народъ, а се-

нашъ за первостепенное свое сословіе, и отечество возлагало вѣнецъ на вышнюю-побѣдителя. Тутъ-то изъ публичныхъ речей о важнѣйшихъ политическихъ задачахъ, изъ читанныхъ гласно донесеній полковъ и полководцевъ о походахъ и сраженіяхъ войскъ и изъ краснорѣчивѣйшихъ рѣчей дѣйствовавшихъ лицъ созидалъ историкъ свои лѣтописи. Такъ Саллюстій помѣстилъ въ исторіи о заговорѣ Капилины изящнѣйшія рѣчи Цезаря и Катона, копорыя въ его присутствіи говорены ими были въ римскомъ сенатѣ. Тамъ ораторъ обнималъ въ рѣчи своей цѣлый народъ во всей огромности смысла. Это не публичныя рѣчи французскихъ и англійскихъ парламентовъ; касающіяся однихъ участвующихъ лицъ, или отдѣльныхъ политическихъ обстоятельствъ. Онѣ шокмо опривки, копорыя никогда не сравнятся съ образцами шворцевъ эстетическаго краснорѣчія. Можемъ ли мы усомниться въ дѣйствительности сихъ рѣчей?

Самъ Цицеронъ, спяжавшій краснорѣчіемъ шшло ошда отечества и поло-

жившій основаніе римской прозаической словесности, упоминаешь съ восторгомъ о ста пятидесяти, говоренныхъ однимъ цензоромъ Капономъ (*). Рѣчи, собранныя въ исторіи Тита-Ливія, почерпнуты изъ лѣтописей, на кошорыя онъ ссылаешся (**). Чпо скажемъ о Тацитѣ? Могъ ли бы сей опецъ испориковъ рѣшиться помрачить славу единственнаго своего архива ума человѣческаго вымышленными рѣчами и подвергнушь себя уличенію во лжи предъ современниками, кошорые къ нему благоговѣли за то, чпо онъ подъ мечемъ пирановъ изобразилъ безпрепешно пиранство? Древніе лучшіе писатели поспигали во всемъ просшранствѣ предѣлы, оидѣляющіе поэзію опъ исторіи (***), а сію опъ краснорѣчія, какъ по мы увидимъ изъ Цицерона и Плинія (****).

При чтеніи ихъ исторій, въ кошорыхъ вездѣ встрѣчаемъ памяшники во-

(*) См. Cicero de claris oratoribus.

(**) См. въ реэспрахъ его подъ заглавіемъ: *Annales*.

(***) См. Cicero de oratore II. 62.

(****) См. Plinii Epistol. L. V. Cap 8.

еннаго ихъ краснорѣчія, мы какъ будто переносимся въ ихъ вѣкъ и ихъ міръ. Киспъ ихъ очаровываетъ насъ, и мы мысленно дѣлаемся Греками, или Римлянами. Напрошивъ, какъ упоминаешь насъ членіе фоліаншовъ нашихъ испоріографовъ! Нишъ прагматическаго повѣспвованія ихъ прерывается непрестанно. Во преки скромной музѣ древней испоріи, предоставлявшей сужденія попомству, они съ учительской кафедрой проповѣдуютъ непреложныя свои мнѣнія и впе-таютъ ихъ въ цѣпь происшествій.

Конечно, переселяясь мысленно въ древній Римъ, мы переселяемся въ новый міръ. Воины римскіе шамъ въ мирное и военное время шакіе же граждане, какъ и ихъ полководцы, а пошому рѣчи сихъ послѣднихъ не могутъ служить намъ образцами. Нерѣдко военачальникъ не повелѣваетъ, а упрашиваетъ своихъ подчиненныхъ. „ Воины Помпея при Диррахіи, говоритъ Плутархъ (*), казались совершенно охладѣвшими и потерявшими бодрость; но когда Кашонъ обратился къ

(*) Плутархъ въ жизни Кашона, Гл. 80.

нимъ съ доводами философіи и говорилъ съ нѣкошорымъ вдохновеніемъ о свободѣ, смерти, героизмѣ и славѣ, и наконецъ призывалъ самихъ боговъ во свидѣтели, кошорые какъ будто съ участвуюшимъ умиленіемъ взирають на сію борбу за опечесшво; тогда раздалися радосшныя клики. Всѣ съ мужесшвомъ и надеждою шребовали, чшобы ихъ вели на брань, и они дѣйшвишельно побѣдили. “

И Цезарь въ рѣчахъ, говоренныхъ его войску, покоршвовалъ обшпояшельсшвамъ и духу римскому. Иногда угрозами обуздывалъ онъ буйсшво легіоновъ, иногда же воинскій деспотизмъ его преклонялся предъ гордынею ихъ; и произнесенныя слова: граждане, шоварищи, Квиришы, укрощали и воспламеняли ихъ снова. Уже ли и сія рѣчи, имъ самимъ въ исторіи его помѣщенныя, выдуманы? Не служащъ ли онѣ доказательсшвомъ, чшо лагерное краснорѣчіе вмѣстѣ съ оружіемъ блисшало въ древнемъ Римѣ и парило вмѣстѣ съ его орлами?

И такъ ошавимъ шаковыя, память знаменишѣйшихъ мужей древности оскор-

бляющія, сомнѣнія. Почто укоряшь во лжи испориковъ ихъ за то, что они повѣствуюшъ о великихъ словахъ, предшествовавшихъ великимъ подвигамъ, и о такихъ предмѣсахъ, копорые въ наспоющемъ нашемъ мѣрѣ кажутся намъ неимовѣрными, романическими, и копорые извѣстны намъ, какъ злпшый вѣкъ, только изъ пѣсней нашихъ поэшовъ? Если же они и позволяли себѣ иногда нѣкопорыя опмѣненія, что въ иныхъ мѣстахъ наблюдаемое единообразіе слога доказываетъ довольно ясно; по и мы, приводя слова другаго, не осмѣливаемся ли также вмѣсто подлинныхъ помѣщать свои, кажушіяся намъ приличнѣйшими? Историки тогдашніе не вымышляли ничего въ существѣ событія, если и украшали какое либо выраженіе мысли цвѣтами своего слога. Они показывали мечь богатыря, но безъ ржавчины. Цицеронъ совѣдуетъ даже дѣлать такіа поправки. Запрещишь сіе значишь запрещишь писать испорію (*).

(*). См. Cicero: Brutus, seu de claris oratoribus, cap. 17.

Мнѣ кажешся, что всѣ сомнѣнія сіи должны исчезать, когда мы вспомнимъ, какіе геніи были ораторами въ древности! Безсмертныя имена ихъ должны ручаться за истину ихъ рѣчей. Скажемъ лучше съ безпристрастіемъ Лафоншена: *Près de ces grands noms notre gloire est petite*, ш. е. подлѣ сихъ великихъ именъ слава наша мала.

Какъ можно усомнишься, чтобы геройскій, неупомимо ко славлѣ парящій, духъ Александра, когда, послѣ покоренія Азіи, гошовился онъ къ новымъ побѣдамъ, не могъ произнести сихъ словъ къ своему войску? „Уже ли, воины, можете вы помыслишь, что, сдѣлавшись помощію оружія власпелиномъ двухъ часшей свѣща, могу я переспать шрудиться для славы, которой единой себя посвятилъ? Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ ни буду я сражашся, вездѣ буду считаешь себя на театръ міра. Я прославолю шраны, во мракѣ погруженныя; я ошкрою всѣмъ народамъ край свѣща, которые природа ошъ нихъ удалила и сокрыла. Если суждено мнѣ прекратишь жизнь среди сихъ подвиговъ, судьба моя

будеть тѣмъ блиспашельнѣе. Къ тому же, и по рожденію своему, долженъ я менѣе желать долголѣтія, нежели славы. Вспомните, прошу васъ, что мы успунили въ государствѣ, кошорое прославили подвиги жены. Какіе города соорудила Семирамида! Какіихъ народовъ не покорила она своей власти! Какіихъ великолѣпныхъ зданій не воздвигла она! Мы же не приобрѣли еще сполько славы, сколько сія женщина, и уже ушомляемся.“

Вошъ рѣчь того, кошорый наканунѣ славнаго пораженія при Граникѣ опвѣщивоваль Парменіону, совѣщовавшему напасъ на Дарія въ ночь: „мы будемъ сражашься при солнечномъ сіяніи; почто скрывать побѣду?“ Сей же Александръ сказалъ Парменіону, когда онъ, заспавъ его спящимъ, воскликнулъ: какъ, государь, ты спишь, какъ будто уже побѣдилъ; а неприятель передъ нами: „я побѣдилъ Дарія; онъ здѣсь; не нужно его искашь.“

Кому не извѣспенъ великій гѣній Кареагена, шопъ, кошорому Плущархъ не смѣлъ воздвигнушь въ историческомъ храмѣ своемъ памяшника, не знавъ, съ кѣмъ срав-

нишь его въ величіи? И кто усомнишься, чтобы пламенная душа сія не излила сей пламенной рѣчи?“ Товарищи, провозглашаешь Аннибалъ въ день сраженія при Тессинѣ, небо возвѣщаетъ мнѣ побѣду (громъ въ то мгновеніе ударяетъ); Римлянамъ, а не намъ препеташь. Бросьте взоры на поле битвы! Здѣсь нѣтъ ошсупленія. Мы погибнемъ всѣ, если будемъ побѣждены. Какое надежнѣйшее поручишельство за поржеспво? Какой ошсупшительнѣйшій опытъ покровишельства боговъ? Они поставили насъ между побѣдою и смертію.“

Такъ великій витія оповсюду и изъ громовыхъ шучь похищаетъ краснорѣчію своему пальму. Я вижу патріарха своего воиншца; онъ предъ опечесшвенными знаменами; повсюду глубокое молчаніе; огонь героизма сверкаетъ въ его очахъ; въ устахъ его истина; само божеспво, кажешся, вѣщаетъ ими. Помѣспимъ здѣсь еще рѣчь того Камилла, котораго видѣли мы спасишелемъ Капишолія. Когда онъ примѣспилъ, что многочисленность Антіашовъ уштрашила его воиновъ; сълъ онъ

на лошади и, проѣзжая ряды, восклицалъ: „шоварищи, гдѣ та радость и желаніе сражаться, копорыя видѣлъ я всегда на вашихъ лицахъ? Забыли ли вы, кпо я, кпо вы и кпо враги наши? Не вы ли побѣдили Вейовъ, Галловъ, спасли Римъ подъ моимъ начальствомъ? Развѣ я болѣе не Камилъ? Нападите только, и враги наши побѣгутъ по обыкновенію своему.“ Сіе сбылось; они побѣжали по обыкновенію. Таковою силою смѣлыхъ, отважныхъ вопросовъ славилось всегда въ древности военное краснорѣчіе.

О рѣчахъ Цезаря нечего здѣсь упоминашь; онѣ всѣмъ извѣстны; онѣ дышатъ тою же живостію, изящною простотою и совершенно приличнымъ слогомъ, какими и его повѣствованія о войнахъ въ Галліи и повсюду. Передъ фарсальскимъ сраженіемъ онъ приказываетъ войску своему снавить свой спанъ и говоритъ: „Спанъ Помпея сего дня нашъ ночлегъ.“ И Помпей погибъ: судьба Рима и слава героя рѣшаются однимъ ударомъ. Сей же Цезарь на вопросъ, сдѣланный ему въ деревнѣ, сражающа ли и здѣсь за кон-

сульство, опивчалъ: лучше здѣсь бытъ первымъ, нежели въ Римѣ вшорымъ. Какъ ярко живописуешь одна черта сія мужа, для котораго возможно было все, кромѣ одного: бытъ вшорымъ.

Поиспивъ нельзя оспавивъ древноспи, не принеся дани удивленія ея геніямъ. Всѣ листы испоріи ея блиспаюпъ неподражаемыми образцами военного краснорѣчія. Рѣчи сіи достойны великихъ героевъ и жизни, ознаменованной неуздаемыми лаврами. Превыспреннія мысли ихъ испекаюпъ изъ сердца, сего природнаго источника; а шаковое краснорѣчіе согрѣваетъ воображеніе и порабоцаетъ всѣ чувства. Они знали, что человекѣ любяпъ сильныя попрясенія; они ищутъ ихъ въ вымыслахъ, если не находятъ въ существѣ. Къ тому же признаемъ, что шамъ были великіе способы пораждать восшоргъ въ орашорѣ, воспаменяпъ его чувства, его спраспи; и великія сіи пособія должны были производипъ чрезвычайныя дѣйспвія.

Оканчивая сей крапкій обзоръ, копорый предсшавленъ здѣсь для разрѣшенія

нашего вопроса, мы смошримъ съ при-
 скорбіемъ, какъ краснорѣчіе, сія главная
 пружина въ управленіи государсва, сей
 талисманъ, кошораго всемогущество у-
 крощало воинственное буйство возмуще-
 нія, ошражало силою слова наносимые на
 опечество удары, срывало съ невинности
 оковы и ушверждало всеобщее благо, вмѣ-
 стѣ съ науками и художествами исче-
 заешъ съ лица земли. Римъ разрушается
 опъ собшвеннаго своего величія. Про-
 бѣжимъ шеперь послѣдующія времена
 мрака и хаоса, изъ кошораго медленно
 лишь въ среднихъ вѣкахъ выходить
 новое сошвореніе челошчесва, озаряемое
 свѣшомъ Евангелія. Опяшъ предшанешъ
 намъ сей вѣчный Римъ, властвующій не
 однимъ мечемъ, но и оружіемъ духовнаго
 убѣжденія. Съ нимъ возшанешъ и красно-
 рѣчіе; но, оживошворяемое сими новыми лу-
 чами, примешъ оно новый полешъ. Разсмо-
 шрѣніе его хода до нашихъ временъ; ешъ
 главный нашъ предметъ.

Въ насшупившей по паденіи Рима
 ночи варварскихъ временъ шщетно бу-
 демъ мы ошыскивать слѣды военнаго,

или какого либо краснорѣчія. Исторія молчишь и шолько кровавыми черпами изображаешъ намъ позорища продолжительныя, бѣдствіями обильныя, плачевныя. Царства разрушающся; изъ обломковъ ихъ созидаются новыя, а сіи опять сокрушающся бурей произшествій. Вездѣ борба варваровъ за владычество міра: Ломбарды и Греки въ Италіи, Франки въ Галліи, Вандалы въ Испаніи, Саксоны въ Англіи опустошающъ все огнемъ и мечемъ. Европа спонешъ. Подъ развалинами римскихъ памятникъ погребены всѣ науки и художества и всѣ чувства любви къ опечесству и ко славѣ. Гдѣ нѣшь сихъ возвышенныхъ ощущеній; шамъ гласъ вишіи: гласъ въ пуспынѣ. Мало помалу, въ мелькающемъ разсвѣтѣ среднихъ вѣковъ, восспающъ народы опъ долголѣшняго сна. Благошворные лучи христіанства начинающъ согрѣвать ихъ сердца. Религія закрываетъ древнія шинства; храмъ миѳологіи разрушаешся; дельфійскій оракуль онѣмѣваетъ; церковь дѣлаешся преддверіемъ къ небесамъ, гдѣ ожидаешся жизнь вѣчная. Въ сіе время

являешся мужъ необыкновенной доблести. Императоръ Карлъ Великій собираешъ всѣ распорженныя часты гражданства воедино, созидаетъ законную монархію, ошечество, образуетъ воинство, возвращаетъ ему утраченное благородство и возвышаетъ его достоинство. Все покоряешъ непреодолимой силой его; каждое повелѣніе запечатываетъ онъ эфесомъ палаша своего. „ Вошь, говоритъ онъ, приказъ моему войску, и вошь, указуя на мечъ свой, что пріобрѣтешъ ему уваженіе отъ враговъ моихъ. “ Въ его царствованіе видимъ мы первые блистательные дни рыцарства и военного краснорѣчія.

Но оно получаетъ совсѣмъ другое направленіе. Здѣсь войско, не греческое и не римское, побуждаемое суевѣрною полишикою къ единой языческой чувствительности. Это войско христіанское, которое одушевляешся новымъ ученіемъ Искупителя рода человѣческаго, обѣщающаго награды въ вѣчности. Ученіе сіе смягчаетъ нравы, обуздываетъ страсти, предписываетъ любовь къ Богу и ближнему,

даешь челоѡкамъ новое бытіе, новый характеръ. Всѣ дѣлающся братіями подъ щипомъ креста, копорымъ благословляешь ихъ духовный Римъ. Съ сей эпохи всеобщаго перерожденія въ Европѣ религія сдѣлалася источникомъ величайшихъ военныхъ успѣховъ: она давала физическимъ челоѡческимъ силамъ сверхъестественную непреоборимоспъ. Вѣра къ чудесамъ производила чудеса: ибо войско, поборающее за единаго Бога, гошово на всѣ опасноспи, въ полномъ упованіи на награды небесныя. Рѣчи къ шаковому воинспву усиливаюшся религіею.

Такимъ образомъ церковь Христова была по солнцу, предъ копорымъ начали падать всѣ народы. Всѣ поклялись защищать ее, не щадя живоса своего. Наконецъ съ 1095 года начинаешся, а 1290 оканчиваешся шощъ знаменитый періодъ крестовыхъ походовъ, когда крестъ Спасителя воззывалъ къ освобожденію свяшой земли, поруганной нечеспивцами Магомета, ошъ ига ихъ пиранспва. Какой величественный предметъ, какой вѣнецъ для тогдашняго рыцарспва! Всякой христіа-

нинъ воинъ, и весь христіанскій міръ движешся къ Іерусалиму. Но кто свершаешъ такія чудеса? Простой монахъ Петръ, который разительнымъ, краснорѣчивымъ описаніемъ всѣхъ бѣдъ, постигшихъ свяшую сподицу гроба Господня, возжигаетъ сердца и на пресполахъ и въ хижинахъ. Таковъ былъ, говоришь Мишо (*), необычайный человекъ, подавшій знакъ къ крестовымъ походамъ, и копорый, безъ богашства и безъ славы, единою власпію слезъ и убѣжденій преуспѣлъ подвигнушь западъ весь на Азію.

Въ исторіи крестовыхъ походовъ видимъ мы, какъ военное краснорѣчіе соупсповало повсюду сему христіанскому ополченію. Мы видимъ предъ рядами его онаго исполненнаго благочестія Лудовика Святаго. Со крестомъ и мечемъ въ рукахъ говоришь онъ воинству рѣчи, одушевляемыя евангеліемъ, съ копорыми никогда не сравняшся рѣчи, произнесенныя въ древности во времена язычсства. Вспомнимъ рѣчь его къ крестоносцамъ:

(*). См. Исторію крестовыхъ походовъ, Мишо.

„Непріятель насъ ожидаетъ; не дадимъ ему помѣшья въ неперпѣніи; и да узнаетъ Египетъ о нашей побѣдѣ вмѣстѣ и о нашемъ прибытіи. Препоручаю вамъ шолько одно: если я умру въ сраженіи, считайше однимъ воинномъ менѣе, и да не заспавишь васъ моя смерть опспупашъ. Князья моей крови меня заспупашъ. Еще разъ: если я погібну, спарайнесь побѣдидишь, и оплачьше меня побѣдидишелями.“

Здѣсь величіе духа и возвышенность чувствъ поражающа религією, и съ паковыми чувспвованіями восклицаетъ онъ, когда его просили, чшобы онъ не посѣщаль одержимыхъ въ больницахъ язвою: „какъ, храбрые сіи жерспвуютъ ежедневно жизни своею моею славою, а я буду спрашишься опасностей для спасенія ихъ? Какой законъ можетъ освободидишь государя опъ долга признапельности?“

Если сей въ лѣшописяхъ міра единспвенный походъ не доспигъ великаго своего предначертанія; по, по видимому, не угодно было Промыслу, вселенною управляющему, чшобы онъ увѣнчался совершеннымъ успѣхомъ. Намъ оспалася

картина величественная, въ благоговѣйное содраганіе приводящая. Мы видимъ, какъ императоры, короли и всѣ знаменитые рыцари, гонимые превращеніями военнаго счастья, со крестомъ въ рукѣ, съ оковами на ногахъ и съ вѣрою въ груди, спенающе въ долголѣшнемъ и постыдномъ заточеніи. Спрадальческіе ихъ вѣнды и слава ихъ дѣла доспойны эпопей безсмертнаго Тасса, копорый на крыліяхъ поэзіи вознесъ имена ихъ къ небесамъ. Ихъ пѣли трубадуры въ южной Франціи, шруверы въ сѣверной, менеспрелы въ Англіи, минезенгеры въ Аллеманіи, и романшическая поэзія сливалась съ военнымъ краснорѣчіемъ. Впрочемъ походъ сей принесъ Европѣ много выгоды; онъ познакомилъ крестоносцевъ со многими, чуждыми народами, сблизилъ шорговья соошношенія, обогатилъ неизвѣсными произведеніями природы и художествъ, имѣлъ великое вліяніе на просвѣщеніе, и доказалъ, что бури нужны и въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Онѣ освѣжаютъ и оживляютъ политическую атмосферу.

Рыцарство, сіе древо среднихъ вѣковъ, начинается по непреложнымъ законамъ естественнымъ опцвѣщанъ. Желѣзная десница рыцаря сокрушается ошъ огнестрѣльнаго орудія; не ограждають его ни щипъ, ни мечъ, ни шлемъ, ни стрѣлы. Преобразование тактики было гробомъ сего, дошолъ пресловутаго, воинства. Съ намъ умолкають и военное краснорѣчіе. Оно ищеть великихъ мужей и великихъ произшествій, и находишь ихъ наконецъ во Франціи. Тамъ Францискъ I, провозглашенный опцемъ наукъ, удивляеть и воспаменяеть всѣхъ своимъ лаконическимъ военнымъ краснорѣчіемъ. Перешедъ Альпы, встрѣчаешся онъ съ двадцати семи тысячнымъ корпусомъ Швейцаровъ. Начинаются переговоры, которые счастливо оканчиваются, какъ вдругъ они прекращаются кардиналомъ епископомъ Сіонскимъ, и Швейцары внезапно нападаютъ. Король съ цослѣшностію собираеть воинство и впереди онаго восклицаетъ: „кто меня любитъ, поидъ со мною.“ И послѣ двухдневнаго упорнѣйшаго сраженія непріятели обращаются въ бѣгство.

Императоръ Карль V поступалъ жестко съ плѣнными Французами. Но Францискъ I, превыше мщениа, повторялъ: „никогда не послѣдую ему; я потерялъ бы случай побѣдить Карла въ добродѣтели, если принужденъ уступать ему въ счастьи.“ Девизомъ его было: „потерять все, кромѣ чести.“

Остановимся еще на Генрихѣ IV. Въ душѣ воинѣ, на пресполю государь и человекъ; онъ былъ услажденіемъ своего народа и красою человѣчества: Никто изъ французскихъ монарховъ не превзошелъ его въ военномъ солдатскомъ краснорѣчїи. На всѣхъ многочисленныхъ битвахъ раздаешья гласъ сего вишїи, ошца своего воинства: Человѣкомлюбца сего и побѣда не радовала. „Могу ли, говаривалъ онъ, веселиться ею; когда вижу на полѣ убитыхъ подданныхъ моихъ? Выигрывая, я шеряю.“ Передъ сраженіемъ при Иври, гдѣ герцогъ Маинскій превосходилъ его почти вдвое числомъ, собралъ онъ во кругъ себя начальниковъ войска и говорилъ имъ: „только выигрышемъ башалии должно изгладить спыдъ осшавленїа о-

рады. Съ людьми вашего мужества и ва-
 шей опытности не сомнѣваюсь я въ рѣ-
 шительной побѣдѣ. Не буду говорить
 вамъ болѣе; впередъ!“ Какъ прогашельна
 молитва его въ самомъ пылу сраженія:
 „Господи, лиши меня жизни съ короною,
 если я долженъ бытъ въ числѣ тѣхъ го-
 сударей, копорыхъ низпосылаешь Ты во
 гнивь Твоемъ! Благоволи, да днесъ буду
 я жертвою святой Твоей воли, да смер-
 тню мою избавишия Франція опъ всѣхъ
 бѣдъ войны, и да пролиная кровь моя бу-
 дешъ послѣднею въ сей борбѣ!“ Попомъ,
 возложивъ на главу свою шлемъ съ шре-
 мя бѣлыми перьями, восклицаетъ: „по-
 вериши, ежели вы сего дня раздѣляете
 со мною судьбу мою, шо я раздѣляю съ
 вами вашу. Хочу умереть, или побѣдять,
 вмѣстѣ. Прошу васъ, берегите ваши ря-
 ды! Если въ огнь сраженія должны вы
 будеше ихъ оставишь, шо помышляйте
 шощасъ опяшь соединишься. Опъ сего
 уснѣхъ въ сраженіи. Соберишесь между
 сими шрема деревьями, копорыи вы ви-
 дите шамъ на высотѣ вправо. И если вы
 потерлете ваши знамена и шшандаршы;

шо не теряйте изъ виду блага моего шлема: вы найдете его всегда на пуши чести и побѣды." Тѣсныя предѣлы, предпоставленные сему обозрѣнію, не позволяютъ намъ слѣдовать далѣе за симъ героемъ, котораго каждое слово есть опечатокъ военного краснорѣчія. Мы обращаемся теперь къ тринадцатилѣтней войнѣ.

Возникшая въ XVI столѣтіи реформація шлепа долгое время подъ пепломъ, но вспыхнула внезапно въ 1618 году и погасла не прежде, какъ въ 1648. Кровопролитная брань сія, за догматы вѣры католиками противъ протестантовъ предпринятая, опустошала Германію и угрожала ей конечнымъ разрушеніемъ. Но вдругъ является на поприщѣ сѣверный герой Густавъ Адольфъ. Сей мужъ, украшенный христіанскими добродѣтелями, съ оружіемъ, преобразованнымъ имъ изъ тяжелаго въ легчайшее, и съ громомъ артиллеріи пролетаетъ Германію, потрясавъ престолъ Фердинанда II, даетъ Швеціи перевѣсъ надъ имперією, въ два года творитъ съ двѣнадцатитысячнымъ своимъ войскомъ

моликія чудеса и умираешь побѣдишь-земь.

Онъ былъ выпія краснорѣчивѣйшій. Еще прежде въ Польшѣ съ шридцатинысячнымъ своимъ войскомъ, въ виду непріятели, гораздо многочисленнѣйшаго, ошвѣщивовалъ онъ предостерегающимъ его: „если число Поляковъ столь велико, то наши имъ лучше будутъ въ нихъ попадаться.“ Когда онъ достигъ до рѣки Лехъ, гдѣ на правомъ берегу армія Тиллія занимала выгоднѣйшую позицію, и когда всѣ генералы упрашивали его ошавишь шакое опасное предпріятіе; ошвѣщъ его: „какъ, мы прешли Балтійское море и столь многія германскія рѣки; а теперь успрашимся сего ручья!“ Слова сіи даровали побѣду, и можетъ ли она не бшъ шамъ, гдѣ каждое слово государя подкрѣпляется непришворнымъ благочеспіемъ?

Гуславъ Адольфъ былъ истинно преданъ религіи, и съ ея помощію былъ непобѣдимъ. Онъ сочинялъ самъ для войска молишвы, копорымъ читалъ въ извѣстные часы. Если Каптонъ говорилъ, что для война недовольно бышь, беспсрашнымъ;

надобно, чтобы онъ былъ и честнымъ
 человѣкомъ: по аксіома Густава была
 та, что добрый христіанинъ не можетъ
 быть худымъ воиномъ. Онъ давалъ вой-
 скамъ время читать евангеліе; и когда
 одинъ офицеръ засталъ его въ сѣмъ заня-
 тии и казался удивленнымъ, то онъ го-
 ворилъ ему въ присутствіи всей арміи: „
 я стараюсь укрѣплять себя противъ ис-
 кушеній, углубляясь въ наши священныя
 книги. Государи, такъ какъ и я, ошвѣп-
 ствуютъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу,
 и сія независимость даетъ врагу спасе-
 нія нашего поводъ разсѣивать намъ па-
 губныя сѣни, отъ коихъ не можемъ
 мы довольно остерегаться.“ Все военное
 краснорѣчіе его было почерпнато изъ
 священнаго сего источника. И по смерти
 сего великаго человѣка, духъ его предше-
 ствовалъ воинству и достойнымъ его
 генераламъ, пишомцамъ и преемникамъ
 его славы. Послѣ ужасныхъ, прид-
 цалъ лѣтъ продолжавшихся, бурь озари-
 лось небо. Германія подъ сѣнію благо-
 шворнаго Вестфальскаго мира отдохнула.

Кончимъ обзорніе военного чужо-

достигнута краснорѣчія царствованіемъ Лу-
 довика XIV, а потомъ обратимся къ
 опочестію нашему. Въ царствованіе го-
 сударя сего, проименованное по блиспа-
 тельности многочисленныхъ событій
 вѣкомъ, военное краснорѣчіе много измѣ-
 нилось. Генрихъ IV былъ соддашь на вой-
 нѣ, говорилъ, шушилъ солдапскимъ яз-
 комъ. Лудовикъ XIV любилъ спраспно
 военную славу, побѣду, завоеванія, но на
 престоѣ, а не въ палаткѣ. Онъ зналъ
 тайну избирашь полководцевъ, вдыхаешь
 въ нихъ духъ геройства, который отра-
 жался на его воинство. Сямъ орудіямъ
 своего величія ввѣрялъ онъ возжигашъ
 сердца воиновъ пламеннымъ краснорѣчіемъ.
 И кому не извѣстны слова Тюрена, Конде,
 Вилларса, Люксанбурга, Буфлера, Кашина,
 кощорые побѣду приковали къ своимъ
 знаменамъ, потрясали Европу, и корону
 Франціи украсили своими лаврами?

(Окончаніе впереди).



О РАЗСУЖДЕНІИ.

Essai sur la méthode directe du calcul intégral, par M. Simonoff, Professeur à l'Université Impériale de Kasan. Paris, 1824 ().*

Въ русскихъ и французскихъ журналахъ читали мы, что г. Симоновъ, профессоръ астрономіи въ Казанскомъ Университетѣ, представилъ Парижской Академіи Наукъ разсужденіе: о *прямомъ способѣ интегральнаго исчисленія*. Зная препятствія для разрѣшенія сего вопроса, и любя науку и славу отечества, съ нетерпѣніемъ ожидали мы извѣстія объ успѣхѣхъ столь важнаго предпріятія. Ожи-

(*) Разсужденіе сіе посвящено Его Превосходительству Попечителю Казанскаго Университета Михаилу Леоніевичу Магницкому.

даніе наше исполнилось, хотя и несовершенно; пошому что разсужденіе г. Симонова напечатано и получено нами, но не знаемъ, одобрено ли оно, или не одобрено членами Академіи, избранными для его разсмотрѣнія. Если бы извѣстно было мнѣніе сихъ ученыхъ, то мы почти бы излишнимъ къ столь сильному голосу присоединявъ свой слабый; но теперь можемъ отдать отчетъ въ цѣхъ мысляхъ, которыя родились въ насъ при внимательномъ чтеніи сочиненія г. Симонова.

Цѣль академическихъ разсужденій, двоякая: въ однихъ сшараются объяснить, дополнишь, распространить предметы уже извѣстные, но недоспашочно обработанные; въ другихъ же излагаются опытія, разрѣшающае вопросы новые. Заглавіе разсужденія г. Симонова засщавляетъ думать, что оно принадлежитъ ко второму роду: ибо *въ прямомъ способѣ интегральнаго исчисленія* должно заключаться общее рѣшеніе слѣдующаго вопроса: для всякаго дифференціального выраженія найти интегралъ или первоначальную функцию, не упо.ребляя никакихъ искусствъ.

вѣдѣхъ пріемовъ, *завислицхѣ отѣ прѣ
мичательности и быстроты соображеній
разрѣшающаго, но слѣдѣя кореннымѣ осно
ваніямѣ науки.*

Такъ все ученіе дифференціального ис-
численія основывается только на двухъ
теоремахъ. Начиная съ Лейбница до на-
шего времени, видимъ рядъ великихъ му-
жей, упопрѣблявшихъ всѣ усилія своего
генія, чѣмъ разрѣшить сей узелъ; но
пщешю. Каждый изъ нихъ развязывалъ
только нѣкоторыя его части; прочія же
оставались неприкосновенными, и едва ли
не скрѣплялись болѣе и болѣе. Послѣ эша-
го не удивительно, что мы горѣли непре-
рѣннѣмъ видѣнь сочиненіе г. Симонова,
сподъ много обѣщающее своимъ заглаві-
емъ; но худо намъ заплашили за наше не-
тверпѣніе. Вошъ, что нашли мы въ нача-
дѣ первой части, названной *изложеніемѣ
прѣдлагаго способа интегральнаго исчисленія:*
„Интегралы дифференціальныхъ уравне-
ній должно угадывать; а если уравненіе
сложно, то приводишь оное въ простѣй-
шее, коего интегралъ уже извѣстенъ,
Вошъ причина затрудненій, вспрѣчаю-

дѣлается при интегрированіи диф. уравненій, изъ которыхъ многія не могутъ бытъ интегрированы определенно. Напротивъ сего, когда диф. уравненіе разложено въ безконечный рядъ, тогда открывается возможность интегрировать его легко, безъ исключеній и безъ надобности въ предварительномъ познаніи интеграловъ отъ нѣкоторыхъ диф. уравненій. “ Въ сихъ словахъ заключается предметъ изысканій г. Симонова, и пошому на нихъ должно обратишь особенное вниманіе.

Интегралъ есть первоначальная функція даннаго дифференціального выраженія; функція раздѣляется на алгебраическія и трансцендентныя, и каждыя изъ нихъ на простыя и сложныя; виды простыхъ функцій того и другаго рода всѣ извѣстны, дифференциалы ихъ также; слѣд. когда потребуется интегрировать функцію простую, тогда нѣтъ надобности въ гаданіи; нужно только знать основныя теоремы исчисленія дифференціального. Если же дана будетъ функція сложная, то дѣйствительно, какъ пишетъ г. Симоновъ, должно приводить ее въ про-

спѣйшій видъ; послѣ чего интеграль ея найдется опять не чрезъ *целывыміе*, но прямо изъ началъ уже извѣстныхъ. Немѣя возможности дать общее рѣшеніе вышеупомянутаго вопроса, всѣ старанія знаменитѣйшихъ математиковъ были обращены на то, чшобъ сложныя функціи раздѣлишь на роды, подвесши подъ общія выраженія, пошомъ показашь способы превращать сіи выраженія въ простѣйшія, и наконецъ открышь признаки, по коимъ можно было бы судишь, для какихъ функцій можно найши интегралы опредѣленные и для какихъ нельзя сего сдѣлать. Благодаря Лопиталю, Эйлеру, Бернулліямъ, Лагранжу и проч. и пр., мы знаемъ общіе способы интегрированія многихъ функцій; приложеніе *чистой* математики къ наукамъ физическимъ разширило кругъ ея изысканій, обогатило и обогащаетъ высшія исчисленія важнѣйшими теоріями, часными вразсужденіи всей науки, но общими для ея часшей. Если бы кто собралъ и сообразилъ всѣ рѣшенія вопросовъ болѣе или менѣе общихъ, разсѣянныхъ по *актамъ* разныхъ ученыхъ обществъ и

въ разсужденіяхъ о предметахъ изъ наукъ физическихъ; но едва ли бы не открылось, что дѣло приходитъ къ концу. И такъ въ нынѣшнемъ состояніи высшихъ исчисленій ирудность интегрированія есть токмо опносительная, т. е. возрастаетъ по мѣрѣ неопытности и недостатка свѣдѣній разрѣшающаго вопроса. Въ наукахъ физическихъ главную роль играютъ способы приближеній, и потому старались довести ихъ до возможнаго совершенства; разложеніе функцій въ ряды есть важнѣйшій изъ сихъ способовъ; оно производится большею частію помощію *Тейлоровой теоремы*, которая недавно принята въ основаніе всего высшаго исчисленія, изобрѣтена же именно для облегченія интегрированія функцій посредствомъ рядовъ. Главное условіе сихъ рядовъ состоитъ въ томъ, чтобы члены ихъ уменьшались быстро: Іоаннъ Бернулліи преобразовалъ оную теорему такъ, что посредствомъ ея получающіяся интегралы въ рядахъ *сходящихся*. Изъ сего видимъ, для чего интегрирующія функціи рядами, и что сей способъ есть общій

самъ по себѣ, но частный вразсужденіи
цѣлаго исчисленія: его-шо г. Симоновъ
назвалъ *прямьмь способомь интегральна-*
го исчисленія и подвергнулъ своимъ из-
сѣдованіямъ.

И такъ предметъ сочиненія г. Симо-
нова опредѣленъ; онъ не новый; и потому
надобно только разсмотрѣшь, что сочи-
ншель прибавилъ къ теоретической его
части, и къ какимъ вопросамъ примѣнилъ
его. Для сей цѣли мы съ величайшимъ вни-
маніемъ прочитали разсужденіе почтенна-
го нашего соотѣчественника, особенно пер-
вую часть онаго, какъ главную; но должны
признаться, хотя и не охотно, что не на-
шли ничего новаго, кромѣ совершенно без-
полезныхъ усилій интегрировашъ главныхъ
простѣйшія функціи посредствомъ ря-
довъ. Не можемъ объяснить себѣ, почему
г. Симонову не нравился находеніе инте-
граловъ сихъ функцій изъ основныхъ пра-
вилъ дифференцированія, способъ, столь
обыкновенный, естественный и совер-
шенно удовлетворительный? Не многорѣ-
чивый ли Лакруа ввелъ его въ искушеніе?
На стр. 150 втораго тома практата е

дифференціальному и интегральному исчисленіяхъ сей прудолюбивый собирашель о теоремѣ Бернулліа замѣчаетъ, что она въ интегральномъ исчисленіи есть поже, что теорема Тейлора въ дифференціальному. Но это замѣчаніе должно понимать такимъ образомъ: посредствомъ теоремы Бернулліа находящіяся интегралы въ рядахъ весьма удобно, но помянуто для функций, которыя надобно интегрировать рядами. Также мы недовольны и самымъ изложеніемъ повпоренія, производящія отъ неудобной формы сочиненія (члены его не опдѣлены и не опмѣчены), и поспороннія изслѣдованія затрудняющія чтение, такъ что невдругъ доберешся до главнаго содержанія. Если бы сочинитель избѣжалъ сѣсь повпореній, и исключилъ все неотносящееся къ его предмету, то въ первой часши его разсужденія оспались бы только двѣ теоремы: Бернулліева и Лейбницева, изъ коихъ послѣдняя есть распространеніе первой. Теоремы сіи весьма извѣстны, пощому что помѣщаются во всѣхъ хорошихъ учебныхъ сочиненіяхъ, и нельзя ничего прибавиши

къ нимъ, кромѣ того, что можно придуманъ новыя доказательства. Это сдѣлалъ г. Симоновъ съ теоремою Бернулли; но его доказательство не имѣетъ существеннаго достоинства краткости; не смѣтря на сокращенное его изложеніе, оно занимаетъ полторы страницы въ четвертую долю листа: напишите его пространнѣе, не умѣстите и на трехъ страницахъ. Между тѣмъ въ *интегральномъ исчисленіи Франкера* (чл. 801) находится доказательство той же теоремы въ немногихъ строкахъ съ достаточными примѣрами и съ объясненіемъ цѣли, для коей составлена она знаменитыиъ машемашикомъ.

Относительно первой части разсужденія г. Симонова оспаривается сдѣлать одно замѣчаніе: нѣтъ никакой надобности много заботиться объ интегралахъ высшихъ порядковъ, которые находятся по тѣмъ же правиламъ, по которымъ опредѣляется первый интегралъ. Не худо выкинуть въ слѣдующія слова Франкера: „мы ничего не говоримъ объ интегралахъ α , $\frac{1}{2}$ и пр. порядковъ отъ функций од-

ного переменнаго, потому что правила для нихъ заключающіяся въ изложенныхъ теоріяхъ. Слова сіи находятъся въ ч. 804, копорымъ уважаемый нами сочинитель оканчиваетъ спашью объ интегрированіи посредствомъ рядовъ, и именно послѣ изложенія Бернуллиевой теоремы.

Переходимъ ко второй части сочиненія г. Симонова. О ней ненужно говорить много: ибо она составлена изъ рѣшеній нѣкопорыхъ частныхъ вопросовъ, изъ коихъ главнѣйшіе находятъся на сгр. 22 и 30, гдѣ опредѣляются интегралы двухъ дифференціальныхъ уравненій; одно изъ нихъ перваго порядка, а другое втораго. Здѣсь-то открывается очевидность вышепредложеннаго замѣчанія, для чего нужна теорема Бернулли: г. Симоновъ интегрируетъ первое уравненіе также помощію рядовъ и съ великимъ трудомъ доходитъ до рѣшенія; а между тѣмъ разсматриваемый имъ вопросъ удовлетворяется весьма просто и кратко посредствомъ теоріи, извѣстной подъ именемъ *отдѣленія переменныхъ*. Другой вопросъ разрѣшается также преобразова-

ніемъ прослѣйшимъ. Оба сія вопроса и уравненіе Риккати можно найти въ интегральномъ исчисленіи Франкера въ членахъ 817, 818 и 844.

Послѣ сего спрашиваемъ себя: съ какимъ намѣреніемъ шрудился г. Симоновъ? Знающіе не найдутъ въ его сочиненіи ничего новаго; учащіеся получаютъ ложныя понятія: ибо могутъ вообразить, что способъ его есть дѣйствительно изобрѣшеніе, и припомъ важное, превосходящее все, что сдѣлано Эйлеромъ, Бернулліемъ и пр., и пр.

Д. П — съ.

Москва.



С М Ъ С Ъ.

ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА,

I.

На основаніи §§ 90 и 100 первой части Высочайше утвержденнаго устава своего, Общество имѣло въ 29 день Декабря испекшаго 1824 года годичное свое собраніе.

По прибытіи гг. Членовъ, г. Предсѣдатель О. Н. Глинка открылъ собраніе объявленіемъ причины онаго и слѣдующею рѣчью:

Милосшнныя Государя!

Сего дня опять собрались мы сюда для того, чтобы имѣть свое *годинное* засѣданіе: VIII-е, съ нѣхъ поръ, какъ любовь къ добру и селу соединила насъ въ общество, соревнующее просвѣщенію и благошворенію. *Общество, ми-*

доспѣвые государи, какъ нравственное лице, идешь шѣмъ же путемъ, какой предположенъ вышнейю премудросію всякому человѣку: путемъ сугубаго развитія *сердца* и *ума*. Опъ чего юность наша такъ полна наслажденіями *внутренними*, незаказными, неприсканными? Опъ чего въ семь злашомъ періодѣ вѣка человѣческаго *настоящее* проходишь мимо насъ съ улыбкою, и *будущее* показываешь каршины жизни сквозь очаровательную завѣсу, изпканную изъ радугъ свѣта и золота? Опъ чего наконецъ такъ много теплоты, жизни, безкорыстныхъ пожертвованій и гошовности ко всему благому въ первыхъ союзахъ, въ первыхъ шовариществахъ нашей ранней молодости?

Ваши благородныя сердца, милоспивые государи, уже сами отвѣтствуютъ на сіи вопросы: причина нашего счастья въ юности жизни естъ та, что мы живемъ тогда болѣе, или менѣе, *сердцемъ*. Далѣ спла общо-япельствъ и всеобщее стремленіе увлекають насъ на *другой путь*: мы начинаемъ *жить головою*. Но не напрасно сказаны сіи слова священной мудрости: „шрудъ и болѣзнь ко главѣ человѣка.“ Изъ простоты и невинности бытія сердечнаго, изъ сего *рая сладости* изгоняешся человѣкъ въ пустыню жизни, чтобы жить и работать однимъ *умомъ*. Тутъ останавливаетъ смъ сладкую пищу безопасности и

переходить на горкій хлѣбъ *труда* и *заботы*, въ прискорбную тѣснопу отношеній общес-
твенныхъ. Полноша природы замѣняешся
скудосшію *искусственности*. Мало по малу *члѣ*
начинаешъ остриться, а сердце шупѣшь. Вотъ
время *внѣшней жизни*, суеты, круженія, разсѣ-
ляности, безпокойной суепности, бурныхъ
пожеланій, время ропота, сокрушенія, или
медленной, неопслупной скуки.

Въ семь періодъ челоѣкъ обыкновенно
говоритъ: „ полно быть глупымъ: пора жить
умомъ; надобно *жить для себя!*“ И съ сей-по-
минушы начинаюпся холодные расчеты, ли-
чныя исканія, личные виды, ненасыпимая
жажда къ частнымъ выгодамъ, и все, что уе-
дняешъ челоѣка среди людей, все, что за-
ешавляешъ его предпочиташъ себя всѣмъ,
клонитъ все къ себѣ, и думашъ только о своей
личности. Тутъ уже нѣтъ ни прекрасныхъ
порывовъ къ общему благу, ни безкорыстной
любви къ обществу, ни благородной, безрасче-
тливой готовности къ пожертвованіямъ.
Всякой говоритъ про себя: „ въ этомъ *моя*
выгода; шупъ мой расчетъ! Вотъ шупъ, ко-
торымъ идущъ, съ большимъ, или меньшимъ
уклоненіемъ отъ онаго, и челоѣкъ, и всѣ шо-
варищества челоѣковъ! Вы, милоспивые
государи, сами можете опредѣлить: на какой
шточкѣ сего нравспивеннаго шупи находишся
шеперь общество наше? ”

Есть одно воспочное преданіе, что нѣкогда, въ глубокой древности, мѣстоименія: *а*, *ивъ* и *омъ* соспавляли одно семейство, одно поваричесство, *одно цѣло*. Все у нихъ было равно, все общее, все заодно: миръ, любовь и благоденствіе были вѣнцемъ и благословеніемъ ихъ дружественнаго согласія. Но мало по малу единство начало разнишья; часши спали разклеивашья, и скоро прихопливый *а* возобладаль надъ прочими брашьями. Тогда часъ возникли неспройство, свары, разногласіе и непрерывное бореиіе пожеланій и спрасшей. Тогда нѣкій мудрецъ, сжалья надъ заблужденными, воспановиль опяшь раздвинутыи часши въ одно новое *цѣло*, и назвалъ его мѣстоименіемъ *мы*. Съ шѣхъ поръ пали уже навсегда всякія *личности*, и воспановило одно *общее благо*, въ шой красотѣ, копорую благословенная добродѣшель приносишь съ собою изъ лучшаго міра. Такъ, любезныи и почтенныи сочлены, осмильшимъ соединеніемъ вашимъ для *двухъ благородныхъ цѣлей* вы доказали, доказываеше и конечно докажете еще убѣдительнѣе, сколь пришно вамъ, часшными усиліями, поддерживашъ силу и нравственную жизнь общества нашего, шолыко вамъ любезнаго!

Я же, съ моей спороны, скажу шолько издадека о помъ, что безъ сомнѣнія вамъ самимъ извѣстно, что лучшія, самыя сладкія и

самыя прочныя связи, суть связи *сердечныя*; ибо сердце есть источникъ всего ушѣшительнаго для человѣка. *Бекарій* говоритъ, что лучшіе законы суть тѣ, кои извлечены изъ природы сердца человѣческаго; а *Маршалъ Саксонскій* и самыя военныя соображенія, когда должно двигать, духъ войска, совѣпуетъ основываясь болѣе на глубокомъ чувствѣ сердца, нежели на замыслахъ ума. *Военаръбъ*, написавшій цѣлую книгу объ умѣ, говоритъ однако жъ, что всѣ великія, или *возвешенныя мысли* (*les grandes pensées*) происходятъ изъ сердца. Я же осмѣливаюсь повторить мою обыкновенную поговорку, что *сбъ ума сойти можно, а сбъ сердца никогда*.

Да, милоспивые государи! Все доказываетъ намъ, что *начала отастія* нашего найдены въ сердцахъ. Да будетъ же и наше обществено основано на сихъ благихъ началахъ! Сохранимъ; и, сколько можно, долѣ удержимъ за собою нашу *нравственную юность*! Да не коснувшись насъ ни корышныя расчѣты, ни частныя виды, ни личныя соображенія, ни все, что заспужаетъ душу и дѣлаетъ человѣка споль малымъ въ своихъ собспвенныхъ глазахъ! Да будетъ между нами слово *мы* общимъ соединителемъ всѣхъ шрехъ личныихъ мѣстоименій!

И въ сіе ли время человѣку сохнуетъ отъ личныихъ заботъ и шеряшся въ исканіи чаш

спныхъ выгодъ, въ сіе ли, говорю, время, когда святое провидѣніе, развивая исполинскія силы природы, грознымъ движеніемъ стихій разрушаетъ въ немногіе часы вѣковыя созданія народовъ? Моря возстаютъ до вышины необыкновенной; шайные подземные пожары открываютъ себѣ *новые пути*; ураганы воздушные сносятъ цѣлые лѣса. И въ самомъ челоуѣчествѣ видны явленія непоспимыя. Ходъ *ума* развивается съ быстротою и разнообразностію необыкновенною. Можно подумать, что земля наша спремится принять новое образованіе, и челоуѣчество какъ будто готовится вступить въ какой-то *новый возрастъ*. Все какъ бы нарочно совокупилось для того, чтобы убѣдить надменнаго челоуѣка въ ничтожности его огромныхъ замысловъ, въ суебности его вѣрнѣйшихъ надеждъ и въ его дѣйствительномъ безсиліи. Въ такое время, гдѣ найши приютъ для сердца, гдѣ бы оно могло сдать, высказать свое горе и принять ощущенія сладчайшія, которыя даютъ намъ соучастіе и дружба? Гдѣ возможно сіе болѣе, какъ не въ обществѣ людей просвѣщенныхъ, которыхъ души знакомы съ шайною прелебностію вдохновенія и красотою высокою поэзіи? Между вами, милоспивые государи, въ вашемъ благородномъ обществѣ, душа моя, часто усшала в бореніи съ случайностями жизни, почерпала новыя силы, новое услади-

тельное утѣшеніе, и я живо чувствовалъ справедливость изрѣченія мудреца *Херонейскаго*, что обхождение съ мужами разумными и добродѣтельными возвышаетъ природу чело-вѣка.

Я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы принести вамъ, мои почтенные сочлены, благодареніе за все, что могъ занять ошъ васъ добраго, за все, что получилъ утѣшительнаго въ мирномъ сообществѣ вашемъ.

Мертвая буква можешъ ли выражать благороднѣйшія движенія души? Если бы возможно было открывашъ свои чувства; тогда мои, свѣдѣнія предъ вами, доказали бы, можешъ бышъ, лучше, сколь пріятно мнѣ вниманіе такихъ почтенныхъ людей, какъ вы, и сколько мнѣ дорогъ всякой знакъ ошкровенной дружбы со стороны вашей!

Въ слѣдъ за нѣмъ г. Секретарь Общества А. А. Никишинъ прочелъ исторію сего Словія и представилъ подробный ошчетъ о всѣхъ дѣйствіяхъ Общества по ученой часши и распорядительной часши, объ оборотѣ денежнаго капитала, пожертвованіяхъ и объ оказанныхъ Обществомъ пособіяхъ въ печеніе 1824 года.

II.

Во исполненіе §§ 44 и 45 той же часши устава и по существу журнала чрезвычайна-

го собранія 18 Декабря 1822 года, избраны по
баллотированію на 1825 годъ:

Предсѣдашелемъ **Ф. Н. Глинка.**

Помощникомъ Предсѣдателя **Д. М. Княже-
вичъ.**

Цензоромъ Прозы **Н. А. Веспужевъ.**

Цензоромъ Поэзіи **К. Ф. Рыльевъ.**

Цензоромъ Библиографіи **А. О. Корниловичъ.**

Секретаремъ Общества **А. А. Никишинъ.**

Секретаремъ Цензуры и Комитета **П. А.
Плешневъ.**

Библиошекаремъ **И. К. Аничковъ.**

Казначеемъ **И. Д. Боровковъ.**

Членами Цензурнаго Комитета:

А. А. Веспужевъ.

В. М. Княжевичъ.

И. В. Чеславскій.

III.

Общество, уважалъ отличныя познанія въ
наукахъ и опечесвленной словесности г-на
Кол. Совѣтника и кавалера князя Платона
Александровича Ширинскаго-Шихмашова, на
основаніи § 33 устава, избрало его въ свои
Почетные Члены.

За представленные сочиненія и перево-
ды избраны: по существу § 26, *въ Дѣйствіе
льные Члены*, по спаршичеству предложенія:
Надворный Совѣтникъ, камеръ-юнкеръ Ми-

ханъ Александровичъ Дмипріевъ; Спудентъ
ИМПЕРАТОРСКАГО Дерпшскаго Универси-
шеса Николай Михайловичъ Языковъ; Адъ-
юкты-Профессоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Мос-
ковскаго Университеша Дмипрій Машвѣвичъ
Перовоциковъ; Капишанъ Николай Максимо-
вичъ Княжевичъ; Флота Капишанъ Лейпте-
нантъ Конспашинъ Пешровичъ Торсонъ; На-
дворный Совѣшникъ Александръ Сергѣевичъ
Грибоѣдовъ; опсшавный Подполковникъ Пешръ
Николаевичъ Чебышевъ.

Сообразно съ § 35, *объ Членовъ-Сотрудникахъ*
Типулярный Совѣшникъ Алексѣй Михайло-
вичъ Замяшнинъ.

На основаніи § 38, *объ Членовъ-Корреспонден-
тахъ*: Губерскій Секретарь Аншомъ Машвѣ-
евичъ Габбовичъ, *объ Варшавѣ*.

IV.

Гг. Члены-Сотрудники П. Н. Араповъ и
В. Н. Григорьевъ и Членъ-Корреспондентъ Н.
А. Полевой, особенными шрудами и усердіемъ
обращившіе на себя вниманіе Общешва, на
основаніи §§ 26, 37 и 42 устава сего Сосло-
вія, переименованы въ Дѣйшвишелные Чле-
ны.

V.

Въ печеніе осшальныхъ мѣсяцевъ 1824 года
посупило въ благотворную кассу Общешва:

Отъ Его Превосходительства г. Почетнаго Члена А. А. Прокоповича-Аншона 50 р.

Выписано изъ приходившейся въ Обществу кружки для бѣдныхъ 31—50 к.

Всего . . . 81 р. 50 к.

VI.

Выдано изъ суммы по благошворенію.

Пансіонерамъ Общества :

За октябрь, ноябрь и декабрь.

Г. Ск му	75 р.
Г. Аникину	75 —
Г. Фед ву	75 —
Г-жѣ Ненашевой	45 —

Всего . . . 270 р

VII.

На основаніи § 23 второй части Устава, Общество представляетъ отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ по благошворенію за 1824 годъ.

Къ 1824 году въ остаткѣ ничего не было, ибо недостававшіе въ 1823 году для выдачи пансіоновъ и единовременныхъ пособій 1215 р. заимствованы были въ печеніе того 1823 года изъ суммы по предмету *Просвѣщенія*.

Поступило въ 1824 году.

Отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕ-

ЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ

300 р.
Опъ Членовъ Общества 1300 —
— Разныхъ мѣспъ и особъ 343—60 к.
— Незвѣснаго 20 —
Изь находящейся въ Обществѣ кружки для бѣдныхъ выдано 31—50 —

Итого . . 1995 р. 10 к.

Изь сей суммы употреблено въ печеніе 1824 года.

На постоянныя благотворенія.

1). Внесено въ Горный Кадетскій Корпусъ за питомца Общества кадета Шарпова на 1824 годъ 700 р.

Выдано пансіонерамъ Общества:

а). Бывшему учителемъ въ Горномъ Кадетскомъ корпусѣ, Кол. Совѣшнику г. Ск . . . му, лишенному зрѣнія и обремененному семействомъ 300 р.

3). Граверу, Тип. Совѣшнику М. Фед . . . ву, обремененному многочисленнымъ семействомъ, состоящимъ изъ жены и осмерыхъ дѣтей 300 р.

4). Бывшему учителемъ въ Пажескомъ корпусѣ, Тип. Совѣшнику г. Анкину, лишенному зрѣнія и обремененному семействомъ 300 р.

б). Вдовъ бывшаго учителемъ въ Иркутской и Нижегородской гимназі- яхъ, г-жѣ Ненашевой	180 р.
Итого	1780 р.

На временныя благотворенія.

б). Вдовъ покойнаго Дѣйствитель- наго Члена Общества г-жѣ Г	100.
г). Одному неимущему либерашо- ру г. Б	200 р.
Итого	300 р.

Всего 2080 р.

За сѣмъ заимствовано изъ сум-
мы по предмету *Просвѣщенія* въ ше-
ченіе 1824 года 84 р. 90 к.

VIII.

Во исполненіе § 22 впрочемъ части уста-
ва Общество долгомъ считаешь извѣстивъ
почтенныхъ чинашелей Соревновашеля о по-
ступившихъ вновь суммахъ на благотвореніе
въ 1825 году.

Отъ гг. Почетныхъ Членовъ Общества :

Его Высокопревоск. Михайла Ми- хайловича Сперанскаго	50 р.
Его Превосходит. Викентія Ива- новича Голынскаго	20 р.
А. Ф. Воейкова	25 р.

Отъ гг. Дѣйствительныхъ Членовъ :

Его Сіятельства Графа Дмитрія Ивановича Хвостова	300 р.
---	--------

Опъ Типуляри. Совѣтника г. Чмыхова
(изъ Мінска) 3.

Высыпано изъ находящейся въ Общест-
въ кружки для бѣдныхъ пожертво-
ван. членами въ годичномъ застѣ-
днѣ 363 р.
Всего . . 931 р.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

I.

На снхъ дняхъ вышла изъ печати новая поэма А. С. Пушкина, подъ названіемъ: *Бесслѣйный Оубиѣлѣ*. Авторъ Руслана и Людмилы, Кавказскаго Падѣнника и Вахтисарайскаго Фоншана въ каждомъ своемъ новомъ произведеніи издѣланы чиншаселѣ новыми красочами поэзіи. Въ этой поэмѣ прелестнѣ веселой, оспрой и благородной сатиры соединена съ испинными и рѣзкими описаніями свѣтской жизни. Передъ нею помѣщено особенное, шакже новое, епихонвореніе А. С. Пушкина: *Разговоръ между книгопродавцемъ и поэтомъ*. Онъ удивительнѣ не шолько по красочамъ поэзіи, но и по глубинѣ мыслей и какому-шо философическому ихъ развитію.

Книга сія продасенъ въ книжномъ магазинѣ Н. В. Слѣнина. Цѣна 5 руб., а съ пересылкою 6.

II.

Пріятнымъ долгомъ почищаемъ извѣстнѣе публику, что поступила въ продажу очень любопытная книга, особенно по нынѣшнимъ обстоятельствомъ, подъ названіемъ: *Записки Полковника Вуте о нѣмѣцкой войнѣ Грековъ, переводъ О. Солова*. Она состоитъ изъ двухъ частей и украшена пятью гравированными каршинами и каршою Греціи. Изданіе и переводъ отличаются исправностію и чистотою. Г. переводчикъ приобщилъ къ этой книгѣ свое предисловіе, въ которомъ находится необходимыя для читателя извѣстія какъ о сочинителѣ, такъ и о нынѣшнемъ просвѣщеніи Грековъ.

Книга сія продается въ книжномъ магазинѣ И. В. Слѣнина у Казанскаго моста въ домѣ Кусовникова, и въ лавкѣ книгопродавца Ф. В. Исаева, противъ зеркальной линіи, Номеръ въ домѣ, Генераль-Маіора Валабина. Подписная цѣна за обѣ части на вел. 6. 15, на просп. 10 р.; а съ пересылкою во всѣ города Россіи на вел. 17, на просп. 12 р. Гг. подписавшіеся съ первою частию получаютъ билетъ на 2-ю, имѣющую выйши въ печеніе февраля 1825 г. При ней будутъ приложены остальныя три каршинки и карша Греціи.



получать непременно въ первыхъ числахъ мѣсяца. Три книжки будутъ составлять часть сего изданія.

Вырученныя деньги изданіемъ *Соревнователя Присвященія и Благотворенія*, Общество, по Уставу своему, назначаетъ на постоянныя и временныя пособія немилующимъ членамъ и учащимся, о чемъ подробно извѣщаетъ Публику къ спашь журналу, подъ названіемъ: *Лѣтописи Общества*; по сему желающіе содѣйствовать сей благотворной цѣли могутъ внести за экземпляръ годоваго изданія и болѣе подписной цѣны, которая для здѣшнихъ гг. подписчиковъ, безъ доставки журнала на домъ, назначается *двадцать пять рублей*, а съ доставкой и также пересылкою въ другіе города, *тридцать рублей*.

Имена особъ, доставившихъ за журналъ нѣкоторое количество денегъ сверхъ подписной цѣны, и вообще всѣхъ *Благотворителей* припечатываются въ *Лѣтописяхъ Общества*.

Подписка принимается въ Санктпетербургѣ — въ домъ Собранія Общества на Вознесенскомъ проспектѣ, 3 Адмиралшейской части, 4 квартала, подъ № 254; также въ книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Общества И. В. Слѣнина у Казанскаго моста и въ Библиотекѣ для чтенія покойнаго В. А. Плавильщикова у Синяго моста, что нынѣ А. Ф. Смирдина.

Иногородныя особы, желающія получить сей журналъ, могутъ опноситься въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

К Р И Т И К А.

1. Особенное достоинство рѣчей, говоренныхъ Греками и Римлянами - - - - - 113.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

2. Острые изъ Римскихъ писемъ - - - - - 122.
3. Нынѣшнія женщины - - - 133.

П О Э З И Я.

4. Гнѣвъ Господа на нечестивыхъ - - - - - 149.
5. Гречанка - - - - - 157.
6. Къ Квинту - - - - - 160.

П А У К И.

7. О военномъ краснорѣчїи - - 162.
8. О разсужденїи г. Симонова 200.

С М Ъ С Ъ.

9. Лѣтописи Общества - - - 211.
10. Объявленїя - - - - - 223.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, Февраля 1 дня, 1825 года.

*Цензоръ Ст. Сов. и Кавалеръ
Ал. Буруковъ.*

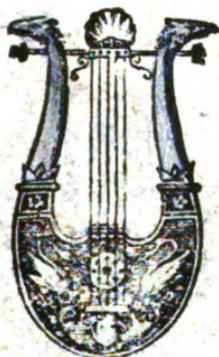
СОРЕВНОВАТЕЛЬ

ПРОСВѢЩЕНІЯ

И

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

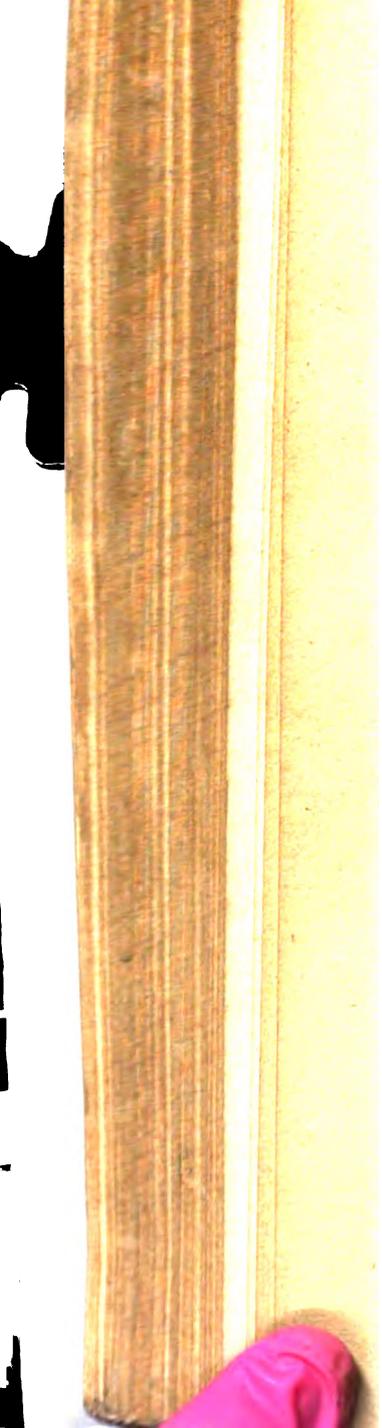
1 8 2 5.



№ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**Въ Типографіи Императорскаго
Воспитательнаго Дома.**



ЛИТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

НОВЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРА ІОСИФА II,
изданныя имъ
въ пользу Венгерскаго народа.

Проходя Венгрію, я къ сожалѣнію моему замѣнилъ, что привилегированный классъ, называющій себя папріотами, не любитъ ничего австрійскаго. Нѣмцы почищаются въ Венгріи врагами, а Венгерцы, какъ я слышалъ, принимаются въ Вѣнѣ чужими. Съ одной стороны утверждаютъ, что австрійское министерство обращается съ Венгріею, какъ съ завоеванною провинціею; съ другой опеческія попеченія императора о непривилегированномъ классѣ споль повсюду очевидны, что

невозможно согласишься съ мнѣніемъ первыхъ, и нельзя совершенно оправдать дѣйствій послѣдняго. Для объясненія сей взаимной ненависти, донинѣ не испребившейся, я представляю моимъ читателямъ слѣдствія благотворительныхъ учрежденій императора Іосифа II, изданныхъ къ облегченію феодальнаго ига Венгерскаго народа.

Венгерское дворянство составляешъ особое аристократическое сословіе, и общество ихъ представляешъ собою націю. Богатства, скрытыя въ водахъ и подъ землею, произведенія земли, власть въ правленіи, все принадлежишь сему классу, все находится въ ихъ рукахъ; и какъ оно изъятно отъ всѣхъ государственныхъ повинностей, шо налоги неминуемо должны падать на гражданъ и земледѣльцевъ, именуемыхъ въ публичныхъ актахъ *низкими классомъ, платящими подати*. Нѣкоторые, по преимуществамъ своихъ фамилій, почтиающіся наследственными губернаторами областей, что хошя и не исполняешся, но чрезмѣрное ихъ богатство досматриваешъ имъ способы затруднять ходъ

правительства, самаго оспорожнаго, но ими нелюбимаго.

Духовенство принадлежитъ къ сословію дворянства, имѣешь съ нимъ одни преимущества, слѣдственно общія выгоды и, взятое отдѣльно, очень могущественно. Сіе великое сословіе, предпочтительно занимающееся науками, и попому болѣе просвѣщенное, болѣе честолюбивое и хитрое, постоянно умножаетъ свое богатство и вліяніе на общественныя дѣла, и никогда ничего не теряетъ. Оно имѣешь около себя челоуѣкъ на Діеу, и, соединившись съ дворянствомъ, можешь дѣлать все, что вздумается. Нѣкоторыя изъ епископовъ управляютъ графствами въ званіи губернаторовъ.

При восшествіи на престолъ императора Іосифа II въ 1780 году, дворянство и духовенство наслаждалось всѣми неограниченными преимуществами. Граждане были въ униженіи, народъ съ покорностію несъ тяжкое иго неволи, и, только по оглоску слишкомъ раздражительной гордыни дворянской, еще по-

хвалялся именемъ *Маджара*, и не любилъ ничего нѣмецкаго. Въ царствованіе *Маріи Терезіи*, *Іосифъ* нѣсколько разъ посѣщаль Венгрію, зналъ всѣ сіи обспояшельства и шѣхъ людей, съ которыми долженъ былъ имѣть дѣло; зналъ и по предубѣжденію, что его, какъ неурожденнаго Венгерца, при самомъ вступленіи на престоль, почпущь уже похишиселемъ.

Онъ однакожъ швердо рѣшился преобразовашь правленіе Венгріи, что необходимо должно было раздражись умы могуществениѣйшихъ его подданныхъ. *Іосифъ* не могъ надѣяшьяся, чтообы благонамѣренность его была достойно ими оцѣнена, и ожидалъ напрошивъ упорнаго сопрошивленія; но какъ вся Европа наслаждалась шогда миромъ, шю онъ поспѣшилъ исключишельно заняшьяся драгоцѣннымъ для человекшлюбиваго его сердца предметомъ.

Жаль, что при первомъ шагѣ были сдѣланы значишельныя ошибки: имперашоръ ошклонилъ обрядъ коронованія, не пошому конечно, чтообы симъ посшупкомъ желалъ онъ ошкорбись народъ, но должно

думашь, что не хошѣль дасть кляпвы сохранишь шѣ права и преимущества, которыя предположилъ унищожилъ. Возложеніе короны св. Стефана почишаешся священнымъ, необходимымъ; а пошому Іосифъ, по общему мнѣнію, не признанъ законнымъ, ибо не былъ помазанъ на царство.

Перенесеніемъ короны изъ столицы Венгріи въ Вѣну въ 1784 году онъ нарушилъ не менѣе уважаемую спашью конституцію. Для сего нужно было согласіе цѣлой націи, ибо по законамъ, мѣсто, гдѣ корона должна хранилась, перемѣщеніе оной въ другой городъ, не иначе могло бытъ, какъ съ утвержденія Діеты.

Императоръ началъ преобразование раздѣленіемъ Венгріи на десять обласпей и пшадесять два графства, подчинивъ оныя избраннымъ имъ чиновникамъ. Симъ способомъ дворянство лишилось наследственныхъ должностей, и все вліяніе на правленіе перешло въ руки монарха.

Пошомъ Іосифъ указомъ унищожилъ рабство и объявилъ народъ свободнымъ. Но какъ сіе повелѣніе короля не утвер-

ждено было Діешою, що исполненіе по оному было медленно; дворянство гласно называло оное прошивозаконнымъ и несправедливымъ похищеніемъ ихъ помѣстныхъ правъ. Однако жь императоръ, въ надеждѣ, что выгоды одного класса превозмогутъ ропшаніе другого, началъ дѣйствовать еще съ большимъ самовластіемъ, ни въ какомъ случаѣ не уважая древними статутами.

Въ Венгріи почти въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ свой языкъ: смѣшеніе и разнообразіе оныхъ подобно бывшему при сполпотвореніи. Такое множество нарѣчій представляло важныя неудобства въ судопроизводствѣ. Іосифъ, желая исправить оныя, приказалъ, чтобы, по истеченіи трехъ лѣтъ, всѣ судебныя дѣла писаны были по-вѣмецки, и всѣ гражданскіе чиновники, которые къ сему сроку не выучатся говорить и писать по-вѣмецки, будутъ опшшавлены. Раздраженное щещеславіе мѣлкопомѣстнаго дворянства, занимавшаго до сего низкія степени по статской службѣ, провозгласило сіе пошшановленіе уничижительнымъ,

несноснымъ ширанспвомъ, „Вошь, до чего
 „мы дожили, говорили они: спараго Мад-
 „жара принуждають учитьсѣ, и учитьсѣ
 понѣмецки.“ Вопли сіи по отраженію
 пробудили народную гордость, и повелѣ-
 ніе сіе показалось цѣлой націи гораздо у-
 жаснѣйшимъ, нежели нащесловіе Турокъ.
 Нѣкошорыя другія полезныя перемѣны
 по части правосудія дали пищу често-
 любивымъ празднолюбцамъ, и неудоволь-
 ствіе, долго скрываемое, подобно пожар-
 ному пламени, разлилось по всему госу-
 дарству.

Оно достигло высочайшей степени,
 когда объявлена была шакса о поземель-
 ныхъ подахъ. Прежде сего *Плебси* (шакъ
 называютъ въ Венгріи народъ) вносили въ
 казну небольшую подать за земли, шоль-
 ко ими занимаемыя, дворянству же при-
 надлежащія оставались свободными. По
 новому положенію всѣ безъ различія дол-
 жны были нести равную повинность. Для
 исполненія онаго необходимо нужно бы-
 ло размѣривать все королевство и оцѣ-
 нить земли по качествамъ ихъ почвы.
 Императоръ приказалъ прислуцишь къ

сему немедленно и окончишь, какъ возможно, скорѣе. Ошъ поспѣшности, недоспа-
шочнаго числа искусныхъ землемѣровъ и
шайнаго сопрѣшивленія аристократиче-
скаго сословія произошли въ исполненіи
грубыя ошибки, копорыя подали поводъ
ко многимъ справедливымъ возраженіямъ
и жалобамъ.

Посреди сихъ преобразованій, кои, и
при самыхъ благопріятныхъ обстоятель-
ствахъ, долженствовало производиться съ
большою осмотрительностію, импера-
торъ, встрѣчая повсюду грубое противо-
рѣчіе, завлеченъ былъ въ войну съ Тур-
ками. Въ продолженіе сей войны, когда
Венгрія ошъ неурожаемъ не изобиловала хлѣ-
бомъ, Іосифъ приказалъ помѣщикамъ до-
спавишь въ казенные магазины опредѣ-
ленное количество хлѣба по назначенной
цѣнѣ, копорая хотя была выше справоч-
ной, но недовольные государемъ, не хо-
пѣли ему помочь, не хопѣли и слышать,
что армія ихъ терпитъ великой недо-
статокъ въ сѣбныхъ припасахъ. Въ нѣ-
копорыхъ округахъ, гдѣ кваршировали вой-
ска, упрямыхъ привудили къ послушанію

силою. Общее негодованіе, какъ можно себѣ предсхавишь, ошъ сего не уменьшилось.

Имперашоръ спрешился къ своей цѣли съ посшояннымъ мужешвомъ, презиралъ ропощъ корысшлюбія, и не искалъ ни похвалы, ни благодарности, а общаго блага. Дѣшельность его по мѣрѣ сопрощивленія увеличивалась, ибо менѣе, нежели въ шри года, онъ объявилъ 271 новыхъ учрежденій, клонящихся къ улучшенію народнаго состоянія и къ уничтоженію превозмогающей власши дворяншва. Въ семь благородномъ намѣреніи онъ не пощадилъ предразсудковъ первеншвующаго католическаго духошвеншва, объявилъ себя покровишелемъ протешшаншской религіи, возвращилъ сѣи послѣдней опнишшыя у нея церкви, другія же обрашилъ на полезныя заведенія, ввелъ новый способъ ученія въ семинаріяхъ, срылъ крѣпости, епископамъ принадлежащія, уничтожилъ 130 мужескихъ и 7 женескихъ монашшрей, ошавя во всей Венгрии 168 первыхъ и 11 послѣднихъ. Въ пылу своей спрашши къ общей пользѣ онъ досадилъ даже особенно любимому имъ сословию гражданъ, уничто-

живъ нѣкопоря ихъ преимущества и подчинивъ ихъ вѣдомству обласныхъ еудовъ.

Многія графства, видя поспешенное разрушеніе всѣхъ древнихъ коренныхъ законовъ, осмѣлились наконецъ предсавишь сильныя возраженія, большею часпію приспраспныя, ибо чиновники рѣдко могутъ опличишь личную опъ общей пользы. Хошя Іосифъ не сомнѣвался болѣе въ общемъ неудовольствіи, но, по окончаніи въ 1789 году размѣжеванія, поземельную подашь привель въ исполненіе, вмѣстѣ съ шѣмъ уничпожилъ повинность креспьянъ, плашившихъ помѣщикамъ часпію рабошою и часпію земными произведеніями. Въ замѣну оныхъ, согласно новой оцѣнкѣ, положено было, что бы креспьяне плашили по 8 процентовъ на спо помѣщику и по 12 правительству, дворянство же и духовенство полько по 12 процентовъ со сша, включая въ сіе число всѣ вообще подати и налоги. Такимъ образомъ однимъ почеркомъ пера феодальныя права уничпожены, и дворянство подчинено было наравнѣ

съ плебейми равной повинности, вносимой въ государственный казначейство на общія издержки.

Труды, понесенные Иосифомъ въ первую шуецкую войну, много ослабили его здоровье, и въ 1789 году онъ скорыми шагами шель ко гробу. Между шьмъ, какъ продолжалась война съ опшоманскою порптой, пруская армія угрожала нападеніемъ авспрійской границъ, и белгскія его области были въ явномъ возмущеніи. Венгрія и Тироль, самыя свободныя изъ его владѣній, болѣе другихъ были имъ недовольны. Жишели Богеміи, Моравіи и Галиціи, особенно имъ облагодѣшельствованные, шерпѣли опъ неурожая, и шакже, какъ и всѣ прочіе, жаловались на его правленіе.

Невозможно опвергать, чшобы правленіе Иосифа II не было самовласнымъ, и чшобы онъ употреблялъ надежныя и вѣрныя средства; но кто можешь усомниться въ чистотѣ его правилъ и справедливости его намѣреній? Каждая минуша жизни сего императора посвящена была благополучію народа; день и ночь помышляя о немъ, онъ предавался пріятной

надеждѣ видѣшь наконецъ исполненіе искреннѣйшихъ своихъ желаній. И надежды и желанія, къ сожалѣнію, были тщесными, подобно, какъ напрасны бывають ожиданія шѣхъ, кои хошашь соединить несоединимое, исправишь неисправимое. О, сколь должно было скорбѣшь чувствительное его сердце, слыша безпрестанно однѣ жалобы и видя вокругъ себя однихъ неблагодарныхъ! Если, въ продолженіе дѣлительнаго своего царствованія, въ вознагражденіе трудовъ и любви къ ошечеству, онъ не получилъ ни малѣйшаго одобренія; то, по крайней мѣрѣ, съ спокойною совѣстію, могъ бы ожидать по смерти большей признательности; но нѣтъ: негодованіе возрасшало со дня на день, и, на краю могилы, несчастный монархъ видѣлъ паденіе зданія, съ такимъ спараніемъ имъ сооруженнаго. Онъ принужденъ былъ самъ начерташь уничтоженіе большей части своихъ новыхъ учреждений, заплашишь шѣмъ дань укоренившимся предразсудкамъ своего вѣка и благососпояніе народа принесшь на жершву общему мнѣнію и преимуществамъ аристокраціи.

4 Февраля 1790 года объявлено было слѣдующее опмѣненіе, а 20, того же мѣсяца, императоръ оставилъ бразды правленія и суеты міра сего.

„ Совершивъ въ прошедшемъ годѣ
 „ священный обрядъ коронованія, мы
 „ нынѣ рѣшились собрать Діету; но какъ
 „ шѣлесные наши недуги и заботы про-
 „ должающей войны не позволяющъ
 „ назначить собраніе государспвенныхъ
 „ членовъ немедленно, шо мы даемъ наше
 „ королевское слово отккрытъ засѣданіе
 „ не позже слѣдующаго года. А дабы се-
 „ вершенно успокоить вѣрныхъ нашихъ
 „ венгерскихъ подданныхъ, мы рѣшились
 „ съ 1 го маія текущаго года возстановить
 „ прежній порядокъ въ правленіи, шочно
 „ въ шомъ видѣ, какъ мы нашли оное при
 „ восшествіи нашемъ на прешполь.

„ Хотя съ того времени объявили
 „ мы шѣкошорымъ новымъ посщановленія,
 „ пошому чшо перемѣны сіи почтишали
 „ для любезныхъ намъ подданныхъ по-
 „ лезными, и надѣялись, чшо наученные опы-
 „ шемъ примущъ оныя съ довѣренностію;

„но какъ увѣдомились мы, что они пред-
 „почишаютъ имъ древнія учрежденія и
 „въ сохраненіи оныхъ полагаютъ свое
 „благополучіе, по, не колеблясь, мы сниз-
 „ходимъ къ желанію ихъ, ибо благосо-
 „стояніе вѣреннаго намъ провидѣніемъ
 „народа было всегда первымъ предме-
 „ломъ нашихъ усилій и желаній, и сред-
 „ства, показываемыя намъ общимъ мнѣ-
 „ніемъ націи, всегда получашъ наше пред-
 „почтеніе. Въ слѣдствіе сего всѣ публи-
 „чныя акты, копорые по чему либо мо-
 „гутъ бытъ противными помѣстнымъ
 „законамъ, уничтожаемъ и объявляемъ
 „какъ бы не существовавшими. Но чтобы
 „избѣгнушь замѣшательствъ, каждый
 „да повинуется настоящимъ властямъ
 „до возстановленія новыхъ правилей.
 „Также объявляемъ непремѣнную нашу
 „волю, чтобы акты о шерпимости вѣрь,
 „посстановленія, относящіяся до духо-
 „вныхъ учрежденій, и все по, что мы
 „повелѣли на пользу крестьянъ безъ
 „исключенія, было сохранено въ полной
 „силѣ; пошому что оныя основаны на
 „здравомъ смыслѣ, пошому что распо-

„ряженія по дѣламъ церкви принадле-
 „жасть по законамъ намъ, какъ главѣ оной;
 „впрочемъ мы увѣрены, что менѣе при-
 „спрасшныя и болѣе разсудительныя
 „уже дали свое согласіе на послѣднее на-
 „ше желаніе. Наконецъ, чтобы всѣ жела-
 „нія ваши были удовлетворены, мы уже
 „приказали перевести корону и другія
 „регалии въ Офенскій нашъ дворецъ, гдѣ,
 „сообразно шекспу конспишущіи, повелѣ-
 „ли проготовить приличное мѣсто для
 „храненія оныхъ. Ои конспишущіи
 „распоряженія да послужають новымъ за-
 „логомъ нашей искренней любви и при-
 „язанности къ венгерской націи.“

Такимъ образомъ девятилѣшнее цар-
 ствованіе, котораго начало ознаменова-
 но блистательнѣйшими подвигами, бы-
 ло въкошорымъ образомъ совершенно у-
 шрачено. Однако жъ оно можетъ служить
 полезнымъ урокомъ, что не должно во-
 все пренебрегать общимъ мнѣніемъ и
 предразсудками народа, что самыя му-
 драя учрежденія погибають отъ послѣ-
 шности. Иногда добрыхъ государей, въ
 мносказательномъ смыслѣ, называють ощи-

цами народа. Иосифъ, по почтой справедливости, управлялъ, какъ отецъ семейства, и между шѣмъ не заслужилъ пошла отца народа. Всѣ минушы жизни его изочтены едиными благодѣяніями къ его дѣшамъ. Взвѣсивъ добро и зло на вѣсахъ благоразумія и увѣрившись наконецъ въ чистотѣ своихъ намѣреній, онъ надѣялся, что съ покорностию примутъ его совѣшты; но ошибся, приступивъ къ исполненію съ сердцемъ, чрезмѣру исполненнымъ своего предмета. Корабль его прешерпѣлъ кораблекрушеніе въ виду при-сшани, гдѣ подданные (если бы послѣдовали за нимъ съ довѣренностию, или однимъ только послушаніемъ) обрѣли бы свое блаженство и могли бы достойно оцѣнить его о нихъ попеченія.

Исторіографъ его Пепцель говоритъ: когда министры совѣщовали императору помедлить исполненіемъ нѣкоторыхъ его преобразованій, его величество отвѣчалъ: „я не люблю останавливаться на срединѣ, ненавижу полусредства, и начаше хотѣть кончить, какъ можно, скорѣе. Когда я разводилъ сады въ Прагерѣ и Аугар-

„тень (*); шо. не упопрѣбилъ для сего
 „ молодыхъ деревь, ошъ кошорыхъ едва
 „ ли мои попомки дождались бы тѣни:
 „ но насадилъ большія дръвья, чшобы са-
 „ мому и моимъ современникамъ насла-
 „ диться въ тѣни ихъ прохладою.“

Броневскій.



(*) Публичные сады въ Вѣнѣ.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

РИМСКИХЪ ПИСЕМЪ.

ПИСЬМО XI.

(Оконганіе).

Но оставимъ описанія, служащія только къ удовольствованію суешнаго любопытства; мы пріятнѣе представимъ себѣ женщинъ римскихъ внутри ихъ домовъ. Здѣсь-то, пользуясь шѣмъ истиннымъ уваженіемъ, кошораго напрасно ищутъ въ семействѣ своихъ, являюся онѣ во всемъ своемъ блескѣ. Въ шощъ день, когда мужъ вводитъ новобрачную въ домъ свой, вручаешь онѣ при свидѣтеляхъ всѣ ключи, кромѣ ключа отъ мѣша, гдѣ хранился вино. Законъ строго запрещаетъ женщинамъ пить вино. Одинъ древній Римлянинъ, Эгнацій Меценній, убилъ

свою жену на мѣстѣ, заславъ, что она пила вино изъ большихъ сосудовъ, въ коихъ оно хранился. Преданный суду за сіе убійство, онъ былъ избавленъ отъ наказанія по закону Ромула (*). Законъ сей слишкомъ жестокъ, и попому не выполняется, но онъ вовсе не отмѣненъ. Когда же родные посѣщаютъ какую либо женщину, то цѣлуютъ ее въ уста, чтобы увѣрились, что она не пила вина. Конечно законодатель Римлянъ пьянство казалось въ женщинѣ уголовнымъ пресупленіемъ; но что сказалъ бы онъ, если бы видѣлъ нашихъ безумныхъ Менадъ, ругающихся надъ богами, подъ предлогомъ воздаваемой имъ чести, и безъ зазрѣнія совѣсти предающихся постыднѣйшимъ изступленіямъ? Римъ виновенъ спрөгостію, Греція слабостію.

(*) Плиній, кн. XIV, гл. 13. Онъ рассказываетъ также, что, когда одна женщина хитроспью унесла ключъ отъ виннаго погреба, то родственники, собравшись, осудили ее на голодную смерть.

Равнымъ образомъ, по причинѣ уваженія, коимъ женщины обязаны самимъ себѣ, не позволяется имъ бытъ въ обществѣ за однимъ споломъ съ мужчинами; ибо Римляне не садятся, а ложатся вокругъ стола на поспѣляхъ. Обычаи сіи суровы, законы также: они судятъ женщинъ съ такою строгостію, которая, по видимому, противоположна наспоющему ихъ положенію. Онѣ въ совершенной зависимости опъ мужей своихъ: мужъ одинъ имѣетъ всю власшь, распоряжаетъ обоюднымъ ихъ имѣніемъ, назначаетъ опекуновъ своимъ дѣшамъ, располагаетъ участью своихъ сыновъ и дочерей, какъ ему угодно; онъ власненъ завѣщатъ свое имущество по благоусмотрѣнію: но жена не имѣетъ сего права; даже имени ея нельзя поставишь въ завѣщаніи какаго-либо гражданина. Наконецъ, въ шеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, супругъ могъ разорвать брачныя узы по одной своей волѣ, а жена ни въ какомъ случаѣ не имѣла свободы его покинуть.

Сіи пошановленія, введенныя силою и безошвѣшно принятыя слабостію, умѣ-

ряюся лесными и почетными опличиями. Запрещено говорить при женщинах непристойные слова. Римляне сколько воздержны в сем отношении, что мужь никогда не поцѣлуесть жены своей при дочери. Если у женщины проедшей, то республика даетъ ей содержаніе; имя ея вносится въ общенародные списки; по смерти, ее несутъ на погребеніе въ пышной одеждѣ, и ораторъ говоритъ о ней похвальное слово собранному народу (*). Всякой мужчина, встрѣясь съ женщиной въ народныхъ сходбищахъ, уступаетъ ей почетное мѣсто; сами градоначальники исполняютъ это, даже и тогда, когда идутъ по своей должности. Никогда ликторы не смѣли поднимать руки на гражданку. Если она въ колесницѣ съ мужемъ своимъ, то и онъ дѣлается участникомъ сихъ почестей, и

(*) Цезарь первый говорилъ всенародно похвальное слово женѣ своей, юной Корнелии, дочери Цинны, умершей бездѣшно. Дочоль сія честь воздавалась только матерямъ семействъ.

тогда уже никто неправо требовать, чтобы он сошелъ съ колесницы предъ высшими государственнымъ сановниками. Не позволялся женщинамъ призывать во свидѣтельство въ дѣлахъ, касающихся до смертоубійства, или уголовныхъ преступленій. Но болѣе всего въ установленіи сана Веспалокъ являющагося въ полномъ блескѣ и благочестіе Римлянъ къ богамъ, и уваженіе ихъ къ женщинамъ.

Обожаніе огня, можетъ быть, самое древнѣйшее между людьми, извѣстно было въ Италіи задолго до основанія Рима. Сказываютъ, что Эней привезъ его съ собою изъ воспочныхъ странъ, гдѣ оно существовало еще самой древности, и установилъ въ Лаціумъ, подъ именемъ богини *Весты*. Мать Ромула была посвящена сему служенію; но оно при Нумѣ только получило то благолѣпіе, кошорымъ нынѣ отличаетъ. Сей мудрый царь хотѣлъ шаковымъ важнымъ заведеніемъ ознаменованъ произхожденіе основателя Рима, смягчить нравы своего народа и оставить прочный памятникъ своего благочестія. Сначала онъ установилъ шоль-

къ чешырехъ жриць Весты. Сервій Туллий прибавилъ къ нимъ еще двѣ, и съ шѣхъ поръ число ихъ было безсмѣнно шесть. Онѣ храняшъ священный огонь, прознаменованіе жизни. Въ Римѣ онъ считается также знаменіемъ долгоденствія сего государства. Онѣ однѣ шолько имѣюшъ право къ нему приближаться и пишашъ его; когда же, по пресступному небреженію, не досмотряшъ, и онъ погаснешъ, то подвергаюшъ жестокииъ наказаніямъ. Его снова зажигаюшъ шолько посредствомъ мѣднаго зеркала весьма хитрой работы, собирающаго лучи солнечныя, огонь, чистѣйшій того, который служишъ для пошребностейъ человеческихъ. Погашеніе священнаго огня производишъ волненіе въ Римѣ: оно считается предвѣстіемъ величайшихъ бѣдствій; и тогда Римляне не щадяшъ ни жершвъ, ни моленій къ смягченію разгнѣванныхъ боговъ.

На Веспалокъ также возлагается храненіе *священныихъ цтварей*, коишъ самое имя есть шайна. Одни говоряшъ, что подъ симъ названіемъ разумѣшся знаме-

нишій *палладиумъ*, привезенный Энеемъ изъ Трои. Другіе утверждаютъ, что это два небольшіе боченка, одинъ полный, а другой пустой, что оба они посвящены въ темномъ мѣстѣ, и что къ нимъ никому въ свѣтѣ не позволено подходить. Всѣ однако жь согласны, что сего таинства не возможно проникнуть, и что оно совокуплено съ основными началами правительсва, которое старается скрывать въ густомъ мракѣ все то, оцъ чего зависишь его безопасности.

Въ началѣ учрежденія, Веспалки избираемы были царями; по низверженіи монархіи, сіе право было дано первосвященнику. Ихъ берутъ безъ различія изъ Римлянъ, обоихъ званій. Требуешся только, чтобъ онѣ были рождены въ семействѣ, ничѣмъ незапятнанномъ, чтобъ отецъ и мать были живы, а на нихъ самихъ не было бы плѣсныхъ недоспажковъ. Ихъ принимаютъ съ шестидѣсятиго возраста; но какъ дѣвство есть необходимое условіе въ семъ санѣ, то старѣе десяти лѣтъ ихъ уже не берутъ.

Случалось иногда, что родители, жѣлая избавить дочерей своихъ отъ опасныхъ почестей сего сана, ошрекались за нихъ отъ онаго. Въ такомъ случаѣ первосвященникъ имѣеть право назначить во молодыхъ дѣвицъ, кошорыя между собою бросають жеребій для занятія празднаго мѣста. Съ самой минушы ихъ нареченія, Веспалки освобождаются отъ власши родительской; имъ обрѣзываютъ волосы въ ознаменованіе сей свободы, и сіи волосы вѣшаютъ на бесплодное дерево, изображающее печальную участь юной жрицы. Онѣ однѣ изъ всѣхъ римскихъ женщинъ имѣють право располагать своимъ имуществомъ по завѣщанію. Республика назначаетъ имъ такое же денежное содержаніе, какое дается машерямъ проихъ дѣшей; кромѣ того онѣ пользуются значительными богатствами, данными въ разныя времена ихъ сословію.

Веспалкамъ воздаются чрезвычайныя почести: ликторъ всегда идетъ передъ ними по городу; первые сановники, даже консулы, вспрѣвая ихъ, останавливаются и велятъ преклонять передъ ними

ликшорамъ своимъ ихъ пуки, какъ передъ народнымъ собраніемъ. Если бы кто дерзнулъ ихъ оскорбить, тошъ быль бы наказанъ смертію. Онѣ занимающъ почетное мѣсто въ шеапрѣ и на всенародныхъ играхъ. Наконецъ имъ даво право погребенія въ городѣ, что въ Римѣ считается весьма важнымъ оплачіемъ и дается только въ награду за величайшія заслуги.

Но самое лучшее преимущество жрицъ Вестинныхъ то, кошорое наиболѣе согласуется со священнымъ ихъ званіемъ, есть право избавляшъ отъ смерти ведомага на казнь пресупника, если онѣ его встрѣшашъ, и объявляшъ, что сія встрѣча была случайная, ибо Веспалки никогда не клянушся. Слава ихъ правдивости такъ утвердилась, что граждане часто берутъ ихъ судіями въ своихъ тяжбахъ, и въ семъ случаѣ ихъ рѣшеніе сполько же сильно, какъ и опредѣленіе верховныхъ судей. Въ какомъ бы ни было дѣлѣ, ихъ посредничество всегда имѣеть большой вѣсъ; имъ же обыкновенно граждане ввѣряюшъ

свои завѣщанія. Ничто не можетъ лучше изобразить внушаемаго ими уваженія, какъ одно происшествіе, о которомъ мнѣ рассказывали. Аппій Клавдій, человекъ надменный и давно уже непернимый плебеянами, выпросилъ у сената почести триумфа. Народъ не далъ своего одобренія, и трибуны народные готовились попревожись церемонію и заспавишь Аппія со спыдомъ сойти съ поржеспвенной колесницы посреди шеспвія. Клавдія, дочь его, была въ числѣ Веспалокъ. Узнавъ о намѣреніи трибуновъ и народа, она послѣшила на площадь, прорвалась сквозь народъ, бросилась на колесницу къ опцу своему и, покрывъ его внушаемымъ ею самою уваженіемъ, ввела его съ шоржеспвомъ въ Капишолій.

Всѣ сіи преимущества перевѣшиваются спрогими обязанносшями и шяжкою неволею. Веспалки песпвцаюпся на 30 лѣтъ: десять лѣтъ опредѣлены на изученіе ихъ должносши, десять на исполненіе оной и десять на обученіе шѣхъ, кошорыя должны послушнть на ихъ мѣсто. По испеченіи сего времени, онѣ

вольны снова войши въ свѣтъ, могутъ даже вступити въ бракъ; но рѣдко были примѣры, чѣмъ онѣ пользовались сею свободою; замѣчено даже, какъ говорятъ, что сіи брачныя союзы никогда не бывають счастливы. Римляне приписывають сіе какъ бы оскверненію ихъ существованія, столь долгое время посвященнаго благороднѣйшему служенію. Я думаю престо, что женщины, сколько лишь пользовавшіяся величайшими почестями, должны приносить въ нѣдра семействъ своихъ нравъ надменный, не могущій составишь благополучіе супруга, отъ коего собственное ихъ счастье зависить.

Сіе жрицы управляютъ въ обители своей самою старѣйшею изъ нихъ, копорая по сему называется *великою Весталкою*; она имѣеть большую власть надъ прочими и даже можетъ имъ дѣлать легкія наказанія. За важныя прощупки онѣ судятся и наказываются главою дѣры, копорый одинъ имѣеть право поднятъ руку на Весталку. Чистота есть главнѣйшая обязанность жриць Весты; по сему первосвященникъ весьма строга

Ихъ наказываешъ при первомъ на оную покусеніи; онъ ихъ сѣчетъ лозами безъ свидѣтелей въ темномъ мѣстѣ, и сіи мшазанія почишаются всегда весьма жестокими. Но если Веспалка избличена, что нарушила обѣщъ дѣвства, тогда ничто уже не можешъ ее спасти. Сопреспублика ея сѣкутъ лозами до послѣдняго издыханія, а виновница обрекаешся на ужаснѣйшую казнь, при чемъ однако жъ соблюдаютъ еще къ ней шѣнь того почшенія, коего она не должна бы болѣе внушашъ. Совлекши съ нея всѣ украшенія, несущъ ее въ крышыхъ насилкахъ за спѣны Рима къ ворошамъ Коллинскимъ. Тамъ верховный жрецъ сперва чишаешъ шихо молишвы, подъявъ руки къ небу, пошомъ выводитъ изъ носилокъ прешупницу, увѣщенную опъ головы до ногъ погребальными покровами, и сводитъ ее въ подземелье, гдѣ приготовлено малое ложе, засженная лампада и немного хлѣба, воды, масла и молока. Входъ въ подземелье засыпаешся, и несчастная умираешъ опъ голода и опчаянія

Нельзя изобразитъ ужаса и опѣпенѣ-

нїа Римлянъ во время сихъ жестокихъ казней. Всѣ сидѣтъ, запершись въ домахъ своихъ, чшобы не видѣть сего страшнаго погребенїа живой дѣвы. Городъ предспа- вляешъ печальный видъ, лавки запершы, всѣ дѣла прекращаются. Нѣтъ! Римъ и тогда не являлся шакъ мрачнымъ, когда Галлы присупали къ подножію Капішо- діа. Сїи дни скорби, всегда воспоминаемыя испориками, почишаюпса между величай- шими бѣдспвіями народа римскаго; за каждыиъ изъ шакихъ дней слѣдовали шоржеспвенныя и умилишельныя моленїа.

Храмъ Веспы находится близъ горы Палашинской: онъ круглый, какъ земля, кошорую сіа богиня прознаменуешъ. Все въ немъ напоминаетъ проспшшу первыхъ вѣковъ; въ немъ невидно ни спашуй, ни украшенїй. Посрединѣ, на жершвенникѣ суроваго вида, неугасимо горитъ священ- ный огонь, образъ природы всесозидаю- щей и всеразрушающей. Муцины могутъ свободно входитъ во храмъ въ шеченїе дня, но не могутъ приходитъ шуда ночью, и ни въ какое время никакшо не приближается къ жершвеннику.

Ничто не можетъ сравниться съ блестящею наружностью Веспалки: всё онъ прелестны, пошому что благочестіе побуждаетъ посвящать служенію боговъ совершеннѣйшія изъ ихъ швореній. Навкъ господства даетъ имъ такую величавость, что взоръ ихъ шрудно выдержашъ. Когда онъ проходящъ по народнымъ площадямъ, съ челомъ, покрытымъ повязками, въ великолѣпныхъ бѣлыхъ одеждахъ, обложенныхъ багрянцею; по всякой, глядя на нихъ, гошовъ пастъ передъ ними, какъ предъ божествами. Въ началѣ республики, онъ шерпѣли общую бѣдность, и, можешъ бышъ, имѣли ошъ шого болѣе чистоты душевной; но нынѣ, обогащенные щедрыми вкладами набожныхъ Римлянъ, онъ являющъ пышность, недоспойную олшарей. Онъ не иначе показывающся, какъ на великолѣпныхъ колесницахъ, окруженные множествомъ богато одѣшыхъ невольницъ.

Сіи надменные женщины пресыщены почестями и величіемъ; онъ царицы сего Рима, который самъ царъ вселенныя; но,

при первой слабости, ихъ бѣдствіе пре-
возходишь всѣ бѣдствія самаго послѣ-
дняго римскаго невольника.

О. Соловѣ,



ГРОБЪ АГАМЕМНОНА (*).

Дорога пролегаетъ мимо невысокой степны, служащей къ огражденію сосѣдственныхъ Аргосу полей отъ разливовъ Инаха и къ задержанію каменьевъ, копорые онъ наноситъ зимою. Мы переѣхали широкое и пересохшее русло сей рѣки, и, оставя вправѣ малую часовню, сподшую на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ храмъ Цереры мизійской, оспашки коего послужили къ сооруженію сего меньшаго храма христіанскаго, ѣхали два часа

(*) Изъ II части *Записокъ Полковника Вутве о нынѣшней войнѣ Грековъ*. Сія часть скоро появился въ свѣтъ, съ преме порпремами: Маврокордашо, Колокошрени и Констаншина Канари, и каршою Грециѣ. *См. N II. Сорев. II. и B. 1825 г. стр. 224.*

по совершенно голой равнинѣ. Я назначилъ опдыхъ въ деревенькѣ Креваши, а самъ опправился къ развалинамъ Микены. Я обошелъ оврагъ и замѣпилъ, что въ самомъ низу его женщины мыли бѣлье въ источникѣ, который безъ сомнѣнія есть источникъ Элевѳерія; отсюда скоро дошелъ я до гроба Агамемнонова.

Сей памятникъ, спавшій опъ времени подземнымъ, напоминаетъ исполинскую простоту зданій Египетскихъ. Садка огромныхъ его камней произведена такимъ образомъ, что они выдаются впередъ одни на другихъ, начиная съ прешней части вышины зданія; а большой круглый камень соссавляетъ ключъ сего свода. Дверь замѣчательна тѣмъ, что она сверху шире, нежели снизу; видны слѣды рѣшешки, копорою она запиралась. Камень, соссавляющій архиправъ ея, двадцати двухъ фушовъ длиною и двадцати шириною: надъ нимъ есть треугольное опшверспіе.

Войдя, съ правой стороны видишь дверь съ опдушиною, подобною первой; она ведетъ въ подземелье, высѣченное въ

Скалъ: шупть было мѣсто погребенія. Ар-
 гивецъ, служившій мнѣ проводникомъ,
 увѣрялъ меня, что здѣсь найдены многія
 изваянія изъ мрамора и перевезены въ
 Триполицу. Онъ также сказывалъ, что
 первая комната была нѣкогда обшита мѣд-
 ными досками, и въ самомъ дѣлѣ я на-
 шель нѣсколько гвоздей, коими онъ были
 прибиты. Дѣлая сіи поиски, я чинилъ име-
 на, начерченныя на стѣнахъ. съ такимъ
 любопытствомъ, которое какъ бы оправ-
 дывало жалкую справку весьма многихъ
 путешественниковъ исписывавшъ своими
 именами древніе памятники. Какъ я об-
 радовался, нашедши шупть имя стараго
 сослуживца и сіи слова: „гидрографиче-
 „ская миссія королевской корветы la
 Chevrette.“ Франція, вскричалъ я, Фран-
 ція! О родина моя! Даже во мракъ гроб-
 ницы я нахожу слѣды швоей славы. Ты
 упоминалась военными подвигами и удив-
 леніемъ свѣта, и теперь посвящаешь мир-
 ный свой досугъ успѣхамъ полезныхъ зна-
 ній; благошворный свѣшильникъ швой оп-
 ынь будешь озарять мореходца: проше-
 кая море, которое столь часшо браздилъ

онъ невѣрнымъ кормиломъ, онъ спанешъ
плашишь шебъ дань благодарности.

Вышедъ изъ сего памяшника, я пустился по хребту холма къ ципадали, завидѣвъ развалины ея на ушесѣ, опдѣленномъ ошъ горы Трикорфы глубокою пропастью. Тамъ видѣлъ я древнія шурецкія гробницы и другой надгробный памяшникъ, подобный тому, копорый описалъ выше. Немного спустя, подошелъ я къ ворошамъ львинымъ; прослоюдіе называешъ ихъ такъ по причинѣ большаго камня, положеннаго сверхъ перекладины, на коемъ изсѣчены два льва, сплощіе и смопряціе другъ на друга; они раздѣлены опрокинушою колонною. Это былъ настоящій входъ въ Акрополисъ, копорый, какъ и всѣ древнія крѣпости, имѣлъ калишку для схода къ подошвѣ скалы. Въ нѣкопорыхъ мѣсцахъ, особливо жъ у ворошъ львиныхъ, спѣсны почши въ цѣлости сохранились: онѣ были весьма плосшы и высоки, и построены въ два ряда.

Въ спѣнахъ Акрополиса не осталось никакихъ слѣдовъ памяшника, кромѣ нѣсколькихъ водоемовъ, изсѣченныхъ въ ска-

лѣ, гдѣ жишели селенія Крѣваши пряшали самыя дорогіе свои пожизшки. Я любовался нѣсколько времени великолѣпными видами, представлявшимися мнѣ со стороны Аргоса; пошомъ мы ошправились далѣе. Скоро мы вступили въ ущеліе Трешейское, по которому течеть ручей Ришо между миршами и лавро-розами (laugiers-roses). Я и не воображалъ тогда, что въ семъ дикомъ мѣстѣ Эллины снова найдуть славу Фермопиль.

Наспупавшая ночь помѣшала мнѣ доѣхашь до Неми; я ошановился въ селеніи св. Василія. Надъ эшимъ селеніемъ, на крупомъ утесѣ, видны развалины крѣпосщцы, въ которой между починками среднихъ вѣковъ ошискалъ я слѣды глубокой древности временъ Клеоновыхъ.

Солнце начинало золотишь верхи Акрокоринеа, когда я пустился въ дорогу. Углубясь въ размышленія, внушенныя мнѣ видомъ сихъ гордыхъ стѣнъ, и надеждою, что онѣ скоро падутъ передъ нами, я едва бросилъ взглядъ на обломки нѣсколькихъ колоннъ, встрѣчаемыя въ небольшой долинѣ. Мы ѣхали два часа оврагомъ, по

копорому пропекаетъ рѣчка Клегна, при-
водящая въ дѣйствіе многія мельницы, и
наконецъ добрались до мѣловой почвы Ко-
ринеской.

КОРИНѢ

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ЕГО ПОЛОЖЕНІИ.

Коринѣ мало извѣстны путешест-
венникамъ по тому, что при Туркахъ
они едва могли бросать бѣглый взглядъ
на разоренную сію страну.

Сколько разъ, оставленный на вѣру
собственныхъ моихъ воспоминаній и бро-
дя безъ пушеводителя посреди сихъ зна-
менистыхъ обломковъ, сожалѣлъ я, что не
имѣю товарищемъ моихъ прогулокъ одно-
го изъ шѣхъ мужей, коихъ обширная уче-
носнѣ видить ясныя и вразумительныя
черты въ безмольномъ прахѣ вѣковъ! Ихъ
удаляетъ отъ сей классической земли
громъ оружія, тогда, какъ онъ есть наде-

жная порука за ихъ безопасность. Сколько драгоценныхъ открытій ожидается того, кто первый презреть воображаемую опасность! Онъ повсюду найдетъ убежище и покровительство и будетъ угощаемъ за прاپезою Эллиновъ, какъ спаринный другъ семейства. Скоро опринешь онъ оскорбительное для Грековъ предубѣжденіе, научишься ихъ уважать и вознаградишься за то двойнымъ удовольствіемъ: онъ опыщешь у нихъ и оспашки древняго народа, и памяшники его славы.

Какой прекрасный былъ для насъ день, когда мы водрузили знамя креста на Акрокоринѣ! Чисное небо сего благораспореннаго климаша покрылось прелестнѣйшею лазурью; солнце разцвѣчивало самыми яркими красками Геликонъ, Парнасъ, Киверонъ и вершины Ашшики, коихъ великолѣпіе еще болѣе украшало сію даршину. Съ высоты твердынь Акрокоринескихъ, я не могъ довольно насыщиться пышнымъ зрѣлищемъ, которое передо мною открывалось; я наслаждался въ одно время удовольствіемъ воспоминаній и

надеждъ, видя между колоннами, еще возвышавшимися на развалинахъ Коринѳа древняго и новаго, цѣлый народъ, вооружившійся для своего освобожденія и выражающій радость свою пѣснями, въ коихъ прославлялись вѣра и опечесство.

Подробное описаніе крѣпости Коринѳской, надѣюсь, будешь занимательно. Пройдя первыя укрѣпленія Венеціанъ, всходишь все вверхъ къ шрешимъ ворошамъ, сдѣланнѣмъ между двумя шолшыми башнями: это вороша древняго Акрополиса, коего Пеласгическія стѣны служатъ основаніемъ новой, зубчатой стѣнѣ съ нѣсколькими башнями. Два небольшія внутреннія укрѣпленія дополняютъ способы ея защиты и преяшшвуютъ удерживаться въ ней непріятелю, если бъ онъ и успѣлъ занять ее силою.

При входѣ видишь мечеть, построенную на мѣстѣ храма Венеры *сооруженной*, коего колонны пошли въ дѣло при сооруженіи мечети. Куда ни обратишь взоръ на дома, совокупленные въ этомъ мѣстѣ, вездѣ видишь обломки капишелей, колоннъ и всякаго рода архитектурныхъ

украшеній изъ бѣлаго мрамора, но вообще не самаго лучшаго вкуса; превосходнѣйшіе оспашки ихъ перенесены были въ городъ для серала Кямилъ-Беева. Всклѣдая выше, оспавляешь по правую руку мраморный памятникъ съ надписью, передающею въ попомствѣ имена побѣдителей на играхъ испанійскихъ, и доходишь до мечети, гдѣ многіе обломки мрамора на помостѣ, поддерживавшемся сводами, показываютъ мѣсто храма солнца. На каждомъ шагу находишь древніе колодези съ весьма хорошою водою. Мнѣ некогда было счестъ, подлинно ли ихъ 365, какъ меня увѣряли?

Идучи по тому жъ направленію, достигнешь до площадки, лежащей на югѣ-воспокѣ, и видишь источникъ Драконовъ.

Если знаменитый источникъ Пирена, лишенный своихъ украшеній, не ошвѣчаетъ тому понятію, какое мы себѣ о немъ составили, то въ замѣнъ превозводишь все, что можно себѣ вообразить, доброю и обиліемъ своей воды. Самый сильный зной лѣта не согрѣваетъ ея и не убавляетъ; она наполняетъ всѣ колодези

крѣпости и попомъ изливается въ городъ многочисленными подземными каналами. Вотъ вообще все, что есть самаго замѣчательнаго въ этомъ мѣстѣ, гдѣ любопытство, подспрекаемое препяшпвіями, рисовало воображенію столько занимательныхъ слѣдовъ древности.

Выходя, видишь въ недалекомъ разстояніи опъ послѣднихъ воровъ небольшое возвышеніе, на кошоромъ былъ храмъ Венеры-Меланіи, а въ сѣсторонѣ оспашки рощи Кракаи, спасенные нами опъ сѣкеры осажденныхъ тѣмъ, что мы навели на сіе мѣсто двѣ пушки. Опсюда спускаешься съ полчаса къ городу.

Не желая шеряться въ напрасныхъ подробностяхъ обо всѣхъ обломкахъ мрамора, повсюду покрывающихъ землю, или поддерживающихъ мечепи и нѣкоторые дома, я намѣренъ, такъ какъ и при описаніи крѣпости, говорить о важнѣйшихъ оспашкахъ памяшниковъ. Глаза прежде всего оспанавливаются на семи дорическихъ сполпахъ храма солнца; можно судить о великой высотѣ, кошорая дѣлаетъ ихъ шажелыми на видъ, и по свой-

еству просаго камня, изъ коего они изсѣчены. Каждый сполпъ сдѣланъ изъ одного цѣлаго камня и покрытъ какою шо штукапуркою. Еще оспалась часшь целлы (*), и по нѣкопорыхъ изысканіяхъ можно бы узнатьъ весь храмъ. Въ недалѣ немъ разспояніи находяпша двѣ комнашы, изсѣченныя въ скалѣ. Немного пониже небольшая часовня, построенная изъ древнихъ камней, взяпшыхъ оцѣ храма Венеры. Идучи ошпуда на западъ, близъ послѣднихъ домовъ, находишь оспашки огромнаго храма Минервы-Халинишы; колонны его изъ просаго камня были шеспи фуповъ въ поперечникѣ. Вблизи ошъ него и на той же черпѣ, видишь основы шрехъ колоннъ меншаго размѣра. Слѣдуя все по шому жъ направленію и оспавя вправѣ венеціанскій шанецъ, схо-

(*) *Целла, или наосъ, домосъ, есть самая средняя часшь древнихъ греческихъ храмовъ, во времена язычесшва. Ее ошдѣлялъ ошъ прочихъ частей храма такъ называемый процелліулъ, или пронаосъ (преддверіе).
Прим. руск. переводъ.*

дишь къ источнику Главкии. Если возвращаешься къ перешейку по подошвѣ опологой стороны того холма, на кошоромъ стоишь крѣпость, то видишь множесство переходовъ, высѣченныхъ въ скалѣ, большой сводъ и много погребальныхъ хранинь особаго устройства; къ нимъ сходили чрезъ колодези.

Отсюда идешь къ прекрасному источнику Лернѣ, кошорый печеть по пещерѣ, поросшей мхомъ; изъ нея лѣстница ведетъ въ сераль Кямилъ-Бей. Въ началѣ войны, онъ сожженъ. Разбитые мраморы, осшапки стѣнной живописи и позолоты на разбросанныхъ обломкахъ, для того только напоминающъ о прежней его пышности, чтобы живѣе засхавишь почувствовать слѣдовавшее за шѣмъ опустошеніе. Прекрасные его источники, водоемы и фонтаны изсохли; померанцовыя, лимонныя и розовыя роцицы сожжены; превосходныя колонны съ красивыми капителями, пережившія сполько вѣковъ, избѣгшія сполько разореній, испреблены.

Опшуда поворошя къ Кенхреѣ, неподалеку опъ скиша дервишей, замѣшишь эллипшическій кругъ, обнесенный усшупами. Его принимали за сшадій; но онъ могъ служишь полько для собраній народныхъ при сужденіяхъ о дѣлахъ общешвенныхъ, или для шого, чшобы присущшвовашъ при сосшязаніяхъ въ музыкѣ и поединкахъ ашлешовъ.

Пошомъ сходишь въ оврагъ, гдѣ замѣшны осшашки спѣшны коринешской, и, перешедъ малую рѣчку Эксамилію, осшана-вливаешся у шого мѣсшя, гдѣ Александръ приходилъ сшопрѣшь бочку Діогенову. Среди безчисленныхъ обломковъ глиняныхъ издѣлій и мрамора, единешвенныхъ примѣшь сего нѣкогда многолюднаго предмѣсшя, возвышающя двѣ гробницы. Одна изъ нихъ сложена изъ камня сѣшчашою садкою, съ закладенными дверьми; восшочная спорона ея сосшавляла лѣсшниццу; по ней всходили къ жершвеннику, посшавленному на верху памяшника, кошорый оканчивался площадкою. Сіи надгробные памяшники обнесены были оградами, коихъ признаки и понынѣ остались.

Богатый и несчастный Коринѣ, не смотря на грабежи Римлянъ и варваровъ, изысканія Венеціанъ и разрышя, начатыя въ нынѣшнія времена, можетъ быть еще неизчерпаемымъ рудникомъ драгоценныхъ древностей.



КОНЦЕРТЪ АМАТЁРОВЪ.

O dura musicorum ilia!
O cruels amateurs doués d'une organisation
robuste!

Позволь мнѣ, любезный другъ, пере-
мѣною одного слова дать другой смыслъ
первому стиху сего диэирамбическаго
эпода, въ кошоромъ Горацій испощаешъ
на чеснокъ весь гнѣвъ поэшическій.
Сспрасъ къ музыкѣ заспавляешъ меня
принимаешъ довольно живо и даже горячо
обиду, нанесенную самому прогашельному
искусству *аматёрами* концерта, или раз-
ноголосицы, кошорыхъ я былъ свидѣше-
лемъ, или жершвой: проклятые, они мнѣ за
это заплашяшъ!

Г-жѣ де Лавиньери, овдовѣвшей года за
щри, очень хочешся ввести въ свѣшъ

двухъ дочерей съ посредственнѣмъ приданымъ. Она пригласила меня за двѣ недѣли къ себѣ на концертъ. Я отправился въ назначенное время, ш. е. въ двѣнадцать часовъ, въ улицу Тампля.

Три комнашы были очищены, и драпировка, приготовленная на эпошъ случай, скрывала отъ взора зрителей, сидѣвшихъ на лавкахъ, постели, кресла и столы, спашенные людьми съ ихъ наследственнаго мѣстопребыванія. Въ концѣ залы спояло форте-піано съ надписью: Лондонъ, и вновь покрытое лакомъ; на арфѣ, украшенной поршрешомъ Россини, безпрестанно слышался звукъ струны, которая лопалась поминутно отъ того, что слишкомъ была напята. Г-жа де Лавиньери, пробѣгая съ важнымъ и веселымъ видомъ многочисленные ряды своихъ знакомыхъ, рассказывала программу засѣданія. Будущъ разыгрывашъ кваршешъ Боччерини, музыку испинно божешвенную; услышимъ восхишительный голосъ молодой креолки, дѣвицы Эриксы; на арфѣ опличится младшая дѣвица Людвиг Лавиньери, а спаршал Вильгельмина будешъ акомпанировалъ ей

на форте-піано; просять снисхожденія; онъ только *аматёры*, но *аматёры* спра-
стивные; управлять оркестромъ поручено
ученику Бальо; извѣсно всѣмъ, какъ
поеть дѣвица Эрика: дѣвица Демери у-
спушишь ей въ силѣ голоса, г-жа Риго въ
легкости, г-жа Паста въ прогашельности!

Настаетъ пишина. Оркестръ садит-
ся. Всякій ищетъ мѣста, гдѣ повиднѣе, и
опть недоспапочнаго числа пюпишровъ
аматёры принуждены выдумать новыя
средства уставишь какъ нибудь парпи-
ци свои подь удареніе солнечныхъ лучей.

Притошовленіе показалося мнѣ нѣ-
сколько продолжительнымъ. Прошло пол-
часа, а еще не переставали канифолишь
смычки и смачивашь флейшы. Непослу-
шныя *ми, ла, соль* пребывали ежеминут-
но новаго поворота колка, сопровождае-
маго необходимою ужимкою, о которой
довольно тебѣ напомнимъ. Наконецъ и
все гошово. Смычекъ, предводительствую-
щій музыкальною войною, даетъ глав-
ный тонъ: *вошь ла!* Въ тонъ, что я, не въ
тонъ начинають! Заиграли шрепій квар-
тешь Боччерини. *Аматёры*, не безпокося

о безпорядкѣ начала, продолжаютъ съ неустрашимостію.

Я готовъ согласиться, что каждый изъ нихъ порознь былъ бы сносенъ. Но представь, какъ я страдалъ, слушая музыку безъ согласія и мѣры, переходъ отъ тихой гармоніи къ реву, доспойному аду. *Адажіо* умираешь въ ухахъ и получаешь подъ пальцами *аматгровъ* выраженіе усыпительной шомноспии; *престо* сыграно съ яростію, *тutti* съ бѣшенствомъ. Все хлопаетъ: и г-жа де Лавиньеры, которая прелестнымъ движеніемъ руки была въ двѣ четверти мѣру шесть осьмыхъ, скромно приняла похвалы самыхъ усердныхъ.

Восхищительное лице креолки разсѣло на минушу сплиническое облако, спустившееся на меня отъ жестокаго квартета. Живость взора, прелестной Эриксы напоминала младую друидянку, вдохновенную фізіономію которой шакъ счастливо изобразилъ одинъ изъ первыхъ нашихъ художниковъ. Что жъ касается до блондинки Вильгельмины, она соединяла въ себѣ болѣе безвкусія, нежели всѣ ш', которыми могушь похвалиться Германія,

Англія и Данія вмѣстѣ. Длинныя, жолтыя рѣсницы, глаза, копорыхъ неопредѣленный цвѣтъ былъ ни голубой, ни сѣрый; сошлѣствовали въ точности слрпанному описанію Гамилтона, называющаго ихъ съ большею оригинальностью, нежели въжливостію, глазами *китайскими*.

Предуготовительный кашель, опрысканная прелюдія дають знакъ первый шактъ самаго сшараго романа Романъ-зи. Любовь и поцѣлуй получаютъ новую прелестъ въ восхищительномъ роликѣ Эриксъ. Она останавливается почти на каждой нотѣ, повышаетъ и понижаетъ голосъ смѣлыми переливами, поетъ самыя простыя аріи речитативами большой оперы, пользуется природными дарованіями для того, чтобы изуродовать романсъ, и, разгорѣвшись отъ усталости и восхищенія, возвращается съ торжественномъ и занимаетъ мѣсто между слушателями.

Послѣ всего этого мѣ въ сщце надобно было вытерпѣть арію съ варіаціями, которую играла на арфѣ дѣвица Людвигъ съ акомпаниментомъ волшорны: пять бе-

молей, вся бумага, испещренная *арпеджи-лли* и шревязными ношами, каждая педаль, попеременно приводимая въ дѣйствіе, доказывали мнѣ, что *аматёры* занимались не однимъ разыгрываніемъ, но и прибавляли собственныя фанпазіи. Что скажете: издали воскликнула счастливая мать вирпуозки; Людвига нынче *едь цдарь!* Это техническое выраженіе въ искусстввахъ. Послушайте ея *арпеджии*. Она ангель въ шрудноспяхъ. Въ самомъ дѣлѣ адская соната оканчивалась. Соединенныя усилія рукъ и ногъ молодой вирпуозки восторжествовали надъ хаосомъ ношъ, набросанныхъ ея учишелемъ въ семь сочменди, нарочно для нея пригошвленномъ.

Я вздыхалъ; и надежда, кошорой лишаюшся шолько одни прокляшые, надежда услышашъ скоро конецъ ужаснаго концерта начала улыбапсья мнѣ: но какъ я жестоко обманулся! Для шого ли собираюшъ двѣсти человекъ, штобы шолько навешъ на нихъ скуку? Ученикъ Бальо приближается: концертъ *Віопши* . . . Ахъ, какое *стакато!* Какая ужасная *апplikатура!* Рука стремилсь на грифъ и произ-

входитъ у самой подставки пронзительный скрипъ. Пораженный слухъ съ горестію чувствуваетъ все его совершенство. Это не концертъ, а осада, приступъ. Не достаешь ли ноты? Что нужды! Тысячи вспомогательныхъ ее замѣняютъ. Двусмысленный штрихъ смычка перзаемъ ли ухо? Неопредѣленность каданса извѣстна смѣлостію удара. Игрокъ потѣшъ, но вопль уже дошелъ до окончательнаго рондо, и послѣдній аккордъ его возбуждаетъ въ слушателяхъ радостныя восклицанія, въ причинѣ которыхъ нашъ *аматёръ* и въѣтъ счастье ошибаться.

Я не думая, что выдержу такъ неуспрашимо первую часть концерта. Ротъ мой, учтиво открывавшійся, дошелъ до такой зевоты, что я, удерживаясь отъ нея, едва не задохся. Г-жа де Лавиньери садится наконецъ сама за форте-піано, и аккомпанируетъ себя аккордами, болѣе, или менѣе снисходительными, воспѣваетъ величественно большую арію Гренри. Представляете себѣ старую школу во всей ея красотѣ: но важность каданса съ шреда-

ми, шо, набаръ отрыцисныхъ пошь безъ
начала и концу

Но кого не превущь радостныя вос-
клицанія и попанье слушателей дю Марей.

Несчастный! Съ эшимъ не кончалась
всѣ мой снраданія: настала очередь Виль-
гельмины. Меня ожидала соната на форте-
пiano. Перекрестные пассажи, дред-
ль: двойныя ноты, весь депонданный
шумъ, умъ игроки на форте-пiano, лю-
бля пркрывашь сухость и испруменца
который самыя искуснѣйше изъ нихъ съ о-
трудоумъ могушь сдѣлать выразитель-
нымъ и приятнымъ, вырывались изъ подъ
бѣглыхъ пальцевъ Вильгельмины. Ея снѣ-
сннное дыханье, качаніе головы, первиче-
скія движенія всего шѣла обнаруживающъ
спазмодическую чувствительность, кото-
рою одарено счастливое дщца.

1. Наконецъ (я оупдыхаю при семь сло-
вѣ): приближается подспыи пѣвецъ. Я
упдыбаю во легкой улыбкѣ, нѣсколькихъ
женщинъ всю обширность и всѣ недоспащ-
ки его искусства. Изъ огромнаго шѣла вы-
ходитъ голесь чистый и пронзительный
подобный голосу жаворонка. Онъ жемаца

иясь варьируетъ новѣйшую арію di tanti ralpiti. Что это? Господишь эпошъ вѣрно изъ Милана, или Неаполя: не знаю. Но опахала въ движеніи, женщины молчащъ, дѣвицы переглядываются съ удивленіемъ, голосъ пѣвца не прогаешъ ихъ сердца.

Эпизодъ "оканчивался концертомъ по установленному порядку г-жи де Лавиньери. Заключительный хоръ, взятый изъ сочиненія міра Гайдена, довершилъ музыкальное злодѣяніе, отъ котораго я при одномъ воспоминаніи содрагаюсь.

Аматёры поже въ музыкѣ, что полученые въ литературѣ. Тотъ же варваръ, который сочиняешъ акростихъ, потому что прочелъ лексиконъ Ришелопа, оглушилъ бы меня сонатами, если бы имѣлъ какія нибудь познанія въ музыкальномъ искусствѣ. Спрашъ отличиться, необходимость обратъ въ залъ нѣсколько воспорженныхъ друзей, желаніе выказашъ высокія дарованія младшей дочери, или сипартаго сына, малое уваженіе ко времени другихъ, данъ, которую щещеславіе *аматёровъ* почитаешъ себя въ правѣ собирашъ съ чловѣческаго шерпа-

ніа: вопшь философическіа причины эпои смѣшном привычки, которую я не сщаль бы обнаруживашь, если бь она не усиливалась съ истинно ужасными, успѣхами, Музыка сводишь всѣхъ съ ума.

Вопшь, любезный другъ, одна изъ важѣйшихъ переменъ нашихъ часпныхъ нравовъ! Вкусъ къ музыкѣ черещель опть большихъ къ малымъ, и скоро распространящя въ нижнихъ классахъ общества. Теперь въ булошной споща гармоническій ящикъ, надъ которымъ пролеша доча булошницы упражняешя чещыра часа въ день. Весь Парижъ убишь афишами, въ которыхъ общающъ въ шестъ мѣсяцевъ совершенное познаніе музыки.

Однако жь вообще это кажется мнѣ стаспдивымъ предзнаменованіемъ. Музыка дѣлаешя людей чувствительными и способными къ великодушнымъ дѣйствіямъ. Она опрываетъ ихъ опть усыпленности послѣ великихъ политическихъ переворотовъ. Музыка ешь пріятнѣйшее изъ физическихъ удовольствій. Она сладко волнуешя душу посредствомъ чувствъ и безъ помощи размышленія. Она не пребуешя

навыка, подобно живописи. Для ощущенія красота ея неужно предварительное изученіе. Она, какъ языкъ страстей, производитъ крики радости, горести, сожалѣнія и говоритъ сердцу челоуѣка равно подѣ царскою порфиною, какъ подѣ рубищемъ пасхуха. Не удивляюсь, что одинъ изъ писателей, въ сочиненіяхъ котораго видно наиболѣе ума, нѣжности, холья и варварства (Шекспиръ), сказалъ въ восхищеніи: „шишельныхъ снѣгахъ: музыка пѣла естъ любовь. Въ ней больше пріятности, нежели веселости, и меньше живописи, нежели меланхоліи. Это истинное и совершенное сладострастіе. Ахъ, несчастливъ челоуѣкъ, не чувствующій въ себѣ симпатіи къ музыкѣ; берегись его: въ немъ черная душа!

Но еще несчастнѣе любитель музыки, котораго ширяешь *аматёры*. Очарайся, любезный другъ, сего пагубнаго имени, чтобы не попаснѣся въ сѣть, которую меня уловили.

Изъ Жци Б. И.



О М А Р Ъ.

(Изъ Джонсона).

Семдесять пять лѣтъ протекло для Омара въ почестяхъ и благополучи. Въ домѣ золото и серебро, наполнявшія оный, возвѣщали о мимоспяхъ трехъ калифовъ, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ на престолъ; въ черпоговъ благословенія народа встрѣчали и провожали его.

Но земное счастье кратковременно. Чѣмъ сильнѣе пламя, тѣмъ скорѣе оно угасаетъ; чѣмъ душистѣе цвѣпокъ, тѣмъ скорѣе теряетъ запахъ свой. Силы Омара начали слабѣть; кудри красоты спали съ чела его, крѣпость въ мышцахъ исчезла, дряхлость оковала стопы его. Возвративъ калифу печать храненія тайнъ и ключи довѣрія, онъ рѣшился въ осша-

токъ жизни искашь удобольствій: въ бе-
 сѣдѣ мудрыхъ и въ признательности до-
 брыхъ. Силы души его однако же не ослабѣ-
 вали. Жилище его наполнено было при-
 ходившими дозвѣтъ изъ устъ его напеча-
 танными рѣчи, и многими делавшими при-
 несши дань уваженія и достоинству. Ка-
 ледъ сынъ владыки египтискаго, каждаго
 день приходилъ первый, удалялся послѣд-
 ній. Онъ былъ пригожъ и краснорѣчивъ.
 Омаръ уважалъ умъ его, похвалялъ некоры-
 носць. Царь дай мнѣ, сказалъ однажды Ке-
 ледъ, какъ возмогу достигнуть до сходства
 съ Омаромъ, съ подобно мудрымъ, съ тво-
 му голосу: прислушались оцѣ мое народъ
 и я въ мудрости извѣстна во всѣхъ кон-
 цахъ Азіи. Искусство, коимъ ты достигъ
 до могущества и сохранялъ оное, тебѣ
 не нужно и бесполезно; сообщи мнѣ
 тайну своихъ поступковъ, даможи мнѣ
 то предначертаніе, по коему твоя муд-
 рость воздвигла зданіе твоей славы и
 благоденствія. Юноша, отвѣтствовалъ Омаръ, тайна
 пользы, приносима въ жизнь, предначертана

шаніе для оной: При первомъ обзоріи: мось всего свѣта на двадцатомъ году, возраста я однажды, прислонясь къ кедру, обнявшему въинами главу мою; и разсматривая различныя званія и званія челоѳческія, такъ говорилъ самому себѣ: „сеидеиить лѣтъ дано прожиши челоѳку; мнѣ остается лейеръ пятидесяти; по сию десяти лѣтъ на приобретение знаній, десять проведу въ краяхъ иноземныхъ; отъ сего буду ученъ и сдѣлаемъ но почтаемъ; каждый городъ будетъ радоваться моему прибытію, каждый ученый взыщеть дружбы моей. Двадцать лѣтъ, проведенныя такимъ образомъ, на поляхъ умъ мой повлѣтити, въ соображеніи и сравненіи коихъ проведу, оставлюкъ жизни. Неисчерпаемое богатство въ умственныхъ сокровищахъ не престанеть, услаждашь меня и, находя каждую минуту новыя удовольствія, не буду я нигдѣ въ тягостъ самому себѣ. Не чтобы не совершенно удаляться отъ обыкновеннаго пути жизни, испытаю, что значить любовь женщины; изберу себѣ въ супружествѣ жену, красешю. Гурію, умомъ, Зобеду;

съ ней проживу двадцать лѣтъ въ предмѣстїяхъ Бѣгдада, вкушая всѣ наслажденїя, каковыя довольство можетъ доставить, а воображеніе выдумаешь. Послѣ сего удаюсь въ сельское жилище, гдѣ, проведши остатокъ дней въ безвѣщности и созерцанїи, засну тихо на дождь смерти. Во всю жизнь рѣшишельнымъ намѣренїемъ поставлю никогда не гоняшься за почестями обществеными, или нарушаешь свое спокойствїе дѣлами государства.“ Таково было начертанїе жизненнаго пути, хранившееся въ моей памяти,

Первую часть жизни долженъ я былъ посвящать ученїю, и, самъ не знаю, какъ ошлеченъ былъ ошъ исполненїа сего намѣренїа. Извнѣ не предпололо мнѣ препятствїй видимыхъ; во мнѣ самомъ не было страшней непреодолимыхъ. Я почишалъ знанїа высочайшимъ достоинствомъ и прїятнѣйшимъ удовольствїемъ; но день утекалъ за днемъ, мѣсяцы слѣдовали за другими, и семь лѣтъ изъ перваго десятика пропекли разшерянные безъ пользы, не оставя и слѣда за собою. Тогда ошло, жилъ я намѣренїе путешествовать, ибо

Какъ можно было въхашь въ чужія земли, когда столь много оставалось изучить дома? Заключивъ себя въ слѣпы на четыре года, занялся я законами государства. Вскорѣ молва о моей учености дошла до судей; меня нашли способнымъ объяснять трудныя статьи законоискусства, и вскорѣ предсталъ я предъ самаго калифа. Тамъ слушали меня со вниманіемъ, искали совѣтовъ моихъ съ довѣренностію, и жажда славы овладѣла моимъ сердцемъ.

Все еще желая видѣть опдаленныя страны, я съ восхищеніемъ слушалъ рассказы путешественниковъ и рѣшился просить увольненія, чтобы наполнить душу новыми понятіями и наслажденіями; но присутствіе мое было нужно, и попоку дѣятельности увлекъ меня далеко. Иногда страшился я неблагодарности, но, продолжая мечтать о странствованіяхъ, не рѣшился оковать себя брачными узами.

На пятидесятомъ году началъ я подозревать, что время путешествій прошло, и разсудилъ, что лучше предѣться благополучію, зависѣвшему отъ моей воли и насладиться семейнымъ счастіемъ. Но

въ пятьдесятъ лѣтъ, шрудно найши же-
ну красною Гурію, умою Зобеиду. Я ис-
каль и опвергалъ, совѣшвался и размы-
шлялъ, пока бѣ годъ успыдилъ меня, ис-
кашеля женщинъ. За симъ не оспавалося
мнѣ ничего, кромѣ уединенія, не и для
него никогда не могъ найши времени, пока
болѣзнь не удаила меня ошъ обществен-
ной должности.

Таково было мое предначертаніе, на-
ковы были послѣдствія онаго! Съ ненасы-
пимою жаждою познаній, провель я въ
безпечности годы занятій; съ неугаси-
мымъ желаніемъ видѣшь разныя спраны
прожилъ я весь вѣкъ свой въ одномъ и
помъ же городѣ; съ восхищительнымъ
ожиданіемъ благоденствія супружескаго,
провель я жизнь въ одиночествѣ, и съ
рѣшителнымъ намѣреніемъ отдохнуть
въ уединеніи ожидаю шеперь смерти въ
спѣвахъ Багдада.

ОТДѢЛЬНЫЯ МЫСЛИ.

Справедливая похвала есть долгъ, а лесть подарокъ.

У женатаго много: неприятностейъ, но холостой не имѣетъ и удовольствій.

Знаменитое искусство жить состоятъ въ томъ, чтобы противъ большой игры ставилъ мало.

Что къ всему пригодно, то ни къ чему надлежащимъ образомъ не годится.

Правила могутъ отворачивать погрѣшности, но никогда не сошворяютъ красоты.

Обыкновенная участь безпрещанныхъ жалобъ состоятъ въ возбужденіи презрѣнія, а не состраданія. Кто составилъ только книгу изъ нихъ, тошъ можетъ быть полезенъ, но никогда не будетъ славенъ.

Клевеша весьма скоро поспитаетъ возбуждающихъ зависть.

Кто нравился самому себѣ, тому легко вообразишь, что онъ нравился и другимъ.

Чѣмъ ближе бѣда, тѣмъ она страшнѣе.

Чтобъ заслужить почтеніе, должно оказывать другимъ добро; чтобъ заслужишь любовь, должно нравиться.

Мы охотно вѣримъ тѣмъ, кого не знаемъ, ибо никогда не были ими обманушы.

Если бѣда имѣшь одного покровителя, каково жь имѣшь многихъ?

Время, при всей быстротѣ своей, медленно проходитъ для того, кто единственныиъ занятіемъ пославилъ наблюдать полетъ его.

Два главнѣйшія качества сочинителя суть: умѣніе предметы новые представлять знакомыми, а знакомые новыми.

Смерть тяжела для того, кто извѣстенъ многимъ, но незнакомъ съ самимъ собою.

Худо пишешь противъ здраваго разсудка, еще хуже пишешь безъ него.

Не радѣть во всякое время жизни о приготовленіи къ смерти значитъ спать во время осады; но не дѣлать сего въ спароспи значитъ уснуть во время приступа.

Съ Ангелійскаго П. К-ндъ.

ПОЭЗИЯ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ БАЙРОНА:

АВИДОСКАЯ НЕВѢСТА.

(Пѣснь первая).

X.

Задумчиво сидѣлъ Селжмъ,
Печаленъ, блѣденъ, недвижнмъ,
И сквозь рѣшешки онъ безмолвно
Взоръ мрачный въ поле устремлялъ.
Вдохнула дѣва: вздохъ невольной
Ея всѣ думы рассказала.
Такой внезапною грозою
Душа Зюлемы смущена:
Ахъ, розной съ нимъ, но и она
Уже волнуется шоскою!
Въ любви младенческой, живой,
У ней шакъ нѣжно сердце билось;
Но вдругъ шеперь въ груди молодой
Невняшно что-шо пробудилось:
Какой-шо шпыдъ, какой-шо шпрахъ...
И рѣчь нѣмѣеть на устахъ.

И можно ль долго ей шайшься?

И какъ начашь, и въ чемъ ошкрышься?

„Что можешь шакъ его поминь?”

„Зачѣмъ ему меня чуждашься?”

„Не шакъ мы съ нимъ привыкли жишь!”

„Не шакъ намъ должно разшавашься!”

И вопшь нарочно вокругъ него

Прекрасная въ раздумьи ходишь;

А онъ и взора своего

Уже на дѣву не возводишь.

Но чтожь: кувшинъ въ углу блестящъ

Съ персидской розовой водою;

Она къ ней весело ленишь,

И плещеть легкою рукою

На спѣны мраморны съ рѣзбою,

На златошканые ковры,

Воспочной роскоши дары;

Попомъ на милаго взглянула,

Къ нему бросаешь спрѣлой,

И вдругъ душистою водою,

Рѣзвась, на юношу плеснула.

Но онъ не слышишь, не глядишь,

И, подъ одеждой парчевою,

Вода душистая бѣжишь

Студеною по немъ струёю,

А онъ не чувшвуешь: Селимъ

Сидишь, какъ мраморъ, недвижимъ.

„Ахъ, мнишь она, съ я нимъ играю,

„А мой Селимъ, какъ шемна ночь:

„Онъ не въ себѣ; но, нѣшь, я знаю,

„ Чѣмъ ошегнашь опъ сердца прочь
 „ И мракъ и холодъ несперлимый;
 „ Я знаю спрасъ его къ цвѣшамъ :
 „ И я ему цвѣшокъ любимый
 „ Сама сорву, сама подамъ. “
 Едва мысль дѣшская родилась,
 Ужь дѣва въ цвѣшникѣ явилась,
 Мечпой любви оживлена;
 И вошь ужь роза сорвана;
 И вошь бѣжипъ, и вошь она
 Опяпъ предъ милымъ очушилась.

1.

Любовникъ розы, соловей
 Прислалъ шебѣ цвѣшокъ свой милый;
 Онъ спанешъ пѣсню своей
 Всю ночь плѣняшь швой духъ унылый.

2.

Онъ любипъ пѣпъ во шмѣ ночей,
 И дышишь пѣснь его шоскою;
 Но съ обнадеженной мечшою
 Споешь онъ пѣсню веселѣй.

3.

И съ думой шайною моей
 Тебя коснешся пѣнья сладоспъ,
 И напоешъ на сердце радоспъ,
 Любовникъ розы, соловей.

XI.

„ Увы! Селимъ не принимаешъ
 И розы съ пѣсню моей;

Онъ очи гнѣвно отвращаетъ . . .
 Скажи: кому же ты милѣй?
 О мой Селимъ, о сердцу милый!
 Не спрахъ ли шмишь швой взоръ унымый?
 Или меня ты разлюбилъ?
 Ахъ, если выдумкой напрасной
 Твоей поски не усладилъ
 И соловей мой сладкогласной,
 На грудь ко мнѣ склонись, склонись!
 Вопшь поцѣлуй: развеселись!
 Родитель грозный мой съ побоею,
 Я знаю, и суровъ и спрагъ;
 Но ты къ нему привыкнушь могъ:
 И какъ за то любимъ ты мною!
 Но ужъ не по ль спрашишь себя,
 Чшо замужъ выдаюшь меня?
 Османъ, женихъ мой обреченной,
 Онъ, можешь быть, онъ недругъ швой:
 Клянусь же Меккою священной
 (Пророкъ да внемлетъ голосъ мой!),
 Клянусь тебѣ: имѣшь не будешъ
 И самъ султанъ руки моей
 Безъ воли, милый другъ, швоей.
 Нѣшь, нѣшь! Зюлема не забудешъ,
 Чшо безъ тебя нельзя ей жить?
 Могу ль я сердце раздѣлить?
 Ахъ, если бы какой судьбою
 Насъ можно было разлучишь;
 Кто будешъ другомъ мнѣ, душою?
 Тебя кто шанешъ пакъ любишь?

Сядьмь, намъ нечего спрашивься:
Не биль, и не пробьешь для насъ
Ужасный разставанья часъ!
И Азраиль когда явишся,
Разлуки ангель, сердца спрахъ,
Онъ насъ сразишь одной спрьлою
И обратишь меня съ тобою
Въ одинъ нераздълный прахъ .“

Съ Англ. И. Козловъ.



Я Г О В О Р И Л Ъ и пр.

Я говорилъ тебѣ: спрашися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неоспорожный другъ! Я зналъ, нельзя при ней
Другую замѣчать, иныхъ искашь очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаешь близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Жужжатъ вокругъ нея ревнивыя мольбы:
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавиждишь,
И, очи опуска, не внимаешь и не видишь.

М И Л А и пр.

Мила красавица, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играешь локономъ; и вѣрное стекло
Улыбку, хищрый взоръ и гордость отражаетъ.

А. Пушкинъ.

Н А У К И.

О ВОЕННОМЪ КРАСНОРЪЧІИ.

(Окоптаніе).

Раскрывая лѣтописи Россіи, мы встрѣчаемъ повсюду знаменитыя событія, блистающія рѣдкими образцами военнаго краснорѣчія. И въ отдаленной древности показывающъ племена славянскія, что возвышенный воинственный духъ былъ отличительнымъ ихъ характеромъ и приобрѣшалъ имъ уваженіе всѣхъ народовъ. Передъ сраженіемъ съ Греками Святославъ сказалъ своимъ воинамъ слѣдующую рѣчь:

„Уже намъ не камо ся дѣти: волею и неволею спаша пропиву, да не посраимъ земли рускія, но ляжемъ костью шу; мершвыи бо срама не имушъ. Аще ли побѣднемъ, срамъ имамъ; не имамъ убѣжити, но спанемъ крѣпко; азъ же предъ вами поиду. Аще моя ляжетъ, шо промыслишѣ о себѣ.“ И рѣша вои. . . „Идѣ же глава швоя, шу и свои главы сложимъ.“

Не будемъ проникать далѣе въ мрачную дровнихъ вѣковъ мглу, покрывавшую колыбели всѣхъ народовъ. Можно ли описывать извивающіеся въ подземныхъ глубинахъ корни величественнаго шого дерева, которое освѣляетъ нынѣ всю Европу? Обращимъ лучше взоры наши къ лучезарной зарѣ, которая возсіяла на ясномъ небѣ христіанской Греціи, и теплыми, живошворными лучами освѣтила сѣверъ, пресполь Владиміра, его и Россіи душу! Съ сей благошворной эпохи начинается здѣсь новое бытіе человѣчества. Святая религія вливается въ сердце народа; священное писаніе, сей даръ небесный, просвѣщаетъ его умъ; велелѣпіе храма и богослуженія исполняетъ чувства благоговѣніемъ и имѣетъ спасительное вліяніе на нравственность. Вѣра вдыхаетъ въ сердце и уста военнаго вишіи молишвы къ Богу и усиливаетъ убѣжденія его словомъ священнаго писанія. Чѣобы видѣшь, сколь глубоко водворилась она въ сердцахъ государей и народа, остановимся теперь на Куликовомъ полѣ.

Туда спремился безбожный Мамай

съ безчисленными лютыми татарскими ордами, съ клятвою предашь всю страну рускую огню и мечу. Тщешно ошправляешь къ нему благочесдивый и крошкїй россїйскїй великїй князь Димитрій посла своего Захарїа для переговоровъ. Поруганный возвращаешя онъ къ своему государю. Тогда великїй князь, принявъ въ святой Сергіевской лаврѣ благословіе и свяшную икону ошъ насшоящела оной св. Сергіа и совершивъ шеплое моленіе, собралъ все воинство и обратился къ брату своему, ко всѣмъ князьямъ и воводамъ съ оими словами: „Мы, брашіе, гнѣздо великаго князя Владимїра кїевского, кошорый извелъ насъ изъ шмы идоислуженїа и просвѣшилъ истинною въ Бога истиннаго вѣрею; поревнуемъ же ему и будемъ бишья до смерши за вѣру свяшную! Господь нашъ помощникъ, не убоимся; что ошворишь человекъ? А кто изъ насъ и умрешъ за вѣру, шо со свяшыми мучениками на небѣ вѣнецъ возпрїимешъ.“ Когда всѣ войска ушавлены были въ боевой порядокъ, великїй князь сошелъ съ коня, палъ на колѣна предъ об-

разомъ Хрисіновымъ, написаннымъ на хо-
 ругви черной большаго полка, и началъ
 громогласно шворишь молишву изъ глу-
 бины сердца: „О Владыка, Вседержителю
 Господи! Виждь смиреніе наше и призри
 милосердымъ окомъ на люди своя, яже
 швоею десницею сошворены сущь и кро-
 вію швоею искуплены!“ Пошомъ, възсѣдъ
 опяшь на коня и проѣзжая съ князьми
 ряды, каждому полку говорилъ: „Брашія
 „ мои милые, сыны хрисіанскіе ошъ ма-
 „ ла до велика! Уже ночь приспѣла, и гро-
 „ зный день приближается; въ сію ночь
 „ бодрствуйте, мужайшесь и крѣпшесь
 о укрѣпляющемъ васъ Господѣ Іисусѣ Хри-
 стѣ; ибо пришелъ часъ вашего подвига,
 Станьше крѣпко прошиву непріателя, ко-
 шпорый уже близко насъ на рѣкъ Непряд-
 вѣ; Господь силенъ въ брани, Господь за-
 слупникъ нашъ, Богъ Іаковль, уповайте
 на Бога живаго, да миръ вамъ будетъ, бра-
 шія! Воззрише на древніе роды, и види-
 те: кто убо вѣрова Господеви и поспы-
 дѣся? Или кто призва его, и презрѣ и?
 Зане щедръ и милосшивъ Господь, спа-
 сещь во время скорби. Азъ еще зашра

желаю съ вами видѣться. "И тогда всѣ воины, возведя сердечныя очи къ небу, единогласно воззвали: „Боже Святыи, при зри на насъ и даруй православному князю нашему побѣду, яко великому царю Конспаншину, и покори подъ нозѣ его врага того Мамаея, яко же иногда крошкочму Давиду Голиаѳа, и научи руцѣ наша на ополченіе и перспы наша на брань, благословенный Боже вовѣки!“

Извѣстно изъ повѣствованій, какія выгодныя для Россіи послѣдствія имѣло Мамаево побоище. Куликово поле безъ намѣшниковъ увѣковѣчилось величественнымъ памяшникомъ славы русскихъ героевъ. Такого христіанскаго духа, такихъ чувствъ благочестія и вѣры исполнялось на всѣхъ битвахъ руское сердце. Всегда предъ христіанскимъ симъ воинствомъ выпѣсывовало слово Божіе сильнѣ всякаго человѣческаго краснорѣчія.

Вѣрую швердая грудь Пешра не спрашится ничего. На поляхъ Полшавскихъ говоритъ онъ: „вѣрующимъ все возможно,“ и приказываетъ окроплять свяшою водою все войско, выспушающее изъ око-

новъ. Когда при Лесновѣ Рускіе, потерявъ 1500 человекъ, начали опсшупать; шо, бросясь къ заднимъ войскамъ, воскрикнулъ онъ имъ: убивайте каждого бѣгущаго, даже и меня! Вопль, какъ онъ говоритъ воинству (*): „Воины, се пришелъ часъ, кошорый рѣшишь долженъ судьбу отечества, и вы не должны помышлять, что сражаешесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за ошечство, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятели, яко непобѣдимаго, кошорую ложну быши вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ на шого единаго, яко всесильнаго во бранѣхъ, уповайте; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосшояніе ея.“

Полшавская побѣда положила основа-

(*) См. Дополненія къ дѣяніямъ Петра великаго, Томъ XV.

нїе славы и величію російской европейской державы. Енашерина вшорая, поборшвуя Пешру первому, содѣлалась и сама первою и великою. Она знала шайну воспламеняшь умъ и сердце, и сошворяла великихъ мужей. Ввѣривъ мечъ на заципу опечества Румянцову, она ожидала извѣстїей о побѣдахъ. Но когда онъ ей пишеть, что Турки вшрое его многочисленїе; шо она ошвѣшшвуешъ ему: „Римляне никогда не спрашивали о числѣ враговъ; но гдѣ они, дабы ихъ поразить;“ и строки еїи сдѣлали Задунайскаго героя Кагульскимъ. Суворовъ, говоря однажды со слезами о своей машушкѣ-царицѣ, сказалъ: она роскошїю ума своего сдѣлала меня своимъ плѣнникомъ. Безъ нея не видашь бы мнѣ Кинбурга, Рымника, Измаила и Варшавы.“ Такъ и блаженной памяти государь императоръ Павелъ первый умѣлъ воскрылять генїей сей въ Ишалїи и Швейцарїи своими высочайшими рескрипшамїи. Упомянемъ объ одномъ на пожалованїе ему чина генералиссимуса, кошорый въ возвышенности и изящности краснорѣчія не находить еще себѣ подобнаго!

„Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ опечесыва, не доставало вамъ еще одного рода славы: преодоливъ и самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ вѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и ненавистию прошивъ васъ вооруженныхъ. Нынѣ награждая васъ по мѣрѣ признапельности моей и славя на вышній степенъ чести, героичеству предославленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменищѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ.“ Отголосокъ шаковыхъ словъ государя къ знаменишму предводителю его войска раздавался въ сердцахъ всѣхъ его воиновъ и всего народа.

Говоря здѣсь о военномъ россійскомъ краснорѣчїи, можно ли не говорить о томъ Римникскомъ-Ишалійскомъ, копорый былъ всегда непобѣдимъ, и прославлялъ себя сколько побѣдами, сколько и всякаго рода воинственными вишїиствами. Иногда съ простотою солдацкаго сердца наславлялъ онъ воиновъ и говорилъ: „Солдату надлежитъ бытъ здорову, храбру, швер-

ду, рѣшиму, справедливу, благочестиву. Молись Богу! Опъ него побѣда. Чудобогатыри! Богъ насъ водитъ. Онъ нашъ генераль. " Иногда кричалъ онъ въ слѣдъ идущимъ анакованъ: „Вали на мѣопъ! Гони, коли, оспальнымъ давай пощаду! Грѣхъ напрасно убивашъ: они такіе же люди. Умирай за домъ Богородицы, за машушку (*), за пресвѣтлѣйшій домъ. Церковь Бога молишь. Кто оспался живъ, тому честь и слава!“ Извѣстно, какъ на Сен-Готардѣ оспанавливаешъ онъ бѣгство солданъ, указывая на изгошовленную для себя могилу. Замѣшивъ въ Рымникскомъ сраженіи, чю ужасныя лица опчаянныхъ янычаръ, соешавлявшихъ пятнадцатитысячный корпусъ, приводили всѣхъ въ шрепешъ и страхъ, потчасъ даешъ онъ приказъ: не смопрѣшь басурманамъ въ лице, а колошь ихъ прямо въ грудь; и сіе способствовало много побѣдъ. Въ самомъ ужасѣ сраженія раздавался ушѣщительный для войска гласъ его: *впередъ, съ нами Богъ!* Онъ вдыхалъ безспраше,

(*) Екатерина великая.

бывъ самъ безспрашенъ, ибо помышлялъ прежде объ опасностяхъ: Бросаетъ ли коричій якорь и кормило, какъ уже ненужные, когда океанъ въ пишинѣ, какъ свѣтлое зеркало, а небо, какъ чистая лазурь? Поздно мудрствовать, когда горы волнъ съ яростию клубятся и всѣ стихіи бушуютъ.

Но когда должно было обратиться къ народамъ Ипаліи, то воззваніе его къ нимъ было слѣдующее: „Вооружись, народы ипалійскіе; спремись къ соединенію подъ знамена, несомыя на брань за Бога и вѣру: и вы побѣдоносно возгоржесвуете надъ враждебными ихъ сонмами. Для защиты святой религіи, для возстановленія вашего законнаго правительсва, для возвращенія собственности вашей сражаешся и проливаетъ нынѣ кровь свою союзное воинство двухъ августѣйшихъ монарховъ. Но обременили ли васъ правители Франціи безмѣрными налогами? Не довершаютъ ли они нашего раззоренія жестокостию военныхъ побѣровъ? И всѣ горести, всѣ бѣдствія изливашся на васъ подъ именемъ свободы и

равенства, свободы, которая повергаетъ семейства въ плачевную бѣдность, покидаетъ у нихъ сыновъ, и прошивъ воинства вашего государя, вашего возлюбленнаго опца, защитника свяшой религiи, принуждаетъ ихъ сражаться! Да облегчится скорбь ваша, народы ишалійскіе! Есть Богъ, вамъ покровительствующій, есть воинство, васъ защищающее. Смотрите на побѣдоносныхъ воиновъ вашего законнаго государя; смотрите на возсѣдающіе уже народы, одушевляемые желаніемъ прекрапите споль долговременную кровавую брань; смотрите на героя, опъ сѣвера для спасенія вашего пришедшихъ! Всѣ, зримые вами, храбрые стремятся освободить Ишалію, и для васъ не осмѣются болѣе опасностей... Куда сполько доступящъ они; тамъ возобновлены будутъ законы, вѣра и всеобщее спокойствіе, конхъ вы ищелные желали въ спомленія прехлѣпнаго рабства. Приласки грядущей и служители Божіихъ олшарей примутъ на себя священннй санъ свой и обрѣшутъ возвращенную имъ собшвенность. Но анимайте: если

бы кто изъ васъ былъ шоль вѣроломнѣ, что подъялъ бы оружіе прошивъ августѣйшаго монарха, или другимъ способомъ спарался содѣйствовать намѣреніямъ французской республики; тошъ, не смотря ни на сосшояніе, ни на родъ, ни на званіе, разспрѣмльнъ будешъ, и все имѣніе его взыщешся въ казну.

Вашъ разумъ, народы италійскіе, служишъ мнѣ увѣреніемъ, что, убѣдясь въ справедливости нашего дѣла, вы не навлечете на себя шоль праведныхъ наказаній; что напрошивъ того самыми опытами докажете свою вѣрность и преданность къ благошворительному и многолюбящему васъ государю. Суворовъ. Верона. $\frac{3}{4}$ Апрѣля, 1799 года. “

Говоришъ о многочисленныхъ рѣчахъ и воззваніяхъ Суворова было бы писашъ здѣсь новую проспранную его исторію. Дерзну шолько сказать, какъ очевидецъ подвиговъ его въ Италіи и Швейцаріи, что усша его пораждали бурю, которал несла всѣхъ воиновъ на сраженіе; всѣ летѣли за знаменами. Училище ихъ раш-

ное поле, дисциплина воспоргъ, военное искусство нашискъ холоднымъ ружьемъ: съ пѣснями нападающъ они на арміи и башарей; день битвы для нихъ праздникъ. Опшважность ихъ дѣлала огнеспрѣльное орудіе бесполезнымъ и издѣвалась надъ пакшикою. Но шолікія чудеса шворилъ лишь Суворовъ. Онъ былъ шполько же великъ, сколько и единшпвенъ. Все необыкновенное, несдыханное, огромное сосшавляло спшхію его души.

У шакаго учителя и на шакомъ полѣ бишвы срывалъ первые лавры покоришель Букареста, графъ Милорадовичъ. Суворовъ и въ донесеніяхъ и предъ войскомъ называлъ его храбрымъ генераломъ. Сшасшавья его слова, произнесенныя на сраженіяхъ, показывали шкогда неосшавлявшее присущшвіе духа. Такъ поздравляющему его со днемъ ангела войску говоритъ онъ: „Ребяша, благодарю васъ, „дарю вамъ сію непріятельскую колонну.“ И она въ рукахъ побѣдшелей. На поляхъ шпалійскихъ, взявъ знамя, кричшнъ: друзья, со мною; вы увидшше, какъ вашъ

генераль умѣеть умирашь: и побѣда, какъ пишешь Суворовъ, возблистала (*).

Въ сраженіи подъ Кремсомъ, когда колонна наша по неприбышю вспоможенія должна была опшпунить опъ гораздо многочисленнѣйшаго французскаго войска, генераль Милорадовичъ, увидя невозможность остановать бѣгство солдатъ, шопъ часъ нацелся и вскрикнулъ: хорошо, бѣгите, вошь до шого возвышенія! Тушь, собравъ все войско съ подоспѣвшимъ подкрѣпленіемъ, поразилъ непріятеля жестоко.

Въ крашкочъ обзорѣннн семъ видѣли мѣ, какъ рѣчи и слова, кспашн сказаннныя, дѣйствововали на умъ и сердце воиновъ. Но шеперь взору нашему предшопишь опечесшвенная война 1812 года. Какое обширнѣйшее поле опверзается военному краснорѣчію!

Несмѣшныя полчища всей почши Европы, подъ предводншельствомъ всеобладающаго Наполеона, угрожали, казалось, Россіи неминуемымъ разрушеніемъ. Уже съ

(*) Смощри донесеніе Суворова въ его исторіи.

береговъ Вислы и Нѣмана неслись громо-
 выя тучи, копорыхъ мракъ устрашалъ
 вѣчную ночью въ усахъ гордыни люша-
 го завоевателя: „Россія увлечена неизбѣ-
 жнымъ рокомъ къ своему паденію.“ Но
 зналъ ли онъ землю рускую? Зналъ ли ея
 сыновъ, ихъ пвердосць къ вѣрѣ, привер-
 женносць къ законному государю и лю-
 бовь къ родинѣ, копорыя угасають шоль-
 ко съ послѣднею каплею истекшей крови?
 При нашествіи Галловъ и двадесяти ино-
 племенныхъ языкъ государь препоясался
 правою и мечемъ. Онъ показалъ, что
 онъ превыше всѣхъ въ счасшіи, а превыше
 себя въ злополучіи; онъ пребылъ во все-
 колеблющемся непоколебимъ. Какая рѣд-
 кая, разительная прошивоположенносць въ
 характерѣ его: мужество и кропосць!
 Подъ благословенною державою шакаго мо-
 нарха Рускіе не считають уже враговъ,
 пошому что не спрашашся смерти.
 Жизнь ихъ не принадлежитъ болѣе имъ,
 но царю и ошечеству. Небо въ ихъ груди,
 смерть для нихъ бессмертіе. Поздно уже
 въ первопреспольной Москвѣ познаеть
 сей новой Навуходносоръ ничтоженносць

жичливыхъ своихъ замысловъ, и что не Россія, а онъ увлеченъ неизбѣжнымъ рокомъ къ своему паденію.

Доколѣ имя Рускаго будетъ жить на землѣ, вѣчныя скрижали испоримъ сохраняшь въ памяти всѣхъ вѣковъ грядущихъ сей знаменитѣйшій періодъ шоржесства вѣры и вѣрности. Сѣверный Ахиллесъ будетъ восцѣпъ своимъ Ожеромъ. Намъ оспашаея только упомянушь о нѣкопрыхъ высочайшихъ воззваніяхъ и приказахъ, въ копрыхъ раскрываеша вся великосшь души Александра I. Прискорбно, что въ шѣсныхъ предѣлахъ сего обозрѣнія не можемъ помѣстить полнаго всѣхъ собранія; но каждое его слово въ сердцахъ его подданныхъ. Во всякомъ опзывѣ государя дышаша благочестіе, вѣра, любовь къ Россіи. Напомнимъ себѣ шомъ манѣфестъ, гдѣ, говоря о непреклонности буйнаго врага, оканчиваша онъ слѣдующими словами: „ И шакъ, видя его никакими „ средствами непреклоннаго къ миру, не „ оспашаея намъ ничего инаго, какъ, приз- „ вавъ на помощь свидѣтеля и защитника „ ка правды, всемогущаго шворца небесъ,

„поставишь силы наши противу силъ
 „непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напо-
 „минашь вождямъ, полководцамъ и вои-
 „намъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости.
 „Въ нихъ издревль печешь громкая по-
 „бѣдами кровь Славянъ. Воины! вы за-
 „щищаете вѣру, опечество, свободу. Я
 „съ вами: на зачинающаго Богъ.“

Въ письмѣ къ генераль-фельдмаршалу князю Николаю Ивановичу Солшыкову говоришь онъ: „Я не положу оружія, до-
 „колѣ ни единого непріятельскаго воина
 „не останешся въ царствѣ моемъ.“ Слова сіи, какъ намъ всѣмъ памятно, подняли всѣ рускія души и оживили ихъ новою бодростію. Всѣ увидѣли, что самодержецъ всероссійскій не помрачитъ никогда величія своего царства посмѣднымъ какимъ либо миромъ. Они увидѣли также, что и самое паденіе первопрестольнаго града не поколебало швердоси духа въ государѣ и его воинствѣ. Главнокомандовавшій князь Кушуровъ доносилъ: „Вступленіе непріятеля въ Москву не есть потеря государства.“

По изгнаніи непріятеля изъ предѣ-

ловъ Россіи. Его Императорское Величе-
 ство изволилъ изъяснить монаршую свою
 признательность войску въ слѣдующемъ
 приказѣ: „ Воины, храбрость и терпѣніе
 „ ваше вознаграждены славою, копорая
 „ не умретъ въ попомствѣ. Имена и дѣ-
 „ ла ваши будутъ переходить изъ устъ въ
 „ уста, отъ сыновъ къ внукамъ и пра-
 „ внукамъ вашимъ до позднихъ родовъ.
 „ Хвала всевышнему! Рука Господня съ
 „ нами и насъ не оставитъ. Уже нѣтъ
 „ ни единого непріятеля на лицѣ земли
 „ нашей. Вы по прупамъ и коснямъ ихъ
 „ пришли къ предѣламъ имперіи. Остаещ-
 „ ся еще вамъ преиши за оныя, не для за-
 „ воеванія, или внесенія войны въ земли
 „ сосѣдей нашихъ, но для достиженія
 „ желанной и прочной тишины: вы иде-
 „ те доставивъ себѣ спокойствіе, а имъ
 „ свободу и независимость. Да будутъ
 „ они друзья наши! Отъ поведенія ваше-
 „ го зависѣтъ будетъ ускореніе мира. Вы
 „ Рускіе, вы христіане! Нужно ли при сихъ
 „ именахъ напоминать вамъ, что дол-
 „ жность война есть быть храбру въ бо-
 „ яхъ и крошку во время переходовъ

„ и пребыванія въ мирныхъ земляхъ. Я не
 „ угрожаю васъ наказаніями; ибо знаю,
 „ что никто изъ васъ не подвергнешся
 „ онымъ. Вы видѣли въ землѣ нашей гра-
 „ бителей, расхищавшихъ дома невин-
 „ ныхъ поселенъ. Вы праведно кипѣли на
 „ нихъ гнѣвомъ и наказали злодѣевъ.
 „ Кто жъ захочешъ имъ уподобиться? Ес-
 „ ли кто паче чаянія таковой сыщешся,
 „ да не будетъ онъ Руской! Да испоргнеш-
 „ ся изъ среды васъ! Воины, сего требу-
 „ ютъ и ожидающъ опъ васъ ваша право-
 „ славная вѣра, ваше опечесство и царь
 „ вашъ. “

Князь Михаилъ Иларіоновичъ Голени-
 щевъ-Кушуровъ-Смоленскій присоединилъ
 къ сему высочайшему приказу и свое
 воззваніе, которое заключаешъ такими
 словами: „ Герои! Монархъ опдаешъ спра-
 „ ведливостъ заслугамъ вашимъ и щедро
 „ награждаешъ ваши оплчтія; призна-
 „ тельное опечесство благословляешъ сво-
 „ ихъ избавителей и молишъ за насъ Бо-
 „ гу; заслужимъ же благодарностъ ино-
 „ земныхъ, и заставимъ Европу съ чув-
 „ ствомъ удивленія восклицашъ: нецобѣ-

„Диво воинство руское въ боляхъ, и непо-
 „дражаемо въ великодушїи и добродѣше-
 „ляхъ мирныхъ. Вошь благородная цѣль,
 досшойная героевъ! Будемъ же спремисься
 къ ней, храбрые воины!“

Такими воззванїями, такимъ силь-
 нымъ, вѣры и благочесїя исполненнымъ,
 краснорѣчіемъ сопровождалось наше по-
 бѣдоносное воинство въ самый Парижъ.
 Тамъ уиолкаешъ громъ оружія и Руской
 увѣнчеваешся безсмершными лаврами.

Е. Фуксъ.



ЗАМЪЧАНІЯ

О

КОЛИЧЕСТВАХЪ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХЪ.

І. Нюпсонъ въ своей *Общей Ариометикѣ* отрицательными количествами называетъ тѣ, которыя меньше нуля. Хотя сіе опредѣленіе обширно и содержитъ глубокой смыслъ, однако немногіе изъ математиковъ основывали на немъ вычисленія противоположныхъ количествъ; изъ сочинителей же учебныхъ курсовъ, кажется, ни одинъ не принималъ на себя труда объяснить его алгебраически, т. е. согласивъ съ правилами для вычисленія оныхъ количествъ, выведенными изъ корней ариометическихъ дѣйствій. Научившись изъ общепринятыхъ опытовъ, что токмо Нютоново опредѣленіе должно

признавъ удовлетворительнымъ, я сп
рался извлечь его изъ общаго вопроса
вычислени двухъ количествъ неопред
ленной величины; и, увѣрившись, что с
спавленное мною понятіе о положите
ныхъ и отрицательныхъ количествахъ
можетъ служить надежнымъ орудіе
для опредѣленія трудностей въ много
сленнѣйшихъ выкладкахъ, я рѣшил
ложить его особенно, и прибавить о
ясненія истиннаго смысла главныхъ
нованій *Начальной Алгебры*, копорыя с
кновенно затрудняютъ начинающихъ

II. Въ *Науцѣ Исчисленія* знакомъ
изображаютъ сложене, или соединене
гихъ количествъ въ одно (въ сч
знакъ же (—) показываетъ *вычит*
дѣйствіе, посредствомъ коего по
даннымъ количествамъ находятъ ш
которое съ однимъ изъ сихъ данны
спавляло бы другое; слѣд. при вы
ніи дается сумма, одно слагаемое, и
буется найти другое слагаемое. Т
образомъ чшобъ изъ b вычисль раз
 $d - c$, надобно опредѣлишь шакое x ,
рое удовлетворяло бы уравненію $b = d$

Нетрудно усмотрѣшь, что въ x должны содержаться b и c безъ d , ш. е. $x = b - (d - c) = b + c - d$.

III. Произведеніе изъ множимаго составляется такъ, какъ множитель изъ единицы: посему, если требуется $d - b + c$ помножить на $d + b - c$, то должно $d - b + c$ повторить d , b и c разъ, а потомъ изъ суммы первыхъ двухъ повтореній вычесть третіе; выйдешь $(dd - db + dc) + (bd - bb + bc) - (dc - bc + cc) = dd - bd + dc + bd - bb + bc - dc + bc - cc$ (II), или короче: $dd - bb + 2bc - cc$. Дѣленіе есть дѣйствіе обратное умноженію, ш. е. въ немъ дающа производеніе, одинъ производитель, и находишь другой производитель; слѣд. сіе дѣйствіе ненужно объяснять для того, кто понялъ совершенно умноженіе.

Въ сихъ двухъ членахъ заключающа главнѣйшія основанія для исчисленій съ количествами составными; онѣ будутъ нужны для нашихъ изысканій.

IV. Найди разность между количествами d и b ? Поелику сіи количества не имѣють определенной величины, то ал-

гебраически надобно сдѣлать два опшѣша; положивши, что искомая разность есть c , составляемъ два выраженія: $c = d - b$, $c = b - d$; по первому разрѣшается вопросъ при $d > b$, а по второму при $d < b$. Хотя собственная величина количества c есть одна и таже въ обоихъ случаяхъ, однако дѣйствія надъ нимъ должно производить различнымъ образомъ, и попому надлежало $c = d - b$ опшичить особеннымъ знакомъ опъ $c = b - d$. Знакъ сей выбранъ не произвольно, но соопшѣшственно различію дѣйствій: выраженія $q + (d - b)$ и $q - (b - d)$ даютъ одинъ выводъ $q + d - b$ (II); слѣд. $c = d - b$ и $c = b - d$ суть количества *противоположныя*, такъ что для полученія одного и того же вывода должно $c = b - d$ *вычитать*, когда $d - b$ *придается*, и *обратно*. По причинѣ сей противоположности между $c = d - b$ и $c = b - d$ первое называютъ *положительнымъ* и означаютъ чрезъ (+), второе же *отрицательнымъ* и сопровождаютъ его знакомъ (-). Сіе понятіе о противоположныхъ количествахъ совершенно пошественно съ вышеупомянутымъ опредѣленіемъ Ньютона: ибо въ $d - b$

надобно переменить порядокъ вычитанія шокмо въ томъ случаѣ, когда b сдѣлается больше d ; по закону же непрерывнаго увеличиванія количество b не можетъ превзойти d , не бывши равнымъ d , отъ чего с превратился въ нуль. Но съ возрастаніемъ вычитаемого разность уменьшается, слѣд. $-c = d - b$ при $b > d$, будетъ меньше $c = d - d = 0$. Изложенное правило выражаютъ знаками такимъ образомъ: $q + (+c) = q + c$, $q + (-c) = q - c$, и $q - (-c) = q + c$.

V. Переходимъ къ умноженію противоположныхъ количествъ. Если $+q = d - b$, то по ихъ свойству $-q = b - d$; также когда $+r = c - e$, тогда $-r = e - c$. Перемножая сіи выраженія по чл. III, находимъ:

$$1, (+q) \cdot (+r) = (d - b)(c - e) = dc - cb - ed + be \\ = (dc + be) - (cb + ed) = m - n = z.$$

$$2, (+q) \cdot (-r) = (d - b)(e - c) = ed - be - cd + bc \\ = (ed + bc) - (be + cd) = n - m = -z.$$

$$3, (-q) \cdot (-r) = (b - d)(e - c) = eb - ed - bc + dc \\ = (eb + dc) - (ed + bc) = m - n = z.$$

И такъ: произведеніе количествъ противоположныхъ есть отрицательное, а произведеніе отрицательнаго на отрицательное есть положительное, такъ какъ и положи-

тѣльнаго на положительное. Правило дѣленія неспрудно уже вывести изъ поняшя о семъ дѣйствіи (III): на примѣръ $(+q):(-r)=-\frac{q}{r}$; пошому что $(-\frac{p}{r}) \times (-r) = +q$, и ш. д. (*).

VI. Произведеніе, сосшавленное изъ нѣкотораго числа равныхъ производителей, называешся *степеню*, каждый изъ производителей — *корнемъ*; цифра же, означающая число производителей — *показателемъ степени* (**). Принявши въ соображеніе сіе поняшіе о степени, по си-

(*) Изъ предложеннаго видно, что умноженіе противоположныхъ количествъ должно опредѣлять опть умноженія сосшавныхъ количествъ (III); пришомъ послѣднее служить основаніемъ первому, а не обратнo, какъ по большой части предлагаешся въ учебныхъ книгахъ.

(**) Опредѣленіе степени предложено здѣсь съ шѣмъ намѣреніемъ, чшобъ нѣкоторые изъ учащихся по *петитивнмъ* Алгебрамъ безъ разбора обратили на него свое вниманіе и не заставляли бы учениковъ своихъ мучиться бесполезно надъ выраженіями неясными, непочными и неудобоприкладными.

лѣ предыдущаго члена получимъ слѣдую-
щія заключенія для степеней изъ коли-
чествъ положительнаго $x = b - d$, и отри-
цательнаго $x = d - b$:

$$(\pm x)^2 = +x^2, (\pm x)^3 = \pm x^3, (-x)^3 = -x^3, (\pm x)^4 = +x^4, \dots$$

*п. е. какъ положительнаго, такъ и отри-
цательнаго количества четныя степени
суть положительныя; нечетныя же сте-
пени положительнаго суть положительныя,
отрицательнаго — отрицательныя.*

VII. Вразсужденіи обратнаго дѣйств-
вія или извлеченія корней должно замѣ-
нить: 1, изъ положительнаго количест-
ва корень четный можешь быть и поло-
жительный и отрицательный; слѣд. ко-
гда вопросомъ не опредѣляется свойство
искаемаго корня, тогда надобно брать о-
ный въ обоихъ смыслахъ. 2, Четные
корни изъ количествъ отрицательныхъ
суть отрицательные. 3, Если при раз-
ршеніи какаго нибудь вопроса въ послѣд-
немъ выводѣ пошрѣбуешь извлечь чет-
ный корень изъ количества отрицатель-
наго, то симъ обнаружится невозмож-
ность ршенія по причинѣ какой нибудь

несообразности въ вопросѣ: ибо изъ члена предыдущаго видно, что отрицательныя членныя степени не существуютъ. Но когда такое пребываніе вспрѣшится въ средній рѣшеніа, тогда должно предположить, что оно удовлетворено и съ выраженіемъ $\sqrt{-b}$ (гдѣ n есть число членное) поступать какъ съ количествомъ действительнымъ: въ концѣ рѣшенія вопроса возможнаго выраженія сего рода заключающагося механизмомъ выкладки, попому что они входятъ въ нее только опть сего механизма. И такъ $\sqrt{-b}$, $\sqrt[4]{-b}$. . . должно приниматься не за количества, но за *выраженія алгебраическія*, копорыя суть необходимыя слѣдствія *закоположенія*, упошребляемаго въ общей наукѣ нечисленій; а попому названіе *количество мнимыхъ*, придаваемое симъ выраженіямъ, не совсѣмъ прилично, хотя и трудно изобразити лучшее.

VIII. Чтобы показать, какимъ образомъ мнимыя количества уничтожаются механизмомъ выкладки, разрѣшимъ нѣсколько примѣровъ:

1. Четные степени отъ $\sqrt{-b}$ даютъ слѣдующіе выводы: $(\sqrt{-b})^2 = -b$, $(\sqrt{-b})^4 = b^2$, $(\sqrt{-b})^6 = -b^3$, и ш. д.

2, Известно, что $(b+c)(b-c) = b^2 - c^2$, и какъ $m+n = m - (-n)$ (IV), то $m+n = (\sqrt{m} + \sqrt{-n})(\sqrt{m} - \sqrt{-n})$.

5, На семь основывается разрѣшеніе уравненій второй степени, коихъ общій видъ есть $x^2 + px + q = 0$. Дѣйствительно: поелику $x^2 + px + \frac{p^2}{4} = (x + \frac{p}{2})^2$, то $(x + \frac{p}{2})^2 = \frac{p^2}{4} - q$, и $(x + \frac{p}{2})^2 - (\frac{p^2}{4} - q) = 0 = [x + \frac{p}{2} + \sqrt{(\frac{p^2}{4} - q)}][x + \frac{p}{2} - \sqrt{(\frac{p^2}{4} - q)}]$; отсюда получаемъ два уравненія первой степени, которыя даютъ

$$x = -\frac{p}{2} + \sqrt{(\frac{p^2}{4} - q)},$$

$$x = -\frac{p}{2} - \sqrt{(\frac{p^2}{4} - q)}.$$

И такъ уравненія второй степени принимаютъ два рѣшенія, которыя, смотря на отношительныя величины p и q , могутъ быть и дѣйствительныя и мнимыя. Сія рѣшенія алгебарически всегда удовлетворяютъ уравненію; но въ практикѣ надобно соображать ихъ съ условіями вопросовъ, и по большей части токмо въ одномъ изъ нихъ заключаешся же-

даемый опровергнуть; второе же решение научаетъ, что Алгебра можетъ открытъ въ вопросѣ обстоятельствова незамѣченныя. Вообще формулы алгебраическія суть выраженія всѣхъ случаевъ вопроса, возможныхъ и невозможныхъ. Такимъ образомъ доказано, что $\frac{b^n}{b^m} = b^{n-m}$; но пусть будемъ $n < m$; тогда по сей формулѣ разрѣшишь задачи невозможно, и поному ея рѣшеніе должно извлечь изъ общихъ правилъ дѣленія, кошорыя покажутъ, что $\frac{b^n}{b^m}$ есть дробь, способная для сокращенія. Положивши $r = m - n$ и раздѣливши числитель и знаменатель на n , получимъ $\frac{1}{a^r}$; но какъ по чл. IV разность $n - m = -r$, то $b^{\frac{n-m-r}{n}}$, выраженіе, не представляющее никакого яснаго понятія. Примемъ его за дѣйствительную степень и посмотримъ, что будетъ выходить, когда подвергнемъ его главнымъ дѣйствіямъ исчисления: впервыхъ $b^r \times b^{-r}$ дастъ b^0 ; во вторыхъ $b^r : b^{-r} = b^{r+r}$; если же b^r помножимъ и раздѣлимъ на $\frac{1}{b^r}$, то получимъ

тѣже выводы; слѣд. въ исчисленіи b^{-r} можно упошреблять вмѣсто дроби $\frac{1}{b^r}$. Сію возможность, вышедшую шокмо изъ одного условія, чшо b^{-r} предсавляешъ истинную степень, въ нѣкоторыхъ учебныхъ книгахъ принимають за теорему и стараются доказывать. Неудивительно, чшо сіи старанія оспаются тщетными: ибо какъ можно доказать, чшо выраженіе, несообразное съ коренными началами науки, равняется шакому, которое имѣетъ полный и опредѣленный смыслъ? Тоже самое должно замѣшшш о выраженіи $b^{\frac{a}{m}}$, пожешвенномъ съ $\sqrt[m]{b^a}$ по одному шокмо условію.

IX. Всѣ задачи, разрѣшаемыя уравненіями первой степени, приводятся къ слѣдующему виду: $dx + b = cx + e$, изъ коего $x = \frac{b - e}{c - d}$. Ежели будущъ $b < e$, $c > d$, шо опредѣлшш неизвѣшное невозможно; слѣд. въ вопросѣ должна заключаться какая нибудь несообразность, препяшшствующая составшш уравненіе: ибо при данныхъ условіяхъ выходитъ $dx + b < cx + e$.

Чтобы исправить сію несообразность, надлежитъ перемѣнить требованія *противоположно*, опъ чего уравненіе превращиши въ $b - dx = e - cx$ и для неизвѣснаго получимъ выводъ возможный $\frac{e-b}{c-d}$. И такъ *механическая* поправка несообразности вопроса соспоишь въ томъ, что неизвѣстное должно сдѣлать отрицательнымъ: это слѣдуетъ изъ понятія о количестввахъ противоположныхъ. Непрудно объяснишь сіе просѣвѣшимъ примѣромъ: пусть два шѣла А и В, раздѣленные разспояніемъ d , будутъ двигаться въ одну сторону, и при томъ первое со скоростью v , второе со скоростью c ; *спр.* гдѣ они соединятся? Ежели положимъ, что первое изъ нихъ пройдетъ пространство x ; то пройденный путь второго выразится разностью $x - d$; но какъ оба шѣла пути свои совершаютъ въ одно время, то $\frac{x}{v} = \frac{x-d}{c}$ и $x = \frac{vd}{v-c}$. Сіе рѣшеніе будетъ неудовлетворимо, или x сдѣлается количествомъ отрицательнымъ, какъ скоро $v < c$; и тогда x должно означать уже то пространство, которое прошло шѣло А

опшъ почки соединенія обоихъ шблъ да ихъ мѣспъ, раздѣленныхъ разспоянiемъ d . Дѣйспвишельно, обративши такимъ образомъ вопросъ, получимъ уравненiе $\frac{x-x+d}{v} = \frac{vd}{c-v}$, изъ коего $x = \frac{vd}{c-v}$, рѣшенiе возможное, и которое можно бы получить прямо изъ $\frac{x}{v} = \frac{x-d}{c}$, сдѣлавши x отрицательнымъ.

X. Выраженiе $x = \frac{b-e}{c-d}$ доводитъ еще до важнаго заключенiя врассужденiи количесствъ прошивоположныхъ. Ежели x дѣлаешся отрицательнымъ опшъ того, что съ переменною условiй вопроса c выходитъ менѣе d ; шо опяшь (IV) по закону непрерывности c было равно d ; и въ эшомъ случаѣ $x = \frac{b}{0} =$ бѣзконечному. Рассуждая такимъ же образомъ о числительѣ $b-e$, находимъ, что x , переходя изъ одного сосшоянiя въ другое, должно бышь сперва нулемъ. И такъ: при разспатриванiи различныхъ обстоятельство вопроса токмо тѣ количества могутъ переходить изъ положительныхъ въ отрицательныя, которыя отъ переменнѣ въ сихъ обстоя-

*тельствахъ или уничтожаются, или дѣ-
 лаются бесконечными. — Сіе заключеніе
 служишь основаніемъ для всѣхъ изслѣдо-
 ваній при разрѣшеніи геометрическихъ и
 физическихъ вопросовъ посредствомъ Ал-
 гебры, когорые въ свою очередь наи-
 лучшимъ образомъ объясняютъ изложен-
 ныя замѣчанія.*

Д. П—овъ.

Москва,



С М Ъ С Ъ .

ОБЪ ИЗДАНИИ: *ИСКУСТВА ЖИТЬ.*

Не смотря на явное въ лучшихъ рускиихъ обществахъ предпочтеніе языка французскаго языку рускому, задерживающее въ Россіи успѣхи опечествленной словесности, на полосу земли отъ Чернаго моря до Сѣвернаго океана, есть люди, читающіе поруски, и припомъ есть такіе, которые читають только по руски.

Чтеніе — пища души. Въ настоящее время, кажешся, пора уже предлагать рускимъ читателямъ такіа на рускомъ языкѣ книги, которыхъ точно питали бы душу: пробуждали

въ ней высокія понятія о главныхъ предметахъ жизни, мирили ее съ неоправданными ударами рока и напоминали божественное ея предназначеніе.

Всѣ высокіе писатели, просвѣщители міра, дѣйствовали на судьбу человѣчества: но одни болѣе, другіе менѣе. Нѣкошорыхъ изъ нихъ, писателей, на примѣръ, *Дроза, Цицерона, Шаррона, Франклина* и имъ подобныхъ, по ближайшему, спасительному вліянію ихъ на жизнь человѣческую, можно справедливо называть *друзьями теловѣчества*. Изъ предметовъ, въ ихъ сочиненіяхъ заключающихся, также нѣкошорые дѣйствуютъ на сердце человѣческое посредственно, а нѣкошорые непосредственно: сіи по послѣдніе, разсѣянные во многихъ книгахъ, суть, такъ сказать, драгоценныя умственные перлы, составляющіе сокровищницу истинной мудрости, которая научаетъ насъ важнѣйшему, великому искусству, искусству *жизни*.

Что можетъ все прочесть? *Ars longa, vita brevis.*

Желая ошнынъ посвящити, доколъ Парки неумолимыя позволяють, жизнь свою шрудамъ лишерашурнымъ, я приспуаю къ исполненію одного изъ любимыхъ предположеній моихъ: издаю сочиненія сихъ писателей сокращенно, на рускомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Искусство жить*.

Искусство жить издаю будеть *въ осемь книжкахъ*: онъ составяшь, для людей всякаго званія, небольшое, но избранное на рускомъ языкѣ книгохранилище, копорое можетъ служити уму руководствомъ, сердцууслажденіемъ.

Я предполагаю въ 1825 году издашь: книжку I въ Генварѣ, II въ Апрѣлѣ, III въ Іюні, IV въ Октябрѣ. Въ 1826 году издадутся шакимъ же порядкомъ V, VI, VII и VIII. книжки.

Цѣна за всѣ восемь книжекъ, напечатанныя на лучшей бумагѣ, лучшими буквами, 25 рублей ассигнаціями; съ пересылкою 30 рублей ассигнаціями.

Книги сіи будуть напечатаны моимъ издженіемъ: изъ суммы, копорая за нихъ въ пользу мою выручится, половину предосща-

дѣлю я на вспоможеніе разореннымъ Санкт-петербургскимъ наводненіемъ.

Я сочту себя счастливымъ, если жершвою нѣскольколѣшняго пруда моего принесу нѣкоторую пользу хотя одному, разоренному семейству.

„Казна моя-въ прудѣ: другой я не имѣю.“

Подписка принимается въ С. петербургѣ: въ домѣ Гр. Орлова, между Аничковымъ и Чернышевымъ мостомъ, у Г. Поздюнина; въ военной Типографіи Главнаго Штаба Е. И. В.; въ библіотекѣ для чтенія, бывшей Плавильщикова, а нынѣ А. Ф. Смирдина, у сняго моста, и въ книжной лавкѣ И. В. Слѣнина, у Казанскаго моста; — въ Москвѣ: въ книжныхъ лавкахъ А. С. Ширлева и С. А. Селивановскаго и въ магазинѣ Ф. И. Юсмана, между Пешковскою и Большою Дмитровскою.

Изданіе *Искусства жить* начинается *Щастіемъ*, по есѣ сочиненіемъ Дроза: оно уже напечатано и желающимъ подписаться раздаваться будетъ вмѣстѣ съ билетами на получение всего изданія.

В. Филимоновъ.

~~~~~

# О Г Л А В Л Е Н И Е

## ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

~~~~~

Л И Т Е Р А Т У Р А,

П О Э З И Я.

	<i>Стран.</i>
1. Посланіе къ Ж. - - - - -	3.
2. Андромаха - - - - -	7.
3. Романсь - - - - -	13.
4. Къ юношѣ - - - - -	15.
5. Спихи - - - - -	17.
6. Гнѣвъ Господа на нечеспивыхъ -	149.
7. Гречанка - - - - -	157.
8. Къ Квинкшу - - - - -	160.
9. Опрывки изъ поэмы Байрона: <i>Лвидо-</i> <i>ская нестьта</i> - - - - -	290.
10. Я говориль и пр. - - - - -	295.
11. Мила и пр. - - - - -	---

П Р О З А.

Стран.

12. Путешествіе на каперъ - - -	18.
13. Зрѣлища безъ плашы - - -	65.
14. О пріятностяхъ воспоминаія - - -	77.
15. Отрывки изъ римскихъ писемъ 122 и 242.	
16. Нынѣшнія женщины - - -	133.
17. Новыя postanовленія императора Ю-	
сифа II - - - - -	225.
18. Гробъ Агамемнона - - - - -	257.
19. Коринецъ въ нынѣшнемъ его положе-	
ніи - - - - -	262.
20. Концертъ Аматѣровъ - - - - -	271.
21. Омаръ - - - - -	282.
22. Опдѣльныя мысли - - - - -	288.

К Р И Т И К А.

23. Сѣверныя цвѣшны - - - - -	85.
24. Особенное достоинство рѣчей, гово-	
ренныхъ Греками и Римлянами - - -	112.

Н А У К И.

25. О военномъ краснорѣчїи - - -	162 и 296.
26. О разсужденїи г. Симонова - - -	200.

27. Замѣчанія о количествахъ прошиво- ложныхъ - - - - -	316.
--	------

С М Ъ С Б.

28. Литературныя новости - - -	122.
29. Лѣтописи Общества - - -	211.
30. Объявленія - - - - -	223.
31. Объ изданіи <i>Искусства жить</i> - -	331.

О п е ч а т к а.

Въ сей части на стран. 222, строк. 6
снизу, надобно чипать:

Опъ Его Превосходительства Викентія
Ивановича Гольинскаго 200 р.

part

316

122

211

223

331

6

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ЛИТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

1. Новыя постановленія императора Іосифа II 225.
2. Опрывокъ изъ римскихъ писемъ 242.
3. Гробъ Агамемниона 257.
4. Коринѣвъ въ нынѣшнемъ его положеніи 262.
5. Концершъ Амашеровъ 271.
6. Омарь 282.
7. Ошдѣльныя мысли 288.

ПОЭЗІЯ.

8. Опрывки изъ поэмы Байрона: *Абидоская невѣста* 290.
9. Я говорилъ и пр, 295.
10. Мила и пр, 295.

НАУКИ.

11. О военномъ краснорѣчїи 296.
12. Замѣчанія о количесхвахъ прошивоположныхъ 316.

СМѢСЬ.

13. Объ изданіи *Искусства жить* 330.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Пешербургъ, Марта 1 дня, 1825 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кавалеръ
Ал. Бируковъ.

СОРЕВНОВАТЕЛЬ

ПРОСВѢЩЕНІЯ

И

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

1 8 2 5.



№ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго
Воспитательнаго Дома.

Ж У Р Н А Л Ъ

СОРЕВНОВАТЕЛЬ ПРОСВѢЩЕНІЯ и ВЛАГОТВОРЕНІЯ, издается съ 1818 г. Санктпетербургскимъ Большимъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности.

Въ составъ сего журнала входятъ слѣдующія четыре отдѣленія:

I. ЛИТЕРАТУРА. — Сіе отдѣленіе будетъ состоять:

A. Проза. — Любопытныя историческія отрывки; записки путешественниковъ; каршинныя описанія разныхъ предметовъ; біографіи знаменитыхъ людей; нравственные повѣсти, и всѣ сочиненія, относящіяся къ изящной прозѣ.

B. Поэзія. — Всѣ небольшія произведенія поэзіи также отрывки изъ поэмъ, и проч.

II. НАУКИ. — Занимательнѣйшія изслѣдованія по части нравственно-политическихъ и физическихъ наукъ; разысканія древностей, особенно касающихся до общества нашего, и проч.

III. КРИТИКА. — Сіе отдѣленіе предназначается для разбора всего, что можетъ быть предметомъ вкуса, какъ то: *лучшихъ* сочиненій въ стихахъ и прозѣ, произведеній отличныхъ художниковъ и ш. п.

VI. СМѢСЬ. — Въ семъ отдѣленіи будутъ помещаемы: краткія извѣстія объ открытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ; о вновь выходящихъ книгахъ, кошорыя должны обратити на себя особенное вниманіе; льтописи общества — и вообще все, что не могло войти въ прежнія отдѣленія.

Въ печеніе года выйдеть двѣнадцать книжекъ журнала, изъ кошорыхъ каждую гг. подписавшіяся

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum, miserisque succurrere disco.

1825 годъ.

Ч А С Т Ь ХХХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго Восприимчиваго Дома.

Печаташь позволяешя

съ пѣмъ, чѣобы, по напечатаніи, до выпуска
въ продажу, представлено было въ Цензур-
ный Комитетъ *семе* экземпляровъ сей книги
для препровожденія, куда слѣдуетъ, на осно-
ваніи узаконеній. Апрѣля 1 дня, 1825 г.

*Цензоръ Стат. Сов. и Кавалеръ
Александръ Виуковъ.*



31204/2

Н А У К И.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ ИНКОВЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Графа Алегаротти.

(Съ Италіянскаго).

Къ числу ложныхъ мнѣній, приня-
тыхъ посвятившими себя учености,
принадлежитъ и то, что одна толь-
ко исторія Грековъ и Римлянъ, какъ
наиболье достопамятныхъ народовъ свѣ-
та, достойна нашего изученія. Воишь по-
чему большая часть ученыхъ не обраща-
етъ ни малѣйшаго вниманія на тѣ на-
роды, которые называютъ они варвар-
скими потому только, что ихъ исторіи
не писалъ ни Фукидидъ, ни Титъ-Ливій.
Но разсуждающіе не по однимъ только
древнимъ писателямъ о цѣломъ свѣтѣ

Часть XXX. Кн. I.

1

мыслятъ совсѣмъ другимъ образомъ. Они видятъ, что у народовъ, наиболѣе презираемыхъ нашими учеными, можно найти насавленія для гражданской жизни и великіе примѣры, почто шакъ, какъ мы получаемъ одежду, самую драгоценную и самую необходимую для чловѣка, опъ шѣхъ звѣрей, кошорыхъ мы презираемъ.

Образъ правленія и внутреннее устройство разныхъ странъ новаго свѣша открываетъ обширное поле для наблюдений. Если Америка обогатила Европу многими своими произрасненіями; по съ другой споронѣ испорія сей часши свѣша шакже можешъ дашъ намъ матеріалы, служащіе къ обогащенію законовѣднія и познаній нашихъ о нравахъ разныхъ народовъ.

Въ сѣверной Америкѣ республика Ирокезцевъ занимаетъ первое мѣсто: эшимъ они одолжены своимъ завоеваніямъ, своей пламенной любви къ свободѣ, своей непреодолимой спрасши къ славѣ и господствующему между ними мнѣнію, что никакой народъ въ свѣ-

щѣ не можешъ съ ними сравнишься. Понашіе сіе, поддерживаемое дѣяшельноспію и храброспію, производитъ то, что народъ дѣйствительно дѣлается такимъ, какимъ онъ самъ себя воображаетъ. Спаршины, или *Сахелы* сего народа показывають такое безкорыстіе, которому мы не находимъ примѣра у образованныхъ народовъ. Для нихъ величайшая награда чести, а безчестіе самое жестокое наказание: и вошъ источникъ всѣхъ ихъ дѣяній. Будучи оспорожны и вмѣстѣ рѣшительны въ своихъ поступкахъ, вѣрны въ данномъ словѣ, храня совершенное уваженіе къ народной религіи и наблюдая во всемъ справедливость, неуспрашими въ опасностяхъ самыхъ очевидныхъ, шверды въ самыхъ величайшихъ бѣдспвѣдахъ, они могутъ спашъ рядомъ съ Римлянами и даже ихъ превзойти (*). Но какъ добродѣтель Римлянъ пала наконецъ ошъ азійской роскоши, такъ и добродѣтель Американцевъ ослабла ошъ развра-

(*) Смотри: Colden the History of the five Indian nations of Canada.

ценныхъ нравовъ Европейцевъ, поселившихся между ними.

Ежели сѣверная Америка представляеть намъ сіи народы, почишаемые за варваровъ и дикихъ, въ примѣръ подражанія, то южная не показываетъ ли примѣра, болѣе разительнаго, въ Перуанцахъ, хотя они до сихъ поръ служили предметомъ только для писателей нашихъ романовъ. Мы находимъ въ исторіи мало произшествій, любопытнѣе дѣлій Инковъ, царей сего народа, которые употребили всѣ возможные средства, чтобъ достигнуть своей цѣли, прибѣгали къ самой шонкой политике и старались крошестію снискать довѣріе. Наконецъ изъ самыхъ малосильныхъ государей, какими ихъ описать Гарцилассо дела Вега (*), они сдѣла-

(*) Гарцилассо дела Вега напечаталъ въ 1609 году исторію Инковъ, спустя 66 лѣтъ послѣ смерти Ашуалпы, послѣдняго перуанскаго царя. Отецъ его былъ одинъ изъ отличившихся испанскихъ офицеровъ, покорившихъ Перу, а мать принцесса

лись обладателями Перу и Хили, областей обширѣйшихъ и богатѣйшихъ, и основали тамъ цвѣшущее государство, съ коимъ немногія въ Европѣ могутъ теперь сравниться (*).

Манко Капакъ, родоначальникъ Инковъ, былъ около половины тринадцатаго вѣка (**). Ромуломъ сего государства,

изъ царскаго дома, и потому онъ всегда называлъ себя Инкою. Онъ зналъ совершенно языкъ Перуанцевъ и всѣ происшедшія своего опечесства. Хотя исторія его написана безъ всякаго искусства, и есть только похвалы на перуанскую исторію, но при всемъ томъ она останется навсегда драгоценною *Прилѣт. Перевод.*

(*) Государство сіе простиралось отъ Квишы даже за предѣлы Хили и заключало въ себѣ 1300 миль пространства.

(**) Гарцилассо дела Вега полагаетъ, что первый перуанскій государь началъ царствовать въ 1131 году нашего летоисчисления; другіе же писатели относятъ сію эпоху къ 931 году, а нѣкоторые еще далѣе. *Recherches philosophiques sur les Americains par Ray. Berlin, 1771. Т. II, р. 170. Прилѣт. Перев.*

но не тѣмъ Ромуломъ, кошорый, съ оружіемъ въ рукахъ и окруженный полною злодѣевъ, называлъ себя сыномъ Марса. Манко, не имѣя ни приверженцевъ, ни оружія, объявилъ себя, подобно Орфею, сыномъ солнца, пославшаго его вывести людей изъ того соспоянія, въ кошоромъ они уподоблялись дикимъ звѣрямъ. Онъ научилъ ихъ самымъ необходимымъ искусствамъ, приохотилъ ихъ къ разнымъ трудамъ, содѣлалъ ихъ образованными, и, чпобъ болѣе поработишь, умножилъ ихъ потребности. При семъ онъ поступалъ съ такимъ благоразуміемъ, что привлекъ большую часть варваровъ на свою спорону, и, спавъ главою ихъ, соорудилъ городъ Куско, кошорый вскорѣ сдѣлался Римомъ сего проспраннаго государсва. Преминики и пошомки Манко усиліями своими спарались приводишь въ исполненіе высокое его предпріятіе: и такъ здѣсь благоразуміе, случай и счастье спремились къ одной цѣли.

Инки были вмѣстѣ и проповѣдники и завоевашели. Они разспространяли ученіе свое съ мечемъ въ рукѣ, а сражались

ръ паспырскимъ посохомъ. Крошко и престо было ихъ ученіе. Богъ, невидимый шворецъ міра, назывался у ихъ *Пахакамъ*. Образъ божества, говорили они, есть зримое нами солнце; преисполняющее землю благостию неба и разливающее жизнь во вселенной (*). Инки, какъ мы уже видѣли, выдавали себя за сыновъ солнца, говоря, что они посланы опцемъ небеснымъ, чинобъ образовашь человѣческій родъ, научить людей истинной религіи и внушить имъ, что злыхъ ожидаетъ въ будущей жизни наказаніе, а добродѣтельныхъ награда. Праведные, говорили они, наслаждаются будущъ послѣ смерти совершеннымъ спокойствіемъ души и шѣла, тогда, какъ грѣшные безпрестанно прешерпывашь будущъ всѣ бѣдствія и болѣзни, какимъ подверженъ человѣческой родъ.

(*) Анкешиль говоритъ (*Précis de l'histoire universelle. Paris, 1801. T. XII, p. 257*), что въ язычествѣ не было столь мудраго закона, столь чистаго и столь чуждаго фанатизму, какъ религія Перуанцевъ. Нравоученіе ея было крошко и прилично. *Прим. Перес.*

Вопль, въ чемъ состояло ихъ ученіе, которое Инки разпространяли подъ защитою войскъ. Они находились до тѣхъ поръ въ оборонительномъ состояніи, пока дикіе не приняли его, и тогда лишь нападали на нихъ, когда видѣли упорство и отверженіе. Имъ не нужно было производить никакихъ чудесъ: счастливое состояніе народа удостовѣряло всѣхъ, что они посланы самимъ небомъ. Они научили дикихъ шкать шерсть и хлопчатую бумагу, обрабатывать и орошать землю (*); они сдѣлали всѣхъ полезными гражданами, и наказывали лѣность неравнѣ съ кражею (**). Слѣпымъ и хро-

(*) Перуанцы были совершенно дикими, когда Манко Капакъ пришелъ научить своихъ новыхъ подданныхъ земледѣлю, сѣять хлѣбныя сѣмена и разводить плодоносныя деревья, дѣлать одежду и строить дома; а жена его Мама Околло научила Индѣинокъ прѣсть и шкать бумагу и шерсть и всѣмъ упражненіямъ, различнымъ ихъ полу. *Прим. Перев.*

(**) Законодатель дождевъ всегда имѣлъ въ виду правило Капона, что ничѣмъ не

мымъ опредѣлены были особенныя должности, которыхъ они могли исправлять. Спарикамъ, содержащимся всегда на счетъ государства, поручено было опгонять птиць съ засѣянныхъ полей. На большихъ дорогахъ учреждены были опъ одного разсипоянїя до другаго дома, гдѣ путешественники могли найти убѣжище и все нужное для своего продовольствїя. Однимъ словомъ, сіи мудрые цари старались обезпечить каждаго и оградить общее спокойствїе; они были истинными опцами опечеснва. Инки, имѣя безпрестанно въ виду счастье подвластныхъ имъ народовъ, произвели то, что дикіе приняли ихъ религію, и убѣдились, что они посланники солнца (*).

занимающіеся становятся худыми людьми *Прим. Персе.*

(*) Перуанцы почитали Инковъ существами, находящимися подъ особеннымъ покровительствомъ самаго Бога, и повелѣніе царствующаго Инки почитали словомъ самаго Творца. По сему всѣ преступленїя наказывались смертію, и, по замѣчанію Робертсона (*Histoire de l'Amérique. T. IV, p.*

Покоренныя земли были раздѣлены на три равныя части. Одна часть принадлежала солнцу, другая Инкамъ, а третья назначена была для природныхъ жителей. Сіе раздѣленіе усилило промышленность народа, копорому досталась самая меньшая часть земли, государство же и жрецы, коимъ принадлежала самая большая часть оной, получили чрезъ это болѣе силы.

Впрочемъ и самая религія, будучи связана весьма строгими законами, приобрѣла чрезъ сіе болѣе величія. Опъ сего дѣвицы, копорыя самыми порже-сшвенными обѣщами посвящали себя служенію солнца, находились подъ упра-

83) они почитали ихъ не за општуленіе опъ устанювленныхъ законовъ, но за оскорбленіе, нанесенное самому божеству. Всѣ прешупленія, опъ самыхъ малыхъ до самыхъ важныхъ, пребовали равнаго мщенія, и не могли бышь иначе изглажены, какъ кровію прешупника. *Прил. Перев.*

вленіемъ законовъ, можетъ быть, болѣе строгихъ (*), нежели бывшихъ для Веспадокъ Рима.

Величіе храмовъ, пышность празднествъ, опправляемыхъ въ честь солнца, и великолѣпіе самага двора простирались до распочительности. Сіи народы, воздержные и бѣдные среди самага богатства, убѣждались великолѣпіемъ въ помянутыи, что Инки истинные сыны солнца. Кромѣ сего Инки, будучи главою религіи, правосудія и войска, сосредоточили въ себѣ всю власть, и сдѣлались въ гла-

(*) Сіи дѣвицы съ осьми лѣтъ посвящались служенію солнца и жили въ монастыряхъ, куда возпрещенъ былъ входъ мужчинамъ, также, какъ женщинамъ во храмъ солнца. Нѣкоторые писатели несправедливо говорятъ, что сіи дѣвицы служили при ошларяхъ. Ихъ должность была внѣ храма и состояла въ собираніи приношеній. Число сихъ юныхъ дѣвицъ полагалось въ одномъ городѣ Куско болѣе тысячи. Онѣ находились подъ управленіемъ самой старшей, называемой *Малаконасъ*. *Abregé de l'histoire générale des voyages, par De la Harpe. Paris, 1780. T. XII, p. 163. Прим. Перл*

захъ народа еще болѣе достойными уваженія. Кажется, они, при основаніи своего государства, руководствовались самою глубокою нашею полишикою, кошорая научаетъ государей, сколь возможно, менѣе удѣлять своей власти другимъ, и, согласно съ образомъ мнѣнія своего вѣка, объяснили сіе правило иносказательно, говоря, что золотые лучи солнца, переходя въ луну, превращаются въ серебряные.

Инки брали себѣ женъ только изъ своего поколѣнія (*), почтивъ униженіемъ, вступая въ родство съ другими людьми. Однако жъ они снисходили къ нуждамъ своихъ подданныхъ, и имѣли, какъ сказать, всегда ихъ предъ своими глазами, носѣвая ошъ времени до времени нѣко-

(*) Многоженство было запрещено, и прелюбодѣліе наказывалось смертію. Одному только царствующему Инкѣ позволено было имѣть сераль, ибо онъ не могъ снискать умножить поколѣніе солнца. Для сего избирались дѣвицы, посвященные солнцу. *Исторія XVIII столѣтія. Москва, 1804. Ч. III, стр. 165. Примѣт. Черев.*

порыя области своего государства, чилобы сохранишь неколебимо законы и правосудіе.

Такимъ образомъ Инки соединяли въ лицѣ царя санъ первосвященника, любовь къ человечеству съ силою оружія, великолѣпіе восшочныхъ монарховъ съ благосклоннымъ обхожденіемъ европейскихъ государей. Однимъ словомъ, они знали совершенно сію великую науку мудрыхъ государей, науку скрывать подъ различными предлогами свои спрасши и крошкими средствами принудить людей дѣлать то, къ чему они наименѣе расположены.

Но что скажемъ мы о сихъ царяхъ, называемыхъ оупъ насъ варварами, когда узнаемъ, что они не шолько сообразовались съ самыми благоразумными правилами, но, показывая всегда къ нимъ уваженіе, умѣли искуснымъ образомъ иногда исправлять оныя и принаровлять къ общешельствамъ, въ чемъ и заключается искусство полиптики? Главная цѣль Инковъ состояла въ завоеваніи; и они почти всегда находились посреди войска, однакожь не оупускали случая пользоваться и

тѣми раздорами, которые иногда происхо-
дили у ихъ сосѣдовъ: защищали слабыхъ
противъ сильныхъ, они подспрекали тай-
нымъ образомъ одного противъ другаго, и
наконецъ повергли всѣхъ въ рабство, до-
вольствуясь иногда одною только побѣдою.

Цвѣтущее сословіе, въ которое
приведено было сіе государство безъ вся-
кой посторонней помощи, не поспавля-
етъ ли родъ Инковъ выше человѣческаго,
главою кошораго былъ царь, единствен-
ный источникъ всякой власти? Не смо-
тря на сіе, Манко Капакъ называлъ Инка-
ми (*) первые имъ покоренные народы; но
съ ними случилось позже, что Римляне сдѣ-
лали съ Лапинами, и Манко Капакъ хотѣлъ
болѣе имѣть въ нихъ помощниковъ въ
своихъ предпріятіяхъ, а не соучастниковъ
въ управленіи. Хотя религія, кажешся,

(*) Слово Инка имѣетъ два различныхъ зна-
менованія, и означаетъ или царя, или
всѣхъ тѣхъ, которые происходятъ отъ
царской крови. *Abrégé de l'histoire générale
des voyages, par De la Harpe. Paris, 1780!*
Т. XII, р. 116. Примѣт. Перев.

была главною причиною и душею воинскихъ предпріятій Инковъ; однако жъ они не строго держались обрядовъ и шерпльмъ богослуженіе покоренныхъ народовъ, когда оно не совершенно прошивно было религіи, ими проповѣдуемой. Они спарались предупреждать всегда несогласія, производимыя сектами, кои разрушаютъ общественное спокойствіе, и никогда не проливали крови за религію. Вира-Коха показалъ примѣръ шерпимоспи, когда онъ созвалъ духовный совѣтъ и далъ позволеніе жителямъ Лимы имѣть у себя славнаго по своему прорицанію идола и самъ почтилъ его жертвоприношеніями. Онъ требовалъ только, чтобы подданные его воздавали поклоненіе солнцу и признавали попомковъ его истинными своими царями.

Инки имѣли уваженіе и къ законамъ покоренныхъ земель. Они даже оставили въ прежнихъ должностяхъ *Куракасовъ*, или предводителей побѣжденныхъ народовъ, съ шѣмъ, чтобы они повиновались тому Инкѣ, который управлялъ областію, имѣя подчиненною. Но въ то же время содержали

у себя дѣтей сихъ Куракасковь, подъ предлогомъ особливаго уваженія, хотя они были не что иное, какъ заложники. Дѣтисин, воспитанныя во дворцѣ, съ самаго младенчества присирашьясь къ Инкамъ, принимали нечувствительно новыя мысли, новыя правила и нравы, совершенно пропивныя шѣмъ, какіе бы они имѣли, ежели бы воспитаны были среди своего семейства. Они были отчасти подобны шѣмъ кушарникамъ, кошорые искусная рука бопаника, вырывая изъ полей, пересаживаетъ на другую землю. Вытви сихъ молодыхъ растений превращаются въ корни, а корни покрываются листьями. Такимъ образомъ Инки, оставя покореннымъ народамъ нѣкоторую шѣнь свободы, опняли у нихъ всѣ средства къ возмущенію: въ семь то состояла величайшая шайна и римской полицики.

Инки показали еще и шѣмъ искусство свое въ управленіи государства, что заводили въ покоренныхъ земляхъ колоніи, сооружали шамъ крѣпоспи, строили храмы, водопроводы и дороги. Но

они болѣе всего старались, чтобы находящіеся подъ властію ихъ народы говорили тѣмъ же языкомъ, кошорый употреблялся въ столицѣ. Они знали, что общій языкъ есть вѣрнѣйшее средство къ соединенію людей. Мы привыкли смѣшивать знаки вещей съ самыми вещами, и, кажется, смопримъ на предметы тѣми же глазами, какъ и другіе, когда выражаемъ ихъ одними и тѣми же словами. Пахакушекъ, одинъ изъ великихъ царей у Инковъ (*), велѣлъ употреблять только одинъ языкъ, кошорымъ говорили въ городѣ Куско (**). Вильгельмъ-завоеватель

(*) Пахакушекъ былъ прозванъ Перуанцами образователемъ. Онъ ввелъ въ обычай считатьъ годъ съ декабря вмѣсто генваря.
Примѣ. Перев.

(**) Языкъ, кошорымъ говорили въ городѣ Куско, былъ, по свидѣтельству Гарцилассо делла Веги, образованъ поэтами и философами. Сей авторъ пишетъ также, что перуанскіе поэты сочиняли драмы, въ кошорыхъ представляли знаменитые подвиги своихъ умершихъ царей.
Примѣ. Перев.

послалъ норманскихъ монаховъ во всѣ монашныри Англии и обнародовалъ свои законы на французскомъ языкѣ, ошъ котораго и до сихъ поръ оспалось много словъ, упошребительныхъ въ судопроизводствѣ. Пахакушекъ почти такимъ же образомъ поступалъ: онъ ошправиль во всѣ обласпи своего государсшва училшелей, которые должны были научить его подданныхъ языку столицы и также научить ихъ, какъ упошреблять *Квицы* (*);

(*) *Квицы* (Quiroz), или узлы различныхъ цвѣшовъ, которые Перуанцы дѣлали на веревочкахъ, и которые починають и споряки, любилшели всего чудеснаго, лѣшодисями государсшва, замѣняли, но весьма недоспашочно, письмена. Судя по тому шемному описанію, которое о нихъ оспавиль Акосшо (*Histoire naturelle et morale des Indes tant orientales qu' occidentales. Paris, 1600. Lib. VI, с. 8.* Смощри также *Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ, Бросса. С. П. б. 1821. Ч. I, стр. 278*) и которое Гарцилассо дѣлла Вега повшориль почти слово въ слово; можно заключить, что *Квицы* изобрѣшены были единашшвей-

или сіи узлы, которые различными цвѣтами и особеннымъ разположеніемъ нитокъ выражали у Перуанцевъ мысли и замѣняли буквы. Сколь важно было сіе повелѣніе Пахакушека, столь жестоко и наказаніе за нарушеніе онаго. Ослушниковъ исключали изъ государственной службы: наказаніе строгое и болѣе жестокое, нежели изобрѣшенное императоромъ Юліаномъ противъ христіанъ.

но для того, чтобы скорѣе и вѣрнѣе дѣлать выкладки. Различные цвѣты служили для означенія предметовъ, и каждый узелъ показывалъ особенное число. Посредствомъ сего вели они родъ реэспра о числѣ жилищей каждой области и о различныхъ произрашеніяхъ, собираемыхъ для общественной надобности. Но какъ сіи узлы, не смотря, что они были довольно разнообразны и многосложны, не выражали ни одного опвлеченнаго понятія, никакого качества, никакой мысли, то и не могли сохранить въ памяти минувшихъ происшествій, или древнихъ постановленій. Героглифы, или символы Мексиканцевъ, сколь ни грубы, но были способнѣе для употребленія, нежели Кви-

Но то, что наиболее служило къ ушверженію и приведенію въ цвѣтущее состояніе государсшва, заключалось въ ихъ дисциплинѣ. Они во всякое время могли вести войну. Малѣйшее опущеніе по службѣ наказывалось безъ ошлагательсшва. Дѣла Ияковъ, прежде всшупленія въ

ны Перуанцевъ, сполько превозносимыя. Хотя бы они могли опчаснш замѣнить недосшатокъ письменъ, и тогда бы не лзя было ничего изъ нихъ извлечь, потому что они всѣ испреблены вмѣстѣ съ памятниками художесшва Перуанцевъ во время покоренія ихъ и послѣ въ междуособныхъ войнахъ. *Histoire de l'Amérique par Robertson. T V, p. 76.* Г. Броссѣ (*Разсужденіе о механической составѣ языковъ. Ч. I, стр. 287*) говоритъ: есть признакъ, что сей спранный образъ письма Квидами былъ извѣстенъ Египтянамъ и Кишайцамъ въ самой опдаленной древности. Еще можно, кажется, примѣнить нѣчто похожее на такія сученія нитки и завязанные узлы между рѣзбою на обелискахъ. *Дриль. Перев.*

войское достоинство, подвергались тяжкимъ испытаніямъ въ борьбѣ, въ управленіи оружія, въ бѣганіи, въ искусствѣ оборонять и нападать на крѣпости. Безъ сомнѣнія, войско Инковъ было хорошо обучено: они во всѣхъ своихъ завоеваніяхъ не имѣли болѣе пятидесяти, или шестидесяти тысячъ чело-вѣкъ подъ оружіемъ. Они вели вѣрный списокъ о числѣ жителей государства: каждое сословіе гражданъ раздѣлялось на многіе малые разряды, подчиненные особенному начальнику. Время мира для нихъ не что иное было, какъ приготовленіе къ войнѣ. Того только дѣлали начальникомъ, кто научился повиноваться.

Послѣ сихъ учрежденій, столь полезныхъ для войска и для прочихъ состояній государства, учрежденій, которыя могутъ равняться съ самыми лучшими въ Европѣ, любопытно узнать, какія мѣры принимали Инки, чтобъ науки процвѣтали въ ихъ государствѣ. Но мы удивимся, когда узнаемъ, что они старались останавливать успѣхи и разро-сширеніе просвѣщенія между народомъ.

Кажется, они предусмотрѣли, что науки, содѣлавшись слишкомъ извѣстными, спавныяся вредными, и могутъ причинить шѣ безпокойства и безпорядокъ, которые шеперь господствуютъ въ Европѣ во всѣхъ шѣхъ странахъ, гдѣ науки наиболѣе были въ уваженіи. Часто самаго низкаго состоянія люди, возгордаясь своимъ умомъ и своею ученостію, осмѣливаются изслѣдовать важнѣйшіе предметы, на коихъ покоишся основаніе государства. Опъ сихъ философическихъ умствованій производишъ, что люди не хомяшъ повиноваться законамъ и уважать шого, что необходимо для блага общества. Обыкновенно люди переспаюшъ бышъ добрыми, когда ученые начинаютъ пользоваться уваженіемъ. Мало находится шакихъ людей, которые не желали бы, чшобы съ большею частію книгъ, коими мы шолько наводнены, и особенно съ шѣми, которыя шолько что разспраиваюшъ умъ, случилось шо же, что произошло съ александрийскою библіотечкой при Омарѣ: и я не думаю, чшобъ можно было поступить благоразумнѣ шого,

какъ поступилъ сей не ученый, но умный завоеватель. Инки запресли народу упражняться въ наукахъ. Когда же они хотѣли сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія, то предписывали сіе законами, которые были какъ гласъ самихъ небесъ, и потому никто не смѣлъ ни ожидать, ни отвергать ихъ (*). Государи сіи хотѣли, чтобъ добродѣтель существовала въ сердцахъ народа, а не на словахъ. Они позволяли своимъ подданнымъ занимать-ся только механическими искусствами. Упражнения сего рода приучаютъ человѣка къ трудамъ, дѣлаютъ его сильнымъ и полезнымъ обществу и искореняютъ въ немъ всѣ злыя покусенія противу государства. И для того Инки употребляли большое стараніе, чтобъ достигчь совершенно своей цѣли. Жившіе нѣсколь-

(*) Законъ долженъ быть, сколь возможно, кратокъ, чтобъ удобнѣе его сохраняли въ памяти и просполюдимы; надлежитъ, чтобъ онъ былъ какъ гласъ снисшедшій съ неба: повелѣвалъ, а не умствовалъ.
Сенека, писемо 94.

ко времени въ Америкѣ могли видѣть, въ какомъ усыпленіи находились у Перуанцевъ душевныя способности, и узнали, какое дѣйствіе могутъ произвести заканы. Кто бы подумалъ, чѣмъ сей народъ не уступалъ самимъ остроумнымъ и самымъ просвѣщеннымъ народамъ? Первое изъ всѣхъ искусствъ, земледѣліе, на коемъ Римляне основали свое государство и коему одолжены Англичане обширною своею торговлею и своимъ могуществомъ, было въ великомъ уваженіи у Перуанцевъ. Самые цари подавали къ тому примѣръ. Въ извѣстный день года они пахали землю золошымъ плугомъ, который сохранялся, какъ священное орудіе съ благоговѣніемъ (*). Они прилагали большое попеченіе объ орошеній земли, отъ чего разпроспранялось плодородіе. Перуанцы въ семъ случаѣ не уступали ни Персіянамъ, у которыхъ главный начальникъ надъ вода-

(*) У Перуанцевъ произведеніе земли собиралось въ *Талбоси*, или общеспвенные магазейны, чѣмъ во время неурожая не шѣрдѣть голода. *Прим. Черев.*

ными сообщениями былъ въ числѣ первыхъ вельможъ государства, ни Маврамъ, копорыхъ прекрасныя учрежденія въ семь родъ и донынѣ еще существующи въ Испаніи.

Что касается до государственныхъ строеній въ Перу, какъ то: крѣпостей, мостовъ (*), каналовъ, большихъ дорогъ, проспіравшихся по всему государству, то о красотѣ, великолѣпніи и хорошемъ устройствѣ иныхъ можно судить по остаткамъ прекрасныхъ развалинъ, и теперь еще видимыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ были срисованы тѣми учеными, которые предпринимали путешествіе въ сію спра-

(*) Вислѣіе на канатахъ мосты, прикрѣпляемые надъ концами того пространства, чрезъ которое по нимъ нужно переправляться, не составляютъ новаго изобрѣшенія. Когда Европейцы пристали въ Перу, то они нашли тамъ подобныя мосты, повѣшенныя на канатахъ, сдѣланныхъ изъ распилельныхъ шнуровъ. *Указатель открытій по физикѣ, химіи и пр., изд. Щеглова и др. С. П. б. 1824. N VI, стр. 915. Перев.*

ру, для опредѣленія фигуры земли (*).
 Сии рисунки могутъ дать понятіе, до ка-
 каго совершенства доспигли искусства у
 того народа, который мы презираемъ и о
 коемъ мало знаемъ.

Изъ всѣхъ прочихъ народовъ, копо-
 рые, такъ сказать, находящяся внѣ наше-
 го свѣта, мы привыкли особенно предпо-
 читашъ Кипайцевъ, оипъ того, можешъ
 бытъ, что производимъ съ ними торговлю;
 и, по издѣліямъ ихъ, вошедшимъ, у насъ въ
 употребленіе, мы воображаемъ, что ника-
 кой народъ въ свѣтѣ не можешъ сравнить-
 ся съ Кипайцами, которые единствен-
 но упражняются въ искусствахъ, при-
 личныхъ мирному времени. Мы удивляемъ
 ихъ законамъ и нравамъ, копо;ымъ по-
 корились даже побѣдители Кипая; и между
 нашими учеными Кипайцы имѣюшъ ша-

(*) Авторъ разумѣешъ здѣсь французскихъ а-
 кадемиковъ: Година, Бугуера и Кондами-
 на, копорые въ 1735 году предпринимали
 путешесствіе въ Перу для измѣренія ме-
 ридіана и опредѣленія фигуры земли.
Прим. Мервс.

кихъ же ревностныхъ почишателей, какъ Греки и Римляне.

Но впрочемъ, ежели съ одной спорной разсмотримъ, что Кипайцы имѣли уже въ самой отдаленной древности обсерваторіи, а не умѣли сочинить календаръ; знали порохъ, а не употребляли пушекъ; задолго до нашего времени изобрѣли компасъ, имѣя все ма поверхностное понятіе о мореплаваніи; что они одолжены Европейцамъ искусствомъ укрѣплять посредствомъ плотинъ каналы, которые прорышы были въ семь государствъ для удобности торговли; если, говорю я, разсматривать все сіи предметы только съ сей одной стороны, а съ другой сообразить, что Перуанцы безъ малѣйшаго понятія о механикѣ, не имѣя у себя машинъ, облегчающихъ наши работы, и, не зная употребленія желѣза, соорудили такія строенія, которыя по своей чрезвычайной величинѣ и великолѣпію не уступаютъ ни римскимъ, ни даже египетскимъ зданіямъ (*): то я

(*) Смолри: *Les Essais de Montaigne, Liv. III; chap. 6. Des Coches.*

не знаю, кому отдашь преимущество, Кистаицамъ, или Перуанцамъ.

Въ крѣпости Куско находяцца каменныя, длиною болѣе 40 фушовъ, доставленныя шуда изъ довольно отдаленной стороны. Обыкновенно считаютъ около 400 миль отъ Куско до Туминампа, и дорога сія весьма затруднительна для проѣзда; не смотря на сіе, изъ Туминампа доставляли очень огромные камни для сооруженія храма солнца.

Однако жъ должно припомъ признаться, что ежели сравнишь однихъ съ другими (Индѣйцевъ различныхъ странъ) по тому увеличенному описанію, которое о нихъ сдѣлали нѣкоторые историки; то не повѣришь собственнымъ своимъ глазамъ: все то, что рассказываютъ намъ объ ихъ собственности, о различныхъ учрежденіяхъ, законахъ, полиціи, сановицяхъ невѣроятнымъ. Если бы можно опровергнуть свидѣтельство шакаго большаго числа достойныхъ уваженія писателей, и ежели бы не существовало, кромѣ сего, множества памятниковъ, доказывающихъ, что не должно судить о древнемъ сословіи сихъ народовъ по нынѣ

Особенно пошому можно почишати Перуанцевъ выше всѣхъ народовъ, что

шлему ихъ положенію; шо никакъ не лзя бы вообразить, что могли они поспроить сія сѣны храма солнцу, котораго развалины и до сихъ поръ существують въ Куско. Сѣны сія воздвигнушы изъ камней, имѣющихъ ошъ пятнадцати до шестнадцати футовъ въ поперешникѣ, и которые хопя грубы и не обдѣланы, но столь искусно укрѣплены одни съ другими, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго промежутка. Мы видѣли множество развалинъ сихъ зданій, тамошними жипелями называемыхъ *Тамбосами*. Сѣны ихъ по большой часи выведены изъ камней, похожихъ на гранитъ, и сія камни, разрубленные на часи, кажупся какъ бы одинъ къ другому подобранными: столь соединіе ихъ правильно. Еще и нынѣ замѣтно въ одномъ изъ сихъ Тамбосовъ нѣсколько украшеній, предспавляющихъ звѣриныя головы, у коихъ ноздри продернупы кольцами, или цѣпами подвижными, не смошри, что онѣ сдѣланы изъ того же самага камня. Всѣ сія зданія разположены были вдоль той прекрасной дороги, которая проведена была чрезъ Кордельерскія горы

они учредили въ государствѣ мудрыя заведенія, относительно воспитанія дѣшей, споль важнаго для общаго и частнаго блага. Нельзя вообразить себѣ всей пользы, произпекающей отъ воспитанія, которое изъ народа дѣлаеть все, чего желаетъ законодатель; потому что воспитаніе творить храбрыми самыхъ малодушныхъ, даеть силу слабымъ и дѣлаеть добродѣтельными самыхъ развратныхъ. Воспитаніе можешь произвестъ надъ человѣкомъ поже самое дѣйствіе, какое химія надъ желѣзомъ, дѣлая его болѣе швердымъ, упругимъ и блестящимъ, шо естъ, оно доспавляетъ ему шѣ качества, копорыхъ прежде не было, и шакимъ образомъ изъ одного мешалла, ежели мнѣ позволяющѣ

отъ Куско до Квишо и далѣе, и имѣла почти 400 миль проспраншва, и копорой намъ часто случалось ѣхать. M. Bouguer *Figure de la Terre. Relat. abrégé du voyage etc. Art 5.* Смощри шакже: *Memoire de M. de la Condamine sur quelques anciens monumens du Pérou du tems des Incas dans le vol. I de l'Academie de Berlin pour 1746.*

тѣмъ выразишь ся, производишь другой. Ликургъ весьма ясно предсказавилъ сію истину. Однажды привелъ онъ въ собраніе Лакедемонянъ двухъ собакъ совсѣмъ различнаго свойства: одна была дворовая; другая дикая; одна бросалась съ жадностію на лакомые куски, кошорые ей кидали, другая даже ихъ не обнюхивала и бросалась только на одну дичину, кошорую она сама доставала съ большимъ трудомъ; Зрители изумились при семъ явленіи; Знайше, сказалъ Ликургъ, что сіи двѣ собаки не только одной мащери, но даже и близнецы; различныя же свойства, кошорыя вы въ нихъ видите, производящъ единственно ошъ воспитанія; какое я имъ далъ:

Одинъ славный писатель замѣшилъ; что весьма не много шакихъ городовъ, гдѣ бы не было нѣсколько семействъ, отличающихся ошъ другихъ особенными характеристическими чертами и особенными поступками; кошорые только однимъ имъ свойственны. Сіе различіе производящъ не ошъ родства, не ошъ браковъ, но ошъ воспитанія; кошорое въ каждомъ се-

мействѣ дается почти одинаковымъ образомъ. Опъ самаго нѣжнаго дѣшства ребенокъ научается охуждать, или хвалишь каждый предметъ, что производить въ немъ сильное впечатлѣніе, которое никогда не изглаживается, и становится правиломъ, опъ котораго онъ въ продолженіе всей своей жизни не опсшупаетъ. Вотъ, опъ чего въ Римѣ Манліи всегда жестоки и непреклонны, Публиколы кропки и любимы народомъ, Анніи честолюбивы и ненавидимы.

Испину сію могутъ подтвердить не только древніе, но и новѣйшіе примѣры. Строгое воспитаніе сдѣлало въ Японіи то, что она населена народомъ кропкимъ и равнодушнымъ къ самымъ великимъ бѣдствіямъ, населена почти совершенными споиками. Прежде заселенія Европейцами сѣверной Америки не трудно было сослѣвить шамъ войско изъ Сцеволь и Регуловъ, и опъ одного только воспитанія происходитъ, что Порціи споль рѣдки на Коромандельскомъ берегу.

Инки лучше всѣхъ законодательей знали, какую силу имѣетъ привычка надъ

нашимъ умомъ и надъ нашимъ характеромъ, и потому они почиали воспитаніе самымъ важнымъ дѣломъ въ государствѣ; Чѣмобъ имѣли вѣрное понятіе о законахъ, изданныхъ Инками по сей части, довольно сказаши, что когда юноща учинилъ какой нибудь проступокъ, то его за сіе слегка наказывали, ошца же его наказывали строго за то, что онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ не старался внушити своему сыну любви къ добродѣтели. Конечно не къ иному чему можно ошнесши худое поведеніе и пороки дѣтей, какъ къ безпечности и большой снисходительности родителей. Инки сами собою постигли сію важную истину, которая столю хорошо объяснена Векрномъ. Сей мудрецъ, давшій законы во всѣхъ наукахъ, сказаъ, что большая часть государствъ не имѣла бы надобности издавати никакого множества законовъ для преобразования людей; ежели бы заблаговременно старались образовати нравственность дѣтей. На сіе болѣе всего Перуанцы обращали вниманіе, и въ семъ случаѣ они раздѣляютъ равную славу съ древними Персами;

которыхъ исторія воспитанія почитається философическимъ романомъ (*).

Испинно счастливыми могутъ называться иѣ народы, у коихъ государи мудры, правосудны, умѣють своихъ подданныхъ направити шуда, куда желаюшь, и болѣе на нихъ дѣйствуютъ примѣрами, нежели законами. Сія мудрость и сія доброта, драгоцѣнный даръ, какимъ небо немногихъ награждаетъ, казалось, была наследственною добродѣтелью Инковъ. Изъ шринадцати государей, управлявшихъ перуанскимъ государствомъ, только одинъ Апупалпа, послѣдній изъ нихъ, былъ, по словамъ Гарциласса делья Веги, вторымъ Калигулою, кошорый, кажется, старался уничтожити всѣ благія учрежденія своихъ предшественниковъ. Изъ двѣнадцати Инковъ, прежде него бывшихъ, почти всѣ были подобны

(*) По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ и шакже Цицерона, Киропедія Ксенофона есть философическій романъ. *Прим. Переводъ.*

Траянъ, превосходнѣйшему изъ государей, подѣ управленіемъ котораго римская имперія сколько же была счастлива, сколько и знаменита, кошөрый, кажется, для шого сколько родился, чшобѣ доставить славу человѣческому роду и быть на землѣ изображеніемъ самаго божества (*). Перу, въ продолженіе болѣе двухъ сотъ лѣтъ, наслаждалась испиннымъ золотымъ вѣкомъ, не вымышленнымъ, не поэпическимъ. И какъ не благоденствовать шому государству, гдѣ цари имѣли въ рукахъ своихъ всю власть, и гдѣ подданные безъ прекословія исполняли всѣ ихъ повелѣнія, гдѣ принимали самыя благоразумныя мѣры прошивъ праздности, ослабляющей государство, прошивъ распросраненія расколовъ, нарушающихъ его спокойствіе, прошивъ междоусобной войны, низвергающей имперіи, гдѣ религія и законы находились подѣ защитною оружія, и гдѣ нако-

(*) Человѣку наиболѣе свойственно воздавать почести человѣческой природѣ и почитать ее божественною. *Монтескѣй.*

дѣцъ успѣли соединить совершенное повиновеніе со всеобщимъ благоденствіемъ (*). Испинная полишика существовала только у Инковъ въ Перу и у Езуитовъ въ тѣхъ миссіяхъ, которыя они основали въ Парагваѣ, области сосѣдственной съ Перу (**).

(*) Единственная цѣль полишики состоятъ въ томъ, чтобы соединить совершенную подчиненность съ совершеннымъ довольствомъ народа. *An account of the European settlements in America. Vol. I. Paraguay.*

(**) Езуиты, бывшіе миссіонерами въ Перу, узнавъ, какимъ образомъ Инки управляли своею имперіею и производили свои заповѣданія, взяли ихъ себѣ образцомъ въ исполненіи важнаго своего намѣренія просвѣщать дикихъ. Они въ срединѣ XVIII столѣтія, испросивъ у испанскаго правительства плодотворнѣйшіе и прекраснѣйшіе округи области Парагвая, поселили въ нихъ около 50 семействъ изъ тамошнихъ дикихъ народовъ и посредствомъ ихъ основали то правленіе, которое чрезъ сто лѣтъ столь было велико и сильно, что могло съ двумя европейскими державами въ продолженіе нѣкотораго времени вести войну. Около сего времени,

Но какъ возможно, возразашъ мнѣ нѣкошорые, чѣтобъ горшѣ Испанцевъ могла въ споль корошкое время покоришѣ сіе обширное царство, управляемое такими мудрыми законами? Вонервыхъ весьма еспешственно, чѣто народы, не имѣвшіе понятія о мореплаваніи, были приведены въ ужась, увидя новыхъ людей, кошорые, казалось, прилетѣли къ нимъ по морю (*); вовшорыхъ громъ изъ нашихъ

до собраннымъ свѣдѣніямъ объ езуитской мовархіи, найдена была земля обрабошанная и по крайней мѣрѣ населенная до 300.000 семействъ, въ шакомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находились пустыя степи. Всюду господствовало совершенное благоустройство и неограниченная подчиненность. Всѣ миссіи вообще были въ сосполніи выспаши въ поле въ нужномъ случаѣ 60.000 человекъ войска и вооружены ихъ всѣмъ потребнымъ къ защищенію. *Примѣт.*
Перевод.

(*) Неизвѣстно, какое преданіе (кошорое однако могло бышѣ выдуманно послѣ событія) произвело предчувствование въ Седомцигѣ, Перу и въ нѣкошорыхъ ча-

огнестрѣльныхъ орудій казался имъ молнею, а всадники кеншаврами. Сіе произвело въ Индѣйцахъ ужасъ, несравненно сильнѣе того, какой нѣкогда произвели въ Галлахъ окопы и военныя машины Римлянъ, копорые сперва изумили ихъ, потомъ привели въ рабство. Но никогда, можешь быть, Испанцы не успѣли бы овладѣть Америкою, или покрайней мѣрѣ такъ легко, ежели бы имъ не благоприятствовало счастіе. Слѣпой случай сдѣлалъ то, что Кортесъ нашелъ на мексиканскомъ престолѣ Монтезуму, государя слабаго и нерѣшительнаго, копорый далъ замѣтишь Испанцамъ, что онъ не довѣряеть имъ, но не принималъ никакихъ средствъ противъ своихъ непріятелей, и что Пизарро прибылъ тогда въ Перу, ко-

сплахъ сѣверной Америки, что придутъ студа иноземцы, которые разрушатъ сію несчастную землю, и что искорениши сіи должны прибыть съ восточной стороны. *Философ и полит. исторія обѣихъ Индій, соч. Реймалла. Ч. III, стр. 36. Прилѣт. Перев.*

гда шамъ въ первый разъ свирѣпствова-
 ла междоусобная война, и когда Перу у-
 правляема была Апуаллою, котораго
 лучшая и большая часть народа презира-
 ла, и которъ въ самое короткое время
 уничтожилъ все то, что добродѣтель и
 мудрость новаго свѣта могли сдѣлать
 самаго лучшаго въ продолженіе двухъ
 вѣковъ.

А. Р.



Л И Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

П Е С Т Ъ (*).

20 Апрѣля, 1810.

Рано поуспру, когда коляска спояла у крыльца и я гошовъ былъ слѣдовать за колонною къ слѣдующей станціи, баронъ Шлипенбахъ вбѣжалъ въ мою комнату и опъ поспѣшности. прерывисто вскричалъ: вообрази себѣ мою радость! Капишанъ посылаетъ меня въ Буду къ фельдмаршалу Ольвинци съ донесеніемъ о скоромъ прибытіи нашей колонны въ сей городъ. Поѣдемъ вмѣстѣ, продолжалъ баронъ; шамошнія горячія минеральныя

(*). Изъ рукописи, подъ названіемъ: Пущест-
ствіе опъ Тріеса до С. п. бурга. 2

воды могутъ быть полезными для своей
раны. Я расположился было ѣхать туда
изъ Тешино, въ $1\frac{1}{2}$ н. миляхъ отъ сей сплю-
щцы находящейся, но вошь, сѣвши съ ба-
рономъ въ свою коляску, догоняю на до-
рогѣ капитана, получаю отъ него позво-
леніе остаться шамъ, сколько мнѣ угодно,
и доброю рысью по гладкой дорогѣ ѣду
прямо въ Пестъ.

Въ Маріони-Вазарь, къ удовольствію
моему, заспалъ еще офицеровъ, къ шрепъ-
ей колоннѣ принадлежащихъ, и брата мо-
его А. О. Левшина. Пока накрыва-
ли споль въ жидовской корчмѣ, мы съ
нимъ пошли въ прекрасный садъ помѣ-
щика, наговорились, пообѣдали и раз-
спались. Въ Тешинѣ, гдѣ шрепъей колон-
нѣ назначенъ ночлегъ, только перемѣни-
ли лошадей и пустились далѣе. Съ непер-
внѣемъ смотрѣлъ я впередъ, желая ско-
рѣе увидѣть городъ. Дорога шла на взво-
локъ. Что это, спросилъ я у извозчика,
указывая на шестъ, на коемъ нѣчто вершѣ-
лось. Это, сударь, Дунай, отвѣчалъ онъ.
„Дунай“ вскрикнули мы съ товарищемъ,
поднявшись на ноги. Давно не видавши

Большихъ рѣкъ, я приказалъ извощику
 ѣхать скорѣе и остановишься наминушу
 на берегу. Едва вѣхали мы на пригорокъ,
 какъ величественный Дунай открылся съ
 плывшими на немъ барками. Проворно
 оборачиваясь, то направо, то налево, при-
 спально смошрѣлъ я на желтоватый его
 струи, тихо текущія по равнинѣ. Да раз-
 вѣ вы не видали, сударь, нашего Дуная;
 спросилъ съ недоумѣвающимъ видомъ из-
 вощикъ. Нѣтъ не видаль, ошвѣчалъ я. И
 въ Песнѣ не бывали? Нѣтъ, не бываль.
 Такъ поѣдемъ-те; городъ недалеко. Мы по-
 воротили налево, и поскакали по берегу
 вверхъ противу теченія.

Вотъ и Буда, сказалъ извощикъ, дви-
 жениемъ головы показывая на вышину,
 на коей едва примѣшны были бѣлыя стѣ-
 ны домовъ. Голубоватый шуманъ, носив-
 шійся по обѣ стороны Дуная, означалъ
 мѣсто города. Наконецъ дорога спѣсня-
 ется съ лѣвой стороны опшвѣсною гли-
 нистою скалою, которая скрыла опъ насъ
 солнце, и мы вѣхали въ столицу Вен-
 грии, какъ бы въ деревню, узкою грязною

улицею. Низкіе бѣдные домики съ одной стороны, построены на самомъ берегу рѣки, и пещеры, высѣченныя въ горѣ съ другой, составляютъ неопрышную жидовскую улицу, которая тянулась вдоль берега до моста около пяти верстѣ. Мы приказали везти себя въ лучшій шрапирь; извозчикъ повернулъ на мостъ, длиною около 400 сажень. Барону казалось, что Нева не уже Дунай, мнѣ же, что Дунай претѣею, или четвертою частью шире Невы. Видъ съ моста самый поразительный: быстрыя воды Дуная, протекающія отъ Донауверта до Килии, свидѣтели столькихъ кровопролитныхъ битвъ и кладбище нѣсколькихъ тысячъ воиновъ; текутъ здѣсь въ широкихъ берегахъ. На правой сторонѣ возвышается крутая гора, увѣчанная высокими зданіями, окруженными укрѣпленіями; сады, украшающіе скалы горы, кажутся, висящъ надъ водою; часовъ Буды опдѣльно отъ крѣпости расположена по зеленому возвышенію; берегъ на пространствѣ 12, или 15 верстѣ усѣянъ маленькими чисными домиками. Предъ крѣпо-

вѣтлю видны два острова, освѣщенные рѣ-
щами и украшенные бесѣдками; прошив-
ный ошлогій берегъ представляеть ог-
ромныя спроенїя въ новомъ вкусѣ; близъ
него, выше и ниже моста, стоятъ пя-
телю нагруженныя барки, на мачтахъ ко-
ихъ развѣваются разноцвѣтныя флаги
и фюгера. Иныя плывутъ по теченію,
другія на бичевѣ лошадьми идутъ вверхъ.
Прибавь къ сему, любезный другъ;
стукъ оръ карешъ, кашающихся по мосту;
безпрерывное взадъ и впередъ движеніе
безчисленнаго народа, и ты будешь и-
мѣшь только слабый списокъ пышной сей
картины:

Провѣхавъ вѣсколько прекрасныхъ у-
лицъ, остановились мы на площади у прак-
шира подъ вывѣскою, изображающею Рай
(Адамъ, въ своемъ Раю, конечно ни за
что не плашиль; но въ Раю), въ кошоромъ
дали намъ двѣ комяшы во споромъ эта-
жѣ и подали чай на серебряномъ подно-
сѣ въ богатомъ фарфоровомъ сервизѣ, ка-
ждый почти шагъ споишь гульдена. Ве-
черъ былъ прекрасенъ. Переодѣвшись, по-
шли мы гуляшь на набережную, гдѣ мель-

кали бѣлыя плашья прелестныхъ женщ-
 щинъ, и дымъ ошъ сопень прубокъ воз-
 носился къ облакамъ. Любопытная толпа
 преслѣдовала насъ повсюду. Наскучивъ взо-
 рами, на насъ успремленными, вошли мы
 въ кофейный домъ, прошиву моста нахо-
 дящійся. Тутъ шакое сборище, что мы
 едва могли пройши первыя двѣ залы, и въ
 небольшой комнашъ, великолѣдно мебели-
 рованной, велѣли подашъ себѣ шаколаду.
 Лучшаго кофейнаго дома нельзя себѣ
 предспавишъ. Кромѣ шрехъ билиардныхъ
 и одной обширной споловой, еще болѣе
 десяши комнашъ убрано и разписано
 со вкусомъ и богашо. Здѣсь шакже, какъ
 и въ Ишалии, молодые люди, можно ска-
 зашъ, живущъ въ шракширахъ. Всечеру
 послѣ прогулки ошдыхаетшъ и ужинаетшъ
 лучшее общество; по ушрамъ графы и
 бароны куршизаняшъ молочницамъ и
 сельскимъ дѣвушкамъ, и спокойно безъ
 спѣси сидяшъ подлѣ парикмахера въ фар-
 шукѣ. Зубныя лѣкари, цирульники, маль-
 чики съ вѣничкомъ и шейкою въ рукахъ,
 и разнаго рода шарлатаны и обманщики
 съ поклономъ предлагающъ свои услуги.

30. Апрѣля поушру въ наемной каляскѣ повѣхали мы съ барономъ въ Буда къ фельдмаршалу Ольвинци съ порученіемъ отъ нашего начальника. Его Высочайшее предосходительство пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать. Оставшееся до двухъ часовъ время мы употребили на обзоръ крѣпости, дворца и города.

Буда, Нѣмцами называемая Оффеномъ, находится на правомъ берегу и вмѣстѣ съ Песомъ, расположеннымъ на лѣвомъ берегу Дуная, составляетъ весьма обширный городъ. Они раздѣляются только рѣкою, но почитаются особыми городами, въ коихъ число жителей простирается до пятидесяти тысячъ. Перѣхавши изъ Песа черезъ мостъ и поворота направо, видишь оплодую и широкую хорошо сдѣланную дорогу, по сторонамъ которой идутъ весьма покойныя лѣсшницы для пешеходовъ и ведутъ въ крѣпость, командуемую Дунаемъ и обоими городами. Она обнесена каменною невооруженною стѣною; ибо я нигдѣ не видалъ на ней пушекъ. Посреди крѣпости прекрасная площадь; обстроенная хорошими домами; принадѣ

лежащими богатыми господами. Предмѣ-
стїя, простирающіяся въ обѣ стороны отъ
крѣпости, отъ 12 до 15 верстѣ, располо-
жены вдоль Дуная и состоятъ изъ одной,
или двухъ паралельныхъ берегу рѣки
улицъ, пересѣкаемыхъ грязными площа-
дями. Здѣсь дома одно-этажныя и имѣютъ
не болѣе 7, или 9 оконъ въ фасадѣ, съ па-
лисадниками, или хорошо прибранными
огородами и цвѣтниками. Въ Будѣ живетъ
дворянство и служащіе чиновники. Дома,
занимаемые фельдмаршаломъ и комен-
дантомъ, лучшіе въ крѣпости, но кромѣ
чистоты не представляютъ ничего
особеннаго; дворецъ же и казармы отли-
чаются огромностію, величественною и
вмѣстѣ простою архитектурою.

Дворецъ теперь совершенно пустъ.
Эрцъ-Герцогъ Палатинъ, по смерти су-
руги своей, никогда въ немъ даже на вре-
мя не останавливался. У подъѣзда не бы-
ло часового; въ сѣняхъ встрѣшилъ насъ
швейцаръ, кошорый, узнавъ, что мы Рус-
скіе, тотчасъ привелъ къ намъ протопо-
па, живущаго здѣсь при гробницѣ Алек-
сандры Павловны: имя магическое для о-

божавшихъ ее Венгровъ. Даже теперь Нѣмцы не смѣютъ произнести его при добрыхъ папріошахъ. Но о семь послѣ. Насъ ввели прямо на половину Ея Высочества. Зеркала, мебели, фарфоръ, люстры и прочія убранства комнатъ, привезенныя изъ С. Петербурга въ числѣ приданого, цѣнятъ въ милліонъ рублей. Они стоятъ, на томъ самомъ мѣстѣ, какъ были при ея жизни. Печальный супругъ взялъ только миниатюрный порипрешъ. Изъ мебели особенно хрустальная кровать, столы и колонны Петербургскихъ фабрикъ достойны удивленія; но опсуштившею шой, которая была идоломъ Венгерской націи, которой красоша и благость уподобляли ее воплощенному ангелу, помрачало всю эту царскую пышность. На открытыхъ піано-фортахъ лежали рускія арии. Эрць-Герцогъ своею рукою замѣпилъ пѣсню: *Ахѣ, скучно мнѣ на гужой сторонѣ*, которую супруга его пѣла въ послѣдній разъ въ жизни. Простыя слова сей пѣсни, бытъ можетъ, согласныя съ чувствами души покойной, возбудили во мнѣ горестныя воспоминанія; я

вздыхнулъ, пролезилъ и зарыдалъ, когда, вошедши въ спальню, отецъ Николай, возведши глаза къ небу, показалъ рукою на кровать, на коей ангеламъ подобная скончалась, на коей надежда Венгрии, подобно свѣщильнику, угасла навсегда. Въ изголовьи пославленъ образъ; предъ нимъ лежишь молишвенникъ; раскрытый на мѣстѣ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ*. . . На табуретѣ у изголовья положено платье и обручальное кольцо.

Изъ оконъ дворца Дунай подъ ногами, Песчъ на другомъ берегу, какъ на блюдечкѣ. Островъ Маргариты, украшенный павильонами, составляетъ лучшее украшеніе рѣки и былъ любимымъ гуляньемъ публики. Но какъ островъ подаренъ былъ городомъ покойной королевы (такъ всѣ ее здѣсь называютъ); то по смерти ея запрещено ѣздить туда наслаждаться пріятными и въспѣ грустными для сердецъ Венгровъ воспоминаніями.

. Половина Эрцъ-Герцога наглухо замочена, а другія комнаты дворца мы сами ошказались осматривать. Въ одномъ

опдѣленіи нижняго эшажа хранятся королевскія регаліи, кошорыя, по крапкоспи времени, мнѣ не удалось видѣть. Они находяшся подѣ присмотромъ двухъ высшихъ чиновниковъ, рѣдко позволяющихъ видѣть ихъ иностранцамъ. Отець Николай, желая удовлетворити моему любопытству, доставилъ мнѣ записку, содержащую подробное ихъ описаніе. Я выписываю изъ нея только то, что показалось мнѣ достойнымъ своего, мой другъ, вниманія. Въ 1784 году императоръ Іосифъ II приказалъ перевезти корону изъ Песты въ В.ну. Но сія мѣра произвела споль великій ропотъ и неудовольствіе, что корону привезли обратно въ Буду въ 1790, гдѣ народъ вспрѣпилъ ее съ изъявленіями чрезмѣрной радости; городъ и предмѣстія были иллюминованы. Сія корона, въ 1800 году по Рож. Хр., была прислана опъ папы Сильвестра II первому королю Венгерскому Стефану и сдѣлана по образцу короны Греческихъ императоровъ: она изъ чистаго золота, вѣсомъ 9 маркъ и 3 унціи, украшена 53 сапфирами, 50 рубинами, однимъ большимъ изумрудомъ, и 338

жемчужинами. Кромѣ сихъ драгоценныхъ камней корона украшена образами апостоловъ и папирарховъ. Въспѣ съ нею папа подарилъ королю серебряный крестъ, копорый въ послѣдствіи времени присоединенъ былъ къ гербу Венгріи, и короли посему именовались: Его Апостольское Величество. Употребленіе сего шипла въ царствованіе императрицы Маріи Терезіи было возобновлено при коронаціи. Примасъ и канцлеръ Венгріи, архіепископъ Гранскій одинъ имѣеть право нести сію корону предъ королемъ. Скипетръ и держава также изъ арабскаго золота; порфира, какъ увѣряють, была сдѣлана руками королевы Гизели, супруги св. Стефана. Мечъ, обоюду острый, къ концу закругленъ какъ пика.

Казармы и военный гошпиталь-супъ замѣчательнѣйшія зданія въ крѣпости. Въ нихъ помѣщается до 4000 солдатъ. Они чисты какъ стекло и содержатся въ такомъ порядкѣ, что не возможно, кажется, бытъ лучше и въ самомъ богатомъ домѣ. Дежурный майоръ велитъ насъ по всѣмъ заламъ, по кухнямъ: вездѣ опрятность оди-

накова. Гошпишаль можно приняшь за образецъ. Солдаты получають весьма умеренное жалованье: по пяти крейцеровъ въ сушки и полтора фунша хлѣба; но начальство старается, чшобы въ свободное время они не были праздны. Каждый солдатъ вноситъ ошъ заработанныхъ денегъ нѣкоторую часшь въ артель, ошъ чего недоспапокъ положеннаго содержанія вознаграждается собственнымъ шрудомъ: артели богаты, солдаты вѣдшь хорошо и одѣшы чисто.

Фельдмаршалъ Ольвинци принялъ насъ очень вѣжливо и посадилъ подлѣ себя на диванѣ. Военные шруды и раны расшпростили его здоровье; онъ не шакъ шаръ, какъ дряхлѣ. Для поддержанія силъ ему предписана шрогая діета. Мнѣ сказывали, что его лѣчатъ страннымъ лѣкарствомъ: онъ пишаешся женскою грудью, и это одно поддерживаешъ его жизнь. Когда мы пошли въ споловую, фельдмаршалъ оштался въ гостинной; двѣ дамы, принадлежащія къ его семейству и два адъютанта, сосшавляли все общештво. Дамы расшрашивали насъ о многихъ слоихъ зна-

комыхъ въ Тріестѣ. По окончаніи обѣда, когда мы возвратились въ госпиную, фельдмаршалъ дожидаль насъ, опершись на кресла у дверей; мы подхвапили его подъ руки и помогли дойти до дивана, гдѣ, обложившись подушками, онъ опять посадилъ насъ подлѣ себя и приказаль подашъ вина и плодовъ. Съ полчаса времени спрашиваль онъ насъ о фельдмаршалѣ Михайлѣ Федотовичѣ Каменскомѣ, съ кошорымъ служилъ во вѣпорую шурецкую войну. Адьюпантъ подошедши показаль часы; фельдмаршалъ извинилсѣ, что ему приказывающъ ипши опдыхашъ; мы шакже скоро разкланялись, перѣхали въ Песшъ, надѣли фраки и пошли до вечера бродить по городу.

Песшъ населенъ купцами, Буда, какъ я сказаль, дворянами; шрудолюбіе первыхъ и праздность послѣднихъ не одинаковымъ образомъ принимаешся правительствомъ, а посему жилили сихъ двухъ городовъ живущъ въ несогласіи и сосшавляющъ два обществѣ, совершенно различныхъ мнѣній и образа жизни. Песшъ разположенъ правильными улицами вдоль Дуная:

главныя, раздѣляющія городъ паралельно рѣкѣ, обстроены прекрасными домами, нижніе этажи коихъ заняты лавками, большею частію съ желѣзными шоварами, магазины же со вкусомъ прибраны серебромъ, карпинами, шпашуями и стекломъ. Кофейные дома и пракширы, означенные вывѣсками, встрѣчаются почти на каждомъ шагу; словомъ, городъ повидимому производитъ значительную торговлю, а весь прибытокъ, какъ мнѣ сказывали, переходитъ въ руки дѣятельныхъ Жидовъ и Армянъ.

Изъ лучшихъ зданій въ Пестѣ замѣчанія достойны огромныя казармы, построенныя императоромъ Іосифомъ II, университетъ и городской госпиталь. Въ казармахъ прошедшаго 1809 года содержалось до 20,000 плѣнныхъ Французовъ. Проводникъ увѣрялъ меня, что послѣ Ваграмскаго сраженія болѣе 6000 труповъ проплыло внизъ по Дунаю, а опчаспи здѣсь похоронено. Во время наводненій Дунай причиняетъ большой вредъ льдомъ, который заноситъ въ улицы, портитъ дома и наполняетъ погреба водою, а нерѣдко и нижніе этажи. Удивляюсь,

почему, по примѣру Голландцевъ, не построена до сего времени плошина, издержки на построение которой безъ всякаго сомнѣнія замѣнили бы убытки, ежегодныя жилищами претерпѣваемые. Славянская соборная церковь весьма богата; прочія просны; лучшая же изъ церквей въ прошедшемъ году вмѣстѣ съ 40 домами истреблена пожаромъ.

Здѣсь два театра: находящійся въ Будѣ перестроенъ въ царствованіе Іосифа II изъ упраздненной церкви и очень хорошо расположенъ. Въ Песнѣ строится новый театръ, а старый, въ которой я заходилъ, малъ и не имѣетъ ложъ. Въ Будѣ представляются нѣмецкія піесы, въ Песнѣ національныя Венгерскія. Къ сожалѣнію я ни слова не понялъ въ представляемой піесѣ. Кромѣ того, что она принадлежитъ къ роду плаксивыхъ драмъ, въ коихъ нѣтъ ни истины, ни нравственности, я могъ замѣтить только то, что дамы очень пригожи, а молодые кавалеры не очень развязны. Дамы и вообще молодые люди слѣдуютъ французскимъ модамъ, шаррики же одѣваются повен-

герски и много шѣмъ въ наружности
выигрывающъ. Они имѣющъ важный во-
нвшвенный видъ.

Броневскій.



Д Е Н Ъ И З В О Щ И К А .

(Изъ Антенскаго Пустынника. Сот. Жци).

Loetus sorte tua vives sapienter.

Нор.

Топъ мудръ, кто счастливъ въ своей долѣ.

~~~~~

„ Не спрашноли, сказалъ мнѣ на дняхъ одинъ очень умный иностранецъ, что въ языкѣ вашемъ есть слова, имѣющія въ разговорѣ совершенно другое значеніе, нежели какое опредѣлено имъ въ словарь? Какъ можетъ топъ, кто не родился на берегахъ Сены, или Луары, угадать, что выраженія: *это человекъ свѣтскій, который видѣлъ свѣтъ, который знаетъ свѣтъ*, означающъ въ новомъ ихъ смыслѣ: это человекъ такой-то часликъ города, который никогда не выходилъ изъ

небольшаго круга, гдѣ онъ заключенъ обычаемъ, и которому извѣстна только частичка сословія, наименѣе многочисленнаго?" Иностранецъ былъ правъ; но онъ еще болѣе удивился, когда я сказала ему, что люди, употребляющіе эти выраженія, принимающъ ихъ въ точномъ смыслѣ и дѣйствительно думаютъ, что нѣтъ другаго *свѣта*, кромѣ того, въ которомъ они живутъ и который они собою составляютъ. Попытайтесь доказать имъ, что общество состоить изъ множества сословій, которыя всѣ, даже и самыя низшія, имѣютъ свой особенный видъ, свои нравы, свои обычаи, которыхъ разсмаприваніе и занимательно и полезно: они выслушаютъ васъ съ глубокимъ пренебреженіемъ и заключатъ изъ того, что вы не живете въ *свѣтѣ*. Давно уже въ этомъ отношеніи презрѣлъ я всѣ предразсудки *хорошаго тона*, и потому, если желаю узнать обитателей какаго нибудь дома, то разсмаприваю ихъ во всѣхъ эпизодахъ. Страсть все облагороживать, заставляющая избѣгать противоположной и подчинять всѣ предметы усло-

внымъ правиламъ, начинаешь спановишь-ся замѣтною даже въ художествѣхъ и словесности. Опасающа унизить рѣзецъ свой, перо, или кисть изображеніемъ простонародныхъ сценъ, и, употребляя во зло правило, что искусство должны подражать одной только изящной природѣ, впадаютъ въ другую крайность, дѣлаются неесипественными и принужденными. Хорошій вкусъ равно восхищается красошами споль различными Рафаэля и Теньера, спраданіями Ифигеніи и шупками Мольеровыхъ комедій. Художникъ, занимающійся изображеніемъ людей, долженъ украшашъ альбомъ свой портретами всѣхъ сословій; и шакъ какъ оригиналы для многихъ изъ нихъ онъ можешъ найши шолько на чердакахъ, на рынкахъ, или въ харчевняхъ, то шамъ онъ и долженъ срисовывашъ ихъ, не взирая на шо, что скажущъ *вд свѣтѣ*. Подобнымъ образомъ и хорошій акпёръ ходишъ въ собранія черни для того, чтобы лучше перенимашъ ухватки представляемыхъ имъ лицъ, ашаго сословія. Если живописецъ и акпёръ часшо имѣющъ нужду искашъ об-

разцевъ своихъ въ шинкахъ, по сочинитель романовъ, драматическій поэтъ и наблюдатель нравовъ также должны иногда посѣщать мѣста сіи для того, чтобы дѣлать такъ свои замѣчанія.

Эпо небольшое предисловіе было нужно для того, чтобы извинить въ глазахъ *сѣтскихъ* людей приключеніе, которое я намѣренъ рассказать. Въ прошедшій понедѣльникъ, гуляя въ *Саду Растеній* (*Jardin des Plantes*), я слишкомъ много ходилъ для лѣтъ моихъ, такъ что на возвращномъ пути почувствовалъ большую усталость. До дома было еще не близко, и потому, желая нанять фіакръ, повернулъ я въ улицу *Кальверскихъ-двѣдъ*, въ копорой, какъ мнѣ сказали, стоятъ извозчики. Въ самомъ дѣлѣ я нашель шамъ нѣсколько карешъ, копорыхъ лошади на свободѣ ѣли овесъ изъ мѣшковъ, привязанныхъ у нихъ на шеяхъ; но, пройдя весь рядъ съ начала до конца, я не встрѣпилъ ни одного извозчика. По счастью женщина, торгующая старымъ бѣльемъ, увидѣла изъ прилавка своего мое замѣщательство и ласково сказала мнѣ,

указывая на харчевню самой жалкой наружности: кучера, копорыхъ вы, сударь, ищите, обѣдаютъ шеперь въ этомъ пракирирь. Я вхожу туда, и, надѣясь сдѣлать въ этомъ мѣстѣ совершенно новыя наблюденія, поспѣшь рѣшаюсь, вмѣсто того, чтобы кликнуть извозчика, потребовавъ себя обѣдать. Не смотря на простую мою одежду, я обратилъ на себя вниманіе содержательницы харчевни, которая заставила меня два раза повторить, прежде, нежели пригласила меня *объ столовцю*, куда я вошелъ въ слѣдъ за служанкою, вооруженною огромнымъ мѣднымъ ополовникомъ, наполненнымъ жирною похлебкою, которая важно называлась бульёномъ. Въ пространной комнатѣ, которой стѣны изчерчены были углемъ, нашель я съ дюжину извозчиковъ, сидящихъ по обѣимъ сторонамъ за длиннымъ узкимъ столомъ, на концѣ котораго я также занялъ мѣсто. Выливъ изъ ополовника похлебку въ чашу, стоящую на столѣ, служанка, которую называли Манешпою, поставила передо мною кружку вина и жестяной стаканъ, положивъ на столѣ

оловянную ложку съ желѣзною вилкою; ножи, назначенные для употребленія гошней, прикованы были къ столу цѣпочками. Подавъ мнѣ обѣдъ, хотѣ и незавидный, но гораздо лучшій, нежели какаго я ожидалъ, Манешша спросила, есъ ли у меня съ собою хлѣбъ, и отрицательный отвѣтъ мой, казалось, утвердилъ ее въ томъ высокомъ мнѣнїи, которое она уже объ мнѣ имѣла. Обѣдъ служилъ мнѣ только предлогомъ: съвъ единственно съ тѣмъ, чтобы смопрѣшь и слушанья, я не терялъ своего времени. Сначала разговоръ не былъ общимъ; всякой занимался съ своимъ сосѣдомъ: одинъ жал вался на своего хозяина; другой хвалился тѣмъ, что получаешь большое жалованье; пошь, обязавшись зарабатывать каждый день положенное число денегъ, имѣлъ выгоды только отъ лошадиного корма; эпомъ пересказывалъ всѣ уловки, всѣ хитрости, упошребляемыя имъ для того, чтобы находить сѣдоковъ и больше получать отъ нихъ на водку. Я'вспупилъ въ разговоръ съ однимъ толстымъ извозчикомъ, копорый сидѣлъ ко мнѣ ближе прочихъ: эпо

былъ дѣшина лѣтъ сорока, довольно веселаго и шушливаго нрава. Посредствомъ нѣсколькихъ спакановъ вина, копорые я ему налилъ, приобрѣлъ я полную его довѣренность: не прошло еще четверти часа, какъ онъ уже пересказалъ мнѣ всѣ похождения своей жизни. Я узналъ, что онъ былъ кучеромъ у одной не слишкомъ строгихъ правилъ госпожи, копорая опослала его опъ себя за небольшую нескромность; потомъ конюхомъ у одного молодого человека, у котораго заимодавцы опняли лошадей; наконецъ курьеромъ въ шорговомъ домѣ, для котораго онъ двадцать семь разъ съѣздилъ въ Гамбургъ. Упоменный безпреспанными путешесствіями, онъ два года опдыхалъ, служа кучеромъ у одного стараго лѣкаря, копорый наконецъ опправился въ слѣдъ за своими больными. Подспрѣкаемый честолобіемъ, онъ взялся-было править каретою знашнаго вельможи, копораго онъ имѣлъ несчастіе опрокинуть на *Сенд-Клудской* дорогѣ. Потерявъ чрезъ это послѣднее приключение всю славу свою между кучерами, онъ вздумалъ сдѣлаться извощикомъ, и это зва-

нѣ такъ ему понравилось, что онъ теперь не промѣняетъ дурнаго плаща своего на лучшую ливрею въ Парижѣ. „Хоша не всегда бываетъ одинаковое счастье, сказалъ онъ въ заключеніе, но иногда одинъ удачный день вознаграждаетъ за нѣскольکو другихъ, какъ на примѣръ прошедшая суббота, которая обезпечила меня на долгое время.“ Я желалъ узнать подробности эпаго благополучнаго дня, и вторая бутылка добраго вина, кошорую я велѣлъ подать, придала ему столько же охоты говорить, сколько я имѣлъ желанія слушать.

„Въ субботу, началъ онъ, при выѣздѣ со двора въ семь часовъ утра, одна изъ лошадей моихъ начала лягаться. Добрый знакъ, сказалъ я самъ себѣ; сегодня будетъ пожива: эпа примѣта никогда меня не обманывала. И дѣйствительно, только что я поворошилъ за уголъ, какъ два человека, изъ копорыхъ одинъ держалъ подъ мышкою небольшой четверугольной ящикъ, останавливаютъ меня, садятся ко мнѣ въ карету и приказываютъ ѣхать на *Монмартрскую* камено-

ломню. Доѣхавъ до заставы, гдѣ встрѣ-  
пили насъ еще двое молодыхъ людей, тѣ,  
кошорыхъ я везъ, выходятъ изъ карешы  
и вмѣстѣ съ прочими идутъ за городъ; я  
слѣдую за ними шагомъ; они сворачива-  
юшъ съ дороги и вскорѣ спускаюшъ въ  
ровъ. Едва шолько пошерялъ я ихъ изъ  
вида, какъ раздалась писшолешные вы-  
стрѣлы. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ  
изъ моихъ сѣдоковъ прибѣгаетъ ко мнѣ,  
кладешъ мнѣ въ руку двѣнадцать фран-  
ковъ и скрывается, приказавъ мнѣ дожи-  
даться прочихъ. Два человекъ, кошорыхъ  
мы нашли у заставы и изъ кошорыхъ  
одинъ былъ раненъ, сѣли въ мою карешу,  
и я во весь духъ ошвезъ ихъ въ *Тисоль-  
скія-бани*. За эту поѣздку получилъ я еще  
шестъ франковъ. Это былъ одинъ изъ са-  
мыхъ прибыльныхъ поединковъ, кошорые  
мнѣ когда либо случалось видѣть.

„Весело возвращаясь на бульваръ, я  
несчастно задѣлъ колесомъ одноколку од-  
ного поставщика, кошорый хошѣлъ поса-  
дитъ меня за но подъ спражу. Полицей-  
скій чиновникъ, разобравъ дѣло, рѣшилъ  
въ мою пользу и принудилъ хозяина од-

можомки заплашишь мнѣ вдвое за то время, которое я чрезъ него пшерялъ. . . . Не довѣжая до своей биржи, былъ я, навѣшъ однимъ господиномъ, котораго по шелковымъ его чулкамъ и по нарядному кафтану (въ одиннадцать часовъ утра), принялъ я за просителя, прѣхавшаго въ столицу искашь мѣста. Я возилъ его ко всѣмъ сенаторамъ и миниспрамъ въ *Антенской* улицѣ и въ предмѣстїи *Сентъ-Оноре*; но его нигдѣ не приняли, и онъ вѣрно заплашилъ бы мнѣ не болѣе, какъ сколько слѣдовало по положенію, если бы часы мои, которые тогда, какъ мы поѣхали, ходили вѣрно съ городскими, не ушли цѣлымъ часомъ впередъ къ тому времени, какъ онъ кончилъ свои разъѣзды.

„Едва только высадила я моего просителя у жилища его въ улицѣ *Холоднаго-пiazza*, какъ подошла ко мнѣ горничная дѣвушка и, сдѣлавъ знакъ, тшобы я за нею слѣдовалъ, провела меня до угла *Луерской* улицы. Тамъ, осмошрѣвъ, еспь ли въ моей каретѣ занавѣски, она записала мой номеръ, вручила мнѣ пять франковъ и приказала дожидашься одной гос-

дожи, кошорая шошчась придетъ и кошорую я узнаю по голутому капоту. Желая воспользоваться эшимъ временемъ, чтобы позавшракашь и покормить лошадей, я вынуль изъ ящика мѣшокъ съ овсомъ и, раздѣливъ его на двѣ части, отдалъ лучшую изъ нихъ моему сѣрому въ благодарность за доброе предзнаменованіе. Послѣ чего собрался-было итти въ сосѣднюю харчевню закусить, но въ самую эшу минушу увидѣль госпожу въ голутомъ капотѣ, кошорая, подходя къ каретѣ моей, подняла свое покрывало для того, чтобы разсмотрѣшь ея номеръ. „Сюда, сюда, сударыня,“ сказала я ей, отворяя дверцы. Она входитъ, опираясь на меня и посматривая вокругъ съ безпокойствомъ, а я между тѣмъ спрашиваю ее, куда прикажешь ѣхать. „Въ *Сенъ-Жозефскія баѣи*,“ отвѣчаетъ она мнѣ въ полголоса. Я сажусь на козлы, и мы пріѣзжаемъ на мѣсто. Госпожа, не выходя еще изъ кареты и не спросивъ у меня, заплачено ли мнѣ, вынимаетъ луидоръ, кошорый былъ завязанъ въ уголокъ ея платка и приказываетъ, какъ можно скорѣ,

взявъ изъ него ефимокъ. Я видѣлъ, что она очень поропилась и пошому весьма медленно развязывала кожаной мой кошелекъ, жалуясь, что не могу сдать ей иначе, какъ мѣдью: красавица была, какъ будто на иголкахъ; я предложилъ ей сходить размѣнять деньги въ лавкѣ. . . Тутъ она совершенно вышла изъ терпѣнія и бросилась вонъ изъ карепсы, закричавъ мнѣ: „оставь у себя все!“ Много благодарень, прелестная незнакомка, сказалъ я ей въ слѣдъ, желаю вамъ хорошенько повеселиться. Тогда было около двухъ часовъ; прѣхавъ на свою биржу, я отправился завшпракать. Возвращаясь къ лошадямъ моимъ, нахожу у себя въ карепѣ двухъ молодыхъ женщинъ, которыя смѣло приказываютъ мнѣ везти ихъ на *Тампльской* бульваръ къ Шарриеру, содержащему игру въ шары: прѣхавъ туда, онѣ посылаютъ меня позвать къ нимъ г. Проспера. Этошъ господинъ, находяся въ большомъ проигрышѣ, съ перваго слова разбранивъ меня, приказалъ-было мнѣ убраться вонъ, но, подумавъ нѣсколько, велѣлъ сказать дамамъ, которыя меня по-

слали, что чрез полчаса онъ увидишся съ ними въ *Турецкомъ* саду. Я опхвезъ ихъ шуда и получилъ довольно щедрое награжденіе.

Сойдя съ козелъ, возвращался я пѣшкомъ по бульвару, пересчитывая по пальцамъ, сколько я заработалъ денегъ, какъ вдругъ услышалъ, что меня зовуть по имени изъ дверей одной мѣлочной лавки. Госпожа лавочница наканунѣ разрѣшилась отъ бремени, и ребенка сбирались крестинить, но такъ какъ одного призваннаго фіакра было недоспапочно для помѣщенія всѣхъ гостей, то извоцикъ, шоварищъ мой, звалъ меня къ себѣ на помощь. Экипажъ мой былъ получше, нежели его; почему я дуоспоился чести опхвезти въ церковь ребенка, кормилицу, кума, куму, мать и мужа родильницы: прочіе сѣли въ другую карешу. Изъ эту поѣздку получили мы съ шоварищемъ двѣнадцать франковъ, копорые раздѣлили поровну. Сверхъ того лавошникъ поднесъ намъ еще по рюмкѣ водки.

Оспановаясь близъ театра *Амбию-Комикъ*, опсправился я въ ожиданіи разъ-

взда съ другими извощниками въ харчевню. Мы сыгрались въ кости, кому заплатить за расходы: счастье продолжало мнѣ благопріятствовать, и я отобѣдалъ даромъ. Послѣ чего приказалъ подать двѣ бушылки вина, чтобы поподчивашъ моихъ поварихъ, но мы не успѣли еще ихъ осушить, какъ вбѣжалъ мальчикъ и сказалъ мнѣ на ухо, что какой-то господинъ съ дамою, вышедшіе изъ шеапра прежде окончанія представленія, дожидаются меня въ моей каретѣ. Я бѣгу туда: мужской голосъ впередъ освѣчаетъ на обыкновенные вопросы, крича мнѣ въ каретное окошко: „плати по гасамб; поѣзжай шагомъ, куда тебѣ угодно.“ — Слушаю, сударь. “ Такимъ образомъ я отправляюсь по дорогѣ къ *Италианскому* кофейному дому. Поровнявшись съ нимъ, чувствую, что меня дергаютъ за плащъ. Я останавливаюсь: господинъ выходитъ, даетъ мнѣ эфримокъ и приказываетъ отвезти свою спутницу въ *Грязную* улицу въ N 18.

„Этимъ кончились мои поѣздки: въ одиннадцатомъ часу кошелекъ мой былъ уже порядочно наполненъ, и лошади устали

ли, и пошому я возвращился домой. Осматривая свою карету, нашелъ я въ ней мужскіе часы и женскія перчатки: я объявилъ о нихъ въ полициі, но, къ моему благополучію, никто не двинулся ихъ требовать.“

Окончивъ свое повѣствованіе и допивъ за мое здоровье послѣдній стаканъ вина, извозчикъ мой предложилъ мнѣ отвезти меня домой даромъ. Я согласился на это, но только съ шѣмъ, чтобы онъ взялъ отъ меня на водку вдвое прошивъ того, что ему слѣдовало за ѣзду.

*С. де Шамлетъ.*

---

## НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ АФИНАХЪ.

(Изъ Miss Wrigt.)

---

Ужась! чудовище! восклицала молодой Феонъ, выходя изъ поршика Зенона. И вы попускаете, боги, оскверненіе вашего имени! Чшо не поразише вы громомъ проповѣдника шакаго беззаконія? Уже ли предадите вы нашихъ юношей и попомство соблазнамъ безстыднаго Гаргеміанца? Уже ли для садовъ Эпикура оставяшь поршикъ спойковъ? О Минерва, защити городъ, шебъ посвященный! Загради слухъ сыновъ швоихъ опъ гласа обольстителя!

Такъ выражала Феонъ негодованіе свое на ученіе Тимокрапа. Тимокрапъ былъ ученикъ новой школы, но, поссорившись съ основателемъ ея, присоединился къ по-

слѣдовапеламъ Зенона. Чшобъ оправдатъ свое ошступничество и привлечь къ себѣ новыхъ друзей, онъ ежедневно порицалъ прежняго своего учпшеля; изображалъ его и послѣдовапелей въ самомъ гнусномъ видѣ, и съ обезображеннымъ ошъ ужаса лицемъ, съ прерывающпмся голосомъ, ошкрывалъ тайны ночныхъ ихъ пиршествъ, въ кошорыхъ философъ Гаргеніанскій, посреди учениковъ своихъ, совершалъ преступные обряды разврата и нечестія.

Пораженный симъ ужаснымъ повѣствованіемъ, молодой Феонъ быспро пробѣгалъ улицы Аѣинскія и, выходя изъ города, не примѣшилъ, какъ направилъ пушь къ Пирею. Многолюдство въ приспани вывело его изъ задумчивости. Шумное сіе зрѣлище не согласовалось съ его мыслями. Онъ возвратился къ мирнымъ берегамъ Цефиза; шамъ сѣлъ на пенъ засохшей оливы; ноги его почти касались воды, и онъ погрузился ошпшь въ мечпанія. Феонъ самъ не зналъ, долго ли оставался въ семъ положеніи, какъ вдругъ шумъ легкихъ шаговъ приближающагося къ нему человекъ ошпшь прервалъ его размышленія.

Феонъ обернулся, взглянулъ съ удивленіемъ и почтительно поклонился.

Онъ увидѣлъ человека средняго роста, въ бѣломъ плащѣ, споль же чистомъ, какъ одежда Пивои; по мантіи, виду, одеждѣ, Фидій могъ бы избрать его образцемъ бога краснорѣчія. Голова, совершенно соразмѣрная прочимъ частямъ тѣла, была споль прелестна, что живописецъ не могъ бы на нее довольно наглядѣвшись. Правильно ошдѣляясь ошъ плечь, она была вѣсколько наклонена впередъ; движеніе ея показывало привычку скромно привлекать къ себѣ вниманіе и ошвѣчать на него благосклонно. Позтъ, посмошрѣвъ на эту голову, подумалъ бы, что видишь осуществившееся созданіе своего воображенія; въ его чертахъ не было той прелести, кошорой пребуеть скульптура: онѣ были благородны, хошя и неправильны. Въ глазахъ, блиставшихъ тихимъ огнемъ, выражалась мудрость и доброта; свѣцлосшь души покоилась на ошкрытомъ челѣ его. Улыбка изъявляла его добродушіе; она подобна была лучу солнца, ошражающемуся на поверхности тихаго озера. Первыя

морщины означались вокругъ бровей его и подбородка, но шакъ были непримѣны, что больше придавали лицу пріятности, нежели рѣзкости, хотя преждевременная сѣдина и показывалась на волосахъ его, копорые вились около шеи. Онъ принялъ съ добродушіемъ привѣтствіе юноши и отвѣчалъ дружески: я не хочу прерывать размышленій своихъ, но лучше бы желалъ раздѣлять ихъ.

Видъ незнакомца очаровалъ Теона, но голосъ еще болѣе плѣнилъ его. Никогда не слыхалъ онъ звука пріятнѣе, нѣжнѣе.

Ахъ, конечно предо мною божество, вскричалъ онъ, оцѣсупя на нѣсколько шаговъ и преклонивъ почтишьельно колѣно.

Я вижу, ты сейчасъ вышелъ изъ рощи Академіи, сказалъ мудрецъ, приблизившись и положивъ руку на плечо молодого человека.

Теонъ поднялъ глаза и, ободренный пріятнымъ видомъ мудреца, отвѣчалъ скромно: нѣтъ, я принадлежу къ порфику спонковъ.

Я никакъ бы не повѣрилъ, чтобы Зенонъ могъ образовашь шакаго энлу-

зіаста. Ты въ прекрасной школѣ, продолжалъ мудрецъ, увидя, что замѣчаніемъ своимъ привелъ въ смущеніе молодаго философа, въ школѣ истинной добродѣтели, и если не ошибаюсь, шо вижу въ тебѣ ученика, кошорый не нанесешъ безчестія ученію.

Теонъ пришелъ въ себя. Взоръ незнакомца, голосъ, обращеніе, ободряющъ робкихъ и привязывающъ къ себѣ чувствительныя сердца. „Если ты человекъ, шо вліяніе швое на людей выше человѣческаго: я провелъ съ побою одну минуту, и минута сія повергаешъ меня къ ногамъ швоимъ.“

Хоть не такъ низко, сказалъ мудрецъ, улыбаясь; я лучше хочу быть другомъ, нежели учипелемъ.

И шѣмъ и другимъ, отвѣчалъ пылкой юноша ш, схвативъ поданную ему руку, прижалъ ее почтительно къ ушамъ своимъ.

Ты увлекаешься воображеніемъ. Берегись, молодой другъ мой! Люди швоего характера должны быть или наилучшіе, или самыя дурныя.

Будь же моимъ пушеводителемъ, и я буду въ числѣ первыхъ.

Какъ, шы спойкъ, и шребуешь пушеводителя!

Ахъ, если бъ я въ самомъ дѣлѣ былъ спойкомъ! Я не перещель еще чрезъ порогъ храма.

Однако жъ шы могъ опсюда осмошрѣшь его внушренность и увидѣшь блескъ его; не уже ли эшо не придаешь тебѣ бодрости войши въ него? Кшо, увидѣвъ добродѣтель, не полюбитъ ея и не пожелаетъ обладать ею?

Правда, правда, я видѣлъ добродѣтель въ самыхъ благородныхъ ея чершахъ. Увы, черны сии споль благородны, чшо глаза мои были ослѣплены ими! Я смошрѣлъ на Зевона съ удивленіемъ ж опчаяніемъ.

Лучше учись смошрѣшь на добро съ любовью. Кшо шолько удивляешся добродѣтели, опдаешь ей половину должнаго. Она шребуешь любви и внушренняго почитанія; она хочеть внушашь довѣренность, а не спрахъ. Ее должно встрѣчать не съ болзнію, но съ восхищеніемъ.

А кто можешь, зная Зенона, ласкаешь себя надеждою когданибудь сравняться съ нимъ?

Ты, другъ мой: и почему нѣшь? Ты энтузіасшь, числь душою, чувствившелекъ и честшлюбивъ. Что было лучшаго у Зенона при началѣ его поприща? Ободришь, ободришь, сынь мой! Тушь мудрець вдругъ ошановилея; попому что, разговаривая, они нечувствившелекъ приближились къ городу. Положа руку на голову Феона, онъ сказаь: чтошь сравняться въ величїи съ Зенономъ, надобно одно шолько желанїе.

Феонъ было-вздохнулъ; но движенїе и взгльядъ, сопровождавшїе сїя слова мудреца, превратили начашый вздохъ въ улыбку: ты хочешь сдѣлашь меня шщеславнымъ.

Нѣшь, но хочу внушїшь въ шебя довѣрїе къ самому себѣ. Безъ сего довѣрїя Омеръ никогда бы не написаь Иліады; самъ Зенонъ не былъ бы уважаемъ въ цоршикѣ.

Не уже ли ты думаешь, что ошь

довѣря къ самому себѣ всѣ люди могутъ сдѣлаться Омерами, Зенонами?

Не всѣ люди, но большее число изъ нихъ. Болѣе тысячи хранили въ себѣ семена превосходства, которое никогда не было раскрыто. Впрочемъ мы не говорили ни о поэзіи, ни о философіи, но только о добродѣтели. Конечно не всѣмъ суждено быть поэтами, или философами, но всѣ могутъ быть добродѣтельными.

Я думаю, опивчалъ молодой человекъ, покраснѣвъ, что если бы я могъ прогуливаться съ шобою на берегахъ Цефиза, то иногда забывалъ бы о поршикѣ.

Да избавяшь меня отъ шого боги: вскричалъ съ веселымъ видомъ мудрецъ. Я склоню на свою сторону ученика Зенона! Дорого бы мнѣ это стоило. Но о чемъ ты думаешь: сказалъ онъ юношѣ, по нѣкоторомъ молчаніи.

О шомъ, опивчалъ Феонъ, какъ несчастны люди, что ты не учишь въ садахъ вмѣсто сына Ніоклезова.

Знаешь ли ты его: спросилъ мудрецъ.

Я знаю его только по слуху. Нѣтъ, почтенный незнакомецъ, ты обижаешь

меня мыслю, чтобы я когда нибудь могъ войти въ сады Эпикура. Я недавно въ Афинахъ; но думаю, что, если бы долженъ былъ провести здѣсь и всю жизнь мою, то никогда не обольщися бы орапоромъ зла.

Я также въ тебѣ увѣренъ. Но ты говоришь, что недавно въ Афинахъ: ты конечно пришелъ сюда учиться философіи?

Да, отецъ мой былъ одинъ изъ послѣдователей Ксенокрапа; но, пославъ меня изъ Коринѳа сюда, приказалъ посѣщать всѣ школы и оспашься въ той, которая дастъ мнѣ высшее понятіе о добродѣтели.

И ты нашелъ ее въ школѣ Зенона?

Думаю; однако жъ едва не увлекся однимъ пирегорейцемъ, и вторично подвергался опасности сдѣлаться ученикомъ академіи.

Почему опасности? Хотя ты сдѣлалъ и хороший выборъ, особенно пристрастившись къ Зенону; но не дурно было бы тебѣ ходить во всѣ школы и слушать всѣ ученія прилѣжно и безпристрастно. Всегда

шасно принадлежатъ къ какой нибудь сектѣ, хотя бы и совершеннѣйшей: разумъ запывается омиъ эпаго, сердце суровѣетъ. Да, молодой человекъ, шакое несчастіе можетъ случиться даже и въ портикѣ. Никакая секта не чужда предразсудковъ и приспрасіа:

Мнѣ кажется, что ты говоришь правду.

А я въ томъ увѣренъ, ошвъчалъ мудрецъ шушливымъ пономъ, кошорый принималъ уже нѣсколько разъ. Я увѣренъ въ томъ, что говорю правду; и если бы мнѣ нужны были доказательства для подтвержденія моего мнѣнія, то я нашель бы ихъ въ шеперешнемъ разговорѣ нашемъ.

Какъ эшо?

Я не буду изъяснять тебѣ эпаго, потому что ты не повѣришь мнѣ шеперь. Никшо не можешь замѣшить собственныхъ своихъ предразсудковъ, даже и шогда, когда философъ ему показываетъ ихъ. Но шерпѣніе, шерпѣніе, время и благопріятные случаи могутъ все исправишь. Ты вѣдь никогда не думалъ, что въ тебѣ нѣтъ предразсудковъ: сказалъ рнѣ по нѣкошоромъ молчаніи. Осъ-

мнадцаша лѣтъ, если можно судить по цвѣту лица, и безъ предразсудковъ! Да я и самъ едва бы осмѣлился утверждать, что совершенно опъ нихъ свободенъ, а, кажешся, боролся съ ними съ большею силою и долѣе, нежели пы.

Что жъ мнѣ должно дѣлать: спросилъ Феонъ робко.

Что дѣлать? Показашъ спраннысшь: побывашъ въ садахъ Эпикура.

Въ садахъ Эпикура! О Юпишеръ!

Да!

Слышашъ, какъ унижаютъ добродѣшель, оправдывающъ и хваляшъ порокъ; какъ проповѣдуютъ молодымъ людямъ нечестіе и безбожіе! Бышъ свидѣлемъ ночныхъ пиршесствъ! гдѣ свирѣпшвуешъ наглое распусиво! Боги! Какіе ужасы открылъ намъ Тимокрашъ!

Конечно опъ всѣхъ эпикъ ужасовъ очень можно испугашся; но боюсь, не ошибся ли Тимокрашъ. Мнѣ сомнительно, чтобы законы добродѣтели были когда нибудь опшвержены, а порокъ оправданъ и проповѣдываемъ хошя однимъ насшавникомъ. И если бѣ я въ самомъ дѣлѣ услышалъ что ни-

будь подобное; то заключилъ бы только, что эшотъ человекъ или безъ ума, или переиъняетъ значеніе словъ, называя порока добродѣшью, а добродѣшью порокомъ. Что же касается до распроспраненія нечестія и безбожія, эшо, можешъ бышь, увеличено, или основано на ложныхъ толкованіяхъ. Многихъ называютъ нечестивцами не потому, что религія ихъ хуже, но потому, что она различествуетъ отъ вѣры дающихъ имъ эшо названіе; многихъ называютъ безбожниками не потому, что они опвергаютъ существо Бога, но потому, что они о существѣ его имѣютъ нѣкопорыя свои особенныя мысли. Что касается до ночныхъ пиршествъ, то я ничего не могу сказать о нихъ; я такъ мало объ эшотъ знаю, что не могу ни извинять, ни оуждашь ихъ. Можеть быть, они еспь, хотя я и никогда не слыхалъ о нихъ. Конечно все возможно, прибавилъ онъ, обращая пріятное лицо къ молодому человекъ, все возможно, даже и то, что Тимокрашъ говоритъ неправду.

Признаюсь, эша возможность нико-

гда не представлялась моему воображенію.

Я вѣрю, другъ мой, и скажу тебѣ этому причину, пошому что онъ говорилъ тебѣ безсмыслицу. Если бы шарлатанъ ограничивался одною вѣроюпностію, то ему трудно было бы овладѣть умами, но, вдавшись въ чудесное и дѣйснвуя на воображеніе, онъ скоро покоривъ разсудокъ, а, покоривъ разсудокъ, оставивъ чловѣку одну глупость.

Я бы душевно былъ радъ, если бы нашель, что ученіе Гартеміанца менѣе ужасно, нежели я воображалъ. Я говорю менѣе ужасно, надѣясь, что ты не захочешь заславивъ меня почтисать его хорошимъ.

Я не хочу, чтобъ ты что нибудъ почтисалъ хорошимъ, или дурнымъ, по моему приговору. Я каждому совѣшую думать самому. Выраженіе пнеагорейцевъ *такъ говоритъ учитель* очень мнѣ не нравитсѣ. Если бы молодой чловѣкъ, о которомъ ты сей часъ говорилъ, успѣлъ обративъ себя въ свою секшу, ты бы вѣрилъ шеперь переселенію душъ, пошому

единственно, что оно предметъ ученія Пифагора.

Но мнѣ хотѣлось бы знать, хорошаго ли ты мнѣнія объ Эпикурѣ?

Я не хочу тебѣ описывать Эпикура, а только предостеречь отъ Тимокраста. Но вотъ мы и въ городѣ, да и къ счастью пошому что скоро ночь. Меня ожидаютъ дома молодые друзья. Если бы тебя не пугали ночныя празднества, я пригласилъ бы тебя присоединиться къ намъ.

Можно ли мнѣ бояться ихъ съ такимъ проводникомъ: ошавчалъ, улыбаясь, Феонъ.

Дѣло сбыточное, сказалъ мудрецъ, улыбаясь въ свою очередь отъ чистаго сердца. Разговаривая такимъ образомъ, они подошли къ дому: мудрецъ отворилъ одною рукою дверь, а другою, вводя за собою Коринѳянина, сказалъ: я Эпикур!

Удивленный, испуганный Феонъ оставилъ поспѣшно руку мудреца, и, ошступая, конечно бы упалъ, если бы спашуа, поставленная у входа, не поддержала его. Онъ оперся на пьедесталь, блѣдень и почти безъ чувствъ; онъ не звалъ, что

дѣлать и не могъ различить ни одного вокругъ себя предмета. Проводникъ его, ожидавшій, можешь быть, эшаго, не обратился къ нему, но сѣлъ впереди, чтобы скрыть его отъ взоровъ общества и дать время оправиться въ продолженіе первыхъ привѣспшій.

Я радъ, дѣти мои, сказалъ мудрецъ, что опять нашелъ васъ, и думаю, что вы мнѣ скажете поже самое. Вы ли помились съ голоду, или я останусь безъ ужина нынѣшній вечеръ? Рѣшились ли вы опужинать, или только бранили меня за позднее возвращеніе?

Послѣднее справедливо, опвѣчалъ съ живоспью молодой человекъ и поспѣшно подошелъ къ учипелю. Скоро послѣдоваль за нимъ другой, потомъ шрешій, и въ минушу всѣ окружили мудреца.

Что со мною будетъ: вскричалъ онъ; если подвинете меня еще немного, шо опрокинете пару спашуй. Потомъ сказалъ, посмопрѣвъ назадъ: я привель къ вамъ (если только онъ не убѣжалъ) молодого, очень любезнаго Коринейнина, для котораго, покаместъ онъ не будетъ въ

сосполяннiи говорить, я прошу у васъ благосклоннаго приема. При сихъ словахъ, онъ просянулъ съ прiятнымъ взоромъ руку Θεову, который со спрахомъ нѣскольکو подвинулся впередъ. Облако, покрывавшее глаза его, разсѣялось; онъ ясно увидѣлъ комнашу, въ кошорой находился, и собравшихся въ ней людей; но, можетъ быть, онъ удался бы, если бы мудрецъ не ободрилъ его. Быть въ залѣ Эпикура, въ той залѣ, гдѣ Тимокрашъ видѣлъ . . . . . Ужасное зрѣлище! И онъ, ученикъ Зенона, другъ Клеанша, сынъ послѣдовавшаго Платона, прешель чрезъ порогъ нечесиваго Гаргеншиаца! Да, онъ безъ сомнѣнiя бы убѣжалъ, если бы это дружественное движенiе, эша волшебная улыбка не остановили его. Побѣжденный ими, онъ подвинулся, пришелъ въ себя, и пожалъ руку мудреца. Кругъ разступился, Эпикуръ представилъ новаго друга и сказалъ: онъ самъ откроешь имя свое; я знакомъ только съ его сердцемъ и по съ двухъ часовъ; но, признаюсь, что въ эти два часа онъ привязалъ меня къ себѣ.

Пусть же будешь онъ братомъ мо-

шимъ, вскричала молодой человекъ, которой первый началъ говорить, и послѣдшій обнять Теона.

Когда начнемъ мы видѣшь собственными глазами, а слышать своими ушами, не полагаюсь на слухъ и зрѣнiе другихъ: сказалъ мудрецъ, положивъ руку на голову молодого человека. Ты видишь, что новый другъ и самъ не знаетъ, какъ опрѣчать на преждевременную нѣжность швою.

Онъ ожидаешь, сказалъ ученикъ съ неудовольствiемъ, обо мнѣ шого же опрѣчва съ швоей спороны, какой былъ сдѣланъ о немъ. Скажи, что меня любишь, и овъ брацки обнимешъ меня.

Надѣюсь, что онъ не будетъ такъ безразсуденъ, опрѣчала смѣясь философъ, и спанешъ судить о людяхъ и другихъ предметахъ по собственному разсудку, а не по мнѣнiю Эпикура, или другаго мудрѣишаго философа. Когда дождусъ я эшаго опъ Софрона: прибавиль онъ, улыбаясь и качая головою. Опредѣлишь ли онъ мнѣ срокъ эшаго?

Я и шого не могу сдѣлать, сказалъ

ученикъ, также улыбаясь и качая головою, какъ бы передразнивая учителя.

Веди насъ лучше за столъ; я все боюсь, не отуживали ли вы безъ меня? Потомъ, обращаясь къ Θεону и дружески опираясь на плечо его, онъ пошелъ къ обширной круглой залѣ.

Лампада, висѣвшая тамъ, освѣщала столъ, на которомъ приготовленъ былъ вкусный хотя и простой ужинъ. Въ простѣнкахъ залы стояло изъ статуи лучшихъ мастеровъ; между каждой горѣло по лампѣ на шреножникѣ. У одного изъ нихъ возлежала женщина и, казалось, читала съ большимъ прилежаніемъ книгу, которую держала на коленяхъ. Наклоненная ея голова скрывала отъ пришедшихъ лице ея, сверхъ того еще закрытое рукою отъ ослѣпительнаго блеска огней. Она опиралась рукою на одну сторону ложа, отъ чего положеніе ея было еще прекраснѣе. У ногъ ея сидѣла молодая дѣвушка, подлѣ которой лежала забытая лира. Глаза дѣвушки блистали чернымъ огнемъ Коринтеянки, но оживлялись чистую душею Іонянки. За алыми, нѣжными, полу-

открытыми устами видѣнь былъ двойной рядъ перловъ, кошорымъ позавидовала бы Тешида. Только простой глазъ ничего бы не замѣшилъ въ этомъ лицѣ, кошорого чершы не предспавляли дорической правильности и сохранили вліяніе африканскаго солнца; но для Теоца не было сихъ недосшатковъ. Взоры его встрѣтились со взорами юной красавицы, усшрешенными на прилѣжную подругу ея. Никогда и никакой книги не читывали съ такою жадностию, съ какою шихій взоръ ея разсмашривалъ сіи прекрасныя чершы. Шумъ шаговъ вывелъ ее изъ задумчивости. Она всшала покраснѣвшись, поклонилась своему учителю и робко ошступила назадъ. Читашельница еще оставалась надъ свшшкомъ, въ прежнемъ положеніи; мудрецъ приблизился и, положивъ ей руку на плечо, сказалъ: что ты читаешь, дочь моя? Она обернулась къ нему. Какое лице! Не было въ немъ свѣжести и юношескаго огня, раждающаго любовь и желанія, но эша важность, самообладаніе, принадлежность пѣхъ лѣшъ, въ кошорыя разсудокъ уже совершенно раз-

крывається, это благородство, свидѣтельство о благородствѣ души; оно возбуждаетъ къ ней почтеніе и общается удовольствію и наслажденіемъ. Въ ея лицѣ видны были черты Минервы, а не Венеры. Глаза ея, пронизавшіе до глубины сердца, освѣтились живописными бровями, слегка соединявшимися отъ размышленія, а не отъ лѣтъ, на лбу гладкомъ какъ мраморъ. Носъ болѣе римскій, нежели греческій, и совершенно привильный, не имѣя въ себѣ ничего мужскаго, придавъ бы фیزیономіи спругую выразительность, если бы все, что ни есть любезнаго и пріятнаго, не соединялось вокругъ устъ и греческаго подбородка, прелестно округленнаго. Цвѣтъ лица былъ нѣжной розы, но споль нѣжной, что едва можно было примѣнить ее на лелейныхъ щекахъ, когда легкое волненіе не усиливало румянца, какъ въ шу минушу, когда мудрецъ началъ съ ней разговаривать. Она свернула свитокъ и вспала. Ростъ ея былъ гораздо выше обыкновенной величины женщины, но все въ ней, всякое движеніе, было соразмѣрно, согласно. Я чистала краснорѣчиваго, оспроумнаго, но ме-

чашея, Теофраста, и могу доказать это.

Голосъ ея былъ полонъ и звученъ, какъ струны арфы подъ пальцами искуснаго игрока.

Конечно ты лучше всякаго эпо сдѣлаешь, сказала мудрець. Твое краснорѣчивое, швердое и вѣжное перо засшавило уже молчанъ спараго Перидашешика. При сихъ словахъ она потушила глаза. Не уже ли это славная Леонція: подумаль Феонъ. Конечно Тимокрашъ обманчикъ. Мнѣ кажешся, сказала Леонція, что я врившій вечеръ не нашла бы въ Теофрастѣ спольдо ложныхъ понятій, если бь онъ шакъ сильно не далъ мнѣ почувствовать своей увѣренности. Не знаю, шщеславие автора, или мое собственное шому причиной.

Можетъ бышь, и шо и другое, опивчалъ улыбаясь учишель.



---

## ХАРАКТЕРЪ ИСТИННАГО ДРУГА.

*(Изъ Энфильда).*

---

Скажи: пошь, копорато ты называешь другомъ, раздѣлишь ли слезы, твои въ день горести? Исполняа точно обязанности друга, будешь ли въ лице упрекать себя за шѣ поштуки, за копорые другіа смѣются надъ тобою, или винашь себя спороной? Осмѣлился ли онъ защищать тебя, когда клевета коварно устремитъ ядовиные стрѣлы свои на доброе имя швое? Съ равною ли ласкою при-мешь себя? Съ тою ли нѣжносною и вниманіемъ будешь обходиться съ тобою въ обществѣ высшихъ себя по званію и до-сшашку, какъ обходился съ тобою тогда, когда требованія гордости и шщеславія не прошивились еще обязанностямъ дру-жбы? Если несчастія и пошери заспавашь себя ишши по шакому пуши жизни, гдѣ

ты уже не будешь опличенъ, не будешь въ соспояніи принимаеь друзей съ прежнею роскошью, почтешь ли онъ тогда себя счастливымъ въ обществѣ съ тобою, и, не оставаяя связи безъ выгоды, будешь ли съ радостію признавать себя за друга, и весело переносишь съ тобою бремя несчастій? Когда старость напомнитъ тебѣ, что надобно удалишь-ся онъ шумнаго шепра удовольствій и должностей, послѣдуешь ли онъ за тобою въ скромное уединеніе? Со вниманіемъ ли будешь слушать исчисленіе буд-сствій твоихъ, и ободрить ли упавшій-шельною рѣчью упавшее мужество твое? Наконецъ, когда смерть разорветъ всѣ связи, соединявшія тебя со свѣтомъ, прольешь ли онъ слезы надъ могилою твоею, и сохранишь ли въ сердцѣ, какъ неоцѣнное сокровище, сладкое воспоминаніе о взаимной дружбѣ? Человекъ, который не исполнишь всѣхъ сихъ обязанностей, можешь быть товарищемъ твоихъ удовольствій, льстецомъ; но, повѣрь, не другомъ.

*Св. Анел. Б. И.*



П О Э З И Я.

Г А Й Д А М А К Ъ.

(Ошривокъ).

Осенней ночью близъ кургана,  
Въ спешн глухой у огонька,  
Сидяшь одни во мглѣ шумана  
Два запорожскихъ козака.  
Напрасно зоркія ихъ очи  
Сквозь черной мракъ угрюмой ночи  
Чего-шо ищущъ въ дальней мглѣ;  
Вопще они къ сырой землѣ  
Свое прикладываютъ ухо:  
Кругомъ все сумрачно и глухо;  
Молчишь рѣка, безмолвенъ лѣсъ,  
Ни звѣздочки среди небесъ.

Объята черной пеленою,  
 Какъ будто вся природа спитъ,  
 Лишь налетая въширь порою  
 Сухой ковылью шевелитъ,  
 Да кони борзые, на волю  
 Гуляя, правку щавлютъ въ поля...

„Гдѣ запоздалъ онъ?... Ужь пора  
 Ему примчаться. Опъ Дзѣпра  
 Тушъ недалеко ... Конь надежной;  
 Съ дороги сбихся невозможно;  
 Удаля биважный гайдамакъ!  
 Пустъ ночь, удвои черный мракъ,  
 На шепъ унылую наляжешъ;  
 Козакъ всегда козакъ: ему  
 На Запорожіе сквозь шѣму  
 Пустынный въширь пушъ укажешъ...

Не подстерегъ ли удалца  
 Въ глуши Тапаринъ кровожадной?  
 Ну, что жъ? Пустъ шавъ: у молодца  
 Булатъ съ пицалью семипядной.  
 И въ ясный день и въ часъ ночной  
 Онъ самъ перѣдко съ самодаломъ



Быль дружбы чуждъ, былъ чуждъ,  
 Лепалъ въ пусшыняхъ на конѣ,  
 И, увядая въ шишинѣ,  
 Онъ рвался въ бой, онъ жаждалъ крови...

Сбылось желанье: саранчой  
 Мы понеслися подъ Очаковъ;  
 И удалсьвомъ пришлецъ молодой  
 Въ грязь захопшалъ всѣхъ гайдамаковъ.

Суровъ и дикъ и одинокъ,  
 Чуждаясь всѣхъ, всегда угрумой,  
 И нынѣ бродишь, какъ порокъ,  
 Въ мѣспахъ глухихъ онъ съ шайной думой.  
 Печаль, какъ черной ночи мгла,  
 Ему на сердце налегла.  
 Она, жеспокая, превозишь  
 Его повсюду и всегда;  
 Ничѣмъ, нигдѣ и никогда  
 Ея разсѣяшь онъ не можешь.

Ему несозна шишина;  
 Безъ крови вражеской, безъ боя,  
 Онъ будшо чахнетъ средь покоя;

Его душѣ нужна война:  
 Опасность, кровь и шумъ военной  
 Одни его живошворятъ  
 И въ бурѣ бывъ покой мгновенной  
 Душѣ встревоженной дарятъ.

Толпой и Крымцы и Поляки  
 Неразъ гонимы были имъ;  
 Какъ Божій гнѣвъ ужасны съ нимъ  
 Въ набѣгахъ бурныхъ гайдамаки...

Въ немъ не волнуютъ уже кровь  
 Младыхъ Украинокъ любовь  
 И вѣрной дружбы гласъ привѣстной;  
 Давно онъ ко всему примѣшно  
 Оспылъ безчувственной душой;  
 Въ ней вещь холодъ гробовой;  
 Она, какъ хладная могила,  
 Его всѣ блага поглотила.  
 Всегда опущены къ землѣ  
 Его сверкающія очи;  
 Темнѣешь на его челѣ  
 Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.  
 Еще никакъ не зрѣлъ шого,

Чтобы, копя на мигъ единый,  
 Улыбкой сгладились морщины  
 На бронзовомъ лицѣ его.  
 Однажды только, увѣряя,  
 Въ немъ очи радостью сверкали:  
 То было въ замкѣ богача,  
 Убишаго имъ на Волыни,  
 Гдѣ превращилъ онъ все въ пухыни,  
 Какъ, гнѣвъ небесный, саранча;  
 Гдѣ кровь ручьями днѣ онъ хладно,  
 Гдѣ все погибло безпощадно  
 Иль отъ огня, иль отъ меча.  
 Вошше молила дочь младая,  
 Вошше у ногъ лежалъ магнать:  
 Въ грудь снорца, воцаямъ не внимая,  
 Вонзилъ онъ съ колотомъ булаву.“

Такъ говорили межъ собою  
 Про гайдамака-молодца  
 Два заднѣпровскиихъ удалца...  
 Межъ шѣмъ ужъ началъ за рѣкою  
 Мерцать на дальномъ небѣ свѣтъ.

А запорожца ильть, какъ ильть.  
 Несется ночь... и вопль зарёю  
 Занялся сумрачный воспокъ,  
 Сильный зашевелилъ правую  
 Передразсвѣшныи въперокъ;  
 Ужь погасаетъ огонёкъ,  
 И вьётся тонкою струёю  
 Во мглѣ рѣдющей дымокъ...

Вдругъ конскій шолопъ раздается  
 Какъ шумъ глухой издалеко;  
 Вошь громче, ближе... вошь несется  
 Конь воронный безъ сѣдока.  
 Вошь за могилою степною  
 Своихъ поварищей узналъ,  
 Помчался къ нимъ, лепишь струёю,  
 И, подбѣжавши, вдругъ заржалъ,  
 Запрля ушами, и упалъ,  
 Почти недвижный, бездыханный...  
 По шеѣ кровь бѣжитъ изъ раны,  
 Разкололъ рыцарскій сайдакъ,  
 И безобразными клоками  
 Виситъ разорванный чепракъ...

Но гдѣ же грозный гайдамакъ,  
 Краса и слава буйной Сѣчи?  
 Погибь... но гдѣ, когда, и какъ,  
 И при какой враждебной встрѣчѣ?  
 Бышь можешь, дерзкою полною  
 Въ глуши захваченный въ неволю,  
 Въ пемницѣ душной и сырой  
 Клянешь въ цѣпяхъ свою онѣ долю;  
 Иль, Крымскимъ хищникомъ убишь,  
 Въ степи пуспынной онѣ лежишь,  
 И уже волкъ во мракѣ ночи  
 Терзаетъ шрупъ среди правы,  
 И изъ козацкой головы  
 Орель выклевываетъ очи...

*Романовъ.*

~~~~~

Н О В Ы Й Г О Д Ъ .

Какъ рыбарь, въ морѣ запоздалый
Среди бунпующихъ зыбей,
Какъ пушникъ, въ часъ ночной, успалый
Въ безпутной широтѣ снежей:
Такъ я въ наземной сей пустынь
Свершаю мой невѣрный ходъ.
Ахъ, лучше ль будешь мнѣ, чѣмъ нынѣ!
Что ты сулишь мнѣ, *новой годъ!*
Но ты стоишь шакъ молчаливо,
Какъ шѣнь въ кладбищной пишинѣ,
И на вопросъ неперпѣливой
Ни слова, ни улыбки мнѣ...

Ө. Глинка.

С М Ъ С Б.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Первая шесть нынѣшняго года очень счастлива въ литературномъ отношеніи для любителей русскихъ книгъ. Здѣсь въ С. Петербургѣ вышло около новаго года пять альманаховъ, въ которыхъ почти каждый имѣетъ большое достоинство по совершенству разныхъ сочиненій, въ немъ заключающихся. Мы упоминали уже о *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* (*), *Руской Старинѣ* и *Руской Талии* (**). Послѣ

(*) N XII Сочиненія П. и В. 1864 г., стр. 322, и N I Сочин., П. и В. 1865 г. стр. 85.

(**) N I Сочин. П. и В. 1865 г., стр. 112.

шого показались: *Невскій Альманахъ*, изда-
 нный Е. Аладиннымъ и *Полярная Звезда*, изд.
 А. Беспужевымъ и К. Рыльевымъ. Последний
 изъ сихъ альманаховъ особенное обращаетъ
 на себя вниманіе читателей. Въ немъ стихо-
 творная часть представляетъ много совер-
 шеннѣйшихъ произведеній. Собственные со-
 чиненія гг. издавателей и вкусъ ихъ въ выбо-
 рѣ сочиненій другихъ давно уже извѣстны
 публикѣ по прежнимъ изданіямъ *Полярной
 Звезды* (1823 и 1824 г.).

Что касается до литературныхъ произ-
 веденій, отдѣльно изданныхъ, мы прежде из-
 вѣстали нашихъ читателей о двухъ: о *Грече-
 скихъ простонародныхъ пѣсняхъ* (*) и *Всесвѣт-
 ныхъ Оубинѣ* (**). Рассматривая послѣднее изъ сихъ
 стихотвореній, надобно согласиться, что оно
 составляетъ одно изъ примѣчательнѣйшихъ
 явленій въ словесности нашей, какъ по ново-

(*) N I Соревн. П. и В. 1825 г., стр. 112.

(**) N II Соревн. П. и В. 1825 г., стр. 223.

сти содержанія, пакъ и по счастливой оригинальности изложенія. Едва ли до изданія *Вегенія Ондгина* соединялось въ какомъ нибудь у насъ стихотвореніи столько разнообразныхъ красоть поэзи. Читатель попеременно увлекается по игривостию, по мечтательностию, по широкости поэмы, по наконецъ глубиною его чувствованій.

Г. Олинъ напечаталъ небольшую свою новую поэму, подъ названіемъ: *Калевонъ*.

Въ Москвѣ изданы двѣ особенныя книги, содержащія въ себѣ стихотворенія г. Рыльева: 1. *Войнаровскийкій*, поэма, и 2. *Души*. Содержаніе поэмы заимствовано изъ ошечественной исторіи, изъ временъ, близкихъ къ намъ. *Войнаровскийкій* былъ родственникъ и современникъ извѣснаго Мазепы. Произшествіе представляется въ Сибири. Поэтъ воспользовался свѣжими еще и яркими красками сей суровой страны. Описанія тамошней природы составляютъ самую лучшую часть поэмы. Характеръ героя могъ бы, кажется, быть еще

живѣе и рѣшительнѣе. Впрочемъ эта поэма принадлежитъ къ числу занимательнѣйшихъ памятниковъ словесности нашего времени. *Думы* г. Рыльева отчасти извѣстны уже нашимъ читателямъ. Многія изъ нихъ помѣщаемы были прежде въ *Соревнованіяхъ П. и Б.* Между ними совершеннѣйшая, по нашему мнѣнію; *Дума: Смерть Ермака*. Онѣ всѣ имѣють значительное достоинство то, что напоминають важнѣйшія лица отечественной исторіи; но во многихъ мѣстахъ изложеніе произшествій переходить въ прозаическій разсказъ.

Чернецъ, Кіевская Повѣсть. Сочиненіе Ивана Козлова. Это стихотвореніе исполнено глубокихъ чувствованій, сильныхъ порывовъ души, и написано почти все прекрасными стихами. Произшествіе вымышленное, представлено близъ Кіева въ обителіи иноковъ. Сочинитель умѣлъ возвысить языкъ земной любви до языка небеснаго. Спрашное

преступленіе искуплено прогашельнымъ рас-
кааніемъ. При чтеніи этой поэмы чувству-
ешь, какъ святая вѣра близка ко всѣмъ лут-
шимъ надеждамъ сердца. Въспѣвъ съ *Черне-
цомъ* напечатано посланіе того же сочи-
теля: *Къ другу В. А. Ж.* Оно заключаесть въ
себѣ столько прогашельнаго и умилительна-
го, что его чтеніе наполняетъ душу какимъ-
то неизъяснимо-сладкимъ мученіемъ. Желая
познакомить читателей нашихъ съ преле-
стною поэзіи авшора и съ его движеніями ду-
ши, мы предлагаемъ здѣсь *Посвященіе*, помѣ-
щенное въ началѣ поэмы:

Прекрасный другъ минувшихъ, свѣтлыхъ дней,
Надежный другъ дней мрачныхъ и тяже-
лыхъ,

Вина всѣхъ думъ и грустныхъ и веселыхъ,

Моя жена и мать моихъ дѣтей!

Вотъ пѣснь моя, которой звукъ унылой,

Бывало, въ часъ безсонницы ночной,

Какою-то невѣдомою силой

Меня цѣплялъ и духъ шревожилъ мой!

О, сколько раз я плакала надъ струнами,
 Когда я пылъ спрaданье Чернеца,
 И скорбь души, обманушой мечшамя,
 И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
 Моя душа сжилась съ его душою:
 Я съ нимъ бродилъ во шмѣ чужихъ лѣсовъ;
 Съ его родныхъ Днѣпровскихъ береговъ
 Мнѣ вѣяло знакомою поскою.
 Вышь можеть, мнѣ шакъ сладко не мечшашь;
 Вышь можеть, мнѣ шакъ спрoйшо не гѣвашь:
 Какъ мой Чернець, всѣ спрaспи молодца
 Въ груди моея давно я скоронилъ;
 И я, какъ онъ, всѣ радости земныя
 Небесною надеждою замѣнила.
 Не зрѣшь мнѣ дня съ зарями золотыми,
 Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ;
 И въ цвѣтѣхъ лѣтъ ужъ я между живыми
 Тѣнь кладная безчувственныхъ гробницъ.
 Но я спремляю, вшпревоженъ шяжкой мглою,
 Милежный рой сердечныхъ думъ моихъ
 На двухъ дѣшей, взлелѣянныхъ шобою,
 И на себя, почти милѣй мнѣ ихъ.
 Я въ васъ живу: я сладко мнѣ мечшашь;

Всегда со мной мое очарованье.

Такъ въ шемну ночь цвѣшокъ, краса полей,

Свой запахъ льепъ, незримый для очей.



получать непременно въ первыхъ числахъ мѣсяца.
ри книжки будутъ составлять часть сего изданія.

Вырученныя деньги изданіемъ *Соревнователя
просвѣщенія и Благотворенія*, Общество, по Уставу
роему, назначаетъ на постоянна и временна по-
бѣла нелицущилъ цѣна иб и цтащилса, о чемъ по-
обно извѣщаетъ Публку въ спашѣ журнала, подѣ
званіемъ: *Лѣтописи Общества*; по сему желающіе
дѣйствовать сей благошворной цѣли могутъ вно-
шить за экземпляръ годоваго изданія и болѣе подпис-
ной цѣны, котора я для здѣшнихъ гг. подписчиковъ,
зѣ доставки журнала на домъ, назначаетъ *двад-
цать пять рублей*, а съ доставкою и также пере-
скою въ другіе города, *тридцать рублей*.

Имена особъ, доставившихъ за журналъ нѣко-
рое количество денегъ сверхъ подписной цѣны, и
обще всѣхъ *Благотворителей* припечатываются
Лѣтописяхъ Общества.

Подписка принимается въ Санктпетербургѣ —
домѣ Собранія Общества на Вознесенскомъ про-
ектѣ, 3 Адмиралшейской части, 4 кваршала, подѣ
254; также въ книжномъ магазинѣ Коммисіонера
Общества И. В. Слѣнина у Казанскаго моста и въ
блѣюшекѣ для чшенія покойнаго В. А. Плавильщи-
ва у Синяго моста, что нынѣ А. Ф. Смирдина.

Иногородныя особы, желающія получать сей
рналъ, могутъ относиться въ Газетную Экспеди-
ю С. Петербургскаго Почтамта.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

НАУКИ.

1. Опытъ исторіи Инковъ - 3.

ЛИТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

2. Песнь - - - - - 42.
3. День извозчика - - - - - 59.
4. Нѣсколько дней въ Афинахъ 74.
5. Характеръ истиннаго друга 95.

ПОЭЗІЯ.

6. Гайдамакъ - - - - - 97.
7. Новый годъ - - - - - 105.

С М Ъ С Ъ.

18. Литературныя новости - 106.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, Апрѣля 1 дня, 1825 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кавалеръ
Ал. Виуковъ.

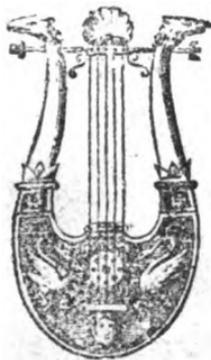
СОРЕВНОВАТЕЛЬ

ПРОСВѢЩЕНІЯ

И

БЛАГОТВОРЕНІЯ.

1 8 2 5.



№ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорскаго
Воспитательнаго Дома.

Н А У К И.

О

ВЛІЯНІИ ВОЕННЫХЪ НАУКЪ НА ОБРАЗЪ ВОЙНЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

„Im Fleiss kann dich die Binne meistern,
„In der Geschicklichkeit ein Wurm dein Lehrer seyn;
„Dein Wissen theilest du mit hochern Gestein,
„Die Kunst, o Mensch! hast du allein.

Schiller.

Исторія гражданской образованности представляеть намъ и исторію успѣховъ наукъ и изящныхъ художествъ; изъ коихъ одиѣ, порожденныя необходимостью, изображаюшь истину; вразумляюшь и научаюшь людей, и суть плоды дѣятельности разума человеческого; а другія, украшая и дѣлая сію истину привлекательною и любезною, носять на себѣ отпечатокъ подражанія совершеннаго.

вѣйшей природѣ, зависящъ отъ вкуса и
 воображенія, или вдохновенія, и служатъ
 наслажденіемъ ума и сердца. Но успѣхи
 какъ пѣхъ, такъ и другихъ были не со-
 размѣрны, и полагающъ можно рожденіе
 наукъ послѣ произхожденія искусствъ; ибо
 удовлетвореніе нуждъ и польза предше-
 ствующъ удовлетворенію любопытства.
 Человѣкъ заботился о себѣ прежде, не-
 жели о предметахъ, кои его окружающъ;
 и въ изобрѣшеніяхъ эпо примѣнилъ мож-
 но и къ цѣлымъ народамъ. Римляне и осо-
 бенно Греки имѣли отличныхъ художни-
 ковъ прежде, нежели явились у нихъ фи-
 лософы; а Италія послѣ бурныхъ произ-
 шествій, покрывшихъ пепломъ всѣ па-
 мятники наукъ и художествъ, при оза-
 реніи среднихъ вѣковъ слабымъ лучемъ
 просвѣщенія, увидѣла Петрарку, Микель
 Анжела, Рафаэля прежде, нежели явили-
 ся Галилей и Торичелли. Замѣшимъ
 еще, что зодчество, ваяніе, живопись и,
 можетъ быть даже самая поэзія, соупу-
 нница изящныхъ искусствъ, процвѣтавшая
 въ теченіи двадцати вѣковъ, и нынѣ, въ
 просвѣщенные времена, не имѣютъ зна-

Чисельнаго преимущесства предъ лучшими произведеніями первыхъ эпохъ совершенства художества у древнихъ. Науки же имѣли другой удѣлъ: онѣ подвигались медленно и посепенно усовершенствовались. Философія древнихъ, творенія Эвклида и Архимеда и метафизика и физика Аристотеля не могутъ сравняться съ твореніями новѣйшихъ. Глубокимъ изысканіемъ Бэкона, жившаго въ послѣдней половинѣ XVI и первой XVII вѣковъ, науки вообще, и въ особенноти науки естественныя, одолжены правильнѣйшимъ ихъ ходомъ и быспрыми успѣхами; Лейбницъ и Ньютонъ открыли въ области наукъ шакіе пути и удѣлы, кои древнимъ философамъ и на умъ не приходили (*).

И шакъ стремленіе къ пріятнымъ впечатлѣніямъ, по теоріи Сульцера, произвело всѣ искусства; а необходимость и размышленіе породили науки. „Вообще судьба наукъ имѣетъ большое сходство съ судьбою народовъ; шѣ и другіе произ-

(*) Журналь изящныхъ искусствъ 1824 года, N I, II, III.

ходящъ изъ ничего: великій народъ ошъ одного семейства, важная наука ошъ одной счастливой мысли. Нѣтъ строгой постепенности, нѣтъ вѣрной логики въ ходѣ и дѣйствіяхъ природы (*).“ Чувства и воображеніе были основаніемъ искусствъ; въ наукахъ они суть блуждающіе огни: разсудокъ и трудъ, ихъ заминая и побѣждая, служатъ свѣпильниками въ ученыхъ изысканіяхъ. Почему и вѣроятно, что разборчивость ощущеній, умъ и сердце, при самомъ началѣ всѣхъ отраслей наукъ и художествъ, сливая въ одно всѣ чувства и понятія, направляли къ одной цѣли врожденное въ человѣкѣ стремленіе къ улучшенію своего состоянія, или къ самохраненію; а по сему военное дѣло, составляя главнѣйшую цѣль безопасности, при всѣмъ разнообразіи поводовъ и средствъ, различіи временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, обнаружива-

(*) Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ, 1818, стр. 18.

лось единообразно во всякомъ вѣкѣ и у всѣхъ народовъ, и служилъ источникомъ всѣхъ важныхъ дѣяній, въ послѣдствіи основанныхъ на важнѣйшихъ соображеніяхъ. Оно соспавляло средину между искусствомъ и науками, *служило наукою для просвѣщенныхъ и грубымъ только ремесломъ для невѣждъ*. По истинѣ сего выраженія невольно должны мы согласиться: чтобы выпити изъ круга воиновъ по ремеслу, надлежитъ сдѣлаться воиномъ по наукѣ, воиномъ образованнымъ и просвѣщеннымъ (*).

Предположить можно, что начало военного дѣла принадлежитъ самому произхожденію гражданскихъ обществъ. Когда еще разсудокъ, увлеченный спрасями, не постигалъ необходимости законовъ, рука сильного рѣшала жребій беззащитнаго, и удовлетвореніе насильственныхъ нуждъ наспоющаго дня, не помышляя о послѣдствіяхъ, обограло землю ужаснѣйшими кровопролитіями, угрожавшими испреб-

(*) Э. Н. Глянка, тамъ же, стр. 29. О пользѣ теоріи военного искусства, стр. 44.

леніемъ всему роду человѣческому. Сіе бѣдственное сословіе людей, подобныхъ нынѣшнимъ дикимъ Гренландцамъ, можетъ быть, въ началѣ укрывавшихся въ пещерахъ, или за скалами своими, оправдавшихъ нападеніе палицами и стрѣлами, коихъ лезвія были изъ рыбныхъ костей, способствовало поспешному изобрѣженію оружія, охраненію своихъ жилищъ швердыми оградами и избранію искусныхъ предводителей и отважнѣйшихъ воиновъ для защищенія общей безопасности и собственности. Посему испорія военныхъ наукъ и первоначальнаго вооруженія народныхъ ополченій современна шѣмъ вѣкамъ, когда, при господствованіи и бореніи страстей и природы, люди по врожденному побужденію ознакомились съ правилами собственности и личной свободы, когда необходимость частныхъ пожертвованій для пользы общественной утвердилась между нѣсколькими поселившимися семействами.

Въ первыя времена вѣроятно успѣхи военнаго искусства заключались въ усовершенствованіи способовъ вооруженія и

употребленія оружія, а попомъ въ способъ соединенія и устроенія военныхъ средствъ, чтобы силою прошивоборствовать удару нападающаго и свои предприятия вѣнчашъ успѣхомъ. Физическія и нравственныя силы, по мѣрѣ развитія народныхъ способствъ, приходили въ большее движеніе, и ошъ сего Саллюстіій (*), займавшаго предшествовавшими историками, предлагаетъ разрѣшитъ важный вопросъ: *тѣмъ ли обязано военное искусство силъ тѣлесной и душевной?* Изслѣдованіе его естественною доводитъ насъ до философическаго изученія исторіи военнаго дѣла и къ постановленію правилъ, по которымъ должно поступать для пользы общества., Всѣ силы природныя, всѣ искусства физическія, говоритъ Каріонъ Низасъ, принадлежатъ къ оному, или по крайней мѣрѣ тѣсно соединены съ нимъ; оно возвысилось до степени науки и къ своему споспѣшествованію призвало на помощь всѣ силы нравственныя, всю силу разсудка и ума. Слѣдовательно ис-

(*) Описаніе войны Капилины.

дпорія военной науки состоипть изъ соотношеній, которыя постепенно успановлялись и раскрывали для нея міръ физическій и міръ нравспвенный. Это союзъ мыслей и дѣйсвій, а, слѣдуя Саллюстію, дѣйствіе предшешвуеть природѣ и за собою ведеть разсужденіе (*). “По сему военное дѣло, какъ и прочія отрасли просвѣщенія, обзанныя въ началѣ успѣхами своими необходимости, подражанію, любопытству, трудамъ и попеченію искусныхъ людей, можно разсмапривать въ прехъ отношеніяхъ: какъ науку (оно представляеть собраніе истинъ, къ одному предмету относящихся), какъ искусство (оно показываеть способъ дѣлать вещь соотвѣтспвенно ея назначенію); и наконецъ какъ ремесло (оно есть навыкъ употреблать вещь, или ею дѣйспвовать сообразно ея назначенію).

(*) Essai sur l'histoire générale de l'art militaire, de son origine, de ses progrès, de ses revolutions depuis la première formation des sociétés europeenes jusqu'à nos jours, 1724, t. I. ch. I.

Прибавимъ къ тому, что всякая наука приобрѣщается искусствомъ; долговременный навыкъ есть душа всякаго искусства; навыкомъ раскрываютъ нравственныя способности и дарованія, опъ навыка получаютъ люди благородное приращеніе любви по ремеслу, въ кошоромъ чувствуютъ себя непослѣдними.

Но военное дѣло опъ самаго младенчества своего, подобно другимъ наукамъ и художествамъ, процвѣтавшее и упадавшее съ успѣхами народовъ, съ давнихъ временъ заключаетъ въ себѣ коренныя правила, независимыя ни опъ рода оружія, ни опъ времени и мѣста; и къ симъ по правиламъ, говоритъ Жюмини (*), должно примѣнить все военныя соображенія, для познанія дѣйствительнаго достоинства ихъ. Въ теченіе тридцати вѣковъ являлись искуснѣйшіе вожди, болѣе или менѣе удачно пользовавшіеся сими правилами; но при употребленіи и нерѣдко гениемъ и опытомъ были

(*) Общія правила военнаго искусства. Рус. пер. при Гвардейскомъ Шшабѣ, 1817 года, стр. 1.

въ часности измѣняемы; ибо различіе мѣстоположенія, народнаго духа и законовъ, военныя событія и степень просвѣщенія наиболѣе имѣли вліянія на способъ войны въ образованныхъ государствахъ и служили причинами, что раннее дѣло какъ въ древнія, такъ и новѣйшія времена не вездѣ было въ одинаковомъ совершенствѣ (*).

Въ началѣ зависѣло оно отъ силы и проворства сражавшихся, а въ послѣдствіи времени, при образованіи народовъ, при честолюбіи и возвышенныхъ дарованіяхъ людей, опличныхъ своими дѣяніями, оно сдѣлалось орудіемъ славы, управляющимъ судьбою державъ, предшествовало всѣмъ опасностямъ наукъ и художествъ, упадало по мѣрѣ того, какъ онѣ опцвѣшали, и прошекало попеременно разныя страны земнаго шара, надѣляя народы славою и преимущественномъ въ немъ упражнявшіеся, убѣгало народовъ богатыхъ и роскошныхъ,

(*) XXIV часть Соревнователя П. и Б. Взглядъ на военное искусство древнихъ до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія.

обитало предпочтительно у народовъ гру-
 быхъ и бѣдныхъ, возмужавшихъ въ про-
 шломъ воинственной жизни и сохранив-
 шихъ мужество и швердосшь. Но упа-
 докъ военного искусства въ нѣкоторыхъ
 государствахъ, при самомъ развитіи наукъ
 и художествъ, не должно приписывать
 успѣхамъ сихъ послѣднихъ; ибо но-
 вѣйшія открытія въ теоріи, и всеобщія
 познанія, приобрѣтенныя опытомъ, должны
 бы были усовершенствовати военную на-
 уку наравнѣ съ прочими, содѣлаватъ так-
 тикку просвѣте и искусствѣ, образовавъ
 лучшія войска и полководцевъ и поспа-
 вивъ методу вмѣсто навыка, и сообра-
 женія вмѣсто случая. (*) Не науки, но
 ложное сіяніе и недоспапокъ въ истин-
 номъ просвѣщеніи, ведущій къ разврату
 людей, произвелъ упадокъ въ рашномъ дѣ-
 лѣ у Грековъ и Римлянъ; и искусство во-
 енное измѣнялось и у новѣйшихъ наро-
 довъ по мѣрѣ того, какъ они спрашили

(*) Общій опытъ тактики, часть I. стр. 25.
 по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелѣнію издан.
 1807 года.

народныя доблести, въ гражданахъ гасла любовь къ ошечеству, и хладный эгоизмъ заспалялъ каждаго по личнымъ выгодамъ дѣйствовать, и опдѣляться опъ участвія въ общемъ дѣлѣ. Съ сего времени полишика государей, заключающихъ союзы для удержанія системы равновѣсія въ Европѣ, или лучше сказать, чинобъ оспанавливать быспрыя завоеванія, управляетъ хедомъ войны и сдѣлала военное искусство государспвенною наукою, основанною на многоразличныхъ соображеніяхъ.

Разспатривая военное дѣло новѣйшихъ временъ въ двухъ опношеніяхъ, какъ *науку и искусство воевать*, мы видимъ, что въ первомъ случаѣ заключаюпся всѣ учебныя способы, основанныя, на теоретическихъ познаніяхъ, во вшоромъ, примѣненіе сихъ правилъ на самомъ дѣлѣ и перемѣны ихъ по различнымъ обспоятельствамъ. Въ первомъ случаѣ заключается военное обзорѣніе мѣста, или топографія, образъ разположенія укрѣпленій опноспительно инженерной и аршиллерійской наукъ, и обученіе войскъ, ихъ движенія, или ма-

нѣвры, приугошвление, или усовершенствованіе оружія, разбивка лагерей и проч.; во впоромъ: знаніе управляшь войсками, польозапшья всѣмъ лучшимъ при первомъ взглядѣ на мѣстоположеніе, обнимаешь взаимное отношеніе разсмаприваемыхъ предметовъ и въ мгновение ока примѣняешь общія правила къ часпнымъ случаямъ, на каждомъ шагу перемѣняющимся. Сіе искусство зависишь ошь *военнаго глазомера* (coup d'oeil militaire), который есль зрѣлый плодъ опытнаго генія, болѣе врожденный, нежели ученіемъ приобрьшаемый, какъ другіе думаютъ; слѣдовательно правила, относящіяся до него, многоразличны и не могутъ бышь на всякой случай приведены въ систематическій порядокъ, но соспавляютъ высшую часть военной науки, или пракшическое употребленіе теоріи ея.

Необходимыя качества для искуснаго полководца раздѣляются на два рода, изъ коихъ одни ученіемъ приобрьшаются, другія же сушь врожденныя, шо есль, соспоятъ изъ теоретической части, или математикою опредѣленной, и изъ фи-

лософической, или умозришельной, опъ здраваго разсудка и испиннаго благоразумія зависящія.

Сіе различіе безконечно; должно знашь вещь и умѣшь ею пользоваться; порознь каждая часпъ недоспашочна предводителю для умспвеннаго дѣйсствія, или вымысла, а, вмѣстѣ соединенныя, онѣ дѣлають вымысль совершеннымъ.

Величайшіе полководцы всегда были ученіемъ образованы. Кесарь, Тюренъ, Моншекукулли, Фридрихъ II и пр. были въ шоже время писателями. Достойно замѣчанія, говоритъ графъ Бисмаркъ (*), что нерѣдко величайшіе полководцы въ изданныхъ своихъ постановленіяхъ упоминали о малѣйшихъ подробностяхъ службы; напрошивъ шога другіе, никогда и рошою не управлявшіе, писали о высшей часпи военнаго искусства и служили войскамъ образцами невѣжества и неупошпей; нѣкоторые же, сидя за столомъ въ

(*) Vorlesungen ueber die Taktik der Reuterey, Karlsruhe, 1819.

кабинетѣ, собирали свѣдѣнія для криптической военной испоріи.

Основанія, предшествующія свѣдѣнія и математическія опредѣленія, въ военной наукѣ заключающіяся, въ послѣдствіи открыты и правилами поспановлены: но дарованіе управляеть войсками на опытѣ, примѣняеть теоретическія части военныхъ познаній болѣе значить, нежели самая наука: оно есть обширное искусство, которое Теобальдъ называетъ *изящностію военнаго дѣла*.

Весьма спранно было бы предпринять описаніе войны, не участвовавъ въ оной и о состояніи ея не имѣвъ свѣдѣній отъ главнѣйшихъ предводителей. Дѣйствія начальствующаго генерала сопряжены съ дѣйствіями инпендансовъ арміи. Продовольствіе имѣеть рѣшительное вліяніе на заключеніе похода. Отъ военнаго поприща удаленный наблюдаеть обвиняеть полководца въ томъ, что онъ не оправдалъ своими быспрыми движеніями, скорыми и частыми битвами и сраженіями всего приемираемаго имъ участія въ его подвигахъ, но онъ не знаетъ о множе-

спвъ препятствій, кои полководцу преодолѣть надлежало; не разсуждаетъ, что продолжительные дожди, испорченныя дороги въ продолженіе осьми сутокъ до невѣроашія измѣняюшъ нравственное состояніе войскъ (*). Ошдаленный крипикъ, описывая поражение, нервѣдко изъ виду опускаешъ, что солдаты во всякую непогоду днемъ идушъ по болошамъ, въ холодную ночь лежашъ на сырой землѣ, въ исорванномъ плашѣ и обуви, блѣдны, изнурены; лошади не кованы, безъ фуража; люди борющся съ голодомъ; ибо съшсные припасы отбишы, и что прошивоборствующая сему армія необходимо должна въ своихъ движеніяхъ имѣшъ препятствія; онъ о семъ не разсуждаетъ; пошому что умолчено въ обыкновенныхъ извѣстїяхъ о благоразумныхъ мѣрахъ, приняныхъ начальствомъ для сохраненія арміи въ семъ положеніи.

По послѣдствїямъ, а не по насшящему обыкновенно судяшъ, и сіе гораздо легче: шруднѣе въ насшящемъ дѣлашъ крипи-

(*) Bismark s. 66 (IV Vorlesung Charakteristik des Gefechts).

ческія замѣчанія на топъ планъ, которыи съ благоразуміемъ начертанъ и съ силою и быспрошою будетъ приведенъ въ исполненіе. Никакое искусство не требуетъ сколько природныхъ дарованій, какъ военное: душевныя и тѣлесныя силы должны быть соединены и находишься здравы и крѣпки. Дарованіе обнять глазомъ въ одно время выгоды и послѣдствія и вѣрно опредѣлить ихъ отличаетъ врожденнаго война. Сей глазомѣръ, имѣющій свойствомъ далеко обнимать, въ неожиданныхъ случаяхъ и бурныхъ переворотахъ счастья и расчешовъ постигаетъ истинное положеніе свое, крѣпко и пошоянно оспаривать у судьбы то, что она добровольно не хочетъ уступить, или, въ случаѣ пошери, съ благоразуміемъ опврапшить всѣ бѣдствія и отклониться отъ шруднаго положенія не ученіемъ приобръщается, не общими формами разрѣшается и не на планѣ и черной доскѣ въ училищахъ начертывается, а есть совершенно особенный военный геній. Но геній долженъ быть образованъ: безъ размышленія и испытанія, безъ ученаго при-

угоповленія геній есть только счастливая способность природы (*).

Первоначальное правило веденія войны и для полезнаго употребленія всѣхъ способовъ, зависящихъ отъ ученія и глазомера, соспоишь въ помѣ, чтобы имѣшь не только географическія познанія о странахъ, предшавляющей театръ войны, но посредствомъ хорографіи, или опредѣльнаго описанія какой либо области, топографіи (описанія мѣстъ), гидрографіи, или водоописанія, узнавашь въ часпности объ оной, и чрезъ спатиспическія извѣстія повѣряшь всѣ доставленныя свѣдѣнія касатель-но плодородія земли, народныхъ богатствъ, шорговли, промышленности, спешени просвѣденія; къ кому привержены жишели, какой образъ правленія, сколь велико могущество и силы непріятели и какъ далеко могутъ прѣспираться его дѣйствія; надлежитъ знать собшвенныя си-

(*) Тамъ же Erste Vorlesung s. 5. О военномъ искусствѣ древнихъ и новыхъ временъ съ прибавленіемъ о пользѣ теоріи военного искусства, стр. 46.

ды, духъ войска, и какихъ пособій можно ожидать въ деньгахъ, запасахъ и людяхъ.

И такъ военное дѣло по многочисленности предметовъ, въ него входящихъ, заключаешь въ себѣ различныя отрасли, или отдѣленныя науки, составляющія вмѣстѣ цѣлое, а именно:

Стратегія служитъ всему основаніемъ и заключается въ себѣ сочиненіе операціонныхъ плановъ, разположеніе войска, сообразно дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, веденіе наступательной, или оборонительной войны, искусство избирать мѣста для построенія крѣпостей, устройенія лагерей и боевыхъ порядковъ, марши для нападенія на непріятелей и для отступленія въ виду сильнаго и предприимчиваго войска, быстрое окруженіе крѣпости, которую должно осадить, и проч.

Тактика имѣетъ предметомъ не только соотвѣтственно военной цѣли обучать по часямъ войска, усовершенствовать движеніе ихъ, приучать къ легчайшему и полезнѣйшему употребленію оружія и приготавливать ихъ къ исполненію

важнѣйшихъ военныхъ дѣйствій; но есть искусство съ выгодною въ сраженіи войска располагать, двигать и дѣйствовать ими. Одно разположеніе и движеніе войска называется *эволюціями* (оборотами), соединеніе эволюцій *маневрами* (движеніями), а искусство употреблять маневры въ военныхъ дѣйствіяхъ, для достиженія предназначенной цѣли, есть *предметъ тактики*.

Тактика есть искусство, сраженія наука. Наука, какъ произведеніе ума, можетъ быть выучена; для искусства же нужно врожденное дарованіе, которое конечно можетъ и должно быть обработано, ибо къ сему недостаточно природная способность, равно какъ нельзя быть виртуозомъ въ музыкѣ безъ звуковъ музыки. Это вразумительно, и ежедневные опыты доказываютъ, что нерѣдко ученые офицеры, штурдующіе надъ неопровергаемыми планами военныхъ дѣйствій, на самомъ полѣ сраженія не имѣютъ искусства ниводить войскъ, ни ихъ располагать. Многие офицеры въ высшихъ сепеняхъ не могутъ на учебномъ мѣстѣ

двигашь эскадрона, напрошивъ шого какъ другіе не съ блестящими дарованіями въ сраженіи побѣждаютъ; не умѣя сдѣлать простиаго начерпанія военнымъ дѣйствіямъ.

Здѣсь между шакшикою и спрашегіею означаешя предѣль. Спрашегія естѣь *предназначеніе*, шакшика *исполненіе* военного предпріятія. Для шакшики, или военного искусства, попребно ошъ природы возвышенное и рѣдкое дарованіе. Для спрашегіи, или военной науки, образованный и основательный умъ (*). Для шакшики попребна большая оцыпность, и война ее образуешъ; во время мира школоу ей служащъ пракшическіе лагеря и осенніе манѣвры; спрашегіи во всякое время года въ своей комнапѣ можно учишься. Такшика естѣь искусство предводительствовашь войсками, спрашегія наука начерпывашь планы и военныя дѣйствія. Соединенное искусство съ наукою образуешъ въ высокой степени полковод-

(*) Vorlesungen ueber die Taktik der Reuterey

ца. Эрцгерцогъ Карль въ своемъ сочиненіи наиболѣе опличается пѣмъ, что раздѣляетъ повидимому самую вѣрную черпоу шакпику отъ спратшегіи, или проще сказашь, *искуство сражаться отъ науки воевать и завоевывать*, ибо надлежитъ знать, что можно сражаться безъ завоеваній и завоевывать безъ сраженій (*).

Различіе между наукою и искусствомъ въ семъ ясно видно (**). Твореніе человеческого разума, которое исполнено не ученіемъ, а врожденною способностію открывашь и шворить, и изъ коего можно извлеченныя извѣсныя правила систематически изложить, конечно можетъ почесаться *искусствомъ*. Но когда въ послѣдствіи, помощію высочайшей умственной способности, по ешь, посредствомъ разсудка и вѣрныхъ соображеній, на просныхъ и неоспоримыхъ основаніяхъ составленная система оправдана и утверждена истиною, то она *есть* на-

(*) Разсужденіе о необходимости дѣлательной жизни, и пр. Ф. Глинки, стр. 28.

(**) *Vismark* в. 8.

чка. Искусство преобразуется и возобновляется, такъ какъ самыя частыя, ее составляющія; на примѣръ: музыка, живопись, архитектура перемѣняются по степенямъ упадка и возвышенія вкуса. Науки же въ самомъ своемъ основаніи неизмѣнны и ясны, и не могутъ сами собою измѣняться. Начала Эвклидовой геометріи оспаривались въ испеченіи тысячи лѣтъ памятниками неизмѣнности.

Сіе опредѣленіе искусства и науки объясняетъ различіе между тактикою и стратегіею, согласуетъ взаимно понятія и показываетъ послѣдствія. Почему и должно удивляться, что изъ новѣйшихъ писателей послѣ Эрцгерцога Карла, Лойда, Жомини, Ранья и другихъ, Каріонъ Низасъ, въ своемъ опытѣ исторіи военнаго искусства, излагая всѣ послѣдовавшія перемѣны въ тактикѣ отъ древнихъ до новѣйшихъ временъ, весьма неосновательно опредѣляетъ стратегію, говоря, что она есть направленіе, данное военнымъ движеніямъ въ обширнѣйшемъ кругу, нежели сколько можно объять глазомъ. Слѣдовательно очки (замѣчено въ

одномъ нѣмецкомъ журналѣ) должны я-
мѣшь силу распространять область так-
тики и подводить подъ ея веденія ша-
кля военныя предначертанія, копорыя
безъ нихъ принадлежали бы стратегіи.
Методы наукъ не должны бышь споль
ненадежны: онѣ всегда и даже съ удобно-
стью могутъ бышь основаны на началахъ,
по есть на природѣ вещей. Стратегія
есть способъ направлять силы свои на
важнѣйшіе пункты, есть способъ омыс-
живать сіи пункты по сообразности ихъ
(par leur analogie) съ основными правила-
ми войны (*). Тактика есть средство къ
доспиченію сего. Тактика, или военное
искусство, при каждой системѣ подвержена
измѣненіямъ. Стратегія, или военная на-
ука, заключаетъ неизмѣнныя правила.

Предметъ бышь пошь же; но иску-
ство сражашься, или боевой порядокъ,
подверженъ измѣненію. Тактика дре-
внихъ заключалась въ ударѣ и сѣсно-
ніи. Непобѣдимыя Македонскія фаланги
должны были наконецъ уступить ша-

(*) Revue europeene 1824. (Juin).

шикъ Римлянъ. Изобрѣшеніе огнеспрѣль-
наго оружія уничтожило глубокіе боевые
порядки. Тяжелыя орудія принудили ка-
менные стѣны замѣнить земляными ва-
лами, а послѣ изобрѣшенія рикошетныхъ
выспрѣловъ надлежало прикрывать ихъ
траверсалии. Войны со временъ Француз-
ской революціи опредѣляютъ седьмую
эпоху военнаго искусства со временъ изо-
брѣшенія пороха, и она вѣроятно не
есть послѣдняя (*). Истинное опредѣле-
ніе успѣховъ воинскаго искусства зави-
сится ошъ подробнаго разсматриванія во-
енныхъ произшествій съ древнихъ до
новѣйшихъ временъ.

Въ сравненіи военныхъ подвиговъ
Фридриха великаго съ Наполеономъ, Жо-
мини (**), почищаетъ систему сраженій
перваго истинно превосходною предъ
всѣми другими, особливо же въ отноше-

(*) Vorlesungen ueber die Taktik der Reuterey
v. G. Bismark s. 8 und 243.

(**) Примѣчанія на сочиненіе Каріонъ Низаса
изъ Revue europeene, помѣщенное въ Сы-
нѣ Отечества, 1824 года.

вѣи къ войскамъ, сражающимся въ при-
мыкающихъ другъ къ другу линіяхъ, а не
въ отдѣльныхъ на нѣсколько миль одинъ
опъ другаго корпусахъ. Лейпенская бит-
ва приведена шамъ за образецъ военнаго
искусства, и опдана полная справедли-
вость сраженіямъ при Прагѣ, Росбахѣ,
Торгау, Лигницѣ и даже при Куверсдорфѣ.
Сочинитель удивлялся искусному опспу-
пленію короля опъ Ольмюца и походу его
послѣ нечаяннаго нападенія на Гогенкир-
хень. Но генераль Жомини повиди-
мому опдавалъ преимущество Наполеону
въ срашеніи, и находилъ, что Фридрихъ
лучше его разумѣлъ сраженія. Одни при-
веденныя имъ сравненія опносяща къ о-
перационнымъ линіямъ походовъ Маренг-
скаго и Ульмскаго съ походомъ на сооб-
щенія Прусаковъ чрезъ Тену. Что ка-
сается до сихъ смѣлыхъ походовъ, то
онъ ихъ хвалилъ, и каждый, разумѣющій
свое дѣло военный человекъ, почелъ бы за
счастіе, если бы могъ похвалиться по-
добными походами. Равномѣрно хвалилъ
онъ сполько же славную операцію при
Абенсбергѣ и Экмюль: она сосшояла въ

томъ, чтобы прорѣзаться сквозь центръ разобщенной арміи и тѣмъ помѣшать Австрійцамъ соединиться, опъ чего они непременно выиграли бы Баварією, а можетъ быть и всей Германією (*).

Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ на военные подвиги великихъ полководцевъ наставниками нашими въ военномъ искусствѣ, мы видимъ, что стратегія, заключающая въ себѣ испытанную истину, показываетъ на каждомъ театрѣ войны пункты и линіи, или пуши, кои должно въ оборонительной войнѣ защитить, а въ наступательной достигнуть ихъ (**). Не во власти полководца сіи стратегическіе пункты и линіи перемѣнить. Полководецъ, не уважая ихъ, будетъ всегда побѣжденъ тѣмъ, кто съ ними сообразуется. Изъ сего слѣдуетъ, что одинъ по несообразнымъ предубѣжденіямъ отдалается отъ своего основанія военныхъ дѣй-

(*) *Traité des grandes operations militaires par Jomini t. II. etc.*

(**) *Grundsactze der strategie von Erzherzog Karl. I Theil.*

свѣй, и что правила обороны наблюдаемы пропавникомъ. Когда же рѣшеніе зависитъ отъ превосходства силы, тогда сей послѣдній опваживаешся безопасно до крашчайшей линіи поспѣшишь къ избранному предмету, по желанію своему успѣешь предписать мирныя условія, и его ни крѣпости, ни войска не могушь удерживашь, а одною шолько народною войною онъ можетъ бышь побѣжденъ.

Должно удивляшся, сколь прудно назначишь предѣлы между шакшикою и спрашегією. Есть различія между спрашегическими и шакшическими дѣйствіями, изъ коихъ называются спрашегическими шѣ, кои произведены въ разстоянія пушечнаго высшрѣла, или не всшрѣчаясь съ непріятелемъ, а шакшическими шѣ, кои въ кругу ихъ находяшся. Надлежитъ наблюдать, что спрашегическія дѣйствія могушь имѣть вліяніе на успѣхъ всего похода (*). Не вездѣ, гдѣ непріятель повсшрѣчаешся, можно дать сраженіе спрашегическое; но

(*) Военный журналъ 1819. Кн. V. VI.

Оно всегда выгодно, коль скоро непріятель дѣйствуешь только тактически. Лейпцигское сраженіе есть стратегическое; ибо, по словамъ Жомини, оно было слѣдствіемъ стратегическаго движенія союзниковъ чрезъ Богемію и Дрезденъ на Лейпцигъ, по которому они зашли въ тылъ линіи сообщенія Французской арміи. Касаптельно сего порицають Фридриха великаго въ томъ, что онъ былъ болѣе тактикъ, нежели стратегикъ, и сіе, можешь быть, было причиною продолжительности семилѣтней войны (*).

Тактика научаетъ движенію войскъ въ дѣйствительномъ сраженіи, которое служишь ея непосредственною цѣлью; стратегія напрошивъ того разсуждаетъ о движеніи войскъ относительно дѣлаемыхъ маршей, или переходовъ.

Нѣкоторые различають также военное искусство и тактику и находятъ въ нихъ противоположность общоуполь-

(*) Strategisches Studien von J. v. Th. Gotta 1817. s. 54.

спвъ, кои въ одномъ и томъ же заклю-
чающся. Слово *стратегія* заимствовано
съ Греческаго, гдѣ *strategos* значить по-
лководецъ; названіе же тактики Мар-
шалъ Саксонскій производить отъ марша,
или движенія Римлянъ по нѣкопому
размѣру времени (спактѣ) (*). Почему
подъ именемъ тактики мы разумѣемъ
болѣе, нежели воинскія ученія и занятія,
но механизмъ, составленіе, или сооруже-
ніе движущейся воинской силы арміи.

Тактика раздѣляется на *малую*, или
начальную и *высшую* (*). Первая заклю-
чается въ себѣ всѣ подробности ученія
одного баталіона, эскадрона, полка, ба-
тарей, бригады, или линейное ученіе, со-
стоящее изъ соединенія одной, или двухъ
бригадъ съ артиллеріею. О сей части мы
имѣемъ со временъ Гуспава Адольфа и
и особенно Фридриха II множеству си-
стемъ и различныхъ мнѣній, и нерѣдко
военные люди, углубившись въ мѣлочи,

(*) *Vorlesungen ueber die Taktik der Reuterey* s. 41.

(*) Общій опытъ, тактики по ВЫСОЧАЙ-
ШЕМУ повѣленію изданный 1807. Часть
I. стр. 32.

чрезмѣрно уважаемыя, отдавались опъ истиннаго предмета военной науки; почему Жомини замѣчаетъ, что многіе сочинители въ своихъ швореніяхъ о теоріи военнаго искусства пакъ далеко зашли, что цѣлыя главы написали о томъ, какъ офицеру носить шнагу и какаго вида долженъ бытъ шомполь (*). Вторая часть составляетъ искусство генераловъ; объемлеть всѣ большія части войны по стратегическимъ соображеніямъ и по отношенію къ наукѣ избранія мѣстъ и топографіи; располагаешь движенія войскъ, порядокъ маршей и боевыхъ шпроевъ; имѣешь предметомъ безопаснѣйшее и удобнѣйшее для войска разположеніе; находишься въ связи съ фортификаціею, потому что укрѣпленіе шпроешя для войскъ и имѣешь непосредственную связь съ артиллеріею, которая, будучи назначена къ вспоможенію и подкрѣпленію войскъ, должна въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ своихъ согласоваться съ направленіемъ боевыхъ порядковъ.

(*) Общія правила военнаго искусства при Гвард. Штабѣ перевод. 1817, года стр. 3.

Всякое военное движеніе, имѣющее не-
 пріятеля предмешомъ, естъ, по словамъ
 Бюлова, *военное дѣйствіе*, если только
 можно вѣрно разсмотрѣть, выполнено ли
 оно по правиламъ спрашегіи и шактики:
вопервыхъ, спрашегически ли предполо-
 женъ предметъ и избраны линіи, т. е. если
 непріятель ни съ кошорой стороны, ни
 съ кошораго пункта не можетъ преду-
 предить нападенія, и всѣ условія совер-
 шенной безопасности въ военныхъ со-
 ображеніяхъ соблюдены; *вовторыхъ*, спра-
 шегическія движенія и занятія позицій
 для лагерей во время переходовъ, споянія
 на мѣспѣ или на каншониръ-кварширахъ,
 по правиламъ ли искусствва (шактики), вы-
 полнены и могутъ ли войска въ каждую
 минушу съ выгодною вспушить въ сраженіе?

Всякое военное дѣйствіе, или манёвръ
 долженъ бытъ основанъ на правилахъ
 спрашегіи, и съ искусстввомъ, по прави-
 ламъ шактики, приведенъ въ дѣйствіе.
 Если спрашегія начершываетъ не одинъ
 только операціонный планъ похода, но
 и планъ военныхъ дѣйствій, если она
 означаетъ рѣшишельные пункты, или

линіи, завладѣніе коихъ для извѣстнаго предмета необходимо: по въ поже время тактика для выполненія стратегическаго начертанія научаешъ, какимъ образомъ избирашъ крѣпкія позиціи, разполагаешъ движенія и битвы. Когда полководецъ безъ вниманія оставляешъ стратегическія правила: тогда сраженія даюся безъ всякой военной цѣли и только для того, чтобы новыми побѣдами возвысиль военную славу; тогда въ исторіи походовъ предсавлено будешъ нѣсколько кровопролитныхъ сраженій, но безъ блистательныхъ успѣховъ, ибо битвы происходили не на стратегическихъ пунктахъ.

Военное дѣйствіе, какъ въ тактическомъ, такъ и стратегическомъ смыслѣ, заключается въ шрехъ частяхъ. Къ стратегіи принадлежитъ сущность, или изложеніе военныхъ дѣйствій, основаніе оныхъ, предметы и линіи операционныя; къ тактикѣ выборъ позиціи, движеніе и дѣйствіе.

Подъ названіемъ *основанія военныхъ дѣйствій* (*operations basis*) разумѣють стра-

спрашегическіе пункшы, кои соединены безопасными линиями, или *путями сообщеній* (*Kommunications strafze*). Сіи пункшы (*предметы, subjecte*) должны быть укрѣплены, чшобы для продолженія войны въ нихъ заключались необходимыя средства и обезпечены были отъ непріятельскаго предпріятія (*).

Оборонительно дѣйствуетъ войско, когда господствованіемъ спрашегическаго пункша оно ограничено; наступательно же, когда войско отъ него впередъ идетъ для занятія другихъ спрашегическихкихъ пункшовъ. Завладѣніе войскомъ сихъ высшавленныхъ спрашегическихкихъ пункшовъ называется *предметомъ военныхъ дѣйствій* (*operations objecte*); линіи, къ нему ведущія, суть *пути военныхъ дѣйствій* (*operations linien — strafzen*).

Артиллерія доставляетъ всѣ средства къ усиленію наступательнаго и оборонительнаго дѣйствія; она есть душа войскъ, безъ коей должно все преобразо-

(*) De la guerre; ouvrage destiné aux véritables guerriers traduit de l'allemand. MDCCCXIX p. 33 &c.

вашся въ военномъ искусствѣ; заключаешь въ себѣ правила составленія пороха, снарядовъ и огнеспрѣльнаго оружія со всеми принадлежностями, и научаешь, какъ въ дѣйствиіи употреблять оныя, и проч. Сочиненія и опыты: Сенреми, Белидора, Вальера, Дарси, Борда, Гюпона, Робинса, Румфорда, Шарнгорста, Антони, Темпельгофа, Гассенди, Леспинасса, Рувруа, Гоера, Дюршюби, Мовжа, Ламаршильера, Гогеля, Маркевича и другихъ членовъ *военно-ученыхъ обществъ* и проч. наиболѣе дополняютъ и объясняютъ теорію артиллерійской науки, которая, при большихъ успѣхахъ въ физикѣ и химіи, непрестанно требуетъ подробнаго изслѣдованія (*).

(*) Въ новѣйшія времена во Франціи графъ Шаселу де Лоба предложилъ новый способъ строенія казематъ и употребленія артиллеріи на подъемныхъ лафетахъ, чтобы ее скрывать отъ непріятели во время бездѣйствія. Пексанъ въ своей книгѣ: *Nouvelle force maritime et artillerie, Paris, 1822*, доказывалъ весьма справедливо пользу горизонтальнаго стрѣланія разрывающими снарядами вмѣсто ядеръ,

Артиллерійское искусство, имѣя предметомъ изготовленія и употребленія огнестрѣльнаго снаряда, раздѣляется на три отрасли: на искусственную, теоретическую и практическую, изъ коихъ къ первой принадлежишь лабораторная и арсенальная часть; ко второй теорія дѣйствія, основанная на математическихъ нау-

чему съ успѣхомъ прошедшаго года были дѣланы опыты во французскихъ портахъ. Въ Англии полковникъ Мюдже, начальникъ школы въ Вульвичѣ, съ прочими артиллеріислами нынѣ продолжаетъ Гюшоновы испытанія для опредѣленія по маяшнику начальной скорости (*). Въ сихъ сочиненіяхъ, и особенно въ книгахъ гг. Гогеля и Маркевича, читатель найдешь превосходные источники къ образованію себя, изъ коихъ сочиненія первого служатъ классическимъ руководствомъ, хотя нѣсколько сокращеннымъ, а второго архивомъ, или собраніемъ, почти всѣхъ извѣстныхъ открытій по артиллеріи, исключая нѣкоторыя позднѣйшія.

(*) Sur la force militaire de la Grande Bretagne par Ch. Dupin 1820 t. II. p. 173.

кахъ, а къ претъей примѣненіе сей теоріи къ практикѣ, или способы употребленія артиллеріи, то есть *военная часть*, зависящая отъ стратегическихъ и тактическихъ соображеній.

Инженерная часть, основанная на искусствѣ укрѣпленія, или фортификаціи, научаетъ строить, защищать и осаждаютъ искусственныя преграды, кои усиливають слабое мѣстоположеніе, удерживаютъ непріятеля, затрудняютъ приступъ ему, обезпечиваютъ тылъ армій, или какой позиціи, вооружаютъ боевой порядокъ препонами и неподвижными батареями, нерѣдко имѣютъ большое вліяніе на успѣхъ дѣйствія войскъ, служатъ имъ сборными, или крѣпкими оборонительными мѣстами, опорами, замыкаютъ перешейки, или горжи и дефилеи, прикрываютъ области, границы, способствують къ переправкѣ чрезъ рѣки и быстрые потоки, обезопасиваютъ сообщенія, подкрѣпляютъ операціонныя линіи, сохраняютъ запасы и вооруженіе, часто замѣняютъ недоставокъ въ людяхъ укрѣпленіями и дозволяютъ ввѣрять ихъ въ защиту вновь

составленнымъ воинамъ, между шѣмъ, какъ большія опборныя силы могутъ бытъ употреблены въ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Инженеру слѣдуетъ предвидѣть всѣ способы защищенія и нападенія, умѣвъ согласить искусство съ природою, узнать связь и взаимныя отношенія укрѣпленнаго мѣста съ окрестностями, увидѣвъ выгоды и недоспадки въ вещественной оборонѣ, или въ удобности наступательныхъ оборотовъ (*retours offensifs*) усилишь ихъ и между многими искусственными способами избрать приличные для употребленія, и проч. (*).

Фортификацію должно разсматривать въ двухъ отношеніяхъ: наукою и *орудіемъ*, коими дѣйствуетъ армія. Теорія фортификаціи основывается (**): 1) на частяхъ

(*) См. Сочиненія и переводы Сенполя, Мандара, Бусмара, Гедевернона, Шаселу де Лоба, Карно, Гассенди, Огос, Палласа, Сира Говарда Дугласа, Джонса, Экмеера, Ронья, графа Монполлона, и пр.

(**) Полевая фортификація Гедевернона, пер. П. Баженовымъ, Гл. II.

машемапики, 2) на познаніяхъ физико-машемапическихъ, 3) на всѣхъ родахъ рисованья, или съ нашуры снимаемаго, или съ другихъ переносимаго, 4) на познаніяхъ спроишельныхъ опносительно къ рабошамъ военной и гражданской архитекшуры.

Правила укрьпленія, защищенія и осажденія, будучи основаны на силѣ дѣйствія аршиллеріи, сосшавляютъ при главныя опрасли въ инженерной наукѣ, въ сосшавъ коей по всей справедливости входитъ *понтонная наука*, такъ какъ и искусство подкоповъ, или *минерное* въ ней заключается; ибо первая изъ нихъ служишь предохраняющимъ средствомъ сообразно съ цѣлью фортификаціи, а вторая, столь шѣсно соединенная съ системами укрьпленій, принадлежишь болѣе къ заняшю инженера, нежели аршиллерисша. Всѣ сіи опрасли въ военномъ дѣлѣ, какъ и самая аршиллерія, болѣшею частію основанная на физикомашемапическихъ истинахъ, шребуюшь пошполнаго теоретического ученія. Вещешвенные предметы подлежашь разсужденію и, бывъ опредѣлены по-

средствомъ въкопорохъ (изчисленій, или механическаго измѣренія, по мѣрѣ успѣховъ въ наукахъ, могутъ быти съ большею точностію употреблены на опытъ.

Истинный предметъ военнаго искусства сосшоитъ въ искусномъ употребленіи существенныхъ и вещественныхъ способовъ, сообразно съ правилами различныхъ отраслей науки. Порядокъ дѣйствія основанъ на совершенствѣ *военнаго устройства (militaerische konstitution)*, которое зависишь отъ взаимнаго согласія трехъ силъ: *физической*, то есть отъ плѣсной крѣпости и возраста воиновъ, хорошо вооруженныхъ и всѣмъ нужнымъ снабженныхъ для обороны и нападенія; *моральной, или нравственной*, отъ мужества и доброй воли войскъ иши въ бой и сражаться, и *умственной (intellectuellen)*, зависящей отъ дарованія и генія предводителя. Физическая сила сосшавляетъ шѣло, нравственная служитъ ему душою, а умственная сила есть разумъ, или духъ всего. Равномѣрное соображеніе трехъ силъ приводитъ въ движеніе все цѣлое,

военное существо (*ein kriegerisches Wesen* (*)), копорое въ дѣйствіи необходимымъ условіемъ имѣеть соединеніе всѣхъ прехъ силъ для соспавленія общей вооруженной массы, или силы, по мановенію генія дѣйствующей.

Военныя и политическія обстоятельства перебуишь имѣеть вооруженную силу, именуемую также *армією*, а употребляемая для сего средства состоятъ (**): 1) въ пополненіи, или укомплектованіи полевыхъ войскъ выборомъ изъ гарнизоновъ и наборомъ по установленіямъ государственнымъ способнѣйшихъ рекрутъ, заблаговременно вооружая и приутошляя ихъ въ назначенныхъ оныхъ правительствъ мѣстахъ; 2) въ артиллеріи (вообще средство равно дѣйствительное къ усиленію наступательнаго и оборонительнаго положенія); 3) въ искусственныхъ преградахъ, на военныхъ мѣстоположеніяхъ воз-

(*) *Zweite Vorlesung ueber die Taktik der Reiterey v. G. Bismark s. 15. &c.*

(**) *Traité d'art militaire & de fortif. par Gay de Vernon t. I. ch. 1.*

двигательныхъ, кошорья, зашрудняя при-
 шупъ непріятелю, обезпечивали бы соб-
 ственныя движенія и имѣли бы большое
 вліяніе на успѣхи арміи, соображающей съ
 ними свои дѣйствія; 4) въ учреждені-
 яхъ ошношенельно военныхъ и жизнен-
 ныхъ припасовъ, больницъ, или гошпиталей,
 конвоевъ, шранспоршовъ, и пр. Изъ
 сего видимъ, что въ составъ арміи вхо-
 дить: 1) пѣхоша и конница, изъ коихъ
 каждая раздѣляется на легкую и линій-
 ную, или шяжелую, и пѣхоша составля-
 етъ главную часть арміи; 2) артиллерія
 кошорая по различному предмету дѣй-
 ствія раздѣляется на осадную, крѣпост-
 ную, морскую и полевую; 3) инженерная
 часть, въ коей заключающся инженеры,
 минеры, саперы, піонеры и поншонеры;
 4) военная полиція. Управление всѣхъ ча-
 стей сосредоточено въ главномъ штабѣ.

Съ шаковыми средствами, примѣнен-
 ными къ теоріи, оправданными опытомъ
 и приведенными въ систематической по-
 рядокъ, нынѣ ведутъ войну просвѣщен-
 ныя государства. Не разсуждая о народ-
 ныхъ войнахъ, гдѣ надлежитъ сражаться

и покорить цѣлый народъ, до чего невозможно доспичь, не раздѣливши силы своихъ, гдѣ рѣдко могутъ быть общія, или генеральныя сраженія, но частныя, въ разныхъ мѣстахъ, и гдѣ нельзя соединять въ большихъ массахъ силы для одной битвы, чтобы не ослабить тѣмъ прочихъ частей войска и не лишиться завоеванныхъ обласей, замѣтимъ, что во всякомъ иномъ случаѣ воинскія предпріятія, по словамъ Жомини, основаны на трехъ соображеніяхъ: 1-е состоишь въ искусствѣ учредить линіи дѣйствія выгоднѣйшимъ образомъ, что называется *планомъ похода*, или *кампаніи*; 2-е въ искусствѣ соединить силы свои съ возможною поспѣшностію на рѣшительномъ мѣстѣ первоначальной линіи дѣйствія, либо линіи случайной: сему учить насъ *стратегія*; 3-е есть искусство направить всѣ соединенныя силы свои на важнѣйшую почку (пунктъ) во время самаго боя: это собственно есть *наука сраженій*, называемая иными *боевымъ порядкомъ*, другими же *тактикою* (*).

(*) Общія правила военнаго искусства стр. 34.

Изъ выше сдѣланныхъ разсужденій слѣдуетъ, что два главныхъ предмета входятъ въ соображеніе военныхъ дѣйствій. *Существенные (le personnel)* суть самые люди; *вещественные (le materiel)* суть орудія, снаряды, обозы, магазейны, укрѣпленія и пр. Но какъ шѣхъ, такъ и другихъ *безопасность внутрення* составляетъ главнѣйшую цѣль, и потому изъ примѣровъ научаемся мы, что даже всѣ наступательныя дѣйствія, по правиламъ науки и благоразумія, должны быть нѣкоторымъ образомъ подчинены оборонительнымъ соображеніямъ (*), безъ коихъ могли бы произойти гибельныя послѣдствія для войска, такъ какъ подробно о семъ разсуждаютъ: эрцгерцогъ Карлъ, Бюловъ, Вагнеръ, Ронья и пр., доказывая, сколь необходимо полководцу сообразовать свои дѣйствія съ основаніемъ оныхъ (*basis*), отъ коего армія, чрезмѣрно удаляясь, лишаясь вспомошествованія вещественныхъ способовъ, подвергается бытъ оп-

(*) Grundzuege der reine Strategie wissenschaftlich dargestellt von A. Wagner 1809.

рѣзанною опѣ запасныхъ войскъ, на основаніи разположенныхъ, а при отступленіи послѣ неудачъ не имѣешь опоры. Полководецъ долженъ всегда имѣть предметомъ прикрывать собственныя свои сообщенія и стараться овладѣть непріятельскими: въ семъ состоятъ вся шайна военнаго искусства.

Въ совершенно оборонительныхъ дѣйствіяхъ войска, занявъ позицію, отражающъ непріятеля на мѣстѣ, не имѣвъ никакихъ наблюдательныхъ отрядовъ, кои бы тревожили непріятеля на линіяхъ его сообщеній, или отвлекли его вниманіе отъ главной дѣйствующей арміи. Въ примѣръ послужившая Жомини диспозиція Дауна при Торгау служила явнымъ доказательствомъ неудобства сихъ распоряженій. Далѣе Жомини опредѣляетъ систему совершенно наступательную, которая состоятъ въ томъ, чтобы нападать на непріятеля вездѣ, гдѣ онъ повстрѣчается, какъ то Фридрихъ учинилъ подъ Лейпеномъ и Торгау, Наполеонъ при Іенѣ и Регенсбургѣ, а союзныя войска подъ Лейпцигомъ. Въ си-

снемъ же войны оборонительно-наступательной главнѣйшій недостапокъ состоишь въ томъ, что армія лишается предъускорительности, или первенства движеній (*l'initiative du mouvement*) и что всё оныя должно подчиняшь непріятельскимъ дѣйствіямъ. Различіе сей системы въ томъ, что, вмѣсто усилія главнѣйшихъ силъ на сообщеніе непріятеля, должно употребляшь отдѣльные отряды, или партизановъ, по есть вести *малую войну*, коей единственная цѣль состоишь въ овладѣніи и уничтоженіи *вещественныхъ* предметовъ непріятельскаго войска, пакъ какъ сіе доказываетъ Лойдъ, и служишь отличительнымъ признакомъ оныя войны наступательной, въ коей *существенность непріятеля* ставишь главнѣйшимъ предметомъ. Избранная и укрѣпленная нами позиція Тарупинская на Калужской дорогѣ, помощію коей мы ближе непріятеля находились оныя Смоленска и обнаруживали его операціонную линію, доказываетъ пользу сей системы и великія знанія предводителя, умѣвшаго воспользовашься правилами искусства.

Вліяніе оборонительна-наступательной системы на искусныя тактическія и стратегическія движенія сильнѣе обнаруживаются при искусствѣ разположенія укрѣпленій, кои составляютъ въ войнѣ главные вспомогательныя средства. Тактика получаетъ пособія отъ формификаціи, подобно какъ стратегія отъ тактики: предметъ одной состоитъ въ выборѣ позицій, а другой въ укрѣпленіи оной (*).

Всѣ сіи системы пребудушъ большаго соображенія для приведенія ихъ въ исполненіе: нужна ученость, рѣшительность, постоянная твердость и превосходство существенныхъ и вещественныхъ способъ; и поному къ воинскимъ соображеніямъ принадлежащъ и способы управленія, продовольствія и содержанія войскъ, о коихъ многіе, замѣчаетъ графъ Бисмаркъ, весьма легко говорящъ и много разсуждающъ, но часшо заблуждающъ и не имѣющъ о семъ предварительныхъ понятій. Истинное искусство предводительство-

(*) Военный журналъ, изд. при Гвардейскомъ Штабѣ 1819, кн. V. VI.

вашь войсками постигли не всё полководцы: оно, сообразно съ духомъ времени, должно бытъ приведено въ систематическій порядокъ, для коего потребно глубокое знаніе человѣческаго сердца и политическихъ наукъ. По предметамъ своимъ оно можеть раздѣлиться на двѣ отличительныя части: на *распорядительную или практическую* и *военно-хозяйственную или экономическую*. Правила образованія и обученія солдатъ, то есть основанія военной службы, служатъ для стратегическихъ и тактическихъ соображеній предварительными средствами, безъ коихъ никакое дѣйствіе не можеть быть исполнено, подобно какъ зданіе безъ фундамента не существуетъ. Въ каждой арміи это опредѣлено особенными постановленіями, кои по всей справедливости должны имѣть ту степень совершенства, чѣмъ въ чинамъ, начиная отъ проспаго солдата, до высшаго начальника всё обязанности были изложены ясно и подробно; ибо военная служба основана на безусловномъ согласіи въ исполненіи тѣхъ обязанностей, кои только предпи-

саны военными законами (*).

Система продовольствія, и вообще военно-хозяйственная часть, составляющая въ военномъ дѣлѣ новѣйшихъ временъ особенную отрасль, древнимъ вовсе

(*) Кажется, можно для сего составить для военныхъ людей учебную книгу, или руководство на слѣдующихъ правилахъ: первая часть онаго заключала бы въ себя военная уложенія:

а) Сводъ военныхъ постановленій и артикуловъ

б) Обязанности чинопочитанія, или дисциплины, подробно и ясно изложенныя, какъ служащія основаніемъ военному устройству (Konstitution).

в) Судная часть, що есть изложеніе обязанностей воина, относительно къ гражданскимъ и военнымъ законамъ, съ начертаніемъ правилъ производства военно-судныхъ дѣлъ.

Надлежитъ опредѣлить, въ какомъ случаѣ солдатъ, какъ гражданинъ, долженъ судиться по гражданскимъ законамъ и по военнымъ; ибо несправедливо его за проступокъ, не противный порядку военной службы, подвергать военнымъ законамъ.

почти неизвѣстную, и которая, кажется, нигдѣ сіюль превосходно не изложена, какъ въ изданномъ у насъ сочиненіи: Die

кои вездѣ оплачуются своею строгостью: и поному поступки должно разсматривать въ гражданскомъ и военномъ отношеніяхъ.

Вторая часть, о порядкѣ службы.

а) Обыкновенныя отношенія по службѣ въ полку, или собственно правила службы и порядокъ военного письмоводства.

б) Особенныя отношенія по службѣ, или внутреннее управление полка, съ объясненіемъ и наставленіемъ о содержаніи оружія, людей и лошадей, и всей хозяйственной части.

с) Обязанности военного сословія относительно гражданской безопасности.

Третья часть: правила ученія.

а) Собственно строевая часть, начиная съ одиначнаго образованія и приутовленія солдатъ, выѣздка лошадей и показанія способа употребленія оружія и разнаго рода стрѣльбы, особенно прицѣльной.

militer Oekonomie in Frieden und Krieg, 1818.

Книга сія называесть *оплаченная позн-*

b) Линейныя ученія пѣхоты вмѣстѣ съ конницею и артиллеріею.

c) Практическія занятія для разныхъ чиновъ по теоретическимъ часямъ военного искусства.

Четвертая часть: полевая служба

Заключаетъ въ себѣ всю службу форпостовъ и малой войны. Примѣры изъ описанія военныхъ дѣйствій могутъ быть приняты теоремами, доказанными на опытѣ. Въ сей книгѣ можно упомянуть и объ именахъ, наиболѣе отличившихся офицеровъ и родовыхъ, что послужитъ къ возбужденію честолюбія въ молодыхъ воинахъ, кои въ рѣдко подобныя случаи отличію въ малой войнѣ могутъ представляться, и сіи записки составяютъ со временемъ въ арміи памятную книгу, передающую потомству славу частныхъ подвиговъ, и имена достойныхъ уваженія героевъ: но для сего нужно имѣть въ каждомъ полку историческія журналы военныхъ дѣйствій, описывая со всею подробностью и безпристрастіемъ всѣ происшествія.

нiя автора въ исторiи и въ военныхъ и политическiхъ соображенiяхъ и заслужи-
ваетъ для пользы военнаго образованiя
нашего быть переведенною на отече-
ственный языкъ. Не упоминая о часахъ,
принадлежащихъ къ съемкѣ и начертанiю
мѣстъ, зависящихъ наиболѣе отъ мате-
матическихъ наукъ, и не разсуждалъ въ по-
дробности о послѣдствiяхъ изобрѣтенiя
артиллерiи, имѣющей сильное влiянiе на
судьбу войскъ и народовъ, замѣшимъ, что
просвѣщенiе въ Европѣ исполненными ша-
гами подвинулось впередъ, и наше поли-
тическое сослоянiе и военное искусство
сдѣланы совершенно отличными отъ древ-
нихъ (*). Различiе сiе происходитъ отъ
самаго свойства оружiя, отъ боевыхъ
порядковъ и отъ самаго состава и по-
требностей войскъ, а наипаче отъ раз-
личной степени политическаго сослоян-
нiя гражданъ и народнаго духа (**).

(*) Consideration sur l'art de la guerre par le Ba-
ron de Rogiat, ch. XIII. Remarques sur son
ouvrage par le colonel Marbot.

(**) Военный журналъ, изд. при гвардейскомъ

Въ военномъ искусствѣ новѣйшихъ времянь входяшь въ соображеніе не одни шолько правила упошребленія войскъ, или собственно военная часть: но для удачнаго разположенія всей войною необходимо нужны и другія не менѣ важныя соображенія, копорыя принадлежатъ болѣе къ наукѣ управляшь государствами, нежели къ наукѣ бышь полководцемъ. „Чтобы успѣшь въ великихъ предпріятіяхъ, говоритъ Жемини, нужно не шолько разсматривать настоящее положеніе войскъ, но еще шочно знать способы второй линіи, долженшвую:цей служишь запасомъ и вознаграждать всѣ пошери какъ въ людяхъ, шакъ и въ вещахъ, а шакже и внутреннее состояніе народа, основываясь на выдержанномъ имъ прежде сего характерѣ и настоящемъ отношеніи къ сосѣдственнымъ державамъ; не менѣ необходимо проникнуть спрасши народа, съ копорымъ ведемъ войну, его ушановленія

шшабъ, 1818, *N VII, VIII, IX и пр. Соревн.*
 Пр. и Вл. 1824 года, *гасте XXIV No X,*
XI. и гасте XXVI, N IV. V. VI.

и привязанности къ онымъ. Сверхъ того должно входить въ разсмотрѣніе мѣстнаго положенія областей и отдаленности державы, на которую предпринимаеся нападенье: ибо невыгоды нападающаго увеличиваются по мѣрѣ, какъ растягиваются линіи дѣисловія. Наконецъ должно судить о свойствахъ той страны, въ которую хотимъ внести войну, и о прочности союзовъ, заключенныхъ для отдаленнаго предпріятія. Однимъ словомъ, необходимо знать сію науку, смѣсь политики, науки государственнаго управленія и военнаго искусства, основанія которой очень искусно изобразилъ Монтезкье въ своемъ швореніи о величіи Римлянъ. Трудно начертать швердыя начала оной и даже общія правила. Исторія есть единственное училище, гдѣ почерпнуть можно нѣсколько хорошихъ наставленій; но рѣдко встрѣчаются обстоятельства, столь сходныя, чтобы, основываясь на томъ, что происходило за нѣсколько вѣковъ, можно было управлять ходомъ дѣлъ въ извѣстное время. Страсти людей имѣютъ слишкомъ большое вліяніе на произшествія: и оныя

шого одинъ погибнешь тамъ, гдѣ предпріятія другаго увѣнчаны успѣхомъ...“ Не повиоря здѣсь важныхъ правилъ и наставленій, копорыя Монпескьё и Махиаель начертали о великомъ искусствѣ направлять дѣйствія государства, замѣшимъ, по словамъ сего же писателя, что въ исторіи новѣйшихъ походовъ нерѣдко встрѣчающа новыя замѣчанія на тѣ перемѣны, кои произведены революціонными войнами въ понятіяхъ объ успѣхѣ искусствъ и развитіи народныхъ силъ, объ ихъ употребленіи и о послѣдствіяхъ. Теперь войска не состоятъ уже болѣе изъ добровольно набранныхъ воиновъ, избышка многочисленнаго народонаселенія; теперь дѣльные народы призывающа закономъ къ оружію и сражающа не за назначеніе границъ, но какъ бы за свое существованіе. Нынѣ должна проливашся кровь человеческая, не такъ какъ въ средніе вѣки для прошивоборствованія дикимъ и все разрушающимъ народамъ, не для жалкаго удержанія политическаго равновѣсія; но для важнѣйшихъ только выгодъ іра: нынѣ мечъ долженъ обагряться за безопас-

носъ престола, за ненарушимость
вѣчныхъ законовъ, за свободу го-
сударства.

Хотя военное искусство въ сущности
своей нынѣ вездѣ одинаково, но слѣдствія
его по вліянію національнаго характера
бывали всегда различны, и оный харак-
теръ на успѣхи военнаго дѣла, подобно
какъ на произведенія живописи, поэзіи
и музыки, имѣетъ вліяніе, съ тою толь-
ко разницею, что его вліяніе должно
быть несравненно сильнѣе; ибо въ войнѣ
при исполненіи въ дѣйство требуется не
спасеніе частныхъ лицъ, но соединенное
дѣйствіе нѣсколькихъ тысячъ людей, раз-
дѣленныхъ противоположною чувствъ,
выгодъ и желаній. И потому искусство и
мужество недоспащочны были бы одно
безъ другаго; но ось взаимнаго соединенія
ихъ зарисѣлъ всегда успѣхъ въ военномъ
дѣлѣ (*). Первому служило основаніемъ пе-

(*) Сія мысль послужила основаніемъ Карно
въ изобрѣшеніи своей оборонительной си-
стемы. См. *De la defence des places fortes*
3 ed. 1812.

орія, оправданная событіями и опытами; для послѣдняго пошребны душевныя побужденія: нужно, чтобы сильная спрасшь была пружиною дѣйствія; ибо всѣ бласпашельные подвиги производили опшь нѣкоего вдохновенія. Нѣтъ дѣйствія безъ причинь, и вліянія благородныхъ спрасшей возвышающъ человекъ выше самаго себя. Сюда принадлежишь *метафизика*, или *психологія войны*, по еспшь искусство повелевашъ чувсшвами людей, въ чемъ намъ Греки и Римляне служатъ примѣрами (*). Нынѣ способы войны въ Европѣ вездѣ одинаковы: но вліаніе климата на физическое образованіе народовъ различно дѣйствуетъ и на нравсшвенность ихъ.

(*) *Montaigne. Observations sur les moyens de faire la guerre de Jules Cesar: Rogniat Consid. sur l'art de la guerre ch. XI. Marbot: Remarques critiques sur son ouvrage. Eloquence militaire ou l'art d'emonvoir le soldat par une société de mtlitaire et d'hommes de lettres. Harangues tirées d'Herodote, de Thucidide des Historiens grecs &c, par l'abbé Auger &c. Соревнов. Пр. и Бл. 1825. Кн. II. и III. О военномъ краснорѣчіи, Е. Б. Фукса.*

По природному влеченію, въ восточныхъ и южныхъ странахъ люди, преисполненные пылкостью срастей, въ своихъ дѣлѣхъ всегда стремились болѣе къ необыкновенному, нежели къ изящному; въ умѣренныхъ же странахъ, или особенно приближающихся къ сѣверу, народы своимъ хладнокровіемъ дѣйствуютъ болѣе по порядку и берутъ верхъ надъ жаромъ срастей: отъ сего послѣдствія войны должны бы были быть чрезвычайны, еслибы искусство и воспитаніе таковыя противоположности нравовъ не согласовали въ просвѣщенныхъ государствѣхъ. Образъ мыслей внѣшними обстоятельствомъ и политическими причинами нерѣдко измѣняется; дѣятельность происходитъ отъ предмешовъ, привлекающихъ наши умственные способности, и попому гимнастическія упражненія, спользуемые древними и способныя къ развитію и подкрѣпленію тѣлесныхъ силъ, составляя физическое воспитаніе юношества, содѣйствуютъ къ образованію и нравственности. По сему средства, служащія къ подкрѣпленію и сохраненію здравія воиновъ, или военная ги-

гієнна (*Hygiene militaris*) составляють какъ въ моральномъ, такъ и фзическомъ отношеніи важную отрасль военного образованія гражданъ, и сія наука была извѣстна древнимъ, о чемъ свидѣтельству ютъ намъ во первыхъ: Омеръ, говоря въ Иліадѣ о Махаонѣ и Подамирѣ, дѣтяхъ Эскулаповыхъ; во вторыхъ *castremetalione hyginie*, отъ Цельса заимствованная Ве геціемъ, и въ Европѣ въ концѣ XVI столѣтія по Р. Х. обработанная. Въ Краковѣ 1564 года, Шнеенбергъ о семъ написалъ книгу (*de bona militum valetudine*), а послѣ него Манденеръ издалъ военную медицину, и постепенно явились въ свѣтъ сочиненія у всѣхъ европейскихъ народовъ о сохраненіи здравія солдатъ, о способахъ воспитанія и образованія оныхъ.

Сила арміи состоитъ въ ея устройствѣ, въ совокупности, производящій отъ связи всѣхъ частей съ цѣлымъ, приводящимъ въ движеніе оныя. По разблѣніи войска, сія совокупность исчезаетъ; согласіе между главою, которая распоряжается, и шѣломъ, которое исполняетъ, уничтожается: ихъ сношенія османавли-

ваються и почши всегда прерываються; тогда цѣлая армія есть только слабая часпъ, на кошорую удобно напастъ можно (*), и пошому сила армія должна состоять силами непріятельскимъ, числу укрѣпленныхъ мѣстъ, мѣстоположенію, и качеству снаряженія, образу войны, народному духу и богатству государства, а успешное направленіе всѣхъ ея частей зависишь отъ благоразумія и опасности начальниковъ, отъ строгости военного порядка, отъ поддержанія военного духа образованіемъ, попеченіемъ и ободреніемъ войскъ, постояннымъ соблюденіемъ дисциплины и справедливости въ поступкахъ, наградахъ и наказаніяхъ, безъ чего теряется взаимное уваженіе; войска, не имѣя страха и довѣренности, могутъ вступать всегда во вредныя умствованія, и подъ лицемѣрною наружностью ихъ повиненія скрываются могутъ опаснѣйшія сѣмена безпорядковъ и разврата. Для избѣжанія сего полководецъ долженъ начинать заботиться о нравственности сво-

(*) Общія правила военного искусства стр. 30.

ихъ войскъ, чтобы быль благонадежну въ рѣшительную минушу. Каждый для пользы государства обязанъ жертвовашь личными выгодами, но дорожишь чесшью, добрымъ именемъ и общимъ мнѣниемъ; и начальники, подавалъ примѣры благороднаго пожертвованія собою въ преданности къ законамъ, къ престолу и вѣрѣ, дѣлающъ войска храбрыми: ибо недоспашочно выдерживашь огонь изъ одной болзни строгой дисциплины; нужно, чтобы каждый ратникъ спремился въ среднну боя изъ самолюбія не уступашь начальникамъ своимъ въ чесши и храбрости, и особенно ошъ полной довѣренности, кошорую умѣли ему внушашь къ достоинствамъ полководцевъ, храбрости его сподвижниковъ и| безпристрастному воздаянiю заслугъ. Неодна строгость содѣлала полки Суворова храбрыми: онъ имѣлъ даръ одушевлять ихъ, и съ нимъ солдаты всегда были увѣрены въ побѣдѣ. Воины всегда слѣдуютъ примѣру своихъ начальниковъ, и для сохраненія бодрости ихъ духа и хорошей нравственности нужны для нихъ убѣжденія на опытѣ въ доблестныхъ по-

ступкахъ: всякое подозрѣніе въ несправедливости и порокахъ; или малѣйшіи поводы на сіе съповашь, ослабляетъ воинскій духъ, и военная дисциплина, долженствующая бытъ основанною на душевномъ участіи и преданности къ начальству, въ зѣ сего разрушается.

Воиско сравнить можно съ спранствующимъ народомъ, имѣющимъ свои коренныя поспановленія, различныя нужды и господство страстей. Сохраненіе первыхъ, удовлетвореніе вторыхъ и полезное направленіе послѣднихъ могутъ споспѣшествовать къ достиженію главной цѣли: опъ чего войско, по словамъ многихъ писателей, должно разсмапривашь какъ многолюдную махину, дѣйсвующую по волѣ полководца ея, въ коей люди составляютъ часли, а пружинами дѣйсвія ихъ служатъ честолубіе, мужество, довѣренность, рѣшительность и твердость духа. Искусство управляшь сими нравсвенными качествами, приводящими въ движеніе цѣлый механизмъ, еспъ поже, что въ музыкѣ соединеніе согласныхъ звуковъ для производства гар-

моий, есть тоже, что вдохновенный пла-
 сии лириковъ, пріятный колоритъ въ о-
 живописьворенныхъ картиннахъ живописца,
 или изящное, природѣ подражающее, т
 произведеніе въ ваяніи, или зодчествѣ. Но
 чтобы предметы искусства могли дѣлать
 на чувства наши пріятное впечатлѣніе,
 могли плѣнять нашъ взоръ и воображе-
 ніе, и дѣйствовать на сердце, нужно, что-
 бы они были произведены вдохновеннымъ
 поэтомъ, или художникомъ; такимъ обра-
 зомъ и на войнѣ необходимо, чтобы те-
 шій, одаренный шворческимъ духомъ, умѣлъ
 господствовать надъ спрашями людей и,
 возбуждая въ нихъ любовь къ опечесству
 и къ славѣ народнаго оружія, съ увѣрен-
 носью въ побѣдѣ, управлялъ соннами не
 успрашимами войска, и въ самыхъ пре-
 вратныхъ случаяхъ непосшолнаго сча-
 стія, при самыхъ гибельныхъ опасностяхъ
 смерти и испребленія, умѣлъ вливать
 въ душу войновъ непоколебимую швер-
 досшь и изъ нихъ составлялъ могущесш-
 венный оплошь противъ воли непріа-
 тельскаго разрушенія. Недосшашочна для
 сего одна ученосшь въ спрашегил, шак-

шникъ и математическихъ наукахъ: нужно природное дарованіе. Науки ему служатъ, какъ художнику, матеріалами для произведенія цѣлаго шворенія. Но сколь трудно опредѣлить истинныя предѣлы искусства предводительствовать войсками! Самая трудная наука, по словамъ древнихъ философовъ, есть *познаніе телодѣйствіа сердца и самаго себя*, и пошому, рассматривая въ военной исторіи различныя эпохи военныхъ учрежденій, основанныхъ на дѣйствіи сирахей, мы видимъ, что законы военной дисциплины въ разныя времена не были надлежащимъ образомъ опредѣлены.

Въ Римѣ доброта войскъ, строгость дисциплины, воинское воспитаніе юношества, и родъ награжденій и наказаній соединяли военныя учрежденія съ гражданскими, и сирахъ были завоеванными дѣлалъ сильное впечатлѣніе надъ умами; отъ чего война у нихъ почиталась полезнѣйшимъ ремесломъ и войны уважались; но въ послѣднія времена, когда въ немъ опасный эгоизмъ овладѣлъ умами надменныхъ властолюбцевъ, тогда раз-

сыпаемое золото, неумѣспныя награды, снпрогоспъ вмѣспѣ съ послабленіемъ, худо разчисленная политика и ложное поощреніе мнимыхъ достоинствъ людей хитрыхъ, самолюбивыхъ и въ общемъ мнѣніи презрѣнныхъ, были ненадежными средствами къ воспановленію ослабѣвшей дисциплины, кошорая, подобно угасающему огню въ лампадѣ, наиболѣе съ нравственною лѣнью и нѣгою гражданъ приходила въ упадокъ. Своевольные и не обузданные Преторіанцы, для собственной пользы своей развращивъ войска, начали возводить и низвергать съ престола римскихъ императоровъ, присвоили себѣ верховную власть въ имперіи, и *мелцъ ихъ должны были покориться и разсудокъ и законы (*)*. Таковыя примѣры въ исторіи возвышенія и упадка государствъ нынѣ основали военную дисциплину на законахъ, болѣе сообразныхъ съ политическимъ образованіемъ народовъ, и опъ по-

(*) Руководство къ познанію всеобщей политической исторіи, И. Кайданова, часть I. стр. 271.

рядка и силы благоустроенных ихъ о-
 полченій. нынѣ зависятъ успѣхи всѣхъ
 стратегическихъ соображеній и такти-
 ческихъ дѣисвій; впайнѣ съ поспѣш-
 востью выполняюща повелѣнія полко-
 водцевъ; войска не могутъ предаваться
 смятенію, и въ самыхъ несчастныхъ об-
 стоятельствахъ окажутъ посполнную
 твердосць, рѣшишельность, спокойный и
 мужественный видъ; предвидящъ и уда-
 ляящъ опасности, вредящія принятому
 намѣренію, и строго соблюдешя, важнѣй-
 шая связь порядка, чинопочипаніе.

Въ семъ заключающа главныя осно-
 ванія важнѣйшей части рапнаго искуств-
 ва, знаніе *предводительствовать войскомъ*,
 для коего нужны не одни военныя позна-
 нія и не математическія формулы, но
 добрая совѣсть, уваженіе чести, чистота
 нравовъ, здравая логика, а наипаче
 любовь къ государю и къ опечесшву: ибо
 войско должно почищать щипомъ госу-
 дарства; но можешъ ли оно бытъ шако-
 вымъ безъ нравственнаго образованія,
 безъ великихъ примѣровъ ревности къ
 поддержанію воинскаго духа? Сія ошрасль

военнаго дѣла служилъ важнѣйшимъ основаніемъ всему зданію, которое разрушаешь, когда основаніе исплѣваешь, и тогда самыя сильнѣйшія арміи можно сравнивать съ огромнымъ исполиномъ, изнемогающимъ подо тяжестью величія своего, что случилось съ Македонянами и при паденіи Рима. Примѣры полководцевъ, различныя военныя, или народныя учрежденія, наставленія и подробныя предписанія о должностяхъ предводителей и добродѣтеляхъ войскъ, начиная со времени великихъ мужей, коихъ имена мудрецъ Херонейскій намъ передалъ къ удивленію потомства, доказываютъ сію истину, имѣющую споль сильное вліяніе на участь войны и жребій сильнѣйшихъ государствъ, съ упадкомъ и возвышеніемъ коихъ представляются намъ пламенными, рѣзкими и живописными чертами каршины событій, сшрастей и успѣховъ оружія.

Исторія народовъ шѣсно соединена съ исторіею военнаго дѣла. Различныя соображенія въ войнѣ составляютъ различ-

ные предметы ученія, клонящіеся къ одной и той же цѣли, и военныя науки можно сравнивать съ вѣтвями, украшающими вершину огромнаго дерева, которое съ ними опъ общихъ корней получаешь одни же жизненные соки. Всѣ военныя соображенія выведены изъ опытовъ и составляютъ теорію военнаго дѣла, оправданную и дополненную важнѣйшими подвигами народныхъ ополченій; и пошому можно сказать, что война есть ремесло для солдата, наука и искусство для полководца, и сіе искусство имѣетъ предметомъ напряженіе всѣхъ способовъ къ одержанію побѣды, которая составляетъ цѣль военнаго дѣла.

Всѣ теоретическія части способствуютъ къ образованію природнаго генія; всѣ свѣдѣнія въ наукахъ ему служатъ только орудіями къ исполненію великихъ замысловъ своихъ. Внимательность къ предметамъ, составляющимъ военное дѣло, стремленіе къ развитію и приобрѣшенію понятій и опытности образуютъ полководца. Быстрый взглядъ и хладнокровіе суть природныя качества; глубокое

изученіе военной исторіи обогащаетъ его свѣдѣніями и испытаніями другихъ людей, по коимъ онъ познаетъ, или судитъ о прежнихъ изысканіяхъ; ибо челоувчская жизнь споль богаша дѣяніями, что во всякомъ случаѣ, разсмашривая воинскіе подвиги и военно-историческія произшествія предшеспвенниковъ, намъ можно изъ нихъ извлекашь для руководства новыя правила. „Геній родитсѣ, говоритъ эрцгерцогъ Карль; великій челоувкъ долженъ бышь образованъ: геній естъ основаніе, но не самое зданіе. Иногда онъ сокращаетъ поспепенный ходъ ученія и предваряетъ слѣдствія шолько по внушрреннему внушенію, не останавливаясь на правилахъ, кошорыя сами собою, подобно неизвѣспной величинѣ, въ душѣ его развиваюпсѣ.“ Но замѣспимъ при семъ, что безъ образованія впадаетъ онъ нерѣдко въ заблужденіе, и самыя успѣхи болѣе ошнесси должно къ спеченію благопріятныхъ обстояшеспствъ; ибо примѣры изъ исторіи убѣждаюшь насъ, что геній необразованный былъ всегда почти побѣжденъ полководцемъ просвѣщеннымъ, хошя и съ

меньшими природными способностями, но соединявшимъ швердосшь въ предпріятіяхъ съ прозорливосшью. И пакъ военномъ должно бышь по наукѣ, а не по ремеслу.

Если военное искусство, какъ полагаешъ Гоббесій, не занимаешъ перваго мѣста въ порядкѣ естественномъ; шо гласъ, призывающій насъ къ оружію, дѣлаешъ уже оное важнѣйшимъ въ гражданскомъ сословіи, съ успѣхами коего оно имѣло свои спешени упадка и возвышенія. Опытъ, озаренный теоріею, былъ всегда обильнымъ источникомъ наставленій; война служила школою для полководцевъ; военныя науки зажигали свѣтильникъ свой въ погасающихъ перунахъ войны, и цвѣты краскорбія всходили подѣ тѣнью мирныхъ оливъ (*). Но сѣмена ученія, насаждаемыя опытомъ и исторіею, производили плоды только въ нѣкоторыхъ часпяхъ военныхъ наукъ, служащихъ къ образованію природ-

(*) Въ полярной звѣздѣ 1824 года г. глядъ на рускую словесность, стр. 1.

наго генія: истинный же предметъ и изящность военнаго дѣла заключается въ самомъ геніи, коего дарованіе необходимо должно быть шворческое. Въ войнѣ, подобно какъ въ поэзи, краснорѣчіи, живописи и даже въ самой архипекшурѣ, великія понятія суть мгновенныя вдохновенія, имѣющія основаніемъ непремѣнныя и непоколебимыя правила, производящія ошъ природы вещей и теоріи наукъ, но въ исполненіи своемъ, они выходятъ изъ предѣловъ обыкновеннаго дѣйствія ума человѣческаго. Теоретическія части военнаго искусства напрошивъ того зависятъ единственно ошъ посполнаго и долговременнаго ученія и наблюденія, заключающъ въ себѣ многія подражанія, математическими науками опредѣленныя, и суть совершенно шехническія, кои геній преобразуетъ, примѣняетъ къ непремѣннымъ кореннымъ правиламъ войны и приводитъ въ исполненіе великіе замыслы свои. „Киръ и Аннибалъ, по словамъ Жюмини, были великіе полководцы; Римъ и Греція имѣли много подобныхъ имъ; Александръ Македонскій по-

бѣждалъ часто искусствомъ въ оборопахъ воинскихъ, Кесарь равно умѣлъ бытъ великимъ въ большой и малой войнѣ, и самый даже Тамерланъ, столь мало намъ извѣстный, оставилъ важныя наставленія, коихъ каждая страница показываешь природный гений, умѣвшій повелѣвать людьми и употреблялъ ихъ съ пользою. Изыскивая причины одержанныхъ побѣдъ, конечно удивительнымъ почтуть, что сраженія при Ваграмъ, Фарсалъ и Каннахъ выиграны по одной и той же причинѣ. “ Но сей же самый писатель замѣчаетъ, что сія истина не всѣмъ извѣстна: многіе какъ будто бы сговорились искасть во множествѣ постороннихъ обстоятельствъ причины успѣховъ, зависящихъ единственно отъ хорошаго устройства военныхъ дѣйствій и отъ искуснаго употребленія сосредоточенныхъ силъ въ день битвы; а отъ сего явились сошны

(*) Наставленія Тамерлановы, изданныя Абба-шомъ Лацгле.

военныхъ системъ и сочиненій, противорѣчившихъ другъ другу, и пѣмъ доказали, что если изъ сихъ швореній хотя одно справедливо, то всѣ прочія непременно ложны, и подають поводъ къ неосновательному заключенію, что военное искусство не имѣеть никакихъ правилъ. Превращенность въ мнѣніяхъ, слѣдствие общей неизвѣстности, показываешь, сколь необходимо въспомъ пустыхъ предположеній и невѣрныхъ изчисленій заняться показаніемъ непрелѣнныхъ правилъ и постановленіемъ общаго руководителя мнѣніямъ, до сихъ поръ различествующимъ между собою (*). Единственный способъ для достиженія сей цѣли состоитъ въ томъ, чтобы изложенныя правила къ примѣненію на самомъ дѣлѣ были подтверждены примѣрами изъ исторіи двадцати славнѣйшихъ походовъ. Но для сего всѣ части военной исторіи (**)

(*) Общія правила военного искусства стр. 8.

(**) Крашкое обозрѣніе военной исторіи со времени Людовика XIV до нашихъ вре-

должны быть разположены шакже ясно и съ шакою же точностію, какъ движенія, составляющія главный предметъ одной, ибо не всегда случается описывать осады Трои и битвы Термопильскія. Авторъ не долженъ согласишься пожертвовать существенностію, и безпристрастное повѣствованіе о бояхъ замѣнить краснорѣчивыми вымыслами Омера.

Андрей Пушкинъ.



мень и пр., помѣщенное въ Сынѣ Опеоче-
сва сего года N 2 и 3.

ЛИТЕРАТУРА.

ПОЭЗИЯ.

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ.

(Элегія).

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ побой колѣнопреклоненный,
Я на себя глядѣль и думаль: шы моя!
Ты знаешь, милая, желаль ли славы я.
Ты знаешь: удалень ошъ вѣпреннаго свѣща,
Скучая суешой и званіемъ поэта,
Успавъ ошъ долгихъ бурь, я вовсе не внималь
Жужжанью дальному упрековъ и похваль.
Могли ль меня молвы тревожишь приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ помилельные взоры
И руку на главу мнѣ шихо наложивъ,
Шепшала шы: скажи, шы любишь? шы сча-
сшивъ?
Другую, какъ меня, скажи, любишь не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?

А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Что нѣтъ грядущаго, что грозный день раз-
 луки
 Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Что я? гдѣ я? Спою
 Какъ пушникъ, молніей поспигнушый въ пу-
 спынѣ,
 И все передо мной зашмилося... И нынѣ
 Желая славы я, чшобъ именемъ моимъ
 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чшобъ
 пы мною
 Окружена была, чшобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ,
 Чшобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
 Ты помнила мои послѣднія моленья
 Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.

Александръ Пушкинъ.



Х О Р Ъ (*)

Въ праздникъ Феба Гіакинѳеомъ

Увѣнчай себѣ главу!

Гіакинѳъ, любимецъ Феба:

Тѣнь его изъ шмы Эреба

Вѣщимъ гимномъ воззову!

1 Кориѳей.

Ловецъ Гіакинѳъ по горамъ Тангеша

Носился съ колчаномъ убійственныхъ стрѣлъ:

Прелестнаго юношу съ неба узрѣлъ

Лашоось, ошець жизнедашнаго свѣша.

Х о р ъ.

Въ праздникъ Феба Гіакинѳеомъ

Увѣнчай себѣ главу!

2 Кориѳей.

Фебъ избралъ себѣ Гіакинѳа въ клеверша,

(*) Изъ драматическаго сочиненія, г. дѣйствительнаго члена Общества В. К. Кюхельбелера, подъ названіемъ: *Аргиване*.

Любимцемъ нарекъ молодаго ловца.
 Съ нимъ ночью и днемъ безъ лучей, безъ вѣнца
 Онъ вепрей слѣдишь по горамаъ Таигеша.

Х о р ъ.

Съ нимъ ночью и днемъ безъ лучей, безъ вѣнца
 Онъ вепрей слѣдишь по горамаъ Таигеша.)

1 К о р и ф е й.

Съ нимъ дѣлишь онъ ложе и борешся съ нимъ,
 Съ нимъ игры, прапезу и сонъ раздѣляетъ:
 Но смершной судьбой Айдоной (*) управляетъ;
 Рокъ грозный парить надъ ловцемъ молодымъ.

Х о р ъ.

Гиакинѣъ, любимецъ Феба:

Тѣнь его изъ шмы Эреба

Вѣщимъ гимномъ воззову!

2 К о р и ф е й.

Одѣньтешя мглой, вышины Таигеша!
 Въ разрѣзанномъ воздухѣ слышишся визгъ...
 Дискъ верженъ отцемъ жизнедашнаго свѣта:
 Сразилъ Гиакинѣа сляющій дискъ.



(*) Подземный Зельс, Плуполя.

ПѢСНЬ ФИНГАЛА

НА

РАЗВАЛИНАХЪ БАЛКЛУТЫ.

(Отрывокъ, здѣсь предлагаемый, взятъ изъ Оссіановой поэмы: *Картонб*. Балклуша былъ городъ въ Шотландіи на берегахъ рѣки Клуфы. Комгаль, ошедь Фингала, въ войнѣ своей противъ Рюшамира, владѣтеля сего города, разрушилъ оный. Фингаль, вкругу дружины и бардовъ, воспѣваетъ падшую Балклушу).

Тебя ужъ нѣшь, о градъ надменный, величавый,
Балклуша, грозная владычица пустынь! . . .
Давно ль, предѣль могущ-ства и славы,
Терялось въ облакахъ чело швоихъ швердынь? . . .
А нынѣ мракъ забвенья надъ шебою!
И свещень въшрь въ разрушенныхъ стѣнахъ,
И вьспя змій межъ дикою шравою,
И враны на швоихъ гнѣздѣшя высотахъ! . . .
Лишь хищный звѣрь, жилецъ развалинь одинокой,

Випаешъ въ сумракъ незнаемыхъ дубровъ;
Лишь серна, въ мирный часъ полуночи глу-
бокой,

Тайся робкая, близъ Клупскихъ береговъ!
Лишь шѣни грозныя дружинъ инопленныхъ,
Побѣдшихъ съ чеснiю средь бранныхъ сихъ
полей,

Слепясь въ единый сонмъ, на холмахъ опда-
ленныхъ,

Собрались слышашъ гимнъ дѣламъ протекшихъ
дней . . .

Вы, коими живупъ мои въ попомспвѣ дѣды!
О барды, гряните пѣснь чужихъ краевъ сы-
намъ! . . .

Здѣсь нѣкогда гремѣли ихъ побѣды,

Какъ по шумариамъ небесамъ

Быспролетящiе громовые раскаты,

Какъ ярый вихрь, какъ вѣпръ кры-
лапый,

Какъ волнъ морскихъ унылый спонъ! . .

И сихъ героевъ нѣшь! . . . Но суетой пленёнъ

Почпо же, человекъ, о царь земли невѣчный,

Черногогъ зиждешъ ны на гордыхъ высочахъ? . .

Всѣ блага мрiи скоропечны! . . .

Придесть швой часъ, и ты преобращишься въ
прахъ!

И улешилъ опрадной жизни сладось! . . .

Уже вино, лiась изъ чаши круговой

Не возродишь въ душѣ и сердцѣ радость!

Уже не потечешь съ врагомъ въ кровавый бой!
 Выпрь бурный, посыпая черною швой оу-
 стѣвшій,

Промчишься посреди величія слѣвовъ,
 Гдѣ ржавьюшъ и щипъ и мечъ осирошѣвшій,
 Сіе наслѣдье чады ошъ дѣбеспныхъ ошцовъ...
 И смолкъ побѣдный громъ, издавна онѣмѣвшій,
 Среди мрачныхъ дѣбрей и лѣсовъ...

Но сколь удѣлъ назначенъ мнѣ блаженный
 Во шмѣ безчисленныхъ вѣковъ!...

Столь пній бордъ, сѣдиной убѣленный,
 Съ зашпою арфою на скромный камень мой
 Придешь, и, пламеннымъ восшоргомъ увлечен-
 ный,

Меня почшишь безсмертною хвалою ...

А ты, небъ съ лазурныхъ украшенье,

О солнце, жизнь природы все!

Коль временно швое среди свѣшила шеченье;
 Тебя переживу я славою моею.

Иванъ Бороздна.

П Р О З А.

РАЗСУЖДЕНІЕ

ОБЪ ИЗМѢНЕНІЯХЪ ВКУСА И О ДУХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ (*).

Лишь только человѣческій организмъ одушевился, едва задрепешало сердце въ чувствительнѣйшемъ твореніи; съ самаго того мгновенія и вкусъ возпріялъ пер-

(*) Авторъ сего разсужденія извѣстенъ уже публикѣ здѣшней, какъ отличный художникъ. Во время открытія Академіи Х дожесивъ въ прошломъ 1824 году любители и знапки изящныхъ искусствъ съ истиннымъ удовольствіемъ останавливали вниманіе свое на его статуѣ, представляющей *Гектора*. Г Григоровичъ сдѣлалъ прекрасный разборъ сего необыкновенна-

вобыпное свое зарожденіе. При первомъ возрѣніи на вселенную, съ начальными понятіями, смершній ощушилъ чувствованія къ красошамъ, разсынаннымъ въ природѣ, и изъ чувствительности сердца, въ восторгахъ души, благодарный возблаговѣлъ предъ Непоспжимымъ. Чувствительность есть пружина, а любопытство причина разсудительности; но не чувствительность ли же раждаетъ и самое любопытство, влекущее въ размышленія? А по мѣрѣ шаковыхъ сочувствованій, въ соединеніи съ наблюдательно стію разсудка, и вкусъ, очищаясь отъ предразсудковъ, или впадая въ оныя, имѣ-

го произведенія русской скульптуры и другой статуи г. Гольберга, представляющей *Ахиллеса*. Онъ упоминаетъ въ своемъ журналѣ и объ разсужденіи, здѣсь предлагаемомъ, которое читано было прошлаго 16 Сентября въ торжественномъ публичномъ собраніи Академіи Художествъ. См. *Журналъ изящныхъ искусствъ*, 1825 г., книж. вторая, страницы 40 и 54. *Издан.*

еть степени: сѣмени его прозябенія, процвѣпанія, зрѣлости и увяданія.

Опъ извѣстной древности до сего времени, степень образованности вѣковъ и политическія обстоятельства народовъ всегда имѣли непрѣмное вліяніе на вкусъ: просвѣщеніе нѣжило чувствованія, а невѣжество усугубляло наслажденія; также въ бурныхъ временахъ и вкусъ бѣжитъ опъ дерзости, во дни же благоденствія самъ соцарствуюя увлекалъ за собою сердца и души.

Спранные Китайцы, робкіе Индѣйцы, отважные Вавилоняне, набожные Иудеи, скрытные Египтяне, гордые Персы, опкровенные, чувствительные Греки, простодушные Эпуряне, властлюбивые Римляне, непоколебимые Славяне, дерзкіе Ташары, корыстлюбивые Аравіяне, грубые Гошы, смѣлые Галлы и всѣ прочіе народы, упражняшіеся въ искусствахъ, всегда сообразно ихъ, образу жизни и свойствамъ имѣли различныя степени вкуса: такъ иногда и пѣнь онаго едва являлась примѣтною, нѣкогда онъ принималъ различныя виды въ фантастическихъ ме-

чтаніяхъ, также цвѣлъ и созрѣвалъ въ
 плодахъ идеала, попомъ вновь блуждалъ,
 чуждаясь разсудка, а въ послѣдствіи еще
 младенческиновалъ, юношескиновалъ, исче-
 залъ и появлялся съ странностями.

Такъ опъ самой глубокой древности въ
 различныхъ мечтаніяхъ вкусъ заблуждался
 между всѣми народами до прикосновенія
 Грековъ къ изящнымъ искусствамъ, въ
 Греціи попомъ и блиспалъ опъ Фидіаса
 до Праксипелля; уклонялся же болѣе и бо-
 лѣе къ упадку во дни владычества Рим-
 лянь надъ вселенною, упалъ во время ихъ
 развращенія, а почти исчезалъ во время
 варварскаго нашествія Аравіянъ, ски-
 пался въ Россіи съ нѣкопорыми Греками,
 когда гошическое безобразіе распростра-
 нилось по Европѣ до разогнанія онаго по-
 помъ возобновленіемъ всеобщаго просвѣ-
 щенія; а погда, сдѣлавъ нѣкопорые успѣ-
 хи въ Испаліи, вскорѣ вновь смѣшался по-
 дугошически, и во мракъ различныхъ
 предразсудковъ оставался до нѣхъ поръ,
 какъ во Франціи уже опринули всѣ ос-
 ташки гошическаго безобразія, гнѣздив-
 шіеся въ архишекшурѣ, смульпшурѣ, жи-

вописи, мимикѣ и въ прочихъ искусствахъ, а также и во всѣхъ украшеніяхъ, мебелихъ, посудѣ, уборкѣ головъ и одежды, устремаясь къ пупи, проложенному Греками въ древности: но къ сожалѣнію въ позже время и поскользнулся съ настоящаго пупи при случившихся намъ возмущеніяхъ народнаго духа, и въ необузданности пренебрегъ разсудительность, въ напыщеніи возгнушался простотою естественности, а изъ привычекъ и модъ въ людскія обыкновенія вкравшееся принужденное (манерное) влило во всѣ подражательныя искусства, кои тогда же возымѣли вліяніе на идеальствующія и произвольныя.

Сколь удобно моды переходятъ въ привычки, а привычки въ обыкновенія, и всѣ вѣдши имѣютъ вліяніе на подражательныя и прочія искусства, оцѣ которыхъ также бываетъ обратный переходъ: а иль сего видно, что манерное существуетъ не только въ искусствахъ, но и въ оригиналахъ; пошому что оцѣ моды происходяція привычки суть нѣчто принужденное въ самихъ людяхъ, что произхо-

дипль опть подражанія прихотямъ, заглушающимъ сердечныя чувствованія; такъ, на примѣръ, въ семъ смыслѣ бывающъ плодженія и выраженія шоновъ, не сообразныя лѣшамъ, полу, состоянію и проч. И такъ подражаніе не духу самой природы есть нѣчто принужденное въ людскихъ выраженіяхъ, угождающихъ прихотямъ вѣка. И весьма грубо ошибаются пѣ художники, кои, подобно угодливымъ Французамъ, не оидляя опть сердечныхъ оиглосковоъ разлитыя пришеворсшва, вкравшіяся въ обыкновенія, шаковыя выраженія вмѣщаютъ въ подражательныя искусства, не думая, что, и бравъ оныя образцы изъ людскихъ дѣйствій, они безобразны въ вкусѣ, и шолько по заблужденію вѣка получаютъ за то одобреніе.

Одинъ лишь истинный геній всегда имѣетъ самостоятельность постоянныхъ условій, сообразныхъ духу самой природы; его то великая душа никогда не рѣшилась угождать предразсудкамъ какаго либо вѣка, школы, или народа, для шого шолько, чтобъ имъ нравилась; онъ презираетъ ложныя рукоплесканія, зная

что одна лишь истина естествова, въ соединеніи съ идеаломъ, торжествовать должна неизмѣнно, во всѣхъ вѣкахъ, между образованными народами; а безъ сего нѣжнѣйшаго соединенія по, рашельныя искусство, бывъ неудовлетворительны, были бы недостойны наименованія изящныхъ. И сіи-то прекрасныя человѣческія занятія, въ противоположность постояннаго хода наукъ, имѣютъ непостоянное младенчество и возмужалость, а съ ихъ приходами и вкусомъ, является въ разнообразныхъ видахъ измѣненій.

Споль примѣчательная переменна степени вкуса явилась во Франціи въ то время, когда она уже давала поны всѣмъ прочимъ народамъ въ воспитаніи, въ модахъ и въ искусствахъ, изъ коихъ театральное, содѣлавшееся карикатурнѣе всѣхъ прочихъ, тогда же вмѣсто самой напury начало служить образцемъ прочимъ подражательнымъ искусствамъ; а сіи-то противоположность движеній и дѣйствій, сообразная возмущенію духу Французовъ, тогда къ рѣзкой ихъ живо-

сти, присоединя шѣнь прелести новомоднаго ихъ воспишанія, въ маскѣ красоты идеала, яв съ съ важнымъ поноу на сцену міра, въ шумѣ буйнаго торжесіва, увѣрила всѣхъ въ истинѣ лживыхъ ея законовъ.

И при всѣхъ успѣхахъ наукъ, чѣмъ тогда гордилась Европа, и при истинной цели искусства, къ коей тогда Французы вознамѣрились успремиться, ошиблись въ избраніи законовъ, принявъ нѣкоторыя значенія красоты однихъ за другія; а искусства, по несчастію предъ шѣмъ временемъ не имѣвшія ни истиннаго намѣренія, ни постоянныхъ правилъ, шумъ уже начали выражаться съ надменностію духа, и вмѣсто просныхъ естественныхъ чувствованій принужденное содѣвалось теоретическимъ; а сираниѣ всего шо, что и всѣ прочія европейскія академіи, не исключая и всѣхъ италіанскихъ школъ, послѣдовали одному и шому же духу; но изыщныя искусства, будучи весьма нѣжны, увидали сколько же ошъ ига горделивыхъ умствованій, сколько до шого были доведены ошъ недосмашка самой

разсудительности. И французская школа, до того времени не имѣвшая собственнаго своего характера, всегда бывъ увлекаема италіанскою, въ сіе время уже явила собственный стиль *рѣзкой*, исполненный крайностей, опротивившій все ихъ свойство и всѣ переменны онаго, бывшія во дни волненій буиного политическаго ихъ переворота.

Съ того времени продолжительные громы политическихъ ужасовъ, распространяясь болѣе и болѣе по Европѣ, не допускали миролюбивымъ искусствамъ образумиться въ ихъ заблужденіяхъ; попомъ, по умаленіи нѣкопрыхъ бурь, въ промежуткахъ отчаянія и надежды на постоянный миръ, спаршая сеспра изящныхъ искусствъ, совѣшувъ съ своимъ гениемъ, довела его до рѣшимости свергнуть сіи предрасудки, замедлявшіе успѣхи изящныхъ искусствъ. Тогда геній Кановы, подъ бою Прометею, исхитивъ пламенникъ у свирѣвующаго времени, воздвигъ жерпвенники Мисервѣ и Аполлону. Вдохновенный ими, онъ коснулся граціи, любившей Праксиселла; и вдругъ она яви-

лась одушевленной въ его произведеніяхъ. Скульптура въ воспоргѣ побѣжала возбуждать и прочихъ дѣпей своихъ, дабы они воспѣшали шестпованъ пупемъ, по коему лѣпали греческіе гении; но удары, громившіе Европу, исхлщали ихъ изъ ея обьяшій до шѣхъ поръ, пока самъ миръ вооружился прошиву всѣхъ ужасовъ войны.

Упихли бури, перуны угасли, наспушила заря злапаго вѣка, благоденствіе эзошло на шронъ, и мирныя искусствва ободрились. Тогда живопись, съ ревностію взирая на успѣхи скульптуры, устыдась ея преимуществва, начала убѣждать и своихъ дѣпей возстать прошивъ предразсудковъ, увлечь ихъ за собою; и вдругъ общій духъ овладѣлъ и всѣми прочими искусстввами прошивопоставилъ приужденному силлю еспественный, коего свойство есть проснопа, собразная благоденствію мира, коимъ любилъ наслаждаться доброе чел. вѣчесиво. Но и при семъ превосходномъ намѣреніи, также не основательно обдумэвъ, художники ложно приняли сіе качество красоты, прибѣгнувъ къ проснопѣ площадной, слѣдова-

вапелно къ манерной же, соушя, что только нероверканье и некривлянье уже и еспь совершенство сего качества; и такимъ образомъ подражательныя искусства отъ одной крайности вдругъ перешли къ другой; но еспь: предъ шѣмъ своею предписывало законы самой природы, а шуть уже уничтоженіе, извлекши изъ нея безъ выбора нѣкоторыя случайныя, представило ихъ искусствамъ, и всякая уредливоспъ, случяющаяся въ натурѣ, начала служить образцемъ для подражанія и въ особенноти съ крайностию бытъ производима и одобряема всѣми нѣмецкими школами, кои до энтузіазма помѣшались въ своемъ духѣ гошцизма, прошивоположнаго галицизму Французовъ, коихъ живыя чувства, спремясь къ красотамаъ, не достигали ихъ въ точности пошому, что разумокъ осшаваясь въ превебреженіи у всшревоженныхъ сильныхъ чувствованій; а у Нѣмцевъ излишне спротій хладный разумокъ возхощѣлъ-было пошущить нѣжнѣйшія чувствованія, пламеняющія къ прелестямъ природы: и такъ у однихъ царствовало необузданная чув-

спвишельность, а у другихъ возхоптъ въ воцарипся разсудокъ оледенѣлый; но хладныя сердца прошивны вкусу.

Вошь двѣ крайности, двухъ противоположныхъ свойствъ, готовившія шорже-ство нѣжнѣйшему содружеству чувствительности съ разсудкомъ. Вошь два прекрасныя намѣренія, ложно принятыя однако жъ бывшія полезными для послѣдствій, когда нѣкоторыя онличныя дарованіями художники другихъ народовъ, познавъ очевидное заблужденіе, обратили къ наспоющей цѣли и спали соблюдать истинныя законы, съ надлежащею мѣрою, сообразно духу природы.

Одна и шаже природа, при истинныхъ, или ложныхъ законахъ и цѣляхъ, весьма различно предспавляется человѣческому взору: споль образованность вкуса различно дѣйствуетъ и на самыя таланты! А какъ перемѣны образа мыслей и чувствованій производяпъ перемѣны въ спилыхъ и во вкусъ, и одинъ талантъ пробуждаетъ другой; такъ и одно искусство имѣетъ вліяніе на другое, подражательныя же на идеальствующія и произ-

вольныя, и всѣ вообще имѣютъ непремѣнный переходъ въ привычки, обращающіяся въ обыкновенія, обряды и во всѣ роды уборовъ и одѣяній, равно какъ и сіи въ свою очередь отражаются въ произведеніяхъ искусствъ. Теперь уже есть нѣкоторыя паланины, кои, шествуя наспоющимъ путемъ, начинаютъ способствовать процвѣтанію изящныхъ искусствъ, коимъ благопріятствуетъ благоденствіе, миролюбіемъ возвращенное.

Между народами всегда существуютъ дарованія, а между паланинами, хотя и не часто, но являюся гены. Ихъ-то ни нужда, ни изобиліе не могутъ возбуждать къ занятіямъ. Они, безъ сильнаго воспора будучи неподвижны, дремлютъ въ неизснѣнности. И одни лишь великія событія, не равнодушны и безприсрасны, могутъ одушевлять, пищать, наслаждать и возбуждать ихъ къ великимъ предпріятіямъ. Они одни ни въ чемъ не знаютъ трудности. Для нихъ все легко, кромѣ одного только желанія. Когда же пробужденный духомъ геній озираетъ вселенную, то для него въ ней нѣтъ ничего не

обозримато, и непоспимжимое уму поспигаешъ его воображеніе, а высочайшее въ идеалѣ, выражаясь въ его произведеніяхъ, восхищешъ народы и изумляешъ вѣки!

Беспспрерывныя народныя беспспокойспва и войны увлекали и мирныя испкуспва къ бѣшпемспву. Спокойный миръ опспвлекъ оныя къ проспшопѣ; она повела къ прелеспшамъ, кошорыя ведутъ къ прочимъ красопшамъ и совершеспшву; съ церемѣною же оныхъ и вкусъ принимаешъ иную спшепенъ, иной видъ, а съ нимъ и испкуспва различныя спшили, сообразныя образу мыслей часпсныхъ и общихъ.

Древніе законодательи и философы, проникая, что испкуспва сильно дѣиспвуютъ на душу и сердце челошѣческое, посредспвомъ оныхъ привлекали дикихъ людеи къ общеспвенной жизни, и шакимъ образомъ, спмягчая нравы хищныхъ варваровъ, содѣлали ихъ миролюбивыми и пошпомъ образованными гражданами. И Орфей не испкуспвомъ ли поэзіи привлекалъ дикихъ къ вниманію нравспвенности; шакже какъ и Пиаагоръ не посредспвомъ ли

музыки направлять души своихъ учениковъ къ вниманію высочайшей мудрости? И цѣль всѣхъ художествъ не есть ли привлечь сердца къ впечатлѣнію, примѣровъ, достойныхъ подражанія?

Сколько великихъ дарованій, сколько вѣрныхъ жернивъ исчезаетъ въ желѣзныхъ вѣкахъ опъ меча войны, и сколько безвозвратно испребляется трудовъ, готовленныхъ для пользы рода человеческого! Но все человѣчество блаженствуетъ во дни мира.

Внутреннія и внѣшнія безпокойства и войны все испребляютъ; одинъ лишь шолько миръ все шворитъ. И сему благодѣтельному божеству не должны ли быть посвящены и всѣ отличные шруды геніевъ всѣхъ искусствъ?

Вѣки Перикловъ, Александровъ и Медичи, въ исторіяхъ искусствъ, именно шакъ названы потому, что они способствовали процвѣтанію оныхъ; шпо и сей вѣкъ да наименоуется Александровымъ потому, что благоденствіе мира причиною успѣховъ всѣхъ искусствъ! А не Онъ ли виновникъ и самаго благоденствія сего?

И такъ всё искусство да возпоютъ, воз-
величаютъ и ублажаютъ память швердаго,
миролюбиваго, благословеннаго!

Геніи, посылаемые небесами на зем-
лю увѣковѣчивать достойное памяни, ко-
ихъ вымысламъ нѣшь предѣловъ, наодра-
жаемые, оригинальные, образцовые, вели-
чайшіе въ высочайшихъ предпріятіяхъ
изящныхъ искусствъ, кои спяжаеи себѣ
безсмертіе самымъ невиннымъ образомъ,
достойнымъ чловѣка, поражающіе всё
умы своимъ небеснымъ воображеніемъ,
безпримѣрно възпѣвая и величая великихъ,
ублажая достойныхъ и упѣшая несчаст-
ныхъ, радуйшесь, что во дни благоден-
ствія васъ повсюду ищущъ! Едва не
умолимая смерть исхишишь изъ людей
существо, пекшееся объ ихъ благополучіи,
и соимъ велегласныхъ воиешъ къ н бе-
самъ объ ихъ горести. Непоспѣжимый,
внемя гласу ихъ, творишь васъ вдохно-
венными производишь чудеса. Едва ко-
снешесь камня, или мешалла, шо похи-
щенный смертію явился предъ безу-
пѣшными: слезы осушатся; пролетяишь
дни, годы и вѣки, истребашся шысящи

Часъ XXX. Кн. III.

яг

поколѣній и царствъ, но ваши произведенія сберегаешь и самое свирѣпѣющее время.

Люди, любящіе память оказывающихъ услуги роду человѣческому, лелеишь при жизни и шѣ дарованія, которыя вамъ посылають небеса для вашихъ успѣшеній, и для привлеченія вниманія позднѣйшихъ вѣковъ, кои изумляя, сіи гени изящныхъ искусствъ невольнымъ образомъ останавливаютъ на шомъ пунктѣ, на которомъ вы желали, чшобъ равнодушіе исчезло.

Скульпторъ Михаилъ Крыловъ.



О В Ъ

ИСКУСТВЪ УЧИТЬСЯ.

Думай чаще, любезный другъ, о томъ, для чего ты занимаешься науками; тогда не будешь ни слишкомъ бѣднымъ въ познаніяхъ, ни слишкомъ обремененъ себя ими. Пусть избранная тобою цѣль будетъ твоею звѣздою путеводительницею. Она не только доставитъ тебѣ средства избавишься отъ поспыдныхъ заблужденій и пороковъ, но и предохранитъ отъ нихъ.

Примись за ученіе съ свободнымъ духомъ, и избирай изъ каждой науки только лучшее и для тебя полезнѣйшее, а прочее оставь для другихъ, не презирая ничего. Цѣлю своею никогда не должно быть (чего и не пошребуютъ) превосходство предъ другими въ познаніяхъ, но у-

крашеніе и упражненіе ума. Присоединяя свои опыты къ опытахъ другихъ: это очистишь, обогатишь и утвердишь правила свои, которыми вѣрнѣе будешь руководствоваться, и со временемъ разпространишь кругъ своихъ дѣйствій къ общей пользѣ.

Я не устращусь, если ты, много обѣщающій другъ мой, сослავишь себѣ блестящій идеаль того, что въ послѣдствіи предпримешь для своего образованія, чѣмъ ты особенно бышь хочешь, и если примешься за трудъ съ энтузіазмомъ: цѣль, къ которой ты стремишься, должна бышь велика.

Она шолько въ свои лѣта полезна и почти необходима, если ты хочешь подвинуться впередъ. Она будетъ поощрять тебя; и хотя бы казалось, что она удаляется отъ тебя, не смотря на то, ты гораздо болѣе успеешь, нежели шѣ; которые занимающа шолько для снисканія куска хлѣба.

Я не даю много правилъ въ разсужденіи чпенія. Да ихъ и не исполняютъ. Ограничусь шолько слѣдующими: чишай важныя

книги, особенно классическія и историческія писателей, и при началѣ ученія не иначе, какъ съ перомъ въ рукѣ; записывай все то, что покажется тебѣ достойнымъ вниманія, преимущественно собственныя мысли, которыя родятся при чтеніи; лучше записывай ихъ подѣ какимъ нибудь заглавіемъ, чтобъ послѣ легче можно было отыскать; приведи ихъ въ систематическій порядокъ. Это не только облегчаетъ способы въ сочиненіи, пріучаетъ умъ ко вниманію и размышленію, но приготавливаетъ сокровище поучительныхъ замѣчаній, которыя весьма тебѣ будутъ полезны въ обыкновенной жизни и особенно для здраваго разсужденія о предметахъ.

Пріучайся послѣ каждаго умнаго чтенія пересказывать себѣ другими словами то, что прочелъ, и что выучилъ. Гдѣ невозможно, какъ въ терминологіи, пересказать другими словами мысль, или по крайней мѣрѣ ея слѣдствія, это доказываетъ, что сочиненіе заключаетъ одну игру словъ.

Если ты не хочешь особенно усовершенствоваться въ одной отрасли наукъ,

шо разнообразь чтеніе: переходи ошь историческихъ писателей къ философамъ, ошь философовъ къ моралистамъ, поэтамъ и шакъ далѣе, чшобъ избѣгнушь однообразія и узнашь различные способы изложенія мыслей.

Книгамъ важнаго содержанія, кошорыя читаешь для шого, чшобы научишься, посвящай самыя лучшіе часы дня, а шѣмъ, кошорыя служатъ шолько для удовольствія, одни оспальныя. Какъ бы ни показалось обыкновеннымъ это правило, шѣмъ не менѣе должно помнишь его. Говоря справедливо, люди большею частію, почти совсѣмъ не читають для науки, но единственнѣ для препровожденія времени; а какъ шакое чтеніе требуетъ большаго разнообразія, шо рѣдко оспадается въ головѣ чшо либо дѣльное, или въ шу же минуу вышѣсняется и исребляется другими мыслями.

Разсмапривай всякую книгу исторически, ш. е. какъ произведеніе другой го вы, и изслѣдывай справедливость основныхъ правилъ и послѣдшвій ихъ. Это освободитъ тебя ошь рабскаго подража-

нія, [которое, принимая мнѣнія всѣхъ, перешь свое собственное. Только шѣ писатели достойны изученія, которые были выше своего вѣка, и, не бывъ ошъ того несправедливыми къ его преимуществамъ, знали и удѣли цѣнить его недоспашки, предразсудки и вообще приняшыя и любимыя мнѣнія его, сдѣлавшыяся основными правилами. Они одни писали для потомства, и приготовили уже по, что ему оставалось только пояснить. Такіе люди, хотя обыкновенно и мало уважающіяся они во мнѣніи значительныхъ литераторовъ, одни спрудятся для вѣка; прочіе служатъ къ одному удовольствію.

У нихъ-то ищи прежде всего главной мысли, которая у всякаго есть оригинального писателя. Она его собственное швореніе, изъ котораго происпашаетъ все послѣдующее, и рѣже являющя въ позднихъ лѣпахъ сочинителя. Она встрѣчается на первыхъ листкахъ, и спребуешъ прилѣжнѣйшаго и постепеннаго изученія. Послѣ сего сужденіе о послѣдствіяхъ покажетъя тебѣ легкимъ, а изученіе такой головы и про-

изведеній ея будешь поучительнымъ и полезнымъ для ума своего. Люди думаютъ разна. Мысли наши стремятся всегда къ какой нибудь почкѣ. Такая система, хопя и кажеться намъ истиной, для другаго не законъ. Она часто ослѣпляетъ и самихъ насъ. Если хопимъ сохранить собственность; по не должны слишкомъ довѣрять и величайшимъ писателямъ: только слабыя души дѣлаются рабами чужихъ мнѣній. Наконецъ совѣтую тебѣ, какой бы наукѣ шы ни учился, читайшь только классическихъ писателей, которые сдѣлали въ ней эпоху, или въ важнѣйшихъ частяхъ оной занимались съ особеннымъ счастьемъ и сои атоге. Почти въ каждомъ художествѣ, въ каждой наукѣ есть шакіе гении, которые, шакъ сказано, были въ нихъ преобразователями. Изъ сихъ источниковъ почерпающа онѣ во всей ясности своей, и изслѣдованіе, какимъ образомъ составились въ нихъ великія мысли, шоль же приятно, какъ и наставительно. Но шы еще успѣешь узнать, какъ послѣдующія за ни-

ми времена ихъ разбирали, распространяли и улучшали.

Какъ для собственнаго украшенія ума, такъ и для успѣха въ сочиненіяхъ весьма будешь тебѣ полезно заблаговременно привыкать къ легкому и порядочному выраженію мыслей. Я совѣтую любезный другъ, почаще занимаешься сопоставленіемъ собственныхъ сочиненій. До шѣхъ поръ оспаяющія мысли наши въ шуманѣ, пока мы не выговоримъ или не напишемъ ихъ, а мы собственно только то знаемъ, что ясно выразить можемъ. Тогда мысли наши получаютъ опредѣленное назначеніе, и спановящаяся внашнѣ, яснае для самихъ насъ. Одно приобретаеца разговорами, другое уединеннымъ размышленіемъ.

При началѣ старайся, чтобы не ускользнула отъ тебѣ новая мысль, которая собственно въ тебѣ родилась, или которую слышалъ отъ другихъ, прежде, нежели выразишь ее со всевозможною ясностію и красотою: ты увидишь, какъ далеко уведешь тебѣ въ короткое время такое прилѣжаніе. Кажется, что нѣко-

порыя счастливыя мысли родятся въ насъ только однажды въ жизни: онѣ точно вдохновеніе. А кому шагосно записатьъ, обозрѣть и изслѣдовать сіи мысли, пошъ недоспоинъ и имѣшь ихъ когда нибудь.

Когда ты захочешъ составить нѣчто цѣлое, то прежде всего надобно приготоовишь и обдумаешь планъ. Онъ, какъ и всякое начало, самый трудный предметъ; но когда уже онъ готовъ, то трудъ въ половину совершенъ. Не пиши ни одного слова, пока планъ совершенно не покажется тебѣ яснымъ, внятнымъ, и швердымъ во всѣхъ его главныхъ частяхъ. После принимайся писать въ логическомъ порядкѣ. Такое упражненіе непримѣтно пріучишь себя къ правильному логическому сужденію. Когда же не послѣдуешь сему правилу, и спанешь записываешь все шю, что тебѣ придетъ въ голову; тогда изъ эшаго выйдеть только наборъ словъ, и никогда не будетъ порядка въ швоихъ сочиненіяхъ. Когда же планъ будетъ написанъ прежде, нежели совершенно ты его обдумаешь, то ошь сего онъ шакъ

сильно впечатлѣнешь въ себя, что послѣ очень шрудно будешь дать ему лучшую форму, или перемѣнишь его. Мысли получаешь уже нѣкоторое направленіе, не върный періодъ съ шрудомъ перемѣняешься, и шѣмъ часто обезображивается цѣлое сочиненіе и получаешь ложный оборотъ. Однимъ словомъ, планъ должно обдумывать болѣе всего.

Когда же онъ совершенно ясенъ, тогда предайся всей пылкости воображенія; старайся быстро начертать все сочиненіе, не привязываясь рабски къ опредѣленнымъ часамъ. При исполненіи должно обращать вниманіе на силу и энергію. Если при первомъ начертаніи не успѣешь въ нихъ, то никакія прикрасы не помогутъ. Тогда оставь работу на нѣкоторое время, и примись за другую, до шѣхъ поръ, пока первая совершенно не выйдешь изъ головы. Послѣ можно будешь (я предномагаю, что ты сдѣлалъ уже нѣкоторый шагъ въ познаніяхъ) приступишь къ поправкѣ. Тогда собственное сочиненіе швое покажется тебѣ новымъ, и развлеченный глазъ пошчасъ

увидишь ошибки. Поправка должна быть медленна, обдуманна и рачительна, даже въ самыхъ мѣлочахъ правописанія.

Я сравниваю хорошее сочиненіе съ человѣческимъ шѣломъ. Оставъ, соединяющій, содержащій все, жилы, связывающія члены, сокрышы; самая сила крови дѣйствуетъ невидимо: но сколь прелестно цѣлое! Какъ оно твердо, какъ величественно, какъ согласно, и какъ нравишься взору! Конечно можно замѣшишь сусшавы; но соединенія ихъ шакъ сокрышы подъ шѣломъ, что никакъ нельзя увидѣшь, гдѣ одинъ оканчивается, а другой начинается. Равно и въ сочиненіи: почти всѣ отдѣльные часши внутри должны быть шѣсно соединены, а планъ, ш. е. оставъ всего, скрытъ.

Знающій это искусство, украшающее человѣческой разумъ и раскрывающее шворческую его силу, умѣеть шакже оживишь и самыя сухія науки, содѣлашь ихъ легкими для разума, пріяшными для чувствъ и поучительными для чшашелей. Вообще никакая наука не суха. Однимъ шолько безчувственнымъ людямъ, зани-

мающимся науками какъ ремесломъ и безъ истинной выгоды, кажущаяся онѣ сухими. Науки можно сравнить съ природою, въ кошорой и малѣйшая частичка исполнена сока, духа, жизни и пользы.

Изъ Мюллера Б. И.



С М Ъ С Ъ.

О В Ъ И З Д А Н І И

Ж У Р Н А Л А

И М П Е Р А Т О Р С К А Г О

Ч Е Л О В Ъ К О Л Ю Б И В А Г О О Б Щ Е С Т В А.

Журналь Императорскаго Человѣколюбиваго Общества въ началѣ сего 1825 года, по особеннымъ вѣспрыпавшимся обстоятельствомъ, не былъ издаваемъ. Благосклонная однако Публика не преснавала присылать подписокъ на оный. Комитетъ по учебной части онаго Общества, желая удовлетворить ожиданію Г.Г. Пренумерантовъ и продолжая трудъ свой въ распространеніи свѣдѣній о дѣлахъ и предметахъ человѣколюбія и благошворительности, предположилъ продолжая издачіе сего Журнала съ прошедшаго Іюля мѣсяца.

Цѣль онаго состоитъ въ томъ, чпо бы, сообщая, какъ опечесивенной, такъ и иностранной публикѣ извѣстія о существую-

щихъ издавна и въ новѣйшее время открываемыхъ разнаго рода благошворительныхъ заведенійхъ и открытіяхъ, показать приемлемыя въ семь отношеніи Правительствами и частными людьми дѣятельныя мѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить отъ забвенія подвиги прежнихъ и современныхъ благошворителей.

Журналь сей будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій:

I. Литература благошворительности и нравоченія.

II. Благошворительныя заведенія и открытія.

III. Общепародное врачеваніе.

IV. Оффиціальныя и другія извѣстія по части благошворенія.

Въ первомъ отдѣленіи будутъ помѣщаемы:

Жизнеописанія благошворителей челоѣчества — Нравочительныя сказы, почерпнутыя изъ разныхъ Христіанскихъ Писателей. — Разсужденія, имѣющія благошворную цѣль и клонящіяся къ искорененію въ народѣ предрасудковъ, вредныхъ для здоровья и нравственности. — Поучительныя повѣсти. — Извѣстія о древнихъ и новѣйшихъ соиненіяхъ по части благошворенія, извлеченія изъ оныхъ, разборъ и сужденія.

Во второй:

Теоретическія и практическія свѣдѣнія объ устройствѣ благотворительныхъ заведеній и учреждений. — Описанія школьныхъ заведеній и учреждений въ Россіи и въ другихъ государствахъ существующихъ и впредь открываемыхъ. — Объявленія о новыхъ изобрѣшеніяхъ, клонящихся къ облегченію страждущаго человечества. — Статьи о нравственномъ образованіи юношества, въ особенности бѣднаго сословія.

Во третьей:

Мѣры къ сохраненію жизни человѣческой и здоровья вообще, и въ особенности въ благотворительныхъ заведеніяхъ. — Средства предупреждать болѣзни и врачевать оныя простыми и для всѣхъ удобными способами. — Діететическія наставленія касательно воспитанія дѣтей. — Наставленія возвращать жизнь мнимоумершимъ, утопшимъ, замерзшимъ, въ обморокъ находящимся и проч. — Описанія учрежденныхъ для сего заведеній и новоизобрѣшенныхъ снарядовъ.

Во четвертой:

Постановленія Заведеній вѣдомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и по благотворительной части вообще. — Отчеты помянутыхъ Заведеній о суммахъ и дѣйствіяхъ оныхъ. — Извѣщенія о семействахъ и лицахъ, впадшихъ по разнымъ не-

счастливымъ приключеніямъ въ крайнее бѣд-
сшвіе и, кромѣ доставляемаго имъ ошъ Об-
ществу самонужнѣйшаго вспоможенія, заслу-
живающихъ чрезвычайную помощь.

Доброхошныя пожертвованія въ подкрѣ-
пленіе дѣйствій сего Общества, адресующся
на имя Совѣща онаго. — Извѣщенія о семей-
ствахъ и лицахъ, находящихся въ крайнемъ
положеніи и шребующихъ особ. нной помощи
опъ благотворительной Публіки, могутъ
быть присылаемы въ Комишешъ по ученой
части Императорскаго Человѣколюбиваго
Общества, которой, при соблюденіи посма-
новленныхъ правилъ, не преминетъ помѣ-
спити оныя въ издаваемомъ имъ Журналь.
Ему пріятно бытъ, въ шаковомъ случаѣ, по-
средникомъ между несчастіемъ и благотвори-
тельностью; — и какъ бывають случаи, въ
которыхъ бѣдныя не могутъ дѣлать гласнымъ
своего имени, то и въ семъ отношеніи со-
блюдено будетъ надлежащее приличіе. Закон-
ная воля благотворителей всегда будетъ свяшо
исполняема.

Комишешъ приглашаетъ ГГ. Членовъ
своихъ Корреспондентовъ, такъ же врачей,
начальствующихъ надъ благотворительными
заведеніями и всѣхъ просвѣщенныхъ друзей
человѣчества, участвовать въ его шрудахъ
доставленіемъ своихъ наблюденій, сочиненій
и переводовъ. — Всѣ шаковыя спашы Коми-
Часшъ XXX. Кн. III.

тесть приметъ съ признашельностію, и при соотвѣстствіи ихъ предположенной цѣли, помѣстятъ оныя въ своемъ изданіи. Комитетъ употребитъ все стараніе сдѣлать оное сколько можно занимательнымъ и полезнымъ для читателей.

Каждый мѣсяць, начиная съ Іюля, будетъ выходить одна книжка, заключающая въ себѣ шесть и болѣе печатныхъ листовъ; три таковыя книжки составятъ часъ. Цѣна сему Журналу, за полугодное изданіе, здѣсь въ С. Петербургѣ и во всѣхъ городахъ Россіи, съ доставленіемъ, 15 р. Впрочемъ благошворительнымъ особамъ продскаиваемся вносить и болѣе означенной суммы для предметовъ человеколюбія. Особы, благоволившія внести уже въ семь году деньги на цѣлое годовое изданіе, если имъ угодно, могутъ быть удовлетворены Журналомъ въ слѣдующемъ 1826 году, по количеству присланной ими суммы, или оставшая можетъ быть имъ возвращена, по ихъ требованіи.

Подписка здѣсь къ С. Петербургѣ принимается въ Комитетъ по ученой части Императорскаго Человеколюбиваго Общества, состоящемъ въ домѣ вѣдомства оного Общества на Литейной ежедневно съ 8 до 10 часовъ по утру и съ 6 до 9 часовъ послѣ обѣда, такъ же у книгопродавцевъ Сень-

Флорана, Слѣнина, Свѣшниковъ и Глазунова. Иногородныя особы благоволять оиносинься съ прѣбояніями прямо въ помянутый Комишеть. Въ помъ же Комишетѣ можно получашъ Журналь сей за прошлые годы съ 1818 по 1824, — цѣною по 25 р. за годовое изданіе.

О Г Л А В Л Е Н І Е Т Р И Д Ц А Т О Й Ч А С Т И.

Н А У К И.

	<i>Стран:</i>
1. Опытъ исторіи Ияновъ - - -	3.
2. О разложеніи рациональныхъ дробей 199.	199.
3. О вліяніи военныхъ наукъ на образъ войны въ Европѣ - - - - -	225.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

4. Песнь - - - - -	42.
5. День извощика - - - - -	59.
6. Нѣсколько дней въ Аѳинахъ - - -	74.
7. Характеръ истиннаго друга - - -	95.
8. О нѣжности вкуса и спрасшей - -	113.
9. О предубѣжденіяхъ - - - - -	120.

10.	Вѣгъ на колесницахъ	-	-	-	133.
11.	Описаніе Кадикса	-	-	-	139.
12.	Неудача	-	-	-	161.
13.	Разсужденіе объ измѣненіяхъ вкуса и о духѣ современныхъ художниковъ	-	-	-	306.
14.	Объ искусствѣ учиться	-	-	-	323.

П О Э З І Я.

15.	Гайдамакъ	-	-	-	97.
16.	Новый годъ	-	-	-	105.
17.	Мирко Краевичъ въ шемницѣ	-	-	-	169.
18.	Владѣтельница волшебнаго хрусталька	-	-	-	177.
19.	Желаніе славы	-	-	-	299.
20.	Хоръ	-	-	-	301.
21.	Пѣснь Фингала на развалинахъ Бал- клушы	-	-	-	303.

С М Ъ С Б.

22.	Литературныя новости	-	106 и	211.
23.	Объявленіе	-	-	224.
24.	Объ изданіи журнала ИМПЕРАТОР- СКАГО Человѣколюбиваго Общества	-	-	334.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Н А У К И.

1. О вліяніи военныхъ наукъ на образъ войны въ Европѣ - 225.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

П О Э З І Я.

2. Желаніе славы - - - - - 299.
3. Хорь - - - - - 301.
4. Пѣснь Фингала на развалинахъ Балклушы - - - - - 303.

П Р О З А.

5. Разсужденіе объ измѣненіяхъ вкуса и о духѣ современныхъ художниковъ - - - - - 306.
6. Объ искусствѣ учишься - - - 323.

С М Ъ С Ь.

7. Объ изданіи журнала ИМПЕРАТОРСКАГО Человѣколюбиваго Общества - - - - - 334.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Пешербургъ, Іюнь 1 дня, 1825 года

Цензоръ Ст. Сов. и Кавалеръ
Ал. Бирюковъ.